

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

ТОМ 25 • №2 • 2019 ГОД

Подписной индекс 78535
ISSN 2542-0445

Subscription Index 78535
ISSN 2542-0445

**ВЕСТНИК
САМАРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

- *История*
- *Педагогика*
- *Языкознание*

**VESTNIK
OF SAMARA
UNIVERSITY**

HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

- *History*
- *Pedagogics*
- *Linguistics*

Том 25 • № 2 • 2019 ГОД

VOL. 25 • № 2 • 2019

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 — с новым названием
Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год*

MAGAZINE FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Samara National Research University» (Samara University)

eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN

*The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.
On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific
results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from 23.06.2017 with new title
Journal is published since 1995. It is published 4 times a year*

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.
Тел.: +7(846) 3345406, 3379954
E-mail: dubmane@mail.ru
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название —

Вестник Самарского государственного университета,
ISSN 1810-5378

0+

Цена свободная

Подписано в печать 28.06.2019.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 20.

Тираж 200 экз. (первый завод — 50 экз.). Заказ №

Центр периодических изданий Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Отпечатано в типографии Самарского университета
443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Авторские статьи не обязательно отражают
мнение издателя.

© Самарский университет, 2019

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street,
Samara, 443011, Russian Federation.
Tel.: +7(846) 3345406, 3379954

E-mail: dubmane@mail.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Literary editing, proofreading

Т.А. Murzinova

Computer makeup, dummy

Л.Н. Zakonova

Information in English

М.С. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media
PI № FS 77-67842 from 28.11.2016 is given by the Federal
Service for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media.

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 78535

ISSN 2542-0445

The former title —

Vestnik of Samara State University,
ISSN 1810-5378

0+

Free price

Passed for printing 28.06.2019.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 20.

Circulation 200 copies (first printing — 50 copies). Order №

Centre of Periodical Publications of Samara University
312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Russian Federation.

Printed on the printing house of Samara University
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Author's articles do not necessarily reflect
the views of the publisher.

© Samara University, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Алматы, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Москва, Институт российской истории РАН, Российская Федерация)

Брюс У. Меннинг, доктор истории, профессор (Лоренс, Университет Канзаса, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация)

Андрей Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Теннесси, Университет Мемфиса, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самара, Самарский социально-гуманитарный университет, Российская Федерация)

Анна Мантарова, д-р социол. наук (София, Институт изучения обществ и знания, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий (Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Игорь Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Бенджамин Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Талса, Колледж искусств и науки Генри Кенделла, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Андреас Эббингхаус, д-р филол. наук, профессор (Вюрцбург, Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Германия)

Галина Синекопова, PhD, профессор (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

Н.А. Тупилова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоград, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация)

Editorial board

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Almaty, Eurasian National University, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Bruce W. Menning, PhD in History, professor (Lawrence, University of Kansas, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Ekaterinburg, Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

Andrei Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (Tennessee, University of Memphis, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation)

Anna Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Sofia, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy of Higher School and Modern Educational Technologies (Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, Samara, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

Igor Klyukanov, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

Bendzhamin Piters, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Tulsa, Henry Kendall College of Arts and Sciences, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

Andreas Ebbingkhaus, Doctor of Philological Sciences, professor (Würzburg, Julius-Maximilians University of Würzburg, Germany)

Galina Sinekopova, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd, Volgograd State University, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Матвеев М.Н., Турганова О.В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством	7
Дубман Э.Л. Ясачные крестьяне Казанского края в Южном Средневолжье: (к вопросу о специфике колонизационных процессов во второй половине XVII в.)	13
Безгина О.А. Кооперативное большинство и лидеры кооперации в политических процессах начала XX века	24
Мкртчян Л.Г. Армянские беженцы в Самарском крае в 1915–1920-е гг.	30
Мозохин О.Б. Контроль Политбюро ЦК ВКП(б) за ведением политически значимых уголовных дел в судах общей юрисдикции	36
Гоманенко О.А. Начало войны: навигация 1941 года на реках европейской части СССР	42
Кондрашин В.В., Селеменев В.Д. Помощь союзного центра Белорусской ССР в восстановлении сельского хозяйства в 1943–1945 гг.	48
Аблажей Н.Н. «Путешествие» в Кузькино: история детей русских эмигрантов из Югославии, вывезенных в СССР после Второй мировой войны	55

ПЕДАГОГИКА

Голенков С.И. Философия как инструмент рефлексивной деятельности студентов	64
Филипченко С.Н. «Патриотическая культура» как научная категория	71
Калмыкова Д.А., Соловова Н.В. Готовность преподавателя вуза к управлению знаниями	76
Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование	84

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Анисимова А.Г., Павлюк М.И. К вопросу об изменении объема значения консубстанциональных терминов гуманитарных и общественно-политических наук	89
Капусткина Е.С. Социолингвистические маркеры образа гувернантки викторианской эпохи (на материале романов сестер Бронте)	95
Проскурнина Л.В. Принцип двоемирия как отражение дихотомии <i>свои / чужие</i> в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом»	100
Шевченко В.Д., Писарева А.Г. Специфика коммуникации в спортивном интернет-дискурсе	109
Мальшева М.С. Историческое событие как точка пересечения дискурсивных формаций	116
Щекочихина М.А. Возникновение науки палеографии: описание письма в трудах Даниэля Папелброха и Жана Мабильона	124
Миронова Е.А. Специфика реализации генетически соотносительных праславянских рефлексов в Первой челобитной протопопа Аввакума	129
Важдаева Е.А. Косвенные способы презентации качества товаров и услуг в рекламном тексте	138
Шеховская Ю.А., Перетягко А.В. Соматическая метафора (на материале английского и испанского языков)	146

РЕЦЕНЗИИ

Барина Е.П., Леонов М.М. Рецензия на кн.: Мистрюгов П.А. «Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны» (Самара: СамНЦ РАН, 2018. 300 с.)	153
Харьковская А.А. Рецензия на монографию Елены Олеговны Менджерицкой «Дискурссфера печатных СМИ: игра на выживание» (М.: Издательство «МАКС Пресс», 2017. 312 с.)	157
<i>Требования к оформлению статей</i>	160

CONTENTS

HISTORY

Matveev M.N., Turganova O.V. Historical and legal aspects of introduction of volost zemstvo by the Interim government	7
Dubman E.L. Yasak peasants of the Kazan Region in the Southern Middle Volga Region (to the question of the specifics of colonization processes in the second half of the XVII century)	13
Bezgina O.A. Cooperative majority and leaders of cooperation in the political processes of the early XX century	24
Mkrtchyan L.G. Armenian refugees in the Samara Region in 1915–1920-ies	30
Mozokhin O.B. Control of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) over the conduct of politically significant criminal cases in courts of general jurisdiction	36
Gomanenko O.A. Beginning of the war: the 1941 navigation on the rivers of the European part of the USSR	42
Kondrashin V.V., Selemenev V.D. Assistanse of the Union center to the Belorussian SSR in restoration of agriculture in 1943–1945	48
Ablazhey N.N. «Journey» to Kuzkino: a history of the children of Russian emigrants from Yugoslavia removed to the USSR after the World War II	55

PEDAGOGICS

Golenkov S.I. Philosophy as an instrument of students' reflexive activity	64
Filipchenko S.N. «Patriotic culture» as a scientific category	71
Kalmykova D.A., Solovova N.V. Readiness of a university teacher to knowledge management	76
Strekalova N.B. Risks of digital technologies implementation into education	84

LINGUISTICS

Anisimova A.G., Pavlyuk M.I. Semantic derivation of consubstantial terms of the humanities, social and political sciences	89
Kapustkina E.S. Sociolinguistic markers of a governess's image in the Victorian age (in novels by the Brontë sisters)	95
Proskurnina L.V. Principle of world duality as a reflection of the dichotomy of us / them in the novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House»	100
Shevchenko V.D., Pisareva A.G. Peculiar features of communication in the sports internet-discourse	109
Malysheva M.S. Historic event as an intersection point of discursive formations	116
Shchekochikhina M.A. Advent of palaeography: Daniel Papebroch and Jean Mabillon in depicting things behind writing	124
Mironova E.A. Specifics of implementation of genetically correlated pre-Slavic reflexes in the First petition of Avvakum	129
Vazhdaeva E.A. Indirect methods of presenting high-quality goods and services in an advertising text	138
Shekhovskaya Yu.A., Peretyatko A.V. Somatic metaphor (case study of the English and Spanish languages)	146

REVIEWS

Barinova E.P., Leonov M.M. Review on the monograph: Mistryugov P.A. «Local extreme structures of the Soviet power in the years of the Civil War» (Samara: SamNTs RAN, 2018. 300 p.)	153
Kharkovskaya A.A. Review of the monograph by Elena Olegovna Mendzheritskaya «Discourse-sphere of print media: Survival Game» (M.: Izdatel'stvo «MAKS Press», 2017, 312 p.)	157
<i>Requirements to the design of articles</i>	160

ИСТОРИЯ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-7-12
УДК 93+342.25+342.53+328.181+352.075

Дата поступления статьи: 22/II/2019
Дата принятия статьи: 20/III/2019

М.Н. Матвеев, О.В. Турганова

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВВЕДЕНИЯ ВОЛОСТНОГО ЗЕМСТВА ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

© Матвеев Михаил Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: matveev-mn@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-7434-5018>

© Турганова Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии, политологии и истории Отечества, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

E-mail: pryaslice@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-4882-8726>

АННОТАЦИЯ

Введение волостного земства было важнейшей из реформ Временного правительства 1917 г. Это обуславливалось рядом факторов, которые обосновывают авторы статьи. Во-первых, введение волостного земского самоуправления было одной из наиболее подготовленных и долгожданных реформ, за которую земство боролось с середины XIX века. Во-вторых, реформа более всего включала в систему местной власти многомиллионную крестьянскую Россию, наполняя крестьянами волостные собрания и управы. В-третьих, с введением низового звена земской структуры создавалась законченная система российского местного самоуправления, пронизывающая государственную жизнь от волости до Всероссийского земского союза. В-четвертых, от выборов в волостные земства зависели главные выборы страны в 1917 году — выборы в Учредительное собрание, т. к. первые являлись репетицией вторых и были первым в истории России опытом всеобщих выборов.

В конечном счете создание волостного земства было основой всех прочих земских реформ Временного правительства, от успешного проведения которых во многом зависела судьба демократических органов в стране. С учетом того что подготовка к введению волостного земства в России прорабатывалась на уровне законопроектов к моменту Февральской революции уже десятилетие, закон о волостном земстве стал первым в пакете реформ Временного правительства. Введение волостного земства рассматривалось обществом не как революция в системе власти, а как логическое завершение уже работавшей структуры местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, реформирование, органы власти, нормативная база, выборы, распределение полномочий, правовой статус, Временное правительство.

Цитирование. Матвеев М.Н., Турганова О.В. Исторические и правовые аспекты введения волостного земства Временным правительством // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 7–12. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-7-12>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-7-12
UDC 93+342.25+342.53+328.181+352.075

Submitted: 22/II/2019
Accepted: 20/III/2019

M.N. Matveev, O.V. Turganova

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF INTRODUCTION OF VOLOST ZEMSTVO BY THE INTERIM GOVERNMENT

© Matveev Mikhail Nikolayevich – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: matveev-mn@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7434-5018>

© Turganova Olga Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Department of Sociology, Political Science and Fatherland History, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

E-mail: pryaslice@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4882-8726>

ABSTRACT

The reform of zemstvo self-government held in 1917 by the government was meant to construct the inner basis of the state organism, covering the local life Russia having tied it into the whole. Introduction of volost (area division in Tzarist Russia) zemstvo (country council) was one of the most important zemstvo reforms in 1917. This was driven by several factors justified by the authors of the article.

Firstly, introduction of volost zemstvo self-government was one of the most prepared and long-awaited reforms for which country councils were fighting from the beginning of the XIX century. Secondly, the reform included into the system of local power multi-million peasant Russia through volost' meetings and municipal councils. Thirdly, with the introduction of the lower level of zemstvo structure there appeared a well-developed and complete system of self-government covering the state life from volost' till the All-Russia Zemstvo Union. Fourthly, elections to the Constituent Assembly depended on the elections to volost zemstvo as they were kind of a rehearsal and a new experience of All-Russia elections. In the long run, the creating of volost zemstvo was the basis of all other zemstvo reforms of the interim government. The fate of the democratic organs in the country depended on the success of the reforms.

Taking into account the fact that by the time of February Revolution the preparation for volost zemstvo introduction in Russia has been developing for a decade, the law on volost zemstvo was the first in the reform package of the the interim government. The introduction of volost zemstvo was considered by society not as a revolution in the system of power, but as the logical conclusion of an effectively functioning structure of local self-government.

Key words: local self-government, reforming, organs of power, regulative framework, elections, division of authority, legal status, interim government.

Citation. Matveev M.N., Turganova O.V. *Istoricheskie i pravovye aspekty vvedeniya volostnogo zemstva Vremennym pravitel'stvom* [Historical and legal aspects of introduction of volost zemstvo by the Interim government]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 7–12. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-7-12> [in Russian].

Введение

Кульминацией земского самоуправления в России должен был стать 1917 год. Как известно, Временное правительство, распустив губернаторов, представлявших предыдущий режим, собиралось опереться в проведении своей политики именно на земства. Казалось бы, Революция февраля 1917 года ликвидировала все препоны на пути преобразования института местного самоуправления «вширь» и «вглубь» на самых демократических принципах и началах. И действительно преобразования начались. Сама судьба этой революции во многом была связана с судьбой местной реформы [Абрамов 1961, с. 3]. Она должна была прочно связать бушующее разными идеями и стремлениями общество и власть, способствовать созданию нового государства. В один из первых дней революции, а именно 3 марта, Временное правительство издало декларацию, где преобразование местного

самоуправления на основе всеобщего избирательного права было поставлено во главу предстоящих государственных преобразований. Вскоре после этого было образовано Особое совещание по реформе местного самоуправления под председательством С.М. Леонтьева. Ближайшее участие в разработке проектов реформ приняли Н.Н. Авинов, Б.Б. Веселовский, Н.М. Тоцкий, А.А. Буров, Д.Д. Протопопов, В.Н. Шретер, А.А. Станкевич и др. К работе были привлечены известные ученые, земские и городские деятели (Земское дело, с. 4).

Особенности реформы волостного земства

Совещание начало свою работу 25 марта 1917 г., и к сентябрю был разработан и утвержден Временным правительством целый пакет законопроектов по земской реформе: «...волостного земства, финансов, наказы по выборам в волостное земство в 43 земских губерниях; реформы земского избира-

тельного права, реформы городского избирательного права учреждений банка, городского и земского кредита; введение земства в Сибири и в Архангельской губернии, в Степном крае, Туркестане; в казачьих областях и на Кавказе, поселкового управления и наказа по выборам поселковых гласных» [Матвеев 1997, с. 163], а также положение о милиции, административных судах и комиссариатах (ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 15. Л. 1–2).

Вопрос о низовой земской единице, призванной устранить противоречия между земскими представительными организациями и общинными, возник еще в 70-е годы XIX века по инициативе Петербургского земского собрания [Гармиза 1960, с. 82–107, с. 94]. Важной причиной постановки вопроса стало осознание земствами пореформенной России недостаточности связи между земскими управами и собраниями различных уровней [Веселовский 1909–1911, т. 3, с. 442]. В 1881 г. 36 земств высказались за необходимость введения волостного земства (РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. Д. 34. Л. 11).

Проект о мелкой земской единице был внесен правительством при открытии Второй Государственной Думы 20 февраля 1907 г. В речи председателя Совета Министров П.А. Столыпина указывалось, что введение волостного земства есть необходимая часть предстоящей общеземской реформы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. Д. 34. Л. 4).

Предстоящее реформирование земства вызвало решительное осуждение на съезде Объединенного дворянства, имевшем место в марте 1907 г. Указывалось, что здесь производится полная ломка местной жизни, совершенно устраняется сословное начало и принимается «начало демократическое, мало свойственное русскому государственному быту» (ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1129. Л. 232). Летом 1907 года в Москве состоялся Общеземской съезд, который всецело поддержал данный законопроект. Он признал своевременным введение мелкой земской единицы, всесословной и независимой от административных учреждений. Такой «единицей» стало волостное земство.

Идея волостного земства была далеко не нова. О ее необходимости говорилось в резолюциях многих земских съездов. Оно признавалось необходимым для успешной работы земства на местах. Предыдущая судьба законопроекта о волостном земстве в России выглядела следующим образом. Государственная Дума Второго созыва отвергла рассмотрение предложенного ей законопроекта о поселковом и волостном самоуправлении. Тогда правительство вернуло его для переработки при участии Совета по делам местного хозяйства. В измененном виде он был снова предложен на рассмотрение Государственной Думы 18 декабря 1908 г. Государственная Дума внесла ряд поправок, и документ был принят на заседании 13 мая 1911 г. Но в мае 1914 года он был отклонен Государственным советом, причем даже без перехода к постатейному чтению. Аргументом для такого решения стало беспокойство о судьбе крупных землевладельцев, ко-

торых проведение этого закона в жизнь, с точки зрения законодателя, поставило бы в зависимость от крестьянской массы.

Важным мотивом отклонения в 1914 году проекта реформы называлась опасность переобложения мелкой земской единицы, поскольку для содержания нового земского звена требовались средства, а взять их можно было только из местных налогов, и, следовательно, с введением волостного земства увеличивалось бы налоговое бремя, что было бы непопулярным решением. Но самое страшное последствие представители царской власти видели все-таки в расширении избирательного права, увеличивающем возможности крестьян и тем самым ущемляющем власть на местах землевладельцев, дворянства, которое продолжало рассматриваться в качестве опоры режима. Будущие волостные земцы также говорили, что главная причина «намеренного торможения правительством проекта о мелкой земской единице — страх, что в таком земстве народ может проявить свою волю» (Протоколы... 1917, с. 21).

Однако идея о введении волостного земства не потеряла своей популярности в земском движении и актуальности для России. Эффективность земской деятельности подтверждала это. О последнем свидетельствует тот факт, что даже в обстоятельствах мировой войны в 1915 году данный вопрос приняла к рассмотрению уже IV Государственная Дума [Абрамов 1961, с. 27]. Обсуждение откладывалось из-за насущных проблем военного времени, но 3 марта 1916 г. Думой было принято в порядке желательности законодательное предположение о волостном земском управлении (ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1129. Л. 1–24). Правительство признало существующий вопрос как насущный, но с практической точки зрения снова ничего сделано не было.

До самой революции, даже в начале 1917 г., попытка «реформировать существующее волостное правление на началах бессословности» (ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1129. Л. 1) наталкивалась на стену противостояния цензовых земских элементов, что только увеличивало напряженность, сопутствующую проведению реформ в России.

В поисках новой опоры для осуществления преобразований в России после Февральской революции 1917 г. новая власть ускорила процесс создания волостного земства. Были также созданы более демократические условия, при которых вырабатывались положения к закону. При ознакомлении с протоколами заседаний земских собраний того времени чувствуется эйфория от новых ожиданий, новых возможностей, реализации давно сформулированных чаяний выступавших гласных. Теперь ничего, казалось бы, не мешало привлечению к работе в волостном земстве широких народных масс, ничто не могло помешать решить все те вопросы, которые давно выстроились в очередь, созрели, были теоретически разработаны и только ждали своего решения!

21 мая 1917 г. Временное правительство издало закон о волостном земском управлении. «Он был должен решить две главные задачи. Первая заключалась в необходимости создания бессословного органа, более совершенного с правовой точки зрения, что способствовало бы решению управленческих задач. Во-вторых, по мере развития земского дела назрела настоятельная необходимость для уездных земств иметь опору на более мелкие территориальные самоуправляющиеся ячейки» [Матвеев 1997, с. 164]. Время выдвигало еще одну потребность, важную с точки зрения земской интеллигенции, да и вообще популярную в обществе, — вовлечение в управление государством широких народных сил, реального осуществления народоправства через местное самоуправление. С этим связывались надежды на быстрое экономическое и культурное развитие государства, значительно ослабевшее в результате затяжной войны. С этим же связывался и успех главных выборов для страны после революции — выборов в Учредительное собрание.

«Волостные органы повторяли сложившуюся земскую структуру в уезде, городе, губернии. Согласно закону 21 мая 1917 года, распорядительным органом стало Волостное Собрание, образуемое из волостных гласных (§ 42, III части) (Положение... 1917, с. 3–14). Гласные должны были работать безвозмездно. Волостному земскому собранию предоставлялось право производства выборов в должности и определения их содержания, определения размеров волостных земских сборов, приобретения и отчуждения недвижимых имуществ, а также заключение займов, проверка действий и отчетов волостных земских управ и рассмотрение жалоб на их действия» [Матвеев 1997, с. 164]. Решения принимались простым большинством (в отдельных случаях — 2/3), а само собрание считалось правомочным в случае присутствия председателя и не менее 1/3 гласных (по проекту (ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1129. Л. 15–24) — «не менее половины»).

Одной из ключевых проблем реформы волостного земства являлась кадровая, с учетом того что волостные земства со всей очевидностью через всеобщее избирательное право должны были наполняться в основном крестьянами, уровень образования и даже элементарной грамотности которых оставлял желать лучшего. Организация на их базе волостных земств была возложена на уездные земства при координирующей роли губернских. Для работы волостных управ необходимы были специалисты в отраслях, входящих в весьма широкую компетенцию волостного уровня, определенных законом, которых могла дать интеллигенция. Поэтому закон допускал избирать в исполнительные органы волостного уровня (управу) «всех грамотных, достигших 21 года (по проекту — 25), из числа лиц, имеющих право быть гласными. По статье 15 в Управу было «можно выбирать не только лиц, внесенных в списки волости, а всех вообще граждан, где бы они ни жили» (ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1129. Л. 82).

Самоуправляемая структура волостного земства тем не менее встраивалась в общую земскую вертикаль. Так, постановления волостного земского Собрания по финансовым вопросам утверждались соответствующим Уездным земским собранием. При этом компетенция волостного земства была довольно широка, если не сказать, огромна: это и заведение волостными земскими повинностями, вопросы имущественные, обеспечение продовольствием, социальная помощь, в том числе выделение пособий нуждающемуся населению, содержание дорожной сети, включая пристани и пути сообщения, здравоохранение и обеспечение санитарных мероприятий на территории; противопожарные мероприятия, народное образование и участие в обеспечении школами, мероприятия в области сельского хозяйства и ветеринарии, оказание юридической помощи населению, охрана общественного порядка и так далее.

Волостная земская реформа оценивалась современниками как «великая реформа 1917 года, твердый устой свободной страны, первый камень строящейся новой России, какой положила революция» [Матвеев 1997, с. 165]. «Сравним порядок, — писалось в одной из популярных брошюр того времени, — который был при царском самодержавии, с новым: дорогу прокладывали не туда, куда хотели ее вести влиятельные земские гласные, помещики и чиновники. Большинство голосов в уездном и губернском земстве принадлежало помещикам и заводчикам, вообще землевладельцам, а не земледельцам. Правда, в земстве были и крестьяне, но их было немного. И были они почти что назначены земским начальником. Голос их был не слышен... Новые земства будут построены по новому закону на основе всеобщего избирательного права. Следовательно, не будет засилья помещиков и заводчиков...» [Омельченко, 1917, с. 2].

До 1917 года существовавшая волостная структура подразумевала наличие волостных правлений и волостных писарей. Во время ее реорганизации в 1917 году правления и писари были упразднены. В то же время по новому закону сохранялись крестьянские волостные сходы. Оказалось, что в ряде случаев сельский сход дублировал функции волостного земства или же вовсе его подменял. По закону за ним оставались не только местно-хозяйственные, но и полицейские функции (РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. Д. 34. Л. 11). Характерное отношение земств к сельским сходам носило в основном отрицательный характер. (Современное слово 1909). Еще в 1909 году «Санкт-Петербургские ведомости» обращали внимание на то, что «крестьянские сходы превратились в бесправное бессмысленное сборище, являющееся уродливой карикатурой на самоуправление» (Санкт-Петербургские ведомости 1909).

После революции волостные сельские сходы было просто не считались с существующим земским управлением. Они могли, например, не особо разбираясь юридически в своих полномочиях,

принимать какие угодно постановления, могло доходить даже до смертной казни (ЦГАСО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 476а. Л. 19) путем простого голосования. Безусловно, это могло сводить на нет идеи демократии, законности и даже эффективной организации хозяйственной деятельности. И несмотря на то, что теперь руководили сходами не «земский», «волостной старшина» и писарь, все равно должного эффекта не достигалось, поскольку теперь руководителем и заводилой мог оказаться просто «любой, кто горласт» (Волжский день 1917).

Сравнение «Положения о волостном земстве» с предыдущими проектами заставляет сделать вывод, что оно все же было наиболее проработанным и передовым законом о местном самоуправлении, даже несмотря на ограничения, накладываемые на волостные земства со стороны сельских сходов. «Закон о волостном земстве внесен на утверждение Временного правительства и на днях будет опубликован» (ЦГАСО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 476а. Л. 104), — сообщал министр внутренних дел князь Львов в своей телеграмме, разосланной губернским комиссарам 5 мая 1917 г.

С апреля — мая 1917 г. началась активная переписка между земскими управами и столицей по вопросам устройства создаваемых волостных земств. Все происходило в спешке, в запале, в уверенности, что делается нужное людям и государству дело. Необходимость ускорения выборов в волостные земства требовалась не только для решения насущных хозяйственных задач. Необходимо было демократизировать уездные и губернские земства, «дабы иметь возможность своевременно провести выборы в Учредительное собрание» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 51. Д. 68. Л. 15). А, как известно, именно на Учредительное собрание были направлены все ожидания общества после Февральской революции, связанные со строительством и реальным функционированием нового государства.

Положение о волостном земстве официально закрепило трехуровневое местное самоуправление в России — волостное, уездное и губернское. Закон первоначально определял выборы по мажоритарной системе, требующей для избрания абсолютного числа голосов. В случае же повторных выборов достаточным считалось относительное число голосов.

Правительственным органом местного управления становился институт губернских и уездных комиссаров, осуществлявших «надзор за деятельностью органов местного самоуправления в отношении законности их действий» (ГАРФ. Ф. 1811. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–3), в том числе при производстве выборов. Однако постановления комиссаров не должны были касаться предметов ведения земского и городского самоуправлений. Следует добавить, что на волне революции, помимо правительственных институтов, повсеместно стали возникать различные общественные, политические, классовые и часто самозванные «комитеты» и другие революционные структуры, из которых «Советы» были ключевыми, что, конечно, накладывало отпечаток на реальную практику земской реформы на местах.

Из состава земского самоуправления были выведены наиболее значительные уездные и губернские города. Земскими делами в губернских заведовали общественные управы, а городские думы выполняли функции уездных земских управ. Пропорциональная система использовалась при выборе городских самоуправлений при населении не менее 150 тыс. жителей. По Положению от 15 апреля 1917 г. органами городского самоуправления были городские думы и управы. Городское самоуправление вводилось во всех городах, где действовало Городовое положение 1892 г. Из земского самоуправления, согласно Постановлению Временного правительства, исключались также железнодорожные, фабрично-заводские, промысловые, дачные населенные пункты и пристани, в которых со значением самостоятельной земской единицы вводилось поселковое управление. В них действовала пропорциональная выборная система.

Вместе с этим в некоторых местах до введения волостного земства функции волостной власти призваны были выполнять сельские и волостные общества. Так, в Саратовской губернии по постановлению Кузнецкой уездной комиссии Временного правительства общества вправе были «путем законно составленных приговоров самостоятельно заведовать своими хозяйскими делами, распоряжаться хлебными запасами и т. п.» (ГАПО. Ф. 455. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Никакого утверждения приговоров не требовалось, они лишь заносились в книгу и отправлялись уездному комиссару для сведения.

Заключение

К моменту Февральской революции 1917 года в 43 губерниях европейской России насчитывалось уже более 9000 волостей (Симбирская народная газета 1917), что предопределяло масштабный характер предстоящей реформы. При этом введение волостного земства рассматривалось обществом не как революция в системе власти, а как логическое завершение уже достаточно долго и эффективно работавшей структуры местного самоуправления, необходимой не для слома прежней, отжившей модели, как это было во многих других отраслях, а для повышения ее эффективности. Несмотря на последовавшие после разгона в 1918 году земств и перехода к системе Советов в советской литературе негативные оценки земской системы, земство в целом позитивно оценивалось населением России, включая многомиллионное крестьянство, а многие достижения дореволюционной России в сфере образования, здравоохранения, агрономии, статистики, ветеринарии и так далее почти исключительно являлись заслугой земства и земской интеллигенции.

Потребность в законченной, полноценной структуре земского самоуправления ощущалась в земской среде, поддерживалась обществом и стала с приходом Временного правительства государственной задачей. Таким образом, с введением волостного земства структура местного самоуправления в России получала свое логическое завершение.

Источники фактического материала

Волжский день 1917 — *Волжский день*. 1917. 21 апреля.

ГАПО — Государственный архив Пензенской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

Земское дело 1918 — *Земское дело*. Пг., 1918. № 1.

Положение... 1917 — *Положение о волостном земском управлении* // Лебедев А. О волостном земстве. Приложение. Н. Новгород, 1917.

Протоколы... 1917 — *Протоколы заседаний 3 Губернского крестьянского съезда*. Самара, 1917.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Санкт-Петербургские ведомости 1909 — *Санкт-Петербургские ведомости*. СПб., 1909. 28 октября.

Симбирская народная газета 1917 — *Симбирская народная газета*. Симбирск, 1917. 3 декабря.

Современное слово 1909 — *Современное слово*. СПб., 1909. 31 декабря.

ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области.

Библиографический список

Абрамов 1961 — *Абрамов П.Н.* Волостные земства // Исторические записки. М., 1961. Т. 69.

Веселовский 1909—1911 — *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет: в 4 т. СПб., 1909—1911. Т. 3. URL: <https://runivers.ru/lib/book19747>.

Гармиза 1960 — *Гармиза В.В.* Земская реформа и земство в исторической литературе // История СССР. 1960. № 5.

Матвеев 1997 — *Матвеев М.Н.* Драма волжского земства // Новый мир. 1997. № 7.

Омельченко 1917 — *Омельченко А.П.* Волостное земство — основа свободной России. Пг., 1917.

References

Abramov 1961 — *Abramov P.N.* Volostnye zemstva [Volost zemstvos]. In: *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. M., 1961, Vol. 69 [in Russian].

Veselovskii 1909—1911 — *Veselovskii B.B.* Istoriya zemstva za sorok let: v 4 t. [The history of zemstvos for the period of forty years: in 4 vols.]. Spb., 1909—1911, Vol. 3. Available at: <https://runivers.ru/lib/book19747> [in Russian].

Garmiza 1960 — *Garmiza V.V.* Zemskaya reforma i zemstvo v istoricheskoi literature [Zemstvo reform and zemstvo in historical literature]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1960, no. 5 [in Russian].

Matveev 1997 — *Matveev M.N.* Drama volzhskogo zemstva [Drama of the Volga Zemstvo]. *Noviy mir* [New World], 1997, no. 7 [in Russian].

Omelchenko 1917 — *Omelchenko A.P.* Volostnoe zemstvo — osnova svobodnoy Rossii [Volost zemstvo is the basis of free Russia]. Pg., 1917 [in Russian].

ЯСАЧНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ КАЗАНСКОГО КРАЯ В ЮЖНОМ СРЕДНЕВОЛЖЬЕ (К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.)

© Дубман Эдуард Лейбович — доктор исторических наук, профессор, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, Московское шоссе, 34.

E-mail: dubmane@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности освоения Южного Средневолжья ясачным коренным населением Казанского края во второй половине XVII в. Именно в этот период происходило военно-административное и хозяйственное включение его территории в состав России.

Источниковую базу работы составили опубликованные документы и архивные материалы из фондов РГАДА и других архивохранилищ.

Цель исследования состоит в изучении особенностей участия коренных народов Казанского края в хозяйственной колонизации Южного Средневолжья и формировании в его пространстве нового социума. Сделана попытка определить их место и роль в этом процессе.

Показано, что во второй половине XVII в. чуваша, мордва и татары становятся одной из наиболее значимых категорий жителей рассматриваемого региона. До этого времени они, как правило, занимались эксплуатацией «наездом» природных ресурсов края. Во второй половине столетия в ходе массового хозяйственного освоения новых земель коренные народы Казанского края наряду с русскими стали практически равноправными участниками оседлой земледельческой колонизации. Выявлено, что различные этносы в процессе переселения находились в близких социальных, правовых, экономических условиях. Именно на формирование таких условий колонизационного процесса была направлена правительственная политика.

Сделан вывод, что в рассматриваемый период на территории Южного Средневолжья происходил своеобразный процесс «обретения родины». Из разных в этническом и конфессиональном отношении групп переселенцев начала складываться единая региональная социокультурная общность.

Ключевые слова: Южное Средневолжье, освоение, миграции, автохтонное население, чуваша, мордва и татары, промысловое хозяйство, земледельческая колонизация, «обретение родины».

Цитирование. Дубман Э.Л. Ясачные крестьяне Казанского края в Южном Средневолжье (к вопросу о специфике колонизационных процессов во второй половине XVII в.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 13–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-13-23>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-13-23
UDC 94(47).04

Submitted: 20/I/2019
Accepted: 27/II/2019

E.L. Dubman

YASAK PEASANTS OF THE KAZAN REGION IN THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA REGION (TO THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF COLONIZATION PROCESSES IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY)

© Dubman Eduard Leibovich – Doctor of Historical Sciences, professor, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: dubmane@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

ABSTRACT

The article describes the characteristics of the development of the Southern Middle Volga Region by the yasak indigenous population of the Kazan Region in the second half of the XVII century. During this period the military administrative and economic integration of its territory into Russia took place.

The source base of the work consists of published documents and archival materials from the funds of the RGADA and other archives.

The purpose of the study is to study the characteristics of participation of the indigenous peoples of the Kazan Region in the economic colonization of the Southern Middle Volga and the formation of a new society on its space. An attempt was made to determine their place and role in this process.

It is shown that in the second half of the XVII century Chuvash, Mordovians and Tatars are becoming one of the most significant categories of inhabitants of the region. Until that time, they were engaged in the exploitation of «hitting» of the region's natural resources. In the second half of the century, in the course of mass economic development of new lands, the indigenous peoples of the Kazan Region, along with the Russians, became almost equal participants in agricultural colonization. It was revealed that in the process of resettlement various ethnic groups were in close social, legal, economic conditions. The government policy was directed on such conditions of the colonization process.

It was concluded that in that period a peculiar process of «finding a homeland» took place on the territory of the South Middle Volga Region. A single regional socio-cultural community began to emerge from different ethnic and confessional groups of immigrants.

Key words: South Middle Volga Region, development, migration, autochthonous population, Chuvash, Mordovians and Tatars, crafts, agricultural colonization, «acquisition of the homeland».

Citation. Dubman E.L. *Yasachnye krest'yane Kazanskogo kraya v Yuzhnom Srednevolzh'e (k voprosu o spetsifike kolonizatsionnykh protsessov vo vtoroi polovine XVII v.)* [Yasak peasants of the Kazan Region in the Southern Middle Volga Region (to the question of the specifics of colonization processes in the second half of the XVII century)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 13–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-13-23> [in Russian].

Введение

В середине XVII в. правительство приступило к окончательному военно-административному закреплению Южного Среднеvolжья¹ в составе Российского государства и его массовому заселению служилыми людьми. Однако пространство региона задолго до этого являлось зоной активной хозяйственно-промысловой деятельности автохтонного населения Казанского края. В лесостепном, практически не защищенном от набегов кочевников пограничье мордва, чуваш и татары Алатырского, Казанского и других уездов распределили между собой и эксплуатировали «наездом» его природные ресурсы – охотничьи угодья, бобровые гоны, бортные ухажай, рыбные ловли и даже сенные покосы [Дубман 2005]. Это распределение «оборочных угодий» было зафиксировано в писцовых книгах и

других материалах указанных уездов [Мордовский фронтир... 2017]. Письменные источники конца XVI – середины XVII в. и археологические данные свидетельствуют о наличии в районах промысловой деятельности эпизодически возникавших временных сельских поселений [История Чувашской АССР... 1936, с. 11; Козлов 1960, с. 12; Биленко 1980, с. 113, 120, 370]. Однако освоение «наездом» не могло привести к формированию устойчивой сети постоянного сельского расселения.

Очевидно, что военно-государственная колонизация Южного Среднеvolжья разрушала сложившийся ранее тип хозяйствования, способствовала замещению его прежде всего земледельческим производством. Уникальная сводка данных об изъятии у прежних владельцев промысловых угодий – «вотчин» для возведения оборонительных систем,

¹ В период массовой колонизации середины – второй половины XVII в. это были в основном территории Симбирского, Самарского, отчасти Саранского уездов и прилегающих к ним земель.

крепостей и острогов; расселения служилых людей и испомещение их земельными угодьями сохранилась в писцовой книге Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг. Описание селений ясачных крестьян и примежеванных к ним земель в ней перемежается фразами типа «...бортных деревьев и бобровых гонов ныне нет», «поселились дозорные казаки и служилые мордва», «...вотчина их обезлюдела» и т. д. [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 407].

Характерно, что селились и получали земли в ранее используемых «наездом» промысловых угодьях не только русские военные люди, но и служилые чуваша, мордва и татары. Со строительством Карсунской, Симбирской засек, а позднее возведением Сызрани и Кашпира Симбирский край стремительно утрачивает свой прежний хозяйственный облик и превращается в интенсивно заселяемый, аграрно-промысловый регион России. Основными акторами этого массового миграционного процесса являлись как служилые, так и тяглые, в том числе ясачные, люди. Для всех них переселение на новые плодородные земли, их хозяйственное освоение являлось не чем иным, как процессом «обретения родины», в котором переселенцы разной этнической, конфессиональной и социальной принадлежности становились первыми постоянными жителями, ранее практически не обжитого региона, создавали в его пространстве новый особый социум [Кабытов, Дубман, Леонтьева 2012, с. 5–20].

В данной статье мы рассматриваем процесс такого расселения и включения в единое социокультурное пространство Южного Средневолжья «ясачного посопного» тяглого автохтонного населения Казанского края — татар, мордвы и чувашей. Работа основана на использовании как опубликованных, так и архивных материалов, прежде всего из фондов РГАДА.

Специфика колониционных процессов в Казанском крае и Южном Средневолжье

Чувашское и татарское население накапливалось в северном и северо-восточном, а мордовское — в западном пограничье вновь складывающегося Симбирского уезда [Димитриев 1986, с. 316–317; Исхаков 1995, с. 270]. На территории уезда можно выделить отдельные локальные районы, где значительную часть, а иногда и большинство среди поселенцев составляли чуваша или мордва. Данные конца 1660-х — 1680-х гг. свидетельствуют, что на западных территориях Симбирского уезда, между Сурой и Барышом, селилась исключительно мордва; на севере — в междуречье Барыша и Волги — преобладали чувашские селения и сравнительно немного было татарских и мордовских. Мордовские деревни возникали, как правило, южнее, располагаясь в основном на востоке Самарской Луки. На западе Закамья расселялись ясачные татары, но в сети их поселений наблюдались вкрапления деревень мордвы, чуваш и других коренных этносов Среднего Поволжья. Такой тип сельского расселения наблюдался и в более позднее время. Об его устойчивости можно судить по ма-

териалам описания «оборочных владений» начала XVIII в. [Дубман 2014 б; РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 1–361].

Остановимся подробнее на особенностях расселения представителей различных этносов в таких отдельных локальных районах. Промысловые владения жителей мордовских селений, входящего в состав Симбирского «внутреннего» «Карсунского уезда» [Дубман 2014 а, с. 72–77], занимали в основном обширное пространство междуречья Суры и Барыша (и даже заходили восточнее) и уходили далеко за черту, на «Крымскую сторону». Старинные промысловые владения мордвы, где они хозяйствовали ранее «наездом», а затем, выезжая из своих основанных поблизости селений, во второй половине XVII в. приходят в разорение. На землях этих промысловых угодий и рядом с ними возводились крепости и остроги, основывались слободы служилых людей; занимались земледелием городовые казаки, стрельцы и другие категории приборного военизированного населения региона, в том числе служилые татары, чуваша и мордва. Так, жители ясачной мордовской деревни Старая Татаровы (Кирдяево тож) жаловались писцам на разорение их бортного «ухожья и вотчины» и на то, что они «облюдели» русскими людьми из-за основанных неподалеку Тальского острога и отъезжих слобод, а также Карсуна, Сызрани и даже Симбирска [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 402–405]. Крестьяне так объясняли ситуацию с ранее принадлежавшими им бортным Чивилинским ухожьем и бобровыми гонами: «И та вотчина ныне облюдела. Построен город Сызрань, да поселились дозорные казаки и служилые мордва. И дельные деревья вырублены и выжжены. А кто вырубил и выжег, про то не ведают» [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 402–403].

Таким образом, из-за массового расселения и испомещения на прилегающих к засечным чертам землях служилых людей ранее хозяйствовавшее здесь ясачное население вынуждено было сдвигаться в глухие незаселенные районы и тем самым утрачивало свои промысловые угодья.

Процесс расселения ясачных крестьян в целом находился под контролем местной администрации. Например, межевание земель для возникших там первых мордовских д. Старой Татаровы (Кирдяево тож) и Котяковой производил один из первых воевод Карсуна Б. Приклонский [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 387]. Территории, находившиеся в его ведении, были слабо заселены, и воевода отдал во владение новым поселенцам много «примерных» земель. Прибавившиеся к ним позднее д. Мордовский Сызган, Верхняя Мордовская Туварма и Чюварлей появились на рубеже 1670-х — 1680-х гг. Их основатели пришли сюда из селений Алатырского и других уездов — «...от отцов дети, и от братьев братья, и от дядьев племянники». Произошел ли этот переход самовольно или был санкционирован властями в местах выхода, неизвестно. Крестьяне Верхней Мордовской Тувармы начали владеть землей по «здаче и по зделашным записям тое ж деревни служилой мордвы», в двух остальных случаях основой для земле-

пользования новопоселенцев стали «указы великих государей» и дачи симбирских воевод Федора и Якова Долгоруковых [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 409, 416, 425]. Новые поселенцы отдавали оброк «против синбирских ясашных людей» в Симбирске с полудвора по 0,15 руб., ржи и овса по одной четверти и выплачивали за «арбугинскую десятинную пашню» по 0,5 руб. Следует отметить, что вследствие массового заселения новых земель они, в отличие от ранее пришедших в край переселенцев, практически не имели бобровых, бортных и рыболовных угодий [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 409, 416, 425].

Записи в писцовой книге 1685–1686 гг. свидетельствуют, что мордва всех 111 дворов указанных выше 5 деревень, кроме посопного хлеба – ржи и овса, меда с бортных ухажав и т. д., вносила в казну деньги за «арбугинскую десятинную пашню» и ряд иных платежей [Писцовая книга Карсунского... 2014]. Возможно, из-за отдаленности от мест расселения работы на «десятинной пашне» заменили им на денежный сбор.

Все повинности ясачного населения привязывались к определенным нормам обложения. Оно в середине – второй половине XVII в. в Симбирском и соседних уездах являлось поземельным. Как считает В.Д. Димитриев, в Симбирском уезде, где на первых порах было много свободной земли, норма земельного участка на 1 ясак представлялась весьма значительной и достигала 20 четвертей (в одном поле) на 1 ясак с санными покосами и другими угодьями [Димитриев 1986, с. 250].

Из-за нападений степных народов и других непредвиденных обстоятельств величина и номенклатура повинностей, как и само экономическое положение ясачного населения, могли неожиданно меняться. Так, по сказке владельцев 27 дворов д. Старой Татаровы (Кирдяево тож) ранее «посопной хлеб» они отвозили с 6 вытей в Казань и Алатырь. После набега крымчан, произошедшего примерно 40 лет назад, величину повинностей им уменьшили до 3 вытей на 45 жилых дворов. После еще одного нападения, случившегося в годы Разинщины «воровскими казаками», число дворов снизилось до 10. С них теперь уже в уездный Симбирск в 1672/1673 гг. они уплачивали «...с одной выти посопного хлеба три чети бес полуосьмины с получетвериком ржи, овса тож, стрелецкого хлеба пять четей ржи, овса тож, ясашных денег рубль, осьмнатцет алтын, полонеником на откуп з двора по осьми денег, за арбугинскую десятинную пашню десеть рублей» [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 401]. Мордва д. Котяковы также жаловалась на «ногайское разорение» и на «бунтовое время» Разинщины [Писцовая книга Карсунского... 2014, с. 405–407].

Расселение в междуречье Волги и Барыша Симбирского уезда ясачных крестьян можно проследить по материалам прихода-расходной книги 1665–1667 гг. Строительство Симбирской черты и создание безопасных условий для колонизации этого района привлекли переселенцев на земли, которые, по всей видимости, ранее эксплуатировались ими «наездом». Отдельные поселения здесь извест-

ны еще с первой половины XVII в. (татарские селения Азанова, Алшеева, Акса, Баишева, Каракота, Маклауши, Шатрашаны; мордовские – Аркаева, Паркаева, Помаева, Семенкова, Тюбя-Кермень; чувашская Маклаушка; черемисская Чилим [Мартынов 1897, с. 103–104]. Этот перечень выглядит странным, так как в вышедшем несколькими годами позднее другом исследовании П.Л. Мартынова указаны иные селения, а именно: мордовские деревни Кадышева, Безсоновка, Вожжи, Семенкова; чувашские деревни – Тимерсяны, Маклауша и Алгаши; татарская деревня Тарханы [Мартынов 1903, с. 5]. Некоторые из этих селений позднее переходят к приборным людям. Возможно, уездная администрация смогла изменить статус их жителей. Но, скорее всего, основатели деревень были переселены или ушли сами на новые места, а им на смену были переведены служилые люди.

В источниках встречаются и противоположные случаи. Так, в 1648–1650 гг. воевода Симбирска И.Б. Камынин наделил основавших деревню Старые Маклауши новозаписного татарина Я. Атабаева с 50 «товарищи» 3080 четв. пахотной земли [Мартынов 1897, с. 76]. Однако менее чем через двадцать лет в этой деревне уже проживала ясачная мордва (1 целый двор, 5 дворов без четверти и 10 полудворов) [Зерцалов 1897, с. 96].

Всего, по данным прихода-расходной книги, ясачные деньги собирались с жителей 59 селений. Возможно, их число следует увеличить. Записанные как одноименные совместные татарские и чувашские селения нередко обозначались как раздельные с добавлением к ним дополнительного обозначения – татарский и чувашский. Среди них только в двух не указана этническая принадлежность населения. Наиболее активными оказались чуваша, основавшие 32 отдельные деревни и в 11-ти жившие совместно с татарами (в одной из них вместе со служилыми татарами). Татары проживали особо в 8 селениях и в 11-ти вместе с чувашами (в том числе в одном вместе со служилыми). Мордва заселила 7 деревень.

Даже этот, видимо, не совсем полный перечень ясачных селений по количеству дворов (871 дв., средняя дворность поселения 14,8) свидетельствует о важнейшей роли автохтонного населения Казанского края в заселении Южного Средневолжья. Вряд ли в количественном отношении ясачные люди Симбирского уезда сильно уступали русским крестьянам. Более половины из них составляли чуваша (425 дворов). Именно у них и в совместных селениях с татарами были самые значимые по дворности деревни (18,5 и 17,8 двора соответственно). Наличие большого количества совместных селений ясачных чувашей и татар (7) также является важной особенностью освоения региона.

Данные сводных источников на 1678 г. свидетельствуют, что Симбирский уезд по количеству дворов ясачных крестьян был одним из самых крупных на Юго-Востоке Европейской России. В нем на 6863 ясачных дворов приходилось 14,4 тыс. душ м. п. (2486 ясаков) [Водарский 1977, с. 110]. По нашему мнению, приведенные нами данные являются завышенными.

Несомненно, что в массовом миграционном движении в Южное Средневолжье ясачные крестьяне были одним из основных акторов этого процесса. Они, как и русские переселенцы, внесли особый вклад в «...конструктивные аспекты российской колонизации» [Юрченков 2003, с. 159–160]. Вместе с тем практически ни в одном локальном районе вновь осваиваемого пространства мордва и татары не смогли получить количественного преобладания и оказались этническим меньшинством. Можно согласиться с тезисом В.А. Юрченкова, что они совмещали в себе специфику первичных и вторичных групп-меньшинств. Исследователь писал: «Первичные этнические группы меньшинства продолжали функционировать в окружающем обществе как более или менее целостные подобщества, способные к удовлетворению основных социальных потребностей своих членов. Вторичные... находятся под большим воздействием соседствующего большинства» [Юрченков 2003, с. 161–162]. Несколько отличаются в этом отношении чуваши, ставшие этноконфессиональным большинством на отдельных территориях северо-востока Симбирского уезда. Но в целом для сети чувашских, мордовских и татарских деревень важной особенностью являлась дисперсность расселения. Они оказались смешанными с селениями русских людей и остальных участников колонизации. Отметим, что имела сравнительно небольшая группа селений, где совместно размещались разные этноконфессиональные группы жителей.

Трудно говорить о масштабах и особенностях беглого вольного переселения ясачных крестьян на новые земли. Очевидно, что доля самовольно пришедшего, беглого «выхода» была весьма велика. Так, в крупнейших поволжских владениях центральных Саввино-Сторожевского и московского Новодевичьего монастырей многочисленное чувашское население так и не смогло ответить на вопрос переписчиков о законности их поселения на новых местах (Архив. Д. 146. Л. 134). По мнению В.Д. Дмитриева: «Основание многих селений юго-восточной и южной частей Чувашии связано с самовольным переселением, а также оседанием беглых крестьян» [Дмитриев 1986, с. 313]. Но для того, чтобы поселиться на новых землях и закрепить их за собой, было необходимо получить разрешение местных уездных властей, начать платить ясак и нести прочие повинности [Перетяткович 1882, с. 254–255]. Иначе переселенцев могли отправить на прежние места проживания. Подобное случилось с чувашами «Крымкой Ивашковым с товарищи», которые самовольно поселились на р. Бирюч в д. Шланге на «государеве порозжей земле» в 1664–1665 гг. Всего при осмотре в деревне обнаружили 17 дворов, хотя до этого речь шла о 8–10 семьях переселенцев. «Накопителем» для будущих переселенцев в Шлангу стала чувашская д. Дрождяной Куст. В ней собирались беглые из Цивильского, Казанского, Свияжского, Кокшайского и других уездов. Такое временное проживание могло продолжаться до 10 и более лет, но в основном составляло от 2 до 4 лет, как правило, в захребетниках. Очевидно, имелись самые разные возможнос-

ти получения прав на поселение и использование новых земель. Сначала их могли отводить переселенцам из оброка, затем переводили крестьян на ясак. Нередко сразу оформляли новых жителей как ясачных, тяглых. Бывало, что, добившись разрешения на поселение, будущие переселенцы какое-то время использовали полученные земли «наездом» [Дмитриев 1986, с. 310].

Значительно реже чуваши селились сразу же в д. Шланге. Удивительно, что новоселы деревни, возникшей в районе «старого» расселения, около 5 лет не несли ясачные и другие повинности. В результате «обыска» деревню расселили, а ее жителей выслали в район прежнего (до д. Дрождяной Куст) жительства [Материалы исторические... 1898, с. 47–69].

Для ясачных селений вновь колонизируемых районов характерна особая неустойчивость, мобильность. В лесостепи Симбирского и Самарского уездов эта традиция сложилась еще в конце XVI — начале XVII в., во времена промыслового сезонного освоения «наездом». И в более поздние годы в источниках частыми были упоминания о так называемых «ползучих» селениях, жители которых неоднократно переходили с одного места на другое в рамках сравнительно локальных территорий. Такие явления наблюдались при освоении центральной части Самарской Луки и отдельных территорий Симбирского уезда. Нередко на земле «разбежавшихся» селений основывали новые, но с теми же названиями. Например, в 1672 г. на месте мордовской д. Старые Чукалы возникли две чувашские — Старые и Новые Чукалы, а позднее еще и заселенная русскими переселенцами д. Русские Чукалы [Дмитриев 1986, с. 310, 320] (РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3609. Л. 198).

Сбор повинностей с ясачного населения территории между Волгой и Барышом, по сводкам приходо-расходных книг 1665–1667 гг., достигал в среднем 0,3 руб. с ясака. Кроме того, крестьяне платили с 1 ясака по четверти ржи и овса [Дмитриев 1986, с. 253–254]. Судя по данным приходной окладной книги, 26 дворов мордвы д. Старые Чукалы вносили оброчных платежей 10,46 руб., однако о числе ясаков, положенных на них, сведений нет [Дмитриев 1986, с. 311]. Достаточно редкими были лесные промыслы, с которых собирали оброк. Типичными являлись сборы с «меленок-колововок» [Зерцалов 1897, с. 45–85].

Трудно судить об имущественном положении ясачных крестьян. В некоторой степени об этом свидетельствует значительное число дворохозяев, с которых ясак брали как с «дворов без чети» и «полудворников».

Отметим, что в число ясачных могли попадать и русские крестьяне [Дмитриев 1886, с. 259].

Выше уже говорилось, что различные в этноконфессиональном отношении акторы колонизационного процесса находились в близких социальных, правовых, экономических условиях. В период начального освоения лесостепного Юго-Востока правительственная политика в основном была направлена на формирование идентичного правового пространства для всех групп переселенцев, создание

благоприятных условий для христианизации. В чем-то ее проведение было успешным, да и осуществлялась она очень осторожно, без использования насильственных методов [Таймасов 2009, с. 90–100; Марискин 2016, с. 33–49]. Можно согласиться с В.А. Воропановым в том, что официально выраженная веротерпимость правительства основывалась на «политическом прагматизме», проведение которого требовало широкой социальной поддержки для результативной деятельности местной администрации. Следовательно, местные власти должны были обеспечить спокойное бесконфликтное развитие нового полиэтноконфессионального социума [Воропанов 2017, с. 21, 52–53].

Несомненно, что в ходе массовых миграций, постоянного переселения и размежевания земельных угодий все же нельзя было избежать конфликтов между разными группами переселенцев. Зачастую они возникали именно при перераспределении промысловых угодий, которые ранее принадлежали автохтонному населению Среднего Поволжья. Бывали случаи, когда на новых землях пришедшее раньше коренное население Казанского края вело себя агрессивно по отношению к представителям более поздней волны переселенцев.

Однако такие конфликты не перерастали в массовое межэтническое противостояние. Писцовые и прихода-расходные книги, выявленные А.А. Гераклитовым материалы [Гераклитов 2011, с. 104–117; Гераклитов 2006, с. 236–238], документы о Разинщине практически не содержат случаев подобных столкновений.

Уникальные сведения о конфликтных ситуациях, разбираемых уездными властями, содержатся в росписи дел симбирской приказной избы за 1662–1700 гг. Среди участников таких споров из нерусского населения исключительно высока доля чувашей. Совсем немного было татар и почти не встречается мордва [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6473]. Видимо, спорные дела с последними разбирались в съезжих избах Самарского и «внутреннего» Карсунского уездов, на территории которых в основном размещались мордовские селения.

В большинстве случаев судебные дела возникали из-за поземельных отношений. Разногласия случались между представителями самых различных социальных и этнических групп. Представители средневожских автохтонов зачастую жаловались, что их промысловые и земельные угодья были заняты при расселении казаков, стрельцов, помещиков или ошибочно отведены последним уездной администрацией. Бывало, что получавшие поместья дети боярские предпринимали попытки захватить дополнительные угодья. Так, например, симбирский помещик В.Л. Есипов самовольно занял угодья ясачных чуваш д. Бурундуки и Рунга [Димитриев 1986, с. 320]. Нередко, что и русские помещики страдали от самоуправства мордвы и других этносов Средневожья [Гераклитов 2006, с. 238]. Случались и конфликты между татарами, мордвой, чувашами и т. д. Так, в 1661 г. марийцы из Кокшайского уезда жаловались своему воеводе М.В. Шокурову на то, что: «...поселились де у них на их ясачной пашенной земле мешеряки своим

насильством, а сказываютца Синбирского уезду; и грани де у них на той их пашенной земле порубили, а иные выжгли, чтоб де им тою их пашенною землею и санными покосы завладеть, и их бы с той их пашенной земли согнать» [Димитриев 1996, с. 319]. Расследовавшие это дело подьячий и толмач из Кокшайска выступили в защиту своих крестьян.

В поведении недавно поселившихся в Южном Средневожье и вступающих в конфликт сторон наблюдалась одна любопытная особенность. Выступая в приказной избе, все они доказывали свою правоту, исходя из равенства прав на новые земли, угодья и т. д. В качестве гаранта «справедливого» решения спорного дела для них выступала прежде всего местная или московская администрация. Именно она, по мнению противостоящих сторон конфликта, вне зависимости от этнической или конфессиональной принадлежности спорящих должна была их защитить. Как считает известный зарубежный исследователь В. Кивельсон: «На основании своего места в царстве... каждый подданный царя мог взывать к его милосердию и требовать, по крайней мере, в принципе, беспристрастного разбирательства в его судах» [Кивельсон 2012, с. 282]. Трудно судить, насколько это осуществлялось в действительности. Судебное делопроизводство по Южному Средневожью между представителями различных этносов и конфессий сохранилось лишь фрагментарно. И все же случаи обращения к судебному разбирательству в приказных избах позволяют считать, что новые поселенцы надеялись на справедливое разрешение их дел [Гераклитов 2006, с. 236–238]. При этом спорные дела порой не ограничивались компетенциями местных властей. Как свидетельствуют записи в книгах Печатного приказа, вопрос мог дойти до Москвы и разбираться в приказе Казанского дворца и других учреждениях [Гераклитов 2006, с. 237]. В уездные приказные избы из Москвы нередко приходили грозные указания не «обижать» местных людей, судить их «по правде». Можно считать правомочным мнение Н.В. Никольского, говорившего о Соборном уложении 1649 г.: «Касаясь отношения воевод к инородцам, Уложение не только запрещает наказания и бесчинства, но прямо указывает, чтобы воеводы “крепко берегли инородцев”» [Никольский 1919, с. 48]. Вместе с тем он признает ограниченность этих положений, слабую их реализацию на практике.

Отечественные и зарубежные исследователи не единожды упоминают фрагмент из послания второй половины XVI в. к ногаям: «У нас в книгах хрестыанских писано николи не велено силою приводити к нашей вере; но кто какову веру захочет, тот такову веру и верует. А тому Бог судит в будущий век, хто верует право или не право; а человеком того судити не дано. А и у нас в нашей земле много мусульманского закону людей нам служит, а живут по своему закону» [Каппелер 2003, с. 131]. В этом, несомненно, декларативном заявлении содержится определенная доля правды. Так, Б.Э. Нольде считал, что статус «инородческих окраин» в составе России почти не отличался от ста-

туса центральных территорий, населенных великороссами [Кучумов, Сахибгареева 2014, с. 115; Нольде 2013, с. 236]. Многие современные исследователи, рассматривая организацию управления, правосудия и т. д. на вновь присоединенных территориях с автохтонным населением и на осваиваемых слабозаселенных (или почти не заселенных) пространствах Поля, приходят к аналогичным выводам [Воропанов 2017, с. 24–27]. То же самое можно сказать и о вновь колонизируемых районах лесостепного Юго-Востока страны. Очевидно, подавляющее большинство участников их начального заселения, создавших сеть постоянных поселений и взваливших на себя трудности хозяйственного освоения ранее пустынного пространства, формирования основ нового многонационального и поликонфессионального социума, в равной степени исходили из постулата, что они являются защищенными всей правовой системой Московского государства, акторами процесса «обретения родины» [«Обретение родины»... 2013, с. 7–10, 355–358]. Автохтонные народы недавно завоеванного Казанского ханства (массовые выступления завершились лишь в середине 1580-х гг.), как и русские переселенцы, активно участвовали в колонизации нового пространства и были практически равноправными участниками данного процесса. Выше уже говорилось, что московское правительство фактически соглашалось с таким «равноправием».

В источниках, освещающих процесс освоения Южного Средневолжья в конце XVI – XVII вв., практически отсутствуют данные о сколько-нибудь очевидном распространении православия среди поселившихся здесь тяглых чувашских, мордовских и татарских крестьян, о случаях насильственной христианизации переселенцев и грубом ущемлении их прав, о сколько-нибудь очевидных проявлениях аккультурации национальных меньшинств. Характерно, что даже в многочисленных селениях этих народов во владениях местных и центральных монастырей (Новодевичьего, Саввино-Сторожевского, самарского патриаршего Спасо-Преображенского и других), где церковные власти, казалось бы, должны были активно проводить политику христианизации, этого не случалось на протяжении всего XVII в. [Дубман 1991]. По крайней мере, нам неизвестно ни одного случая насильственного или добровольного перехода их в православие.

В.А. Юрченков, специально изучавший взгляды европейцев (прежде всего побывавших в России) на мордву, за единственным исключением, не смог выявить упоминаний о насильственной христианизации или особом бесправии этого народа [Юрченков 1995, с. 110–111, 122, 146–147, 182–183]. Кстати, в исторической науке, в том числе и зарубежной, получило развитие мнение, что вплоть до начала XVIII в. христианизация коренного населения Среднего Поволжья продвигалась достаточно медленно [Петухов 2014, с. 66; Каппелер 2017, с. 54–55]. Следует указать также на ряд работ современных российских историков, в значительной степени солидарных с зарубежными авторами [Чуваши: история и культура... 2009, с. 96;

Верняев 2017, с. 217–220; Миронов 2017]. Специально занимавшийся историей русской колонизации Среднего Поволжья и Южного Приуралья А. Каппелер писал о гибкости и прагматичности политики Москвы в религиозной области. По его мнению, она в XVI–XVII вв. ни в коем случае не ставила перед собой задачи «религиозной или языковой гомогенизации» [Каппелер 2017, с. 54–55].

Вместе с тем в западной «Россике» есть и иные наблюдения. Так, английский инженер Дж. Перри, лично общавшийся с татарами и мордвой, занятыми на строительстве и в охране канала на Камышенке, высказался точно и определенно о проблемах, связанных с отказом от принятия христианства: «...хотя им многократно предложены были значительные выгоды и преимущества, если они перекрестятся в Русскую Веру, несмотря на то, что им приходится ежедневно терпеть со стороны Русских оскорбления и обиды за то, что они упорствуют в своем отказе» [Перри 1871, с. 145–146]. Но, скорее всего, Перри пишет о служилых людях.

В заключение приведем уникальное описание 17 дворов уже рассматривавшейся выше д. Шланги середины 1660-х гг. Из всех дворов селения перечислены только 8. Их владельцы сеяли рожь – всего 3,75 десятины. Из них на долю Крымки Ивашкова приходилось 1,5 дес., на всех остальных семерых оставалось только 2,25 дес.

«Роспись Синбирского уезду деревни Шланги Крымки Ивашкова с товарищи дворам их, что построено:

Крымки Ивашкова двор. На дворе изба липовая, да клеть з лачуга, да баня, две карды тыном горожены. А двор в горюдье.

Чувашинина Меметки Байкова избенка пластинная дубовая, да лачуженка пластинное, да карда огорожена тыном дубовым.

Тое-же деревни чувашенина Альмяметки Янапталова избенко пластинное липовое, лачюга да канюшня липовое-же, да корда тыном огорожена.

Тое-же деревни чувашенина Байдемерка Пиктышева избенко дубовое и липовое, да лачужка тыном огорожена, да карда.

Тое-же деревни чувашенина Иржумки Окаева избенко дубовая пластинная с липовыми бревны, да лачужка тыном огорожена, да карда.

Тое-же деревни чувашенина Арбулатки Ахпулатова избенка дубова пластинная без верху, да лачужка пластинная, да карда.

Тое-же деревни чувашенина Байгуватки Пиктышева избенка дубовая пластинная, да лачужка пластинная, да карда.

Тое-же деревни чувашенина Пишенки Юркина двор в горюдье; на дворе изба пластинная дубовая, две клетки, да лачуга пластинная, а другая тыном огорожена, да гумно в горюдье-ж.

Тое-же деревни чувашенина Ирдутки Байрутина избенко дубовая пластинная, да лачуга осиновая, да карда.

Тое-же деревни чувашенина Толгейки Алагулова избенко пластинное дубовое, да клетенко осиновое, да карда.

Тое-же деревни чувашенина Альмаметки избенко дубовое пластинное, да лачуженко лубяное.

Тое-же деревни чувашенина Атимки Байбакова избенко пластинное дубовое, да карда.

Тое-же деревни чувашенина Полатки избенко дубовое, да карда.

Тое-же деревни чювашенина Чюренейка Байдерякова избенко липовая, да лачуга тыном огорожена, да карда.

Тое же деревни чюваши, что поселились на ту сторону Шланги реки за врагом к Исаеве даче Несветаева².

Чювашенина Сидулки Адутина избенко дубовая пластинная без верху, да карда.

Чювашенина Толатки Богданова избенко пластинное дубовое без верху, да карда.

Чювашенина Матюшки избенко липовая без верху, да лачужка дубовая, да карда» [Материалы исторические... 1898, с. 68–69].

Заключение

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники фрагментарны и не дают сколько-нибудь полного представления о формировании ясачного населения Южного Средневолжья. Несомненно, что тяглые автохтоны составляли одну из самых значимых категорий его жителей в начальный период освоения. До середины XVII в. именно они занимались эксплуатацией «наездом» природных ресурсов региона. Во второй половине столетия в ходе его массового хозяйственного освоения они наряду с русскими стали основными практически равноправными акторами оседлого земледельческого заселения Южного Средневолжья. Именно в это время происходил своеобразный процесс «обретения родины», когда из разных в этническом и конфессиональном отношении групп переселенцев начала складываться единая региональная социокультурная общность.

Источники фактического материала

Архив – Архив Музея Новодевичьего монастыря. URL: <http://portal.rusarchives.ru/muslib/nm/nsa.shtml>.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Библиографический список

Биленко 1980 – Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1980.

Верняев 2017 – Верняев Н.И. Очерки по истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017.

Водарский 1977 – Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. URL: <https://statehistory.ru/books/YA-E-Vodarskiy-Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII-nachale-XVIII-veka>.

Воропанов 2017 – Воропанов С.А. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М., 2017. 192 с. URL: https://litgid.com/read/sud_i_pravosudie_v_provintsii_rossijskogo_gosudarstva_v_xvi_pervoy_pолоvine_xviii_v_na_primere_oblastey_povolzhya_urala_i_zapadnoy_sibiri/page-2.php.

Герасимов 2011 – Герасимов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Герасимов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. URL: http://shalkino.ru/2_Geraklitov_Rolsar.html.

Герасимов 2006 – Герасимов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2 / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006.

Димитриев 1986 – Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI–начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. 456 с. URL: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--plai/ru/content/chuvashiya-v-epohu-feodalizma>.

Дубман 2014 а – Дубман Э.Л. «Корсунский уезд» во второй половине XVII – начале XVIII вв.: население и особенности его расселения // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2014 а. 292 с. URL: <https://b-ok.org/book/3052844/6efba2>.

Дубман 2014 б – Дубман Э.Л. Система расселения на территории Симбирского уезда к началу XVIII в. // Вестник СамГУ. 2014 б. № 1 (112). С. 33–40. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3815>.

Дубман 2005 – Дубман Э.Л. У истоков земледельческого освоения Симбирского Поволжья в первой половине XVII в. // Самарский земский сборник. 2005. № 4 (12). С. 3–11.

Дубман 1991 – Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.

Зерцалов 1897 – Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1897. 275 с. URL: <http://archo73.ru/Russian/17vek/serzalov/prichodnaya.htm>.

История Чувашской АССР... 1936 – История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1966. 287 с. URL: <http://chuvash-lib.blogspot.com/2014/12/1.html>.

Исхаков 1995 – Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

Кабытов, Дубман, Леонтьева 2012 – Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. «Обретение родины». Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.): к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8/2 (99). С. 5–20. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3291>.

Каппелер 2003 – Каппелер А.С. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–136. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17327679>.

Каппелер 2017 – Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // Мусульмане в новой имперской истории: сб. ст. / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. М., 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17968159>.

² Правильно Несветаева, в публикации допущена ошибка.

Кивельсон 2012 — Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII века. М., 2012. 360 с. URL: <https://b-ok.org/book/2874696/badebc>.

Козлов 1960 — Козлов В.И. Расселение мордвы (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. 1. Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LXIII. М., 1960.

Кучумов, Сахибгареева 2014 — Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. Исследователь истории Российской империи Б.Э. Нольде // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 107–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22259548>.

Марискин 2016 — Марискин О.И. Новокрещенная мордва Алатырского уезда в XVII — первой половине XVIII века // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования 2016. № 3 (35). С. 33–43. URL: http://jg.isi.mrsu.ru/assets/gumanitary_2016_35.pdf.

Мартынов 1903 — Мартынов П. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903. URL: <http://archeo73.ru/Russian/20vek/seleniya/index.htm>.

Мартынов 1897 — Мартынов П. Строельная книга города Симбирска. Симбирск, 1897. URL: http://www.suslony.ru/hist_libs/stroel_kn_Simbir.htm.

Материалы исторические... 1898 — Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского дворца. Т. 2: Собрание актов XVII-го и начала XVIII-го вв. В.П. Мещеринова, П.В. Анненкова, А.В. Толстого, Л.А. Прушакевича [и др.]. Симбирск, 1898. Т. 2. URL: <http://archeo73.ru/Russian/17vek/arshiv/index.htm>.

Миронов 2017 — Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. 640 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32498669>.

Мордовский фронтир... 2017 — Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовии; сост. В.Д. Кочетков [и др.]. Саранск, 2017. URL: <https://freedocs.xyz/pdf-466051877>.

Никольский 1919 — Никольский Н.В. Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919. URL: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/konspekt-po-istorii-narodnostey-povolzhya>.

Нольде 2013 — Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. 850 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21697920>.

«Обретение родины»... 2013 — «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX вв.). Ч. 1. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. URL: <http://padabum.com/d.php?id=106585>.

Перетяткович 1882 — Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882. 338 с. URL: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=3287>.

Перри 1871 — Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. URL: <http://istclub.ru/topic/638-%D0%B4-%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%B8-%D0%BD%D1%8B%D0%BD%D0%B5%D0%BC-%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B5-1716-%D0%B3>.

Петухов 2014 — Петухов А.В. Христианизация народов Среднего Поволжья в середине XVIII века в освещении современной американской историографии // Вестник Чувашского университета. 2014. №4. С. 64–70. URL: http://www.chuvsu.ru/images/stories/nauka/vestnik/vypusk/2014_4.pdf.

Писцовая книга Карсунского... 2014 — Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг.: публ. текста / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014. 543 с. URL: <https://www.csiul.ru/upload/iblock/bd3/bd3811213d374cdd0fe648ce975fb5ac.pdf>.

Писцовая книга Карсунского... 2014 — Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг.: публ. текста / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014. 543 с. URL: <https://www.csiul.ru/upload/iblock/bd3/bd3811213d374cdd0fe648ce975fb5ac.pdf>.

Таймасов 2009 — Таймасов Л.А. Правовое регулирование межконфессиональных отношений в Среднем Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1. С. 90–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20252370>.

Чуваши: история и культура... 2009 — Чуваши: история и культура. Т. 1 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары, 2009. 415 с. URL: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/comment/91>.

Юрченков 1995 — Юрченков В.А. Взгляд со стороны (мордовский народ и край в сочинениях западно-европейских авторов VI–XVIII столетий). Саранск, 1995. 288 с. URL: <http://forum.relicvia.ru/topic/98609-vzgliad-so-storony-mordovskii-narod-i-krai-v-sochi/#entry914143>.

Юрченков 2003 — Юрченков В. Мордовский этнос в имперском социуме. XVIII — начало XX вв. // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. / под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2003. С. 26–37. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/volga_ural/glava5_156_175_large.pdf.

References

Bilenko 1980 — Bilenko M.V. *Dvortsovaya mordva Alatyrskogo uezda v XVII veke (po pistovym i perepisnym knigam): dis. ... kand. ist. nauk* [Palace mordva of the Alatur uyezd in the 17th century (according to clerical and census books): Candidate's of Historical Sciences thesis]. Saransk, 1980 [in Russian].

Vernyayev 2017 — Vernyayev N.I. *Ocherki po istorii etnokontsional'noi politiki v Rossii* [Essays on the history of ethnic and religious policy in Russia]. SPb., 2017 [in Russian].

Vodarskiy 1977 — Vodarskiy Ya.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka (Chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie)* [Population of Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century (number, estate-class composition, accommodation)]. M., 1977. Available at: <https://statehistory.ru/books/YA-E-Vodarskiy-Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII-nachale-XVIII-veka> [in Russian].

Voropanov 2017 — Voropanov S.A. *Sud i pravosudie v provintsii Rossiiskogo gosudarstva v XVI — pervoi polovine XVIII v. (na primere oblastei Povolzh'ia, Urala i Zapadnoi Sibiri)* [Court and justice in the province of the Russian state in the XVI — first half of the XVIII century (on the example of the Volga, Urals and Western Siberia regions)]. M., 2017, 192 p. Available at: https://litgid.com/read/sud_i_pravosudie_v_provintsii_rossiyskogo_gosudarstva_v_xvi_pervoi_polovine_xviii_v_na_primere_oblastey_povolzhya_urala_i_zapadnoy_sibiri/page-2.php [in Russian].

- Geraklitov 2011 — Geraklitov A.A. *Rol' Saratova i Samary XVII v. v zhizni mordvy* [The role of Saratov and Samara of the XVII century in the life of the Mordovians]. In: Geraklitov A.A. *Izbrannoe: v 2 ch.* [Favourites: in 2 parts]. Saransk, 2011, Part 1. Available at: http://shalkino.ru/2_Geraklitov_Rolsar.html [in Russian].
- Geraklitov 2006 — Geraklitov A.A. *Samara i Samarskii uезд XVII v. (po zapisnym knigam Pechatnogo prikaza)* [Samara and Samara uyezd of the XVII century (on the notebooks of the Printed Order)]. In: *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya. Vyp. 2. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana* [Classics of Samara Regional Studies: Anthology. Issue 2. P.S. Kabytov, E.L. Dubman (Eds.)]. Samara, 2006 [in Russian].
- Dimitriyev 1986 — Dimitriyev V.D. *Chuvashiya v epokhu feodalizma (XVI—nachalo XIX vv.)* [Chuvashia in the era of feudalism (XVI — early XIX centuries)]. Cheboksary, 1986, 456 p. Available at: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/chuvashiya-v-epokhu-feodalizma> [in Russian].
- Dubman 2014 a — Dubman E.L. «Korsunskii uезд» vo vtoroi polovine XVII — nachale XVIII vv.: naselenie i osobennosti ego rasseleniya [«Korsunsky uезд» in the second half of the XVII — early XVIII centuries: population and features of its settlement]. In: *Rossiiskaya derevnya v XVIII—XXI vekakh: sotsiokul'turnoe izmerenie: sb. st. IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Nauch. red. G.E. Kornilov, V.A. Labuzov* [Russian village in the XVIII—XXI centuries: sociocultural dimension: Collection of articles of the IX International research and practical conference. G.E. Kornilov, V.A. Labuzov (Eds.)]. Orenburg, 2014 a, 292 p. Available at: <https://b-ok.org/book/3052844/6efba2> [in Russian].
- Dubman 2014 b — Dubman E.L. *Sistema rasseleniya na territorii Simbirskogo uyezda k nachalu XVIII v.* [System of settling in Simbirsk County to the beginning of XVIII century]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2014 b. № 1 (112), pp. 33–40. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3815> [in Russian].
- Dubman 2005 — Dubman E.L. *U istokov zemledel'cheskogo osvoeniya Simbirskogo Povolzh'ya v pervoi polovine XVII v.* [At the origins of the agricultural development of the Simbirsk Volga Region in the first half of the XVII century]. *Samarskii zemskii sbornik* [Samara Zemsky collection], 2005, no. 4 (12), pp. 3–11 [in Russian].
- Dubman 1991 — Dubman E.L. *Khozyaistvennoe osvoenie Srednego Povolzh'ya v XVII veke. Po materialam tserkovno-monastyrskikh vladenii* [Economic development of the Middle Volga Region in the XVII century. According to the materials of church and monastic possessions]. Kuibyshev, 1991 [in Russian].
- Zertsalov 1897 — Zertsalov A.N. *Materialy dlya istorii Simbirskoi i ego uyezda. (Prikhodo-raskhodnaya kniga Simbirskoi prikaznoi izby 1665–1667 gg.)* [Materials for the history of Simbirsk and its county. (Account book of the Simbirsk government office 1665–1667)]. Simbirsk, 1897, 275 p. Available at: <http://archo73.ru/Russian/17vek/serzalov/prichodnaya.htm> [in Russian].
- Istoriya Chuvashskoi ASSR... 1936 — *Istoriya Chuvashskoi ASSR. T. I.* [History of the Chuvash ASSR. Vol. 1]. Cheboksary, 1966, 287 p. Available at: <http://chuvash-lib.blogspot.com/2014/12/1.html> [in Russian].
- Iskhakov 1995 — Iskhakov D.M. *Dinamika chislennosti i osobennosti razmeshcheniya tatar v Volgo-Ural'skom regione v XVI — nachale XX vv.* [Dynamics of the number and characteristics of the placement of the Tatars in the Volga-Ural Region in the XVI — early XX centuries]. In: *Materialy po istorii tatarskogo naroda* [Materials on the history of the Tatar people]. Kazan, 1995. [in Russian].
- Kabytov, Dubman, Leontieva 2012 — Kabytov P.S., Dubman E.L., Leontieva O.B. «Obretenie rodiny». *Srednyaya Volga i Zavolzh'e v protsesse razvitiya rossiiskoi tsivilizatsii i gosudarstvennosti (vtoraya polovina XVI — nachalo XX vv.): k postanovke problemy* [«Acquisition of the homeland». To the problem of the place of the Middle Volga and Trans-Volga Region in the development of Russian civilization and statehood (from the middle of the XVI to the beginning of the XX centuries)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2012, no. 8/2 (99), pp. 5–20. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3291> [in Russian].
- Kappeler 2003 — Kappeler A.S. *Dve traditsii v otnosheniyakh Rossii k musul'manskim narodam Rossiiskoi imperii* [Two Traditions in the Attitude of Russia toward the Peoples of the Russian Empire]. *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2003, no. 2, pp. 129–136. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17327679> [in Russian].
- Kappeler 2017 — Kappeler A. *Yuzhnyi i vostochnyi frontir Rossii v XVI—XVIII vekakh* [The Russian Southern and Eastern Frontiers from the 15th to the 18th Centuries]. In: *Musul'mane v novoi imperskoi istorii: Sb. statei. Otv. red. i sost. V.O. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovskii, M. Mogilner, A. Semenov* [Muslims in the new imperial history: Collection of articles. Responsible editors and compliers V.O. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovsky, M. Mogilner, A. Semenov]. M., 2017. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17968159> [in Russian].
- Kivelson 2012 — Kivelson V. *Kartografiya tsarstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Mapping of the Kingdom: The Earth and its values in Russia of the 17th Century]. M., 2012, 360 p. Available at: <https://b-ok.org/book/2874696/bade6c> [in Russian].
- Kozlov 1960 — Kozlov V.I. *Rasselenie mordvy (Istoricheskiy ocherk)* [Mordovian Settlement (Historical Sketch)]. In: *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda. Trudy mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii. Vyp. 1. In: Trudy instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya. T. LXIII* [Questions of the ethnic history of the Mordovian people. Works of the Mordovian ethnographic expedition. Issue 1. Proceedings of the Institute of Ethnography named after N.N. Miklouho-Maclay. New series. Vol. LXIII]. M., 1960 [in Russian].
- Kuchumov, Sakhibgareeva 2014 — Kuchumov I.V., Sakhibgareeva L.F. *Issledovatel' istorii Rossiiskoi imperii B.E. Nol'de* [Researcher of the history of the Russian Empire B.E. Nolde]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2014, no. 10, pp. 107–118. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22259548> [in Russian].
- Mariskin 2016 — Mariskin O.I. *Novokreshchenaya mordva Alatyrskogo uyezda v XVII — pervoi polovine XVIII veka* [Novokreshchenaya mordva of the Alatyrsky district in XVII — the first half of the XVIII century]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya* [Humanitarian: actual problems of the humanities and education], 2016, no. 3 (35), pp. 33–43. Available at: http://jg.isi.mrsu.ru/assets/gumanitary_2016_35.pdf [in Russian].
- Martynov 1903 — Martynov P. *Seleniya Simbirskogo uyezda. (Materialy dlya istorii Simbirskogo dvoryanstva i chastnogo zemlevladieniya v Simbirskom uезде)* [Settlements of the Simbirsk County. (Materials for the history of the Simbirsk nobility and private land ownership in Simbirsk district)]. Simbirsk, 1903. Available at: <http://archo73.ru/Russian/20vek/seleniya/index.htm> [in Russian].
- Martynov 1897 — Martynov P. *Stroel'naya kniga goroda Simbirsk* [Building book of the city of Simbirsk]. Simbirsk,

1897. Available at: http://www.suslony.ru/hist_librs/stroel_kn_Simbir.htm [in Russian].

Materialy istoricheskie... 1898 — *Materialy istoricheskie i yuridicheskie raiona byvshego Prikaza Kazanskogo dvortsa. T. 2: Sobranie aktov XVII-go i nachala XVIII-go vv. V.P. Meshcherinova, P.V. Annenkova, A.V. Tolstogo, L.A. Prushakevicha i dr.* [Historical and legal materials of the area of the former Order of the Kazan Palace. Vol. 2: Collection of Acts of the XVII and beginning of the XVIII century. V.P. Meshcherinova, P.V. Annenkova, A.V. Tolstoy, L.A. Prushakevich et al.]. Simbirsk, 1898, Vol. 2. Available at: <http://archo73.ru/Russian/17vek/arshiv/index.htm> [in Russian].

Mironov 2017 — *Mironov B.N. Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii* [Managing the ethnic diversity of the Russian Empire]. SPb., 2017, 640 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32498669> [in Russian].

Mordovskii frontir... 2017 — *Mordovskii frontir v zerkale prikaznoi statistiki (pervaya chetvert' XVII veka. XV gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovii; sost. V.D. Kochetkov [i dr.]* [Mordovian frontier in the mirror of prikaz statistics (the first quarter of the XVII century. Research Institute of Humanitarian Sciences under the Government of the Republic of Mordovia; compiled by V.D. Kochetkov [et al.]). Saransk, 2017. Available at: <https://freedocs.xyz/pdf-466051877> [in Russian].

Nikolskiy 1919 — *Nikolskiy N.V. Konspekt po istorii narodnostei Povolzhya* [Synopsis of the history of peoples of the Volga Region]. Kazan, 1919. Available at: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/konspekt-po-istorii-narodnostey-povolzhya> [in Russian].

Nolde 2013 — *Nolde B.E. Istoriya formirovaniya Rossiiskoi imperii* [History of the formation of the Russian Empire]. SPb., 2013, 850 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21697920> [in Russian].

«Obretenie rodiny»... 2013 — «*Obretenie rodiny*»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI — nachalo XX v.). Ch. 1. Ocherki istorii. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, O.B. Leont'evoi* [«Acquisition of the Homeland»: society and power in the Middle Volga Region (second half of the 16th — early 20th centuries). Part 1. Essays of history. P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontyeva (Eds.)]. Samara, 2013. Available at: <http://padabum.com/d.php?id=106585> [in Russian].

Peretyatkovich 1882 — *Peretyatkovich G.I. Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka: Ocherki iz istorii kolonizatsii kraia* [Volga region in the XVII and early XVIII century: Essays from the history of colonization of the region]. Odessa, 1882, 338 p. Available at: <https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=3287> [in Russian].

Perry 1871 — *Perry J. Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare* [The state of Russia under the current king]. M., 1871. Available at: [http://istclub.ru/topic/638-%D0%B4-](http://istclub.ru/topic/638-%D0%B4-%D0%BF-%D0%B5-%D1%80-%D1%80%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%B8-%D0%BD%D1%8B%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BC-%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B5-1716-%D0%B3)

[D0%B4-%D0%BF-%D0%B5-%D1%80-%D1%80%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%B8-%D0%BD%D1%8B%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BC-%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B5-1716-%D0%B3](http://istclub.ru/topic/638-%D0%B4-%D0%BF-%D0%B5-%D1%80-%D1%80%D0%B8-%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BF%D1%80%D0%B8-%D0%BD%D1%8B%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BC-%D1%86%D0%B0%D1%80%D0%B5-1716-%D0%B3) [in Russian].

Petukhov 2014 — *Petukhov A.V. Khristianizatsiya narodov Srednego Povolzhya v seredine XVIII veka v osveshchenii sovremennoi amerikanskoi istoriografii* [Christianization of the Middle Volga peoples in the mid-eighteenth century in contemporary American historiography]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2014, no. 4, pp. 64–70. Available at: http://www.chuvsu.ru/images/stories/nauka/vestnik/vypusk/2014_4.pdf [in Russian].

Pistsovaya kniga Karsunskogo... 2014 — *Pistsovaya kniga Karsunskogo i Sim-birskogo uezdov 1685-1686 gg.: publ. teksta. Sost. Yu.N. Mel'nikov* [Scribal book of Karsunsky and Simbirsky counties in 1685–1686: publication of the text. Compiler Yu.N. Melnikov]. Ulianovsk, 2014, 543 p. Available at: <https://www.csiul.ru/upload/iblock/bd3/bd3811213d374cdd0fe648ce975fb5ac.pdf> [in Russian].

Taymasov 2009 — *Taymasov L.A. Pravovoe regulirovanie mezkhkonnatsional'nykh otnoshenii v Srednem Povolzh'e vo vtoroi polovine XVI–XVII vv.* [Legal regulation of interconfessional relations in the Middle Volga Area in the second half of the XVI–XVII centuries]. *Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta* [Vestnik of the Russian University of Cooperation], 2009, no. 1, pp. 90–100. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20252370> [in Russian].

Chuvashi: istoriya i kul'tura... 2009 — *Chuvashi: istoriya i kul'tura. T. 1. Otv. red. V.P. Ivanov* [The Chuvash: history and culture. Vol. 1. V.P. Ivanov (Ed.)]. Cheboksary, 2009, 415 p. Available at: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/comment/91> [in Russian].

Yurchenkov 1995 — *Yurchenkov V.A. Vzglyad so storony (mordovskii narod i kraj v sochineniyakh zapadno-evropeiskikh avtorov VI–XVIII stoletii)* [View from the side (the Mordovian people and the region in the writings of Western European authors of the 6th–18th centuries)]. Saransk, 1995, 288 p. Available at: <http://forum.relicvia.ru/topic/98609-vzglyad-so-storony-mordovskii-narod-i-krai-v-sochi/#entry914143> [in Russian].

Yurchenkov 2003 — *Yurchenkov V. Mordovskii etnos v imperskom sotsiume. XVIII — nachalo XX vv.* [The Mordva Ethnos within the Russian Empire System: The XVIIIth — Early XXth Centuries]. In: *Novaya volna v izuchenii etnopoliticheskoi istorii Volgo-Ural'skogo regiona: sb. st. Pod red. K. Matsuzato* [New wave in the study of ethnopolitical history of the Volga-Ural Region: collection of articles. K. Matsuzato (Ed.)]. Sapporo, 2003, pp. 26–37. Available at: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/volga_ural/glava5_156_175_large.pdf [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-24-29
УДК 94(470)

Дата поступления статьи: 4/III/2019
Дата принятия статьи: 26/IV/2019

О.А. Безгина

КООПЕРАТИВНОЕ БОЛЬШИНСТВО И ЛИДЕРЫ КООПЕРАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

© Безгина Ольга Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой истории и философии, Тольяттинский государственный университет, 445021, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: bezgina@tltu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3987-6504>

АННОТАЦИЯ

В статье на примере Среднего Поволжья поднимается одна из неоднозначных проблем развития кооперативного движения России в начале XX века: участие кооперации в политической жизни страны. В отечественной историографии на этот счет сложились различные точки зрения: от полного отрицания участия кооператоров в политической жизни до гордого признания и даже преувеличения их роли в политических процессах. Последнее, как правило, характеризовало советскую историографию, заявлявшую об активном участии представителей партии большевиков в работе кооперативных организаций. В дореволюционный период об опасности кооперации как потенциального рассадника революционных настроений периодически сообщали представители жандармских управлений. Сами же теоретики и практики кооперации, как правило, декларировали аполитичность кооперации. Целью данной статьи является определение места политики в жизни кооперативных организаций и степени фактического участия кооперативного большинства и лидеров кооперации в политической жизни.

Для достижения этой цели проведен анализ историографии, изучен опыт деятельности кооперативов в губерниях Среднего Поволжья, приведены соответствующие примеры. С методологической точки зрения мы исходим из того, что кооперация есть двуединое явление, тесно объединяющее в себе как экономические, так и социальные функции. В основу статьи положены общенаучные принципы познания, такие как историзм и объективность. Указанные принципы помогли оценить суть исследуемой проблемы, учитывая различные точки зрения как ученых, так и современников изучаемых событий. Динамика процессов, характеризовавших кооперативное движение Среднего Поволжья в начале XX в., изучалась с помощью статистического метода.

Системный подход позволил увидеть место политических процессов в жизни кооперативных обществ и кооперативного движения в целом и сделать вывод о том, что чем теснее кооперация входила во взаимодействие с государством, тем больше кооперативные лидеры включались в политическую жизнь. Последнее, в свою очередь, приводило к разногласиям и даже к расколу в кооперативных рядах.

Ключевые слова: кооперация, кооперативное движение, политика, лидеры кооперации, кооперативные съезды, кооперативные союзы.

Цитирование. Безгина О.А. Кооперативное большинство и лидеры кооперации в политических процессах начала XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 24–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-24-29>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

O.A. Bezgina

COOPERATIVE MAJORITY AND LEADERS OF COOPERATION IN THE POLITICAL PROCESSES OF THE EARLY XX CENTURY

© Bezgina Olga Anatolievna – Candidate of Historical Sciences, associate professor, honorary worker of the education sector of the Russian Federation, head of the Department of History and Philosophy, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445667, Russian Federation.
E-mail: bezgina@tltu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3987-6504>

ABSTRACT

In the article on the example of cooperative societies of the Middle Volga Region one of the ambiguous problems of the development of cooperative movement in Russia in the early XX century is raised: the participation of cooperation in the political life of the country. In domestic historiography, various points of view have developed on this subject: from the complete denial of the participation of cooperatives in political life to the proud recognition and even exaggerated their role in political processes. The latter, as a rule, characterized Soviet historiography, which declared the active participation of representatives of the Bolshevik Party in the work of cooperative organizations. In the pre-revolutionary period, representatives of gendarme offices were periodically informed about the danger of cooperation as a potential hotbed of revolutionary sentiment. Theorists and practitioners of cooperation themselves, as a rule, declared the apolitical nature of cooperation. The purpose of this article is to determine the place of politics in the life of cooperative organizations and the degree of actual participation of cooperative majority and leaders of cooperation in political life.

To achieve this goal, an analysis of historiography was carried out, the experience of cooperative activity in the provinces of the Middle Volga Region was studied, and corresponding examples were given. From a methodological point of view, we proceed from the fact that cooperation is a dual phenomenon, which closely combines both economic and social functions. The article is based on the general scientific principles of knowledge, such as historicism and objectivity. These principles helped to assess the essence of the problem being studied, taking into account the different points of view of both scholars and contemporaries of the events studied. The dynamics of the processes that characterized the cooperative movement of the Middle Volga Region in the early XX century were studied using the statistical method.

The systems approach allowed us to see the place of political processes in the life of cooperative societies and the cooperative movement as a whole. And to conclude that the closer the cooperation entered into interaction with the state, the more cooperative leaders were involved in political life. The latter, in turn, led to disagreements and even to a split in the cooperative ranks.

Key words: cooperation, cooperative movement, politics, leaders of cooperation, cooperative congresses, cooperative unions.

Citation. Bezgina O.A. *Kooperativnoe bol'shinstvo i lidery kooperatsii v politicheskikh protsessakh nachala XX veka* [Cooperative majority and leaders of cooperation in the political processes of the early XX century]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 24–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-24-29> [in Russian].

Введение

Обращение к опыту развития кооперативного движения России остается актуальным. Как и сто лет назад, в настоящее время Россия переживает период модернизации, и одним из приоритетных направлений становится задача создания социально-экономической системы, способной к саморазвитию и качественному росту. К такой форме самозанятости населения в полной мере относится кооперация. Опыт, накопленный кооперацией России в начале XX в., доказывает, что кооперативные формы деятельности сочетают в себе как индивидуальные, так и коллективные интересы, постоянно развиваясь как в количественном, так и в качественном отношениях.

В начале XX в. кооперативные организации представляли собой разветвленное развивающееся движение. Власти инициировали и поощряли процессы вовлечения широких народных масс в кооперацию, рассматривая ее в качестве одного из способов включения их в рыночную экономику. Особенно большие надежды возлагались на возможности кооперации в преобразовании крестьянской жизни. Вместе с тем у власти существовало опасение, что кооперативные организации станут рассадником вольнодумных идей и революционных настроений. Поэтому, поощряя развитие кооперации, государство одновременно осуществляло опеку и устанавливало контроль над кооперативными обществами, опасаясь самостоятельности народа, объединенного в кооперативы.

Историография

Изначально кооперация в трудах ее создателей и инициаторов воспринималась не только как экономическое, но и как социальное явление, как «одна из сил, способных преобразовать буржуазное общество» [Дианова, с. 247]. Видный представитель консервативной мысли России Л.А. Тихомиров очень высоко оценивал роль кооперации в развитии социокультурной жизни страны. Он писал: «Обществу необходимо постоянно проявлять заботу о развитии внутренней народной организации и самостоятельности, ибо нельзя помочь людям, самим о себе не заботящимся» [Тихомиров, с. 328]. Важно подчеркнуть, что обе функции кооперации ее идеологам представлялись равнозначными. О возможностях кооперации в сфере преобразования социальной жизни писали такие классики кооперативной мысли, как М.И. Туган-Барановский, В.Ф. Тотомианц, А.В. Чаянов, С.Н. Прокопович, С.Л. Маслов и другие.

Неоднозначную природу кооперации не отрицали и государственные органы. Так, в «Записке о кооперативном движении», распространявшейся в губернские жандармские управления, определенно указывалось, что кооперативное общество «имеет целью содействовать *материальному и духовному* (выделено мной. — О.Б.) благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов» [Кооперация... 1917, с. 1]. Несмотря на это, стремление кооперации развивать не только материальную, но и социальную стороны жизни чрезвычайно волновало власти: «...идея кооперации сама по себе... представляется весьма полезной: потребительные общества, если они *осуществляют свои прямые задачи* (выделено мной. — О.Б.), достойны содействия и поощрения» [Кооперация... 1917, с. 3]. Опасения государственных властей вполне объяснимы, поскольку и сами идеологи кооперативного движения связывали его развитие не только с экономическими, но и с демократическими преобразованиями в стране. Так, например, историк кооперации А.А. Николаев еще в 1906 г. писал, что «кооперация не может развиваться в нашей деревне, пока крестьянство (тормоз) не будет уравновешено в своих правах с другими сословиями» [Безгина 2013, с. 17].

История развития отечественного кооперативного движения в начале XX в. показала, что оно развивалось как синтез двух составляющих: собственно кооперативной массы и идейно-организационного руководства кооперацией. Кроме того, нельзя не согласиться с новейшим исследователем истории и теории кооперации В.Г. Егоровым, который предложил разделять такие понятия, как собственно «кооперация» и общественное, а подчас и политическое «движение вокруг кооперации». Автор пришел к выводу, что «изучение истории кооперации, социально-экономических предпосылок кооперирования, характера, темпов и условий развития кооперативных форм общественного производства не должно смешиваться с общественным движением за кооперацию» [Безгина 2015, с. 29].

Противостояние государства и кооперации в процессе расширения кооперативной деятельности

Действительно, в начале XX в. количество кооперативных организаций постоянно росло. В связи с этим у политических партий появилось желание использовать эту силу. К примеру, Лондонский 1907 г. съезд РСДРП в своей резолюции зафиксировал, что кооперация — это «форма организации в деле защиты и обслуживания экономических интересов рабочих масс» [Протоколы... 1935, с. 643]. В 1908 г. ЦК РСДРП принял специальную резолюцию, в которой поставил цель «в интересах единства и широты рабочего движения... привлекать потребительские товарищества к совместным действиям с профессиональными союзами и с.-д. рабочей партией и непосредственным участием членов с.-д. партии содействовать возможно тесному сближению всех видов рабочей организации» [Корелин 1992, с. 125]. Собственную программу работы с сельскими кооперативами вырабатывала и Партия социалистов-революционеров. В развитии кооперативного движения антиправительственные силы видели «пробуждение народных низов, школы демократии, новые пути в борьбе за существование и за социальный прогресс и одну из главных форм рабочего движения» [Кооперация... 1917, с. 5].

Дополнительным поводом настороженного отношения государства к кооперации стали попытки кооператоров утвердить единый кооперативный закон. Проекты этого закона последовательно рассматривались на всероссийских кооперативных съездах в 1908, 1912 и 1913 гг. Наконец, осенью 1915 г. 75 членов Государственной думы его одобрили. Затем этот законопроект был передан на рассмотрение Государственного совета, где он был «положен под сукно». Власти не скрывали, что желание кооперации получить большую независимость вызывало их опасение.

В Проекте единого кооперативного закона, представленного в Государственный совет, недовольство властей вызывало, в частности, то, что он «...задуман чрезвычайно широко и направлен в удовлетворение общественного настроения к объединению общественных масс *для достижения преимущественно политических, а не экономических целей*» [Кооперация... 1917, с. 3].

Следует сказать, что первые уездные и губернские кооперативные съезды проводились уже в начале XX в. К примеру, в феврале 1905 г. и мае 1908 г. проходили самарские губернские съезды кредитных товариществ. В декабре 1908 г. и декабре 1910 г. — уездные: Мелекесский и Бузулукский Самарской губернии съезды представителей кредитных кооперативов. Можно считать закономерным, что в этот период инициировали и патронировали работу кооперативных съездов, как правило, земские деятели или государственные чиновники.

Председательство земских и государственных чиновников на кооперативных съездах объяснялось не только стремлением помочь «мужичкам» в организации работы съезда, но и оградить кооператоров от вредного влияния «интеллигенции». В этом

смысле примечательный эпизод произошел на съезде представителей кредитных товариществ Самарской губернии 15–17 февраля 1905 г. Участники съезда приняли решение составить адрес на имя императора Николая II и избрали комиссию для его составления. Председательствующий на съезде заместитель управляющего Самарского отделения Государственного банка А. Ершов дал общие указания относительно содержания адреса. Однако комиссия к ним не прислушалась. В составленном ею адресе содержалась критика существующих законов, которые, по мнению авторов, «тяжело отозвались на жизни народа и привели к полному упадку благосостояния деревни» (РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Ед. хр. 574. Л. 5). Тогда председатель съезда самостоятельно составил другой адрес, который и был принят подавляющим большинством участников. Утвержденный адрес выражал исключительно комплементарные и верноподданнические чувства в отношении императора. В знак протеста некоторые члены комиссии, составлявшие первый вариант адреса, «демонстративно оставили зал заседания». Любопытно, «что ни один из представителей кредитных товариществ Самарской губернии не последовал их примеру, все они остались в зале и принимали участие в заседаниях до закрытия съезда, ушли только представители учреждений г. Самары» (РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Ед. хр. 574. Л. 5). Этот пример красноречиво свидетельствует о том, что крестьянам — членам кредитных товариществ было гораздо важнее решать конкретные вопросы жизнедеятельности их товариществ, чем участвовать в политических акциях.

Опасение властей вызывало также стремление кооператоров легализовать культурно-просветительную деятельность. Открытие учебных заведений, библиотек, организация курсов, издательская деятельность, страховые и пенсионные операции воспринималось властями как желание кооперации укрепить свою независимость и уйти из-под влияния правительства.

Не меньшее беспокойство власти порождало стремление кооперативных деятелей к союзному объединению. Обусловлено это было практическими целями, что и подчеркивалось в резолюциях кооперативных съездов. Власти же смотрели на это иначе. В Записке по кооперации для жандармских управлений говорилось, что кооперативные союзы «с их широкой и неопределенной компетенцией... вызывают серьезные возражения с точки зрения политического их значения, как заключающие в себе стремление встать вне зависимости от правительственной власти и занять наряду с ней равное положение» [Кооперация... 1917, с. 4].

О непростом пути союзного строительства писал А.В. Меркулов — историк кооперации начала XX в.: «Если создание десятков тысяч кооперативов, будучи явлением грандиозным, все же идет по определенному руслу, с какою-то стихийной силой, наподобие бесчисленных побегов, порождаемых плодотворной землей, то рост союзного строительства происходит в результате напряженнейшей борьбы с общественно-политическими условиями» [Меркулов 1918, с. 216]. К примеру,

на утверждение устава Казанского губернского союза понадобилось 7 лет.

Политика в жизни кооперативных обществ

Однако насколько обоснованным было настроенное отношение власти к кооперации и какое в действительности место занимала политика в жизни кооперативных обществ? В истории кооперации Среднего Поволжья встречаются лишь единичные факты, свидетельствующие о деятельности политиков в кооперативных обществах. Так, 19 апреля 1911 г. было закрыто Царицинское общество рабочих лесопильных заводов. Членов этого общества обвинили во «вредной» деятельности, «выразившейся главным образом в незаконном воздействии на владельцев заводов в смысле нежелательных уступок рабочим и тайном подстрекательстве к забастовкам последних» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 257. Ед. хр. 140. Л. 165). Была ли к этому причастна какая-либо партийная организация, неизвестно.

Другой эпизод связан с самарским «Вторым потребительским обществом». В феврале 1915 г. в донесении Губернского жандармского управления г. Самары указывалось на то, что общество является местом притяжения политически неблагонадежных лиц. В источниках советского периода сообщалось даже, что на первом организационном собрании общества «Самопомощь» в 1915 г. выдвигались политические требования: «Установить всеобщее избирательное право, полновластное народное представительство, свободу союзов, слова, собраний, печати, неприкосновенности личности» (ЦГАСО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 3. Л. 18). Следует заметить, что подобные сведения вступают в противоречие с другими. К примеру, сохранились воспоминания А. Пospelова, участника первого организационного совещания общества «Самопомощь», которое проходило в ноябре 1915 г. В них говорится, что инициатором этого собрания были земские служащие, «к ним присоединились представители рабочих больничной кассы и других общественных организаций города Самары» [Пospelов 1923, с. 98]. Проходило это совещание в подвальном этаже Самарской губернской земской управы. Повестка дня была краткой — всего два вопроса: «1. Нужно ли объединение потребительских кооперативов Самарской губернии и 2. Возможно ли это объединение» [Пospelов 1923, с. 98]. Согласно этим воспоминаниям, ни о какой политической программе на совещании не говорилось. Советские источники также упоминают, что в 1916 г. В.В. Куйбышев непродолжительное время работал в кооперативе «Самопомощь» конторщиком. Однако сведения о какой-либо его политической деятельности в кооперативе отсутствуют как в дореволюционных, так и в советских источниках.

Вот, пожалуй, все немногочисленные примеры участия кооперации Среднего Поволжья в политических процессах. Более распространенными оказываются такие характеристики, которые содержатся, к примеру, в донесении жандармского управления Саратовской губернии: «...состав этих обществ... является спокойным. Конечно, в составе многих

из них и в составе правлений наблюдаются лица в прошлом с ненадлежащим настроением, но они составляют меньшинство. И в настоящее время не уклоняются от прямых, указанных условиями организаций, задач» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 257. Ед. хр. 140. Л. 165).

Любопытную статистику приводит новейший исследователь истории кооперативного движения России — саратовский историк И.Н. Коновалов. Согласно его данным, результаты проверки правлений кооперативных обществ Новоузенского уезда Самарской губернии на наличие неблагонадежных лиц в 1909 г. показали, что к таковым были отнесены лишь 8 из 236 человек [Коновалов 2015, с. 37]. В марте 1911 г. в целом по стране по итогам проведенных проверок была подготовлена записка на имя директора Департамента полиции. Вывод, сделанный в этом документе, говорит сам за себя: «Деятельность сельских кооперативных учреждений, благодаря материальной заинтересованности участвующих в них крестьян, является чисто экономической. Политически неблагонадежные лица в составе кооперативов заметного влияния не имеют и использовать общественные деньги на нелегальные цели вопреки воле благонадежного большинства не могут» [Коновалов 2015, с. 37].

В период Первой мировой войны положение изменилось: «Значение кооперативной работы в деле обороны страны сделалось уже очевидно огромным, разрешения на открытия союзов стали получаться почти беспрепятственно» [Анцыферов 2005, с. 327]. В июле 1915 г. право утверждать уставные документы на открытие союзов кредитных товариществ было передано от Совета министерств Министерству финансов. Связанное с этим упрощение процедуры открытия союзов привело к тому, что в середине октября 1917 г. в России насчитывалось 136 союзов кредитных товариществ [Прокопович 1923, с. 15].

Ситуация с участием кооперации в политических процессах кардинально поменялась в феврале 1917 г. Временное правительство рассматривало кооперацию как важную силу с точки зрения не только экономического, но и общественно-политического развития государства. Отсюда и шаги, предпринятые Временным правительством в отношении кооперации: незамедлительное утверждение единого кооперативного закона, и включение в состав правительства деятелей кооперации, возложение на кооперативных инспекторов обязанности проводить агитацию среди крестьян покупать облигации Займа Свободы, участие кооператоров в сборе крестьянских наказов Учредительному собранию и многое другое.

Вместе с тем часть представителей самой кооперации увидели в новом строе дополнительные возможности. Наиболее видные представители кооперативного движения России в марте 1917 г. создали Совет всероссийских кооперативных съездов — организацию, призванную аккумулировать общественно-политические мероприятия кооперации и осуществлять ее взаимодействие с руководящими государственными органами.

Протоколы многочисленных, как центральных, так и региональных, съездов кооперативных товариществ по большей части отражали общее политическое возбуждение. Кооператоры формулировали свою политическую платформу, создавали лекторские группы, учреждали политические газеты, собирали средства в фонд Учредительного собрания и проводили агитацию по его выборам. Наконец, 6 октября Всероссийский кооперативный съезд принял решение об участии кооперации в выборах в Учредительное собрание.

Однако эти процессы вызвали противодействие у представителей кооперативного большинства, тех, кого волновало развитие кооперативной, а не идеологической работы. «Смещены уже многие лучшие кооперативные работники; взамен их кое-где выбраны и дельные люди, но в массе — все это иксы. Какой оборот теперь примут кооперативные дела, сказать трудно», — восклицали кооператоры, выражая свое возмущение происходящим (РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Ед. хр. 458. Л. 190).

Заключение

Таким образом, анализ участия кооперативных организаций Среднего Поволжья в политических процессах показал его неоднозначность. Отдельные политические силы стремились использовать, кооперативные организации, хотя кооперативное большинство, как правило, игнорировало эти попытки. Немногочисленные примеры политической деятельности в кооперации Среднего Поволжья связаны главным образом с городскими потребительскими обществами, объединявшими пролетариев. Однако даже в этих случаях никакой системной политической работы не зафиксировано. В гущу политической жизни кооперацию ввергли революционные события 1917 г. Чем теснее кооперация входила во взаимодействие с государством, тем активнее кооперативные лидеры включались в политическую жизнь. Последнее, в свою очередь, приводило к разногласиям и даже к расколу между руководством кооперации и рядовым кооперативным большинством.

Неприятие рядовыми кооператорами фактов нарушения кооперативных принципов и наметившейся тенденции переориентации кооперативной деятельности в сторону политики выразилось прежде всего в том, что на выборах в Учредительное собрание кооператоры набрали менее 1 % голосов. Фактически это продемонстрировало раскол кооперации.

Источники фактического материала

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области.

Библиографический список

Анцыферов 2005 — Анцыферов А.Н. Центральные банки кооперативного кредита. М.: Об-во купцов и промышленников России, 2005. 354 с. (Экономическая история России: ЭИР).

Безгина 2013 — Безгина О.А. К вопросу эволюции крестьянской кооперации Поволжья в начале XX века [Электронный ресурс] // XX век и Россия: общество, реформы, революции: сб. ст. Вып. 1, часть 1. Самара, 2013. С. 6–17.

Безгина 2015 — Безгина О.А. Развитие кооперативного движения в дореволюционной России: историография вопроса [Электронный ресурс] // XX век и Россия: общество, реформы, революции: сб. ст. Вып. 3. Самара, 2015. С. 6–35.

Дианова 2015 — Дианова Е.В. Кооперация в социалистической мысли Западной Европы (первая половина XIX века): монография. Петрозаводск: [б. и.], 2015. 263 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008099906>.

Кооперация... 1917 — Кооперация с точки зрения охраны (Извлечено И.П. Ткачуком из архивов Самарского жандармского управления). Саратов: Типография «ПОРЯДОК» Г.И. Бурштейна и Ш.Д. Левинзона, 1917. 16 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009109760>.

Коновалов 2015 — Коновалов И.Н. Отношение политических партий к российскому кооперативному движению в начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 36–39. URL: <https://imo.sgu.ru/sites/imo.sgu.ru/files/konovalev.pdf>.

Корелин 1992 — Корелин А.П. Кооперация в общественно-политической жизни России в начале XX века // Отечественная история. 1992. № 4. С. 117–125. URL: http://Annales.info/sbo/contents/oi.htm#92_4.

Меркулов 1918 — Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. Петроград: Мысль, 1918. 225 с.

Поспелов 1923 — Поспелов А. К вопросу возникновения кооперации в Самарской губернии // Самарский губсоюз за три года: очерки истории и деятельности Самар. губерн. союза потребителей. о-в. Самара, 1923. С. 98–102. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009171382>.

Прокопович 1923 — Прокопович С.Н. Кредитная кооперация в России. М.: Кооперативное изд-во, 1923, 144, 10 с.

Протоколы... 1935 — Протоколы пятого съезда РСДРП. Май-июнь 1907 г. / под ред. Е. Ярославского. Изд. второе. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 643 с. URL: <http://bookfi.net/book/781929>.

Тихомиров 1997 — Тихомиров Л.А. Социализм в государственном и общественном отношении // Критика демократии. М., 1997. С. 328–347.

References

Antsyferov 2005 — Antsyferov A.N. Tsentral'nye banki kooperativnogo kredita [Central banks of cooperative credit]. M.: Ob-vo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 2005, 354 p. (Economic history of Russia: EIR) [in Russian].

Bezgina 2013 — Bezgina O.A. K voprosu evolyutsii krestyanskoj kooperatsii Povolzhya v nachale XX veka

[On the question of the evolution of peasant cooperation in the Volga Region at the beginning of the XX century]. In: XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii: sb. st. Vyp. 1, chast' 1 [XX Century and Russia: society, reform, revolution, Issue 1, part 1]. Samara, 2013, pp. 6–17 [in Russian].

Bezgina 2015 — Bezgina O.A. Razvitie kooperativnogo dvizheniya v dorevolyutsionnoi Rossii: istoriografiya voprosa [Development of the cooperative movement in pre-revolutionary Russia: historiography of the issue]. In: XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii: sb. st. Vyp. 3 [XX century and Russia: society, reforms, revolutions: collection of articles. Issue 3]. Samara, 2015, pp. 6–35 [in Russian].

Dianova 2015 — Dianova E.V. Kooperatsiya v sotsialisticheskoi mysli Zapadnoi Evropy (pervaya polovina XIX veka): monografiya [Cooperation in the socialist thought of Western Europe (first half of the XIX century): monograph]. Petrozavodsk: [b. i.], 2015, 263 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008099906> [in Russian].

Kooperatsiya... 1917 — Kooperatsiya s tochki zreniya okhranki (Izvlacheno I.P. Tkachukom iz arkhivov Samarskogo zhendarm'skogo upravleniya) [Cooperation from the point of view of the secret police. (Extracted by I. P. Tkachuk from the archives of the Samara Gendarme Department)]. Saratov: Tipografiya «PORyADOK» G.I. Burshteina i Sh.D. Levinzona, 1917, 16 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009109760> [in Russian].

Konovalev 2015 — Konovalev I.N. Otnoshenie politicheskikh partii k rossiiskomu kooperativnomu dvizheniyu v nachale XX veka [The Attitude of Political Parties to the Russian Cooperative Movement at the Beginning of the XX Century]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2015, Vol. 15, Issue 2, pp. 36–39. Available at: <https://imo.sgu.ru/sites/imo.sgu.ru/files/konovalev.pdf> [in Russian].

Korelin 1992 — Korelin A.P. Kooperatsiya v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii v nachale XX veka [Cooperation in the social and political life of Russia in the early XX century]. Otechestvennaya istoriya [Russian History], 1992, no. 4, pp. 117–125. Available at: http://Annales.info/sbo/contents/oi.htm#92_4 [in Russian].

Merkulov 1918 — Merkulov A.V. Voprosy kooperativnogo dvizheniya v Rossii [Issues of cooperative movement in Russia]. Petrograd: Mysl', 1918, 225 p. [in Russian].

Pospelov 1923 — Pospelov A.K. voprosu vozniknoveniya kooperatsii v Samarskoi gubernii [To the question on the emergence of cooperation in the Samara province]. In: Samar'skii gubsoyuz za tri goda: ocherki istorii i deyatel'nosti Samar. gubern. soyuza potrebit. o-v [Samara Province Union in three years: essays on the history and activities of Samara province union of consumer societies]. Samara, 1923, pp. 98–102. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009171382> [in Russian].

Prokopovich 1923 — Prokopovich S.N. Kreditnaya kooperatsiya v Rossii [Credit cooperation in Russia]. M.: Kooperativnoe izd-vo, 1923, 144, 10 p. [in Russian].

Protokoly... 1935 — Protokoly pyatogo s'ezda RSDRP. Mai-iyun' 1907 g. Pod red. E. Yaroslavskogo. Izd. vtoroe [Proceedings of the Fifth Congress of the RSDLP. May-June 1907. E. Yaroslavsky (Ed.). Second edition]. M.: Partizdat TsK VKP(b), 1935, 643 p. Available at: <http://bookfi.net/book/781929> [in Russian].

Tikhomirov 1997 — Tikhomirov L.A. Sotsializm v gosudarstvennom i obshchestvennom otnoshenii [Socialism in state and public relations]. In: Kritika demokratii [Critique of democracy]. M., 1997, pp. 328–347 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35
УДК 908

Дата поступления статьи: 10/IV/2019
Дата принятия статьи: 25/IV/2019

Л.Г. Мкртчян

АРМЯНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В САМАРСКОМ КРАЕ В 1915–1920-Е ГГ.

© Мкртчян Луиза Геворговна — аспирант, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: mkrtyanluiza@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5396-8707>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории формирования армянской диаспоры Самарского края в период геноцида начала XX в. Задача исследования состоит в том, чтобы реконструировать социальный портрет армянских беженцев, прибывавших в Самарский край. На основе документов из фондов Центрального государственного архива Самарской области (паспортов, удостоверений беженца, анкетных листов) создана база данных, позволившая решить поставленную задачу. С помощью количественных методов были охарактеризованы динамика численности армянских беженцев, получивших удостоверения в Самаре в период 1915–1921 гг., распределение беженцев по полу, возрасту, семейному положению, месту выбытия. Определено, что в 1915–1921 гг. общая численность армянских беженцев в Самаре составляла более 400 человек.

В результате проведенного исследования доказано, что армянская диаспора Самарского края в годы геноцида формировалась за счет беженцев преимущественно из Восточной Армении; армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы находились также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. По социальному составу в основном это были представители средних ремесленных слоев, молодого поколения (преобладающая возрастная группа — от 20 до 44 лет); четверть от общего числа беженцев составляли дети. Часть беженцев впоследствии осталась в Самарском крае, что подтверждается статистическими данными и архивными источниками. Таким образом, период 1915–1921 гг. стал важным этапом формирования армянской диаспоры Самарского края.

Ключевые слова: армяне, диаспора, Самарский край, геноцид, беженцы.

Цитирование. Мкртчян Л.Г. Армянские беженцы в Самарском крае в 1915–1920-е гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

ARMENIAN REFUGEES IN THE SAMARA REGION IN 1915–1920-IES

© Mkrtchyan Luiza Gevorgovna – postgraduate student, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: mkrtchyanluiza@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5396-8707>

ABSTRACT

The article is devoted to the history of the formation of the Samara regional Armenian diaspora in the period of the Genocide at the beginning of the 20th century. The task of the study is to reconstruct the social portrait of Armenian refugees who were arriving to the Samara Region. On the basis of documents from the funds of the Central State Archive of the Samara Region (passports, refugee certificates, questionnaires), a database was created that allowed the task to be solved. The author used quantitative methods to determine the dynamics of the number of Armenian refugees who received certificates in Samara in the period 1915–1921, the distribution of refugees by gender, age, marital status, place of departure. According to calculations, the total number of Armenian refugees in Samara in 1915–1921 was more than 400 people.

As a result of the study, it was proved that the Armenian diaspora of the Samara Region in the years of the Genocide was formed from the refugees who arrived mainly from Eastern Armenia; Armenian refugees with their families began to arrive en masse to the Samara Region in 1919. Samara was the arrival center, but the refugees stayed also in the entire Samara province and neighboring regions. In terms of social composition, the refugees were representatives of the middle artisan strata, mostly the younger generation (the predominant age group was from 20 to 44 years); a quarter of the total number of refugees were children. Some of the refugees subsequently remained in the Samara Region, that is confirmed by statistical data and archival sources. The study allows us to characterize the period of 1915–1921 as an important stage in the formation of the Samara regional Armenian diaspora.

Key words: Armenians, diaspora, Samara region, Genocide, refugees.

Citation. Mkrtchyan L.G. *Armyanskie bezhentsy v Samarskom krae v 1915–1920-e gg.* [Armenian refugees in the Samara Region in 1915–1920-ies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35> [in Russian].

Введение

История армянской диаспоры Самарского края находится на пересечении нескольких важных научных проблем.

Одна из них – история формирования армянской диаспоры (под этим термином в современной науке понимается «совокупность населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или регионе нового расселения» [Тишков 2000, с. 43]) в мировом и российском масштабе. В современном мире армянская диаспора входит в десятку в «мировой этнической сетке» по численности и в тройку по уровню влияния; костяк сегодняшней «классической» диаспоры составляют потомки выходцев из Западной Армении, чьи предки сумели спастись во время геноцида 1915–1923 гг. [Армяне в России... 2013, с. 7].

В то же время обращение к данной теме позволяет проследить историю формирования многонационального облика населения Самарского края. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Самарской области проживают представители 157 национальностей; среди народов Самарской области шестое место по численности (22 981 чел.) занимают представители армянской

диаспоры – частица многомиллионной армянской диаспоры, разбросанной по всему миру (Всероссийская перепись населения 2010). Армянская диаспора Самары характеризуется не только значительной численностью (в пять раз выше, чем в соседних Ульяновской и Пензенской областях), но и активным участием в общественной и культурной жизни Самарского края. В связи с этим возникает необходимость самоидентификации общины, обращения к историческому опыту ее формирования, интеграции и социального поведения в этнокультурных условиях Самарского края. К этой проблематике обращался ряд исследователей, в том числе активные представители местной общины, такие как В.Г. Каркарьян [Каркарьян 2003, с. 220–226], А.Р. Мартиросян [Мартиросян 2003, с. 106–113], Л.А. Агаджанян [Агаджанян 2016].

Постановка задач

Представители армянского народа проживали в Самаре еще в XIX в. По результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. армянская диаспора Самарского края насчитывала 33 человека по Самарской губернии, 21 из которых проживал в г. Самаре, и представляла собой немногочисленную торгово-промыш-

ленную общность (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897, с. 58).

Юридический статус общины армянская диаспора Самарского края впервые приобрела в годы Гражданской войны. Это было обусловлено резким увеличением численности диаспоры в крае в связи с притоком армянских беженцев из Армении в условиях геноцида.

В историографии до сих пор не предпринималось попытки исследовать данный период в истории армянской диаспоры Самарского края в контексте геноцида: определить численность, территориальное и социальное происхождение беженцев, годы и маршруты их прибытия в Самарский край, изучить процедуру оформления документов, обеспечивавших им право на проживание в России. Решение данных проблем и явилось задачами настоящего исследования.

Методология

Источниковой базой для исследования послужили архивные документы, обнаруженные автором в Центральном государственном архиве Самарской области. В фонде Самарского губернского отдела управления исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Самары находится дело с паспортами, дававшими право на свободное проживание в России армянским подданным; документы выдавались в период Гражданской войны по удостоверениям беженца (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8). На основании этого массива документов была сформирована база данных, включающих в себя следующие параметры: фамилия, имя и отчество беженца, его возраст; семейное положение, состав семьи; место выбытия; кем выдано удостоверение или российский паспорт; дата получения удостоверения беженца; дата получения российского паспорта; дополнительная информация (в ряде случаев документы содержали сведения биографического характера и данные о роде занятий беженца).

На основе количественных методов были охарактеризованы динамика численности армянских беженцев, получивших удостоверения в Самаре в период 1915–1921 г., распределение беженцев по полу, возрасту, семейному положению, месту выбытия. Подсчеты существенно затруднял тот факт, что, как правило, паспорт получал лишь глава семьи, указывая в графе «Семейное положение» остальных членов семьи (от 2 до 5 человек); во многих случаях имена, пол и возраст членов семьи не указывались или указывались выборочно. Поэтому большинство расчетов произведено применительно к главам семьи и одиноким, получавшим паспорт на свое имя. Отдельно были произведены подсчеты, позволившие определить распределение по возрасту армянских детей, получавших удостоверения индивидуально или указанных в составе семьи. Таким образом, сохранившиеся в архиве документы позволяют реконструировать многомер-

ный социальный портрет армянских беженцев Самарского края в 1918–1920-е гг.

Ход исследования

В годы Первой мировой войны и геноцида армянские беженцы тысячами хлынули в Россию; согласно подсчетам А. Амбарян, к 1919 г. только в Среднем Поволжье насчитывалось более 4 тысяч беженцев из Западной Армении. Общественные организации и комитеты помощи армянским беженцам создавались на Кавказе, в Москве и Петрограде; в поволжских городах также действовали различные общественные организации – такие как дамские попечительские комитеты, которые участвовали в акции по сбору средств «Один армянин – один золотой», объявленной газетой «Армянский вестник», а также по сбору одежды для детей-сирот из числа беженцев [Амбарян 2011, с. 142]. Все эти организации с 1916 г. возглавлял и координировал Эчмиадзинский комитет братской помощи, сыгравший важную роль в помощи беженцам, давший им возможность выжить, адаптироваться, получить моральную поддержку, медицинскую помощь, продовольствие. Эчмиадзинский комитет действовал при поддержке Эчмиадзинского католикосата [Арутюнян 2006, с. 26].

Центром прибытия беженцев была Самара, куда они приезжали через Оренбург и Саратов. Здесь беженцы получали российские паспорта сроком на полгода. По истечении этого срока они должны были восстановить национальный паспорт (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 1). Главным основанием для получения российских паспортов были удостоверения и билеты беженцев, выданные датским Красным Крестом (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 238 об.), и удостоверения, подтверждающие национальную идентичность, от пастыря армян г. Самары архимандрита Григориса (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 444 об.). Действовавшая в Самаре Миссия датского Красного Креста по защите населения, председателем которой был Гонсдаль (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 238 об.), выдавала удостоверения различным иностранцам, поскольку в годы Гражданской войны Самара оказалась на пересечении многих миграционных потоков.

Кроме названных выше институтов билеты беженцев выдавали Самарская губернская чрезвычайная комиссия, Самарский грузинский комитет, Отдел управления исполкома Самаро-Златоустовской железной дороги, Саратовский отдел по делам армян, Сызранское городское полицейское управление, Армянский национальный комитет г. Оренбурга, Уфимский губовак, Мелекесская городская милиция. Этот перечень организаций позволяет судить о том, что армянские беженцы находились и в других населенных пунктах Самарской и сопредельных губерний. Часть прибывших уже имела при себе билеты беженцев, выданные на родине (в качестве выдавших их организаций и должностных лиц указывались Армянское консуль-

ство г. Владикавказа, Бакинский мещанский староста, Артвинское полицейское управление, Особый отдел Южной группы иностранцев).

Согласно подсчетам на основе сохранившихся документов, всего было выдано 236 удостоверений различными органами власти, общественными организациями и их представителями. 50 % удостоверений беженцев выдали Самарский отдел датского Красного Креста (35 % от общего количества) и пастырь Самарской армянской религиозной общины (15 %). Одна шестая часть от общего количества полученных удостоверений была выдана Самарской городской милицией и Самарским губернским отделом управления. Можно сделать вывод, что подавляющую часть удостоверений армянские беженцы получали по прибытии в Самарский край.

Удостоверения беженцев, сохранившиеся в архиве, можно классифицировать по году их получения. Общий период получения удостоверений — с 1915 по 1921 г.; из 182 беженцев, отметивших год получения удостоверения, 146 указали 1919 г., что составляет 80 % от общего количества ответов (абсолютное большинство), 13 % беженцев указали 1920 год, 4 % — 1918 год. Местами выбытия армянских беженцев явились Армения (181 человек, или 84 %), в том числе Елизаветпольская губерния (15 человек, или 6 %), Эриванская губерния (13 человек, или 5 %), Эрзерум (1 %). 72 % подданных Армении не указали конкретное место выбытия. Оставшаяся часть беженцев включала выходцев из Грузии (7 %, в том числе из Тбилисской и Кутаисской губерний) и Азербайджана (все 7 % беженцев были из Баку).

Таким образом, пик притока беженцев приходится на весну 1919 г. в период массовых миграций преимущественно из Восточной Армении (Эриванской, Елизаветпольской, Карсской губерний), когда там происходили турецкие погромы после ухода русских войск в 1918 году.

Период оформления паспортов в Самаре составлял несколько месяцев; в некоторых случаях они выдавались сразу. По нашим подсчетам, паспорта получили 214 человек (это неполные данные: в архивном деле отсутствует некое количество вырезанных листов). При этом лишь один член семьи получал паспорт, указывая в графе «Семейное положение» имена остальных членов семьи. Судя по этим данным, средняя численность семей прибывших составляла 3 человека (показатели варьируются от 2 до 5 человек на семью).

Поскольку графа «Семейное положение» могла пониматься в разных аспектах, некоторые беженцы указывали, состоят они в браке или нет. 39 % беженцев отметили, что прибыли с семьями. Семья чаще всего состояла из близких родственников (супруги, родители, дети, дяди, тети).

Более половины беженцев (54 % — 222 человека) составили мужчины, 35 % (147 человек) — женщины, у 11 % (44 человека, речь шла о детях) пол не был указан. Общее число беженцев, согласно паспортным данным, составило 413 человек.

Отметим, что 89 % владельцев удостоверений беженцев и получивших российские паспорта (то есть абсолютное большинство) указали возраст как свой, так и членов семьи. Преобладающую возрастную группу (62 %) составляло молодое поколение — от 20 до 44 лет. Численность детей беженцев — 103 человека, причем у 68 % из них был указан возраст. Четверть из указавших возраст составили дети до 9 лет (13 % — до 5 лет, 12 % — 5–9 лет). Почти половину (43 %) составили дети подросткового возраста (20 %) и совершеннолетние, вписанные в паспорт родителей (23 %).

Контингент прибывших относился в основном к городскому ремесленному слою. Многие беженцы в анкетных листах отмечали, что родом их деятельности является чувяшничество (производство обуви). Так, Симонянц Унан Степанович указал следующие сведения о себе: армянин 17 лет, армяно-григорианского вероисповедания, чувяшник, выходец из Ереванской губернии, г. Нахичевань, бежал от турок, приехал по билету беженца (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 108). Меньшую часть беженцев составляли крестьяне.

О занятиях беженцев мы можем судить по заполненным ими анкетным листам иностранцев. К сожалению, сохранилось лишь 11 % таких анкетных листов, заполненных армянскими беженцами. В них указывался род занятий на родине и в России. Были зафиксированы следующие занятия на родине: садоводство, учеба, служба, лесничество, чувяшничество, сапожничество, портновское и парикмахерское дело. Род занятий беженцев в Самаре зачастую оставался прежним: 4 человека из 7, указавших род занятия «чувяшник», сохранили род деятельности в Самаре. 3 человека указали, что служат в Горпотребе. Кроме того, были указаны такие занятия: служба на Самарской железной дороге, в Отделе военачальника Самары, в Самарском губернском бюро, парикмахерское дело, учеба, хлебопашничество, чернорабочий.

Анализируя данные из анкетных листов, можно заметить две особенности. Во-первых, в них указывалась лояльность по отношению к советской власти, которую было необходимо подтвердить через организации или конкретных людей. Во-вторых, при заполнении анкетных листов избегали приводить факты, подтверждающие статус беженца. В графе «Цель прибытия» указывались личные причины (учеба и пр.). Однако имена заполнявших анкетные листы лиц были обнаружены и среди билетов и удостоверений беженцев. Например, Аваков Карапет Сергеевич в анкетном листе указывает следующее: неграмотный; православный; в Россию прибыл железной дорогой в 1905 г. по работе; занятие на родине — чувяшник, в России — то же; родился в Тифлисе; документы, удостоверяющие личность, — паспорта Губотдела; принадлежность к Губсоюзу; семья находится в Самаре; проживает на свои средства; отбывал воинскую повинность в Самаре; воинский чин — рядовой; за лояльность по отношению к советской власти

поручается Губсоюз; перемена адреса — Шихобалова, 47 (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 76). Вместе с тем на его же имя есть билет беженца, выданный Самарским отделом датского Красного Креста в апреле 1919 г. (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 29). Сами вопросы анкетных листов не предполагали указания статуса беженца и были сформулированы так: «Когда прибыл в Россию», «По какому делу приехал», «Каким путем приехал». Это наводит на мысль, что власть не была заинтересована в том, чтобы афишировать вопрос об армянских беженцах и масштабы проблемы в условиях заполненности Самары тысячами различных беженцев.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, архивные данные позволяют сделать вывод, что армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы находились также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. Армянские беженцы были выходцами преимущественно из Восточной Армении. По социальному составу это были представители средних ремесленных слоев, в основном молодого поколения. Четверть от общего числа беженцев составили дети (до 5 лет и подростки).

Сколько же беженцев «осело» в Самарском крае в дальнейшем? Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность армянского населения Самарской губернии к 1926 г. составила 239 человек (приверженцев Армянской церкви), 222 из них проживали в городе Самаре, в селах — 6 человек (Всесоюзная перепись населения 1926 г., с. 34).

По-видимому, большая часть армянских беженцев покинула Самарский край, поскольку случаи обновления российских паспортов встречаются в архивных материалах редко. Возможно, измученные армяне умерли от страшного голода, настигшего Поволжье в 1920-е гг.; кто-то из них мог продолжить свой беженский путь, переехав в другие регионы России. Но малая часть беженцев осталась в Самарском крае. Это подтверждается не только статистическими данными, но и тем, что их имена встречаются в других архивных источниках. На основании этого мы можем выделить период геноцида и Гражданской войны как важный этап формирования армянской диаспоры Самарского края.

Источники фактического материала

Всероссийская перепись населения 2010 — *Всероссийская перепись населения 2010 г.* Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. Самарская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=56 (дата обращения: 05.04.2019).

Всесоюзная перепись населения 1926 — *Всесоюзная перепись населения 1926 года*. Т. 9: Российская

Социалистическая Федеративная Советская республика. Отд. 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность / Центр. стат. упр. СССР. Отдел переписи. М.: ЦСУ, 1929. 228 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 — *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. 201 с.

ЦГАСО — *Центральный государственный архив Самарской области*.

Библиографический список

Агаджанян 2016 — *Агаджанян Л.А. Армянская община в Самаре: история и этнокультурные аспекты развития (середина XIX—XXI века): дис. ... канд. ист. наук*. Самара, 2016. 262 с. URL: <http://www.dslib.net/etnografia/armjanskaja-obwina-v-samare-istorija-i-jetnokulturnye-aspekty-razvitija.html>.

Амбарян 2011 — *Амбарян А. Интеграция армянской диаспоры в общероссийский социум на примере Поволжья: ретроспектива проблемы* // *Власть*. 2011. № 11. С. 138–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17065687>.

Армяне в России... 2013 — *Армяне в России: сб. ст. / под ред. Э.Р. Григорьяна*. М.: Институт социальных наук, 2013. 157 с. URL: <http://programma.x-pdf.ru/16tehnicieskie/388932-1-armyane-rossii-sbornik-statey-moskva-201-bbk-udk-3-00183-100-armyane-rossii-sbornik-statey-pod-red-ergrigoryana.php> [in Russian].

Каркарьян 2003 — *Каркарьян В.Г. Армяне* // *Этносы Самарского края: ист.-этногр. очерки*. Самара, 2003. С. 220–226.

Мартirosян 2003 — *Мартirosян А.Р. Армения и армяне Самарской губернии*. Самара, 2003. 176 с. URL: <https://docplayer.ru/44126954-Armeniya-i-armyane-samarskoy-gubernii.html>.

Тишков 2000 — *Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры* // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 43–63. URL: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1793.pdf>.

Арутюнян 2006 — Հարությունյան Ա. Հայոց Մեծ Երկնոր եկ հայ գաղթականությունը Կովկասում 1914–1916 թթ. // *Հայոց Ցեղասպանության արդի խնդիրներ*. 2006 №1. Էջ 26.

References

Agadzhanian 2016 — *Agadzhanian L.A. Armianskaia obschina v Samare: istoriia i etnokul'turnye aspekty razvitiia (seredina XIX—XXI veka): dis. ... kand. ist. nauk* [The Armenian community in Samara: history and ethnocultural aspects of development (middle of 19th — 21st century): Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2016, 262 p. Available at: <http://www.dslib.net/etnografia/armjanskaja-obwina-v-samare-istorija-i-jetnokulturnye-aspekty-razvitija.html> [in Russian].

Ambaryan 2011 — *Ambaryan A. Integratsiya armyanskoi diaspori v obshcherossiiskii sotsium na primere Povolzhya: retrospektiva problemy* [Integration of the Armenian diaspora into the all-Russian society on the example of the Volga Region: a retrospective of the problem]. *Vlast'* [Power], 2011, no. 11, pp. 138–142. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17065687> [in Russian].

Armyane v Rossii... 2013 — *Armyane v Rossii: sbornik statei. Pod red. E.R. Grigoryana* [Armenians in Russia. Collection of articles. E.R. Grigorian (Ed.)]. M.: Institut sotsial'nykh nauk, 2013, 157 p. Available at: <http://programma.x-pdf.ru/16tehnicheskie/388932-1-armyane-rossii-sbornik-statey-moskva-201-bbk-udk-3-00183-100-armyane-rossii-sbornik-statey-pod-red-ergrigoryana.php> [in Russian].

Karkar'yan 2003 — *Karkar'yan V.G. Armyane* [Armenians]. In: *Etnosy Samarskogo kraya: ist.-etnogr. ocherki* [Ethnic groups of the Samara Region: historical and ethnographic essays]. Samara, 2003, pp. 220–226. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19684208> [in Russian]

Martirosyan 2003 — *Martirosyan A.R. Armeniya i armyane Samarskoi gubernii* [Armenia and the Armenians of the

Samara Region]. Samara, 2003, 176 p. Available at: <https://docplayer.ru/44126954-Armeniya-i-armyane-samarskoy-gubernii.html> [in Russian].

Tishkov 2000 — *Tishkov V.A. Istoricheskii fenomen diaspori* [Historical phenomenon of the diaspora]. In: *Etnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 2, pp. 43–63. Available at: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1793.pdf> [in Russian].

Harutunyan 2006 — *Harutunyan A. Hayots Mets Yegherne yev hay gaghtakanutyune Kovkasum 1914–1916 tt.* [Armenian Genocide and Armenian immigration in Caucasus in 1914–1916-ies]. In: *Hayots Tseghaspanutyani ardi khndirner* [Current topics of the Armenian Genocide], 2006, no 1, 26 p. [in Armenian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-36-41
УДК 94(47).084.3

Дата поступления статьи: 10/IV/2019
Дата принятия статьи: 25/IV/2019

О.Б. Мозохин

КОНТРОЛЬ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) ЗА ВЕДЕНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

© Мозохин Олег Борисович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра экономической истории, Институт российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

E-mail: mozohin@bk.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7515-080X>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — на основе введения в научный оборот новых архивных документов отразить механизм принятия решений Политбюро ЦК ВКП(б) по уголовным делам, имеющим общественно-политический характер.

Проводившаяся в это время реформа судебной системы была необходима для поддержания революционной законности в стране. Несмотря на то что она носила ярко выраженный политический характер, полного доверия к ней со стороны партийных органов, как видно, не было.

Автором установлено, что после введения партийного контроля за деятельностью органов государственной безопасности с середины 1920-х годов установлен партийный контроль и за рассмотрением судебных дел. С этой целью была создана Политическая комиссия при ЦК ВКП(б). Установлено, что в процессе ее деятельности проявлялись двойные стандарты при принятии решений по рассмотрению уголовных дел, это ярко проявилось при рассмотрении т. н. «Читинского дела». Его публичное рассмотрение несло исключительно отрицательный политический результат. В связи с этим преступление, совершенное членами коммунистической партии, члены Политбюро объяснили полным непониманием совершенного деяния с их стороны. Высший партийный орган страны в виде исключения принял решение — ограничиться применением к преступникам не уголовного, а партийного наказания.

Ключевые слова: Политбюро, ОГПУ, ЦКК, судебная система, политкомиссия, Читинское дело, партийный контроль.

Цитирование. Мозохин О.Б. Контроль Политбюро ЦК ВКП(б) за ведением политически значимых уголовных дел в судах общей юрисдикции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 36–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-36-41>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

CONTROL OF THE POLITBURO OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) OVER THE CONDUCT OF POLITICALLY SIGNIFICANT CRIMINAL CASES IN COURTS OF GENERAL JURISDICTION

© Mozokhin Oleg Borisovich – Doctor of Historical Sciences, head researcher at the Center for Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.

E-mail: mozokhin@bk.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7515-080X>

ABSTRACT

The purpose of the article is to reflect the mechanism of decision-making of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) with regard to cases having socio-political nature considered at the political commission of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the basis of introduction of new archival documents into scientific circulation.

The reform of the judicial system at that time was necessary to maintain the revolutionary rule of law in the country. Despite the fact that it was of a pronounced political nature full trust to it from party bodies as it was visible wasn't.

The author found that after the introduction of party control over the activities of state security bodies, since the mid-1920-ies party control and the consideration of court cases. With this purpose the Political Commission of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) was created. It is established that in the process of its activity there were double standards in making decisions on criminal cases, this was clearly manifested in the consideration of the so-called «Chita case». Its public consideration was extremely negative political result. In this regard, the crime committed by members of the Communist party, members of the Politburo, explained the complete lack of understanding of the committed act on their part. The highest party body of the country, as an exception, made the decision to limit the use of non-criminal and party punishment to criminals.

Key words: Politburo, OGPU, Central Control Committee, judicial system, political commission, Chita case, party control.

Citation. Mozokhin O.B. *Kontrol Politbyuro TsK VKP(b) za vedeniem politicheski znachimyykh ugolovnykh del v sudakh obshchei yurisdiktsii* [Control of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) over the conduct of politically significant criminal cases in courts of general jurisdiction]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 36–41. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-36-41> [in Russian].

Введение

6 февраля 1922 г. при НКВД РСФСР было создано Государственное политическое управление. 15 февраля 1922 г., Политбюро ЦК РКП(б) принимает решение о партийном контроле над органами государственной безопасности и возлагает лично на А.С. Енукидзе наблюдение за тем, чтобы ни один вопрос, связанный с ГПУ, не поступал на разрешение Президиума ВЦИК без предварительного согласования в Политбюро (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 2. Л. 25). В этой форме партийный контроль просуществовал многие годы. Решения Политбюро были окончательными: ВЦИК и ЦИК лишь юридически оформляли эти решения.

Немного позже в Политбюро предпринимаются попытки установить контроль и за ведением политически значимых уголовных дел, ведущихся в судах общей юрисдикции. Идея создания такого контроля носила чисто политический характер, когда на первый план выдвигалась не идея законности, а «революционная целесообразность».

Цель настоящей статьи – на основе введения в научный оборот новых архивных документов отразить механизм принятия решений Политбюро ЦК ВКП(б) по делам, рассмотренным на Политкомиссии при Центральном комитете ВКП(б) по рассмотрению судебных дел, имеющих общественно-политический характер. На примере «Читинского дела» показать, как уже утвержденное решение могло быть отменено Политбюро по политическим основаниям.

Судебная система 1920-х годов

Совершенно очевидно, для того, чтобы «правильно влиять» на работу судов, необходимо было создать партийную структуру, контролирующую эту деятельность. Таким образом в дополнение к контролю над органами государственной безопасности, которые вели следствие по всем политическим делам, Политбюро ЦК ВКП(б) намеревалось взять под контроль и судебную систему, так как после проведенного следствия дела передавались в суд. Нельзя было это дело пустить на самотек, суды

были разные, иногда попадались и принципиальные.

Конечно, можно было обойтись и внесудебными полномочиями, которыми были наделены органы государственной безопасности, но тогда не получится провести показательные процессы с заранее определенными решениями. Такие процессы власти были необходимы, так как влияли на умонастроение масс, оправдывали провалы экономического развития страны сваливали все ошибки руководства партии и правительства на вредителей и злоумышленников.

Учитывая это обстоятельство, Политбюро установило контроль и над судебной системой. Суды так же, как и ОГПУ, стали выполнять поставленные перед ними задачи беспрекословно. Они были ширмой, все вопросы по политически значимым делам решало Политбюро ЦК ВКП(б). Именно оно решало, какой процесс провести: открытый или закрытый. Кого на какой срок осудить, кого помиловать. Суды были нужны только для обнародования решений Политбюро и рассмотрения мало значимых дел.

При Политбюро ЦК ВКП(б) были созданы комиссии, которые рассматривали дела, по которым местными судами могли выноситься приговоры к высшей мере наказания, и дела о всех предполагаемых к постановке процессах политического характера.

В первый раз вопрос контроля над судами и создания с этой целью специальной комиссии рассматривался в Политбюро 17 апреля 1924 г. Было принято решение, которое запретило местным судам выносить приговоры к высшей мере наказания по политическим делам без предварительной санкции ЦК ВКП(б).

11 июля 1924 г. Политбюро был установлен порядок, согласно которому дела, где предполагалось вынесение высшей меры наказания, до отправления в суд направлять в Центральную прокуратуру для утверждения обвинительного заключения. В свою очередь Центральная прокуратура должна была просматривать дела, представляемые местными прокуратурами, и докладывать их Политбюро (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 9).

5 ноября 1924 г. Политбюро ЦК ВКП(б) изменило этот порядок. «Установить, как правило, что местные обвинительные заключения предварительно просматриваются особой комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) в составе Курского, Куйбышева и Дзержинского» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 23). 11 декабря 1924 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение избрать заместителями Д.И. Курского, В.В. Куйбышева и Ф.Э. Дзержинского в комиссии по политическим делам Н.В. Крыленко, М.Ф. Шкирятова и В.Р. Менжинского (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 23, Л. 29).

Через два года, 25 марта 1926 г., Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклад Крыленко о работе политической комиссии и вновь подтвердило ее полномочия, определенные на заседании 17 апреля 1924 г. о запрещении местными судами выносить приговоры по политическим делам без предвари-

тельной санкции ЦК ВКП(б). На Л.М. Кагановича была возложена персональная ответственность за проведение этого решения в жизнь (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 23, 37).

18 сентября 1926 г. Народный комиссар юстиции Н.В. Крыленко и Председатель ОГПУ В.Р. Менжинский направили в секретариат Политбюро ЦК ВКП(б) письмо, в котором анализировался опыт работы Политкомиссии при Центральном комитете ВКП(б) по рассмотрению судебных дел, имеющих общественно-политический характер. Была высказана необходимость точного определения предела компетенции комиссии. Это было связано с тем обстоятельством, что из Секретариата ЦК ВКП(б) в Политкомиссию посылались на заключение дела, которые не подлежали там рассмотрению, то есть дела, не имеющие общественно-политического значения.

В комиссию пересылались также разнообразные по содержанию запросы, просьбы и предложения местных партийных организаций. Иногда они касались дел, решения по которым уже были вынесены. Кроме того, поступали ходатайства об обязательном утверждении приговоров Верховным Судом и другие не связанные с работой Комиссии просьбы.

Были высказаны опасения по поводу превышений полномочий Политкомиссии при ЦК Украины, которая на своих заседаниях стала рассматривать почти все дела. Как было установлено, эта комиссия присвоила себе полномочия Политбюро ЦК ВКП(б) и решала вопросы не только относительно того, как должно слушаться то или другое дело, показательным процессом или нет, но и вопрос, какие меры репрессии должны быть применены к отдельным обвиняемым.

Комиссия по политделам Украины, минуя Политкомиссию при ЦК ВКП(б), свои постановления направляла на утверждение непосредственно в Политбюро ЦК ВКП(б), которое при большой массе дел не могло проверить правильность решений без их предварительного рассмотрения в Комиссии по политделам при ЦК ВКП(б).

23 сентября 1926 г. вопрос Комиссии по политделам слушался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Было принято решение утвердить предложенный Крыленко и Менжинским проект положения о комиссии ЦК с существенными правками.

Положение о Комиссии по политделам стало выглядеть следующим образом:

«1. Комиссия ЦК по политделам состоит из трех товарищей по назначению Политбюро ЦК и распространяет свою деятельность на всю территорию Союза без исключения.

2. В Комиссию ЦК по политделам должны направляться местными советскими и партийными организациями обвинительные акты по всем тем делам, которым местные партийные организации придают общественно-политическое значение или считают необходимым слушать в порядке показательных процессов. Местные партийные комитеты не могут давать никаких директив судебным и следственным органам по делам, указанным в настоя-

шем пункте, до предварительного рассмотрения их в Политбюро ЦК.

3. Комиссия ЦК по политделам докладывает Политбюро ЦК ВКП(б) о всех тех делах, которые считает имеющими общественно-политическое значение для получения соответствующих директив и передачи таковых на места судебным органам.

4. Никаких непосредственных директив парторганизациям и судам по существу рассмотренных дел Политкомиссии не дают» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 23. Л. 42–43).

С принятием этого положения Политбюро полностью взяло на себя контроль за принятием решений по политическим делам, исключив из этого процесса в том числе и местные парторганизации.

Прокурор Верховного Суда СССР П.А. Красиков 27 сентября 1927 г. обратился к генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину с просьбой ввести его в состав Комиссии по политделам при ЦК ВКП(б), на которую возлагалась дача директив по политическим делам, рассматриваемым в общесудебном порядке. Свое предложение он мотивировал тем, что в его состав входил от Наркомюста РСФСР Курский, и тем, что значительное количество дел о государственных преступлениях рассматривалось в ВС СССР (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 23, 52).

В ответ на это письмо из Народного комиссариата юстиции в секретариат ЦК ВКП(б) 5 октября 1927 года был направлен ответ, в котором Крыленко объяснял, что комиссия по политическим делам при Политбюро ЦК «была организована исключительно как партийный орган» для того, чтобы ставить Центральный комитет партии в известность о всех проходящих через судебные учреждения делах, имеющих общеполитическое значение. Она сосредотачивает в себе рассмотрение судебных дел всех союзных республик независимо от того, в каком суде и в какой республике дело слушается.

Количество дел, проходящих через ВС СССР, было незначительно по сравнению со всеми делами, проходящими через Политкомиссию, и все они поступали в Верховный Суд после того, как проходили Политкомиссию и Политбюро ЦК. При необходимости Политбюро по этим делам могло дать любые указания без участия прокурора ВС СССР.

Крыленко посчитал, что установленный порядок ранее не вызывал никаких неудобств, в связи с этим и менять его не имело смысла.

Включение в Политкомиссию как чисто партийный орган представительства Прокуратуры Верховного Суда Союза, о чем просил Красиков, посчитали излишним по формальным основаниям, так как Политкомиссия ЦК не была основана на принципе представительства учреждений, так и по существу, поскольку никаких деловых мотивов для такого пополнения состава Политкомиссии Красиков в своем заявлении не указал.

Было подчеркнуто, что рабочий состав Политкомиссии: Крыленко, Менжинский и Шкирятов (юридически в нее входил Курский) — представлялся достаточным.

Учитывая все это, Политкомиссия приняла решение предложение Красикова о пополнении ее состава отклонить (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 23, 53).

Состав Политкомиссии оставался консервативным, да это и понятно: случайных людей там быть не должно. В конце двадцатых годов ее возглавил М.И. Калинин. Любое назначение в ее состав решало Политбюро. Даже замена членов комиссии в связи с отпусками обсуждалась. Так, 1 сентября 1932 г. Политбюро ЦК в виду отъезда в отпуск Калинина и Шкирятова заменило их на Енукидзе и Акулова (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 60. Л. 11). 16 января 1933 г. ввело в ее состав новых членов — Г.Г. Ягоду и Г.Е. Прокофьева, а 23 января 1937 г. — Н.И. Ежова, освободив от обязанностей членов комиссии ранее назначенных Г.Г. Ягоду и Г.Е. Прокофьева (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 112, 123, 124).

17 января 1939 г. М.И. Калинин обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой ввести в состав судебной комиссии Л.П. Берия с заменой В.Н. Меркуловым, одновременно освободив от обязанностей члена комиссии Н.И. Ежова. 19 января 1939 г. Политбюро утвердило эти предложения (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 73. Л. 128, 129).

Этой комиссии в середине двадцатых годов пришлось рассматривать совместно с Центральной контрольной комиссией и Политбюро ЦК ВКП(б) резонансное так называемое «Читинское дело».

Суть дела заключалась в следующем. В октябре 1924 г. в Чите на совещании секретарь Забайкальского губкома РКП (б) Ф.И. Кремницкий, председатель Забайкальского губернского исполкома Г.П. Рогачев и начальник Забайкальского губотдела полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю В.С. Корженко решили в целях борьбы с чрезвычайно распространенным на Дальнем Востоке морфинизмом прибегнуть к физическому уничтожению тех из них, которые являлись совершенно безнадежными больными, но в то же время разлагающе действовали на все остальное население города Читы.

Из 36 морфинистов были выделены 15 человек, наиболее безнадежных, которые были в ту же ночь в гараже по приказанию Корженко и под его личным наблюдением задушены сотрудниками ОГПУ и Угрозыска.

В декабре 1924 г. Рогачев по соглашению с секретарем Губисполкома Красовицким и по предложению последнего дал распоряжение об уничтожении некой Акуловой, больной сифилисом, которую якобы не хотела принимать ни одна из больниц города Читы ввиду ее острого заразного состояния.

По случайной ошибке была убита не Акулова, а Матрена Сивакова, которая была совершенно здорова. Как выяснилось позже Акулова, находилась в больнице с того самого дня, как Красовицкий отдал приказ о ее уничтожении.

Эти действия были скрыты от Губернского прокурора и от Дальневосточного бюро ЦК. Дело раскрылось благодаря заявлению двух членов партии.

Было проведено следствие, его результаты направлены в Наркомат юстиции.

8 декабря 1925 г. народный комиссар юстиции РСФСР Крыленко направил в Политбюро ЦК РКП(б) письмо с проектами обвинительных заключений по этим делам.

Первое дело было возбуждено по факту удушения в Забайкальском Губернском отделе ОГПУ 22 морфинистов. Таким образом, число задушенных увеличилось на 7 человек.

Второе дело касалось удушения в Забайкальском уголовном розыске крестьянки Сиваковой.

По первому делу в качестве обвиняемых были привлечены: бывший председатель Забайкальского РИКа Рогачев, секретарь Губкома Кремницкий, начальник Губотдела ОГПУ Корженко и др.

По второму делу — тот же Рогачев, секретарь и член Президиума РИКа Красовицкий и др.

Крыленко просил поставить на обсуждения Политбюро и разрешить следующие вопросы: о месте слушания дела, о порядке слушания дела, о директиве суду по вопросу о репрессии.

Кроме того, решить вопрос о лишении Рогачева и Кремницкого мандатов на участие в XIV партсъезде и заключении их под стражу до суда (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 90. Л. 148).

10 декабря Политбюро приняло решение о проведении процесса над указанными лицами.

Однако 5 января 1926 г. делегаты съезда и старые нижегородские работники направили Генеральному секретарю ЦК партии И.В. Сталину заявление:

«Узнав от Дальневосточной делегации, что тов. Кремницкий Ф.И., парт. билет № 283379, привлекается к судебной ответственности за превышение власти, согласно постановлению Политбюро, мы, работники, зная т. Кремницкого по совместной работе в Нижнем, на Украине и друг. местах как хорошего, старого выдержанного работника и вполне дисциплинированного и стойкого коммуниста, просим Политбюро пересмотреть свое решение в смысле направления этого дела в партийном порядке, сохранив тов. Кремницкого как нужного для партии работника и старого партийца, рабочего сормовича, принимавшего участие в революции 1905 года».

Данное обращение подписало 15 членов партии, участников партсъезда (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 2).

Перед Политбюро ЦК ВКП(б) встала дилемма: судить заслуженных членов партии или обойтись какими-либо другими методами воздействия.

7 января 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение отложить рассмотрение заявления делегатов партсъезда по Читинскому делу (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 1).

Вопрос на заседаниях ставился часто, но к общему мнению не приходили. Решение принималось с трудом, так как в то время шла кампания по «насаждению законности» в стране. Не реагировать на данный факт Политбюро не могло.

14 января 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б), рассматривая заявление делегатов партсъезда, прини-

мает решение о пересмотре своего решения о рассмотрении «Читинского дела» в судебном порядке от 10 декабря 1925 г., решая передать его на предварительное рассмотрение в ЦКК ВКП(б) (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 4).

В письме от 20 января 1926 г. секретарь ЦКК ВКП(б) Янсон просит Сталина поставить на 21 января вопрос о «Читинском деле» вновь на заседание Политбюро (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 22).

К письму прилагалась выписка из протокола секретариата ЦКК № 9, п. 19 от 18 января 1926 г., согласно которой Президиум ЦКК, рассмотрев «Читинское дело», посчитал возможным рассмотрение его в партийном порядке путем его разбора в ЦКК ВКП(б). Было принято решение данное постановление и результаты голосования довести до сведения Политбюро ЦК ВКП(б). Необходимо отметить, что это постановление было принято с перевесом в один голос: трое проголосовали — «за», двое высказались «против», т. е. за разбор дела в судебном порядке (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 23).

21 января 1926 г. народный комиссар юстиции Крыленко направил в Политбюро ЦК ВКП(б) свое письмо: «Ввиду того что Президиум ЦКК при разрешении на основании последнего постановления Политбюро вопроса о Читинских делах меня на заседание не вызвал и вопрос, таким образом, был разрешен без меня, прошу еще раз вызвать меня при разрешении вопроса о Читинских делах в Политбюро» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 24).

Вопрос вроде бы вновь должен был «зависнуть», однако 28 января 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б), рассматривая вопросы Комиссии по политделам, постановило:

«а) Принять предложение ЦКК о рассмотрении Читинского дела в партийном порядке, т. е. в ЦКК;

б) Признать необходимым до разбора дела снять Рогачева с ответственной работы» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 16).

30 января 1926 г. Секретариат ЦКК, заслушав постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 января 1926 г. (Пр. № 8 п. 9) о «Читинском деле», постановил:

«а) Произвести разбор Читинского дела Пленуму Партколлегии ЦКК ВКП(б);

б) Поручить наблюдение за следствием и разработкой проекта постановления т. Сольцу» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 25).

16 февраля Президиум ЦКК оставил без изменения решение Политбюро по «Читинскому делу».

Центральная контрольная комиссия при ЦК ВКП(б), рассматривавшая на последнем этапе это дело, постановила применить к подсудимым меры партийного воздействия: исключение из партии, объявление строгого выговора, запрет в течение определенного срока занимать ответственные партийные и государственные посты. В отношении исполнителей в силу их подчиненности ограничили более мягкими мерами взыскания.

Для того чтобы ограничить на местах творившийся произвол, комиссия сообщила о случив-

шемся в партийные органы. Это было сделано в связи с проводимой кампанией по наведению законности в стране и борьбой с проявлениями самоуправства со стороны партийных организаций и членов партии (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 43–45).

Для того чтобы придать этому решению форму законности, 8 марта 1926 г. на заседании Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного комитета заслушали вопрос о прекращении производства следственных дел по обвинению работников Забайкальской губернии — Кремницкого, Рогачева, Корженко, Шварцмана, Шетца, Красовицкого, Латышева, Савченко, Субботина и Данилина по ст. 196 ч. 2 Уголовного кодекса и постановили: «На основании п. “и” ст. 17 раздела 2-го, главы 2-й Конституции РСФСР указанные дела дальнейшим производством прекратить» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 91. Л. 53).

Выводы

Придя к власти, большевики уничтожили судебную систему Российской империи. Реализация провозглашенной диктатуры пролетариата, и задача укрепления их власти требовала создания новой государственной правоохранительной и судебной системы.

Сложившаяся ситуация после окончания Гражданской войны и переход к новой экономической политике требовала изменений. В связи с тем что Конституция 1918 г. не могла полностью регулировать общественно-экономическое и политическое устройство страны, было принято решение подготовить и принять в 1924 г. Конституцию СССР, а в 1925 г. — новую Конституцию РСФСР.

Естественно, в этих условиях возникла необходимость и реформирования судебной системы. Это диктовалось отсутствием единой судебной практики, наличием большого несистематизированного нормативного материала, существенных пробелов в законодательстве. Оформление концепции построения единой судебной системы страны завершилось к середине 1920-х годов.

Политбюро ЦК ВКП(б) в это время проводит решения, которые на долгое время устанавливают контроль за деятельностью органов государственной безопасности, ведущих следствие по всем по-

литическим делам, и контроль над судами, которые рассматривали эти дела после проведенного следствия.

Только после предварительного рассмотрения на Политкомиссии при Центральном Комитете ВКП(б) судебных дел, имеющих общественно-политический характер, и определения виновным мер наказания суды могли озвучить «свои решения» на судебном заседании.

При рассмотрении «Читинского дела» было принято компромиссное решение. Учитывая, что публичное рассмотрение этого дела в суде принесло бы исключительно отрицательный политический результат, высшие партийные органы вынуждены были в виде исключения отказаться от формы судебного воздействия.

Источники фактического материала

АП РФ — *Архив Президента Российской Федерации.*

РГАНИ — *Российский государственный архив новейшей истории.*

Библиографический список

Мозохин 2002 — Мозохин О.Б. Политкомиссия по политическим делам при ПБ ЦК ВКП(б) // Военно-исторический архив. 2002. № 4.

Жирнов 2014 — Жирнов Е.П. Совершенные проступки не считать показательными // Коммерсантъ Власть. 2014. № 47. URL: <https://vlast.ekiosk.pro/article.aspx?aid=366107>.

References

Mozokhin 2002 — Mozokhin O.B. *Politkomissiya po politicheskim delam pri PB TsK VKP(b)* [Political commission on political affairs at the Central Committee of the CPSU(b)]. In: *Voenno-istoricheskii arkhiv* [Military-historical archive], 2002, no. 4 [in Russian].

Zhirnov 2014 — Zhirnov E.P. *Sovershennye prostupki ne schitat' pokazatel'nyimi* [Acts of misconduct are not to be considered significant]. *Kommersant' Vlast'*, 2014, no. 47. Available at: <https://vlast.ekiosk.pro/article.aspx?aid=366107> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-42-47
УДК 94(47+57)

Дата поступления статьи: 10/III/2019
Дата принятия статьи: 15/IV/2019

О.А. Гоманенко

НАЧАЛО ВОЙНЫ: НАВИГАЦИЯ 1941 ГОДА НА РЕКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

© Гоманенко Олеся Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий, Волгоградский государственный университет, 400062, Российская Федерация, Волгоград, пр. Университетский, 100.

E-mail: gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

АННОТАЦИЯ

С началом Великой Отечественной войны одной из важнейших транспортных коммуникаций стала водная. Цель статьи состоит в выяснении значения водной инфраструктуры в навигацию 1941 г. В статье ставится задача определить, как осуществлялось выполнение заданий по транспортировке на фронт людей и грузов, а также перевозке раненых, населения, промышленности вглубь страны. Исследование основывается на принципах историзма и объективности, а также системном подходе. В статье применялись общенаучные, специальные исторические и количественные методы. Статья основывается как на опубликованных источниках, так и на архивных.

Установлено, что положение речного флота изменилось с началом войны и он приобрел исключительное значение. Поменялись грузопотоки и грузооборот на реках СССР, в том числе Волге. Возросли перевозки стратегических грузов, в частности нефти. Но количество судов у речных пароходств и организаций по всей стране (особенно волжских) резко уменьшилось вследствие мобилизации для воинских перевозок. Это, в свою очередь, влияло на объемы гражданских перевозок, которые требовалось увеличивать. Помимо этого, речной транспорт испытывал недостаток в кадрах. Из разных источников происходило пополнение рабочей силой, в том числе через систему подготовки. Однако эта проблема сохранялась до конца войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, речной транспорт, народное хозяйство, СССР, перевозки, навигация, кадры.

Цитирование. Гоманенко О.А. Начало войны: навигация 1941 года на реках европейской части СССР // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 42–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-42-47>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**BEGINNING OF THE WAR: THE 1941 NAVIGATION ON THE RIVERS
OF THE EUROPEAN PART OF THE USSR**

© Gomanenko Olesya Aleksandrovna – Candidate of Historical Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of Social Technologies, Volgograd State University, 100, Universitetskii Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation.

E-mail: gomanenko@volsu.ru, gomanenko.olesya@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9178-1145>

ABSTRACT

After the war began water ways became one of the most important means of transportation. The goal of the article is to determine the significance of river transportation during the 1941 navigation. The task is to show fulfillment of the target amounts of people and cargo transportation for the Front, as well as transportation of the wounded, civilians and industrial facilities to the rear. The study is based on the objectiveness and historical principles as well as the systematic approach. The general scientific, special historical and quantitative methods were applied. The study uses both published sources and archival ones.

It has been established that after the beginning of the war the significance of river transportation grew dramatically and it came to be of the utmost importance. River cargo traffic and turnover of goods changed, the Volga included. The strategically important goods transportation (oil included) grew. At the same time the amount of ships at river transport organizations (at the Volga organizations particularly) across the country fell sharply due to mobilization for military needs. This greatly affected the amounts of civil cargo and passenger transportation that had to be risen. Besides river transportation suffered from the lack of workforce. Workers were supplied from various sources, the workforce-training system included. Nevertheless this problem had been acute until the war was over.

Key words: Great Patriotic War, river transport, national economy, USSR, transportation, navigation, stuff.

Citation. Gomanenko O.A. *Nachalo voiny: navigatsiya 1941 goda na rekakh evropeiskoi chasti SSSR* [Beginning of the war: the 1941 navigation on the rivers of the European part of the USSR]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 42–47. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-42-47> [in Russian].

Введение

Навигация 1941 г. сначала проходила для всего водного транспорта СССР в обычном режиме. Но 22 июня 1941 г. положение изменилось. Ранним утром вражеские самолеты атаковали порты Прибалтики. В тот же день речные суда на Немане были мобилизованы военным командованием. В Бресте, крайнем западном пункте Днепро-Бугского канала, враг захватил или потопил первые советские речные суда. В Молдавии суда Днестровского эксплуатационного участка приступили к эвакуации населения, перевозкам воинских частей. Вскоре и сам днестровский флот ввиду быстрого продвижения войск противника эвакуировался морским путем в Одессу, Николаев и Херсон. Начались боевые рейсы по Южному Бугу и Нижнему Днепру.

В июле-августе 1941 г. тяжелые бои развернулись в бассейне Днепра. На этой важнейшей для Украины и Белоруссии водной магистрали работали тогда свыше 2000 судов, имелось множество хорошо оборудованных портов. За первые два месяца войны днепровские речники эвакуировали десятки тысяч семей советских граждан и многие тысячи тонн промышленного оборудования, доставляли продовольствие и нефтепродукты для обороняющихся частей Красной Армии, обслужили сотни переправ в районе Киева, Днепропетровска,

Запорожья, Кременчуга и Херсона. Они работали также на переправах, наведенных на днепровских притоках – реках Южный Буг, Березина, Припять и Сож. Суда Днепра приняли участие в штурме острова Хортица, чтобы помочь завершить эвакуацию населения и заводов Запорожья.

Перестройка работы водного транспорта на военный лад

С первых дней войны на боевую вахту заступили экипажи судов Беломорско-Онежского и Северо-Западного пароходств. Флот Беломорско-Онежского пароходства помогал эвакуации на Волгу и в Беломорск населения и промышленных предприятий по Мариинской системе. Он обслуживал Карельский фронт, доставлял лес для оборонной промышленности и строительства укреплений. В свою очередь, множество судов Северо-Западного речного пароходства было передано командованию Балтийского флота и частям ПВО. После того как вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады, у города остался единственный путь связи с Родиной – через Ладожское озеро («Дорогу жизни»). Этот путь от ледостава до ледостава обслуживали речники. Они перевезли по Ладоге свыше 1 000 000 тонн грузов и 900 000 защитников и жителей Ленинграда.

Спустя ровно месяц после начала войны — 22 июля 1941 г. — немецкие самолеты появились в небе над Москвой. К этому времени речники Московско-Окского пароходства и пароходства «Москва — Волга канал» уже занимались эвакуацией из столицы мирного населения и промышленного оборудования, а в обратном направлении перевозили грузы для фронта и Москвы. Кроме того, им пришлось принимать участие в эвакуации жителей Ленинграда, прибывавших на пристани Калинин, Большая Волга, Коломна, Рязань и т. д. 19 октября 1941 г. Москва объявлялась на осадном положении. Часть судов столичных пароходств была передана в распоряжение военного командования. Большинство судов ушло на Волгу вместе с оборудованием портов и заводов. В начале декабря немцы вышли к каналу Волга — Москва и на линию Красная Поляна — Крюково, появились севернее Звенигорода, оказавшись в 25 км от столицы. В условиях ледостава речники сумели вывести суда из Серпухова в Каширу. Это была последняя операция московских пароходств в навигацию 1941 г. (Волгари в боях... 1961, с. 18–19).

Тяжелые испытания в первую военную навигацию выпали на долю речников Доно-Кубанского речного пароходства (ДКРП). Из судов ДКРП и пришедших с Днепра судов была сформирована Донская военная флотилия. Речники подвозили снаряжение и боеприпасы для фронта. Из прифронтовых районов они эвакуировали раненых и население, госпитали и продовольствие, имущество учреждений и оборудование заводов. Все грузы и люди сначала доставлялись на хутор Калач, откуда далее они следовали в Сталинград по железной дороге. В октябре 1941 г. в Калаче скопилось до 100 судов. На пределе сил работала Калачевская переправа. Когда в 20-х числах ноября немецкие войска подошли к Ростову-на-Дону, огромную роль сыграла ростовская переправа, ставшая для советских войск единственным путем отхода на левый берег Дона и дальше на Батайск. 23 ноября немцы вышли к переправе и уничтожили ее, потопив шквальным огнем пароходы и баржи.

Флот ДКРП выходил и в море, осуществляя связь Тамани и Керчи. Он участвовал в Керченской десантной операции, начавшейся 26 декабря 1941 г. Стремясь оказать помощь осажденному Севастополю, войска Закавказского фронта при содействии Черноморского флота и Азовской военной флотилии, в состав которой вошли и суда ДКРП, высадились на Керченском полуострове. 29 и 30 декабря советские войска овладели Феодосией и Керчью. Тогда суда пароходства — «КИМ», «Ока», «Таганрог» и «Лаба» и др. — шли в первом эшелоне, невзирая на 9-балльный зимний шторм и огонь противника (Волгари в боях... 1961, с. 19–21). Правда, успех этой операции оказался временным.

Постепенно стали ощущать на себе войну пароходства Нижней Волги и Северного Каспия, которые в 1941 г. еще находились в глубоком тылу. К началу навигации 1941 г. они имели на своем балансе:

— Нижневолжское речное пароходство (НВРП) — 651 ед. флота (без дебаркадеров), в том числе: са-

моходный флот — 206 ед., несамоходный флот — 445 ед. [Гоманенко 2011, с. 198];

— «Волготанкер» — 354 ед. флота, в том числе: буксирный флот — 116 ед., тоннаж (баржи и пр.) — 238 ед. (ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 27. Л. 5);

— «Рейдтанкер» имел в своем составе 122 судна общей грузоподъемностью 240 тыс. тонн [Матишов, Афанасенко, Кринко, Курбат 2012, с. 127].

С началом войны водный транспорт Волго-Каспия стал решать несколько основных задач:

— перевозки на фронт людского состава;

— перевозки на фронт продуктов, фуража, боеприпасов, вещевого снабжения, строительных материалов, горючего и т. д.;

— перевозки раненых с фронта вглубь страны вплоть до Молотова;

— перевозки эвакуируемых войсковых тыловых учреждений;

— эвакуации промышленности;

— эвакуации населения вглубь страны вплоть до Молотова;

— обеспечения флотом наплывных переправ (ГИММЗ «Сталинградская битва». Ф 1. Оп. 2. Ед. 2. МЗСБ НВФ 2168/1. Л. 3).

Мобилизация плавучих средств речного флота

Практически сразу же стали предприниматься чрезвычайные меры. Решением Наркомата речного флота (НКРФ) от 25 июня 1941 г. часть пароходов, занятых буксировкой плотов и барж, была мобилизована для воинских перевозок. Деятельность речного транспорта по обеспечению военных нужд перешла под контроль управлений начальников передвижения войск на речных бассейнах. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1941 г. гражданские суда, порты, пристани и другие сооружения водного транспорта должны были в военное время передаваться в распоряжение наркоматов обороны и Военно-морского флота (ВМФ) по первому же их требованию. Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 6 ноября 1941 г. на военизированное положение переведены транспортные и промысловые суда, приписанные к портам Нижней Волги [Амусин 1997, с. 53–54].

Количество судов у пароходств и организаций по всей стране резко уменьшилось как вследствие потерь, так и вследствие передачи ВМФ и другим военным организациям. Так, самоходный флот по количеству сократился на четверть, а по мощности — на 17 %; несамоходный — на треть, а по тоннажу — на 18 %. В Сталинграде, например, для транспортировки эвакуантов задействовался внутригородской речной транспорт. Были мобилизованы деять самоходных и 16 несамоходных судов, принадлежавших различным организациям и предприятиям города [Гоманенко 2011, с. 57].

Вместо пополнения флота пришло перераспределение судов между пароходствами, чем стала заниматься судоходная инспекция Волжского бассейна. Что же касается поступления новых судов, то его практически не было. С июля 1941 г. судоремонтные и судостроительные предприятия НКРФ прекратили строительство новых речных судов и

максимально сократили капитальный ремонт. Заводы и мастерские речного ведомства занимались теперь в основном строительством или переоборудованием кораблей для ВМФ и изготовлением военной продукции (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 124. Д. 11. Л. 11, 12). Мобилизация судов для военных нужд и прекращение поступления новых плавсредств могли самым отрицательным образом повлиять на объемы перевозок. При этом объемы эти были немалые.

Например, в августе 1941 г. правительство поставило перед речниками важную задачу — срочно вывезти вверх по Волге 250 000 тонн донецкого угля. Для этой операции СНК своим решением передал НВРП все принадлежавшие другим организациям суда мощностью свыше 50 лошадиных сил и грузоподъемностью более 50 тонн [Гоманенко 2011, с. 54]. В свою очередь, баржи «Волготанкера» были задействованы в октябре 1941 г. для перевозки 8000 автомашин с заводским оборудованием, которые пришли из Москвы в Горький. Судами с достаточной площадью палуб для транспортировки автомобилей далее вниз по Волге работавшее там Верхневолжское речное пароходство не располагало. Тогда автомобили пришлось размещать на палубах нефтеналивных барж «Волготанкера», пришедших порожними после разгрузки в пунктах Верхней Волги. Только за две недели на них из Горького было эвакуировано 3500 машин [Пермяков 2002, с. 90]. Приходилось срочно решать и проблему эвакуации огромных масс людей. К началу ноября на пристанях Волжского бассейна скопилось около 600 тыс. человек, эвакуированных из захваченных врагом регионов СССР или направлявшихся к новым местам работы в связи с гигантским перемещением промышленности на восток. Здесь пароходам пришлось работать даже в условиях ледостава [Битва за нефть... 1985, с. 14].

Завершение навигации 1941 года

Первое похолодание во второй половине навигации 1941 г. наблюдалось уже в октябре. Затем, правда, снова пришло тепло. Но с 8 ноября похолодание вернулось в плес Рыбинск — Горький. Оно стало очень быстро распространяться на нижние плесы. 8 ноября в Горьком начался ледоход, 10 ноября — в Камском Устье, 14 ноября — в Саратове. В Сталинграде начало ледохода было отмечено 15 ноября, а 16 ноября он распространился ниже пристани Никольское (Енотаевский район Астраханского округа). Ледоход сопровождался низкими (ниже минус 10 °С) температурами и сильными снегопадами. Это привело к быстрому нарастанию льда на судах и осложнило их своевременный уход в затоны (ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 27. Л. 2). Это могло оказать крайне негативное воздействие на степень готовности флота к навигации 1942 г.

Трудно пришлось пароходству «Волготанкер». До появления льда на реке оно продолжало осуществлять доставку нефтепродуктов для армии и народного хозяйства, а также производить срочное перемещение государственных резервов топлива. В результате все емкости тыловых и приречных нефтебаз оказались заполненными горючим. В связи

с таким положением СНК СССР осенью 1941 г. распорядился оставить 670 тыс. тонн нефтепродуктов на хранение непосредственно в баржах пароходства. В различных пунктах Волги и Камы скопилось 110 груженных топливом судов. Часто эти пункты располагались не только вдалеке от предприятий судоремонта, но и вдалеке от населенных пунктов. С наступлением весны этим судам сначала предстояло доставить груз до пункта назначения и лишь потом следовать в Астрахань для производства необходимого капитального ремонта. Во многих случаях в межнавигационный период командам пришлось организовать минимальный, но необходимый ремонт своими силами непосредственно в пунктах отстоя [Битва за нефть... 1985, с. 15].

Многим судам НВРП также не удалось дойти до намеченных пунктов в конце навигации. При начавшемся сильном ноябрьском похолодании груженные суда просто вмерзли в лед посередине реки. Флот пароходства оказался рассредоточенным по 129 пунктам. Внеплановая расстановка судов по часто случайным и непригодным пунктам приводила к авариям и, соответственно, к повторному ремонту уже во время следующей навигации. Так, суда НВРП, зимовавшие посередине Волги, потерпели крушения от весеннего ледохода — 11 получили повреждения и три судна затонули (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 846. Л. 259 об.).

Итоги работы речного флота Волго-Каспия за навигацию 1941 г. характеризовались следующими данными:

- Верхневолжское речное пароходство перевезло 8,5 млн тонн грузов (соль, хлеб, уголь, минеральные стройматериалы, металл, лес и пр.) (РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 13. Л. 2—2 об.) и 7,4 млн пассажиров (РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 14. Л. 2);

- Средневолжское речное пароходство отправило 5,1 млн тонн грузов (РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 13. Л. 3—3 об.) и 3,4 млн человек (РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 2. Д. 14. Л. 3);

- Нижневолжское речное пароходство вывезло свыше 2,4 млн тонн различных грузов, а также почти 9,5 млн пассажиров [Гоманенко 2011, с. 199, 201];

- «Волготанкер» (при совместной работе с пароходством «Рейдтанкер») вывез свыше 7,8 млн тонн нефтепродуктов (ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 27. Л. 9).

Кадровая проблема на водном транспорте

Настоящей проблемой обещал стать дефицит квалифицированных кадров, вызванный их мобилизацией на фронт. Например, на всем речном транспорте СССР число работников снизилось с 203,6 тыс. в апреле 1941 г. до 156,8 тыс. в октябре (Речники в обороне... 1967, с. 164). Так, по состоянию на 1 января 1942 г. в армию призвали 583 квалифицированных специалистов «Волготанкера». Общий недокомплект судовых команд по пароходству — 1121 человек (ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 27. Л. 28 об.). В тот же период недокомплект рядового и командного состава флота и пристаней НВРП составил 941 человек (ЦДНИВО. Ф. 11418.

Оп. 1. Д. 6. Л. 24). Возникла угроза нарушения ритма работы флота и береговой инфраструктуры в военных условиях.

Еще в самом начале войны в жизнь начали проводиться соответствующие остроте момента мероприятия. СНК СССР разрешил 7 июля 1941 г. перевести на двухсменную вахту команды всех судов речного флота. Одновременно правительство разрешило привлекать к работе на судах женщин [Битва за нефть... 1985, с. 16–19]. Так, к завершению 1941 г. на флоте и береговых предприятиях НВРП работало 1950 женщин. К началу навигации 1942 г. их число возросло до 2707 (на 40 %) (ЦДНВ. Ф. 11418. Оп. 1. Д. 16. Л. 10–11). На судах пароходства «Волготанкер» уже в навигацию 1942 г. трудилась 1371 женщина (32 % всего плавсостава). Из них 1220 женщин (или 89 %) были женами членов плавсостава (ЦГАСО. Ф. Р-4139. Оп. 1. Д. 27. Л. 29). В августе 1941 г. Астраханский окр. ВКП (б) принял решение о подготовке в течение сентября–ноября не менее 150 женщин по специальностям токарь, слесарь, электросварщик и пр. Одними из первых эти профессии стали осваивать жены рабочих и служащих Владимировского затона [История Астраханского края 2000, с. 741].

Не осталась в стороне и рыбная промышленность региона. В связи с призывом в армию мужчин тяжелым промыслом пришлось овладевать женщинам. Так, в осенней путине 1941 г. в низовьях Волги и Северном Каспии участвовало 5119 женщин, в том числе на морском лове – 2210. При этом производительность труда по сравнению с предыдущим мирным годом выросла на 57 %. Подобным же образом на крупнейшем в стране Астраханском рыбоконсервно-холодильном комбинате им. А. Микояна кадры пополнялись в основном за счет притока женщин. И там выработка на рабочего в 1941 г. по сравнению с 1940 г. выросла на 27 % [Шаховская, Болдырев, Пахомов 2015, с. 55–56]. В целом же на 1 января 1942 г. женщины составляли на комбинате 75 % от общего числа специалистов против 44 % в 1940 г. (Астраханский городской комитет обороны 2017, с. 259).

Но внимание было уделено привлечению к работе на судах речного флота не только жен, но и детей членов команд. Все это шло в русле мероприятий, проводимых созданным 30 июня 1941 г. Комитетом по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР, а также издававшихся приказов наркоматами, в том числе речного флота [Гоманенко 2011, с. 85]. На некоторых судах стали трудиться целые семьи. Например, у механиков пароходов «Ваня-коммунист» и «Орел» И.К. Туманова и П.С. Шагалова все члены семьи заступили на трудовые вахты, на пароходе «Сократ» трудились члены семьи рулевого И.А. Дронова – жена, дочь и сын. Порой в состав экипажей входили не только взрослые дети речников, но и дети-подростки. Так, сын и дочь капитана парохода «Краснофлотец» Ф.Н. Челышева – 14-летний Геннадий и 15-летняя Раиса – трудились матросом и рулевым [Битва за нефть... 1985, с. 18, 116]. Супружеские пары не редкостью были на постах бакенщиков Волжского бассейнового управления пути. Так, на

Водяновском перекате работали супруги Игольниковы, на Пичужинском – Капустины, на Верхне-Ахтубинском – Пряхины и т. д. (Речники в обороне... 1967, с. 30–31). Все эти примеры носили не единичный, а массовый характер. Однако во время боевых навигаций 1942 и 1943 гг. порой бывало, что вместе с гибелью судна в результате подрыва на mine, бомбовом ударе или артиллерийском обстреле гибли и целые семьи речников.

В целом в годы войны задействовалось несколько форм притока кадров: система государственных трудовых резервов; курсовая подготовка; индивидуально-бригадное обучение; трудовая мобилизация. Система государственных трудовых резервов была создана Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. Она предполагала формирование широкой сети ремесленных училищ и школ ФЗО, а также проведение ежегодного призыва молодежи для обучения рабочим профессиям, в том числе для подготовки специалистов морского и речного транспорта. Учебные заведения трудовых резервов финансировались за счет госбюджета и являлись одной из основных форм подготовки квалифицированных специалистов на протяжении всей войны. Через эту систему для НКРФ в 1942 г. училищами было подготовлено 8199 человек, а школами ФЗО – 4610 [Гоманенко 2011, с. 85–86, 93].

В свою очередь, постановлением секретариата ВЦСПС от 7 июля 1941 г. для домохозяек и служащих, пришедших на производство, а также для неквалифицированных работников предусматривалось организовать на предприятиях и на транспорте соответствующие курсы и кружки как для повышения квалификации, так и для освоения вторых профессий. Курсовая форма обучения включала в себя курсы технического минимума, стахановские школы, курсы среднетехнического звена, курсы комсостава и т. д. Так, в 1941 г. по НВРП обучение прошли 3319 человек [Гоманенко 2011, с. 86–90].

Курсовая форма чаще всего подразумевала подготовку работников без отрыва от производства и отличалась массовостью и краткосрочностью. Однако основной формой подготовки кадров без отрыва от производства следует считать индивидуально-бригадное обучение, проводившееся непосредственно на рабочем месте путем прикрепления обучавшихся лиц к опытным и квалифицированным работникам. Тем не менее нехватка кадров ощущалась постоянно на протяжении всей войны.

Заключение

Таким образом, навигация 1941 г. проходила в сложных условиях начала Великой Отечественной войны. В частности, речной транспорт Волго-Каспия решал основные задачи по перевозке на фронт людского состава и военных грузов, а также перевозке раненых, населения, промышленности вглубь страны. Часть пароходов была мобилизована для воинских перевозок и передавалась ВМФ и другим военным организациям. Количество судов у пароходств и организаций по всей стране резко уменьшилось также и вследствие потерь. Мобили-

зация плавсредств влияла на объемы перевозок, которые нужно было увеличивать. Помимо этого, речной транспорт испытывал недостаток в кадрах. Приток рабочей силы происходил за счет разных форм, в том числе через систему подготовки кадров. Однако эта проблема сохранялась на протяжении всей войны.

Источники фактического материала

Астраханский городской комитет обороны... 2017 — *Астраханский городской комитет обороны в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы*. Волгоград: Издатель, 2017. 280 с.

Волгари в боях... 1961 — *Волгари в боях за Сталинград*. Сталинград: Сталинградское книжное издательство, 1961. 86 с.

ГИММЗ «Сталинградская битва» — *Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва»*.

Речники в обороне ... 1967 — *Речники в обороне Царицына и в Великой Сталинградской битве*. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1967. 79 с.

РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*.

РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*.

ЦДНИВО — *Центр документации новейшей истории Волгоградской области*.

ЦГАСО — *Центральный государственный архив Самарской области*.

Библиографический список

Амусин 1997 — *Амусин Б.М. Использование речного транспорта на фронтовых речных и озерных бассейнах в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Калининград: Типография Калининградского ВВМУ, 1997. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000625242>.

Битва за нефть... 1985 — *Битва за нефть: Речники «Волготанкера» в битве за нефть, за Волгу и обороне Сталинграда (неопубликованная рукопись ветеранов пароходства «Волготанкер»)*. Куйбышев, 1985. 229 с.

Гоманенко 2011 — *Гоманенко О. Нижневолжское речное пароходство в Великой Отечественной войне. 1940–1945 гг.* Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 256 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25756411>.

История Астраханского края 2000 — *История Астраханского края*. Астрахань: Изд-во АГПУ, 2000. 1122 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22776294>.

Матишов, Афанасенко, Кринко, Курбат 2012 — *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 — осень 1943 гг.)*. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23779410>.

Пермяков 2002 — *Пермяков В. Опаленные Волгой*. Самара: Данглис, 2002. 449 с.

Шаховская, Болдырев, Пахомов 2015 — *Шаховская Л.С., Болдырев Н.Ю., Пахомов М.Е. Промышленность и транспорт Сталинграда и области в годы Великой Отечественной войны // Сталинградская битва — «решающий аргумент» Второй мировой войны (Волгоград, 30 января 2015 года): материалы научно-практич. конф.* Волгоград: Изд-во ВОУНБ им. М. Горького, 2015. С. 46–62. URL: http://www1.vounb.volgograd.ru/elibrary/book/kr_st.pdf.

References

Amusin 1997 — *Amusin B.M. Ispol'zovanie rechnogo transporta na frontovykh rechnykh i ozernykh basseynakh v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Use of river transport on front river and lake basins in the Great Patriotic War. 1941–1945]. Kaliningrad: Tipografiya Kaliningradskogo VVMU, 1997, 202 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000625242> [in Russian].

Bitva za neft' 1985 — *Bitva za neft': Rechniki «Volgotankera» v bitve za neft', za Volgu i oborone Stalingrada (neopublikovannaya rukopis' veteranov parokhodstva «Volgotanker»)* [The Battle for Oil: River Transport Workers of «Volgotanker» in the Battle for Oil, the Volga and the Defense of Stalingrad (Unpublished Manuscript of Veterans of the Steamship Line «Volgotanker»)]. Kuibyshev, 1985, 229 p. [in Russian].

Gomanenko 2011 — *Gomanenko O. Nizhnevolskoe rechnoe parokhodstvo v Velikoi Otechestvennoi voine. 1940–1945 gg.* [Lower Volga River Steamship Line in the Great Patriotic War. 1940–1945]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011, 256 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25756411> [in Russian].

Istoriya Astrakhanskogo kraia 2000 — *Istoriya Astrakhanskogo kraia* [History of Astrakhan Region]. Astrakhan: Izd-vo AGPU, 2000, 1122 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22776294> [in Russian].

Matishov, Afanasenko, Krinko, Kurbat 2012 — *Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. Voyna. Yug. Perelom (leto 1942 — osen' 1943 gg.)* [War. South. Fracture (Summer 1942 — Autumn 1943)]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 2012, 284 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23779410> [in Russian].

Permyakov 2002 — *Permyakov V. Opalennye Volgoi* [Scorched by the Volga]. Samara: Danglis, 2002, 449 p. [in Russian].

Shakhovskaya, Boldyrev, Pakhomov 2015 — *Shakhovskaya L.S., Boldyrev N.Ju., Pakhomov M.E. Promyshlennost' i transport Stalingrada i oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Industry and Transport of Stalingrad and the Region during the Great Patriotic War]. In: *Stalingradskaya bitva — «reshayushchii argument» Vtoroi mirovoi voiny (Volgograd, 30 yanvarya 2015 goda): materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The battle of Stalingrad — the «Decisive Argument» of the Second World War (Volgograd, 30 January 2015): materials of research and practical conference]. Volgograd: Izd-vo VOUNB im. M. Gorkogo, 2015, pp. 46–62. Available at: http://www1.vounb.volgograd.ru/elibrary/book/kr_st.pdf [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-48-54
УДК 94(47)

Дата поступления статьи: 17/III/2019
Дата принятия статьи: 25/IV/2019

В.В. Кондрашин, В.Д. Селеменев

ПОМОЩЬ СОЮЗНОГО ЦЕНТРА БЕЛОРУССКОЙ ССР В ВОССТАНОВЛЕНИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1943–1945 ГГ.

© Кондрашин Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, Центр экономической истории, Институт российской истории РАН, 117292, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
E-mail: vikont37@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

© Селеменев Вячеслав Дмитриевич – кандидат исторических наук, Отдел публикаций, Национальный архив Республики Беларусь, 22014, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 11 б.
E-mail: narb@narb.by. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7559-9280>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – ввести в широкий научный оборот новые документы из центральных и региональных архивов России и Республики Беларусь о восстановлении сельского хозяйства БССР в 1943–1945 гг., выявленные в ходе работы над сборником документов, посвященным данной теме и подготовленным к печати в рамках международного сотрудничества российских и белорусских историков и архивистов.

В статье характеризуются виды и масштабы помощи, оказанной в 1943–1945 гг. Белорусской ССР союзным центром в восстановлении разрушенного немецко-фашистскими захватчиками сельского хозяйства республики.

В ней указывается, что эта помощь была частью государственной программы восстановления и развития народного хозяйства Белорусской ССР, разработанной советским правительством при участии республиканского руководства БССР.

Авторы статьи затрагивают такие важнейшие виды помощи белорусской деревне со стороны союзного центра, как выделение финансовых средств на восстановление аграрной экономики, завоз в БССР скота и сельскохозяйственной техники из восточных регионов РСФСР и за счет репараций от поверженной фашистской Германии, и др. Также в статье освещаются проблемные моменты при получении помощи Белорусской ССР от союзного центра.

Авторы заключают, что помощь, оказанная союзным центром БССР в 1943–1945 гг., сыграла важнейшую роль в процессе восстановления разрушенного оккупантами сельского хозяйства республики.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Белорусская ССР, союзный центр, СССР, РСФСР, сельское хозяйство, помощь, восстановление, животноводство, колхозы, совхозы.

Цитирование. Кондрашин В.В., Селеменев В.Д. Помощь союзного центра Белорусской ССР в восстановлении сельского хозяйства в 1943–1945 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 48–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-48-54>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

V.V. Kondrashin, V.D. Selemenев

ASSISTANCE OF THE UNION CENTER TO THE BELORUSSIAN SSR
IN RESTORATION OF AGRICULTURE IN 1943-1945

© Kondrashin Viktor Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, professor, Center for Economic History, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russian Federation.

E-mail: vikont37@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7552-9265>

© Selemenев Vyacheslav Dmitrievich – Candidate of Historical Sciences, Department of Publications, The National archives of The Republic of Belarus, 11 b, Nezavisimosti Avenue, Minsk, 22014, Belarus.

E-mail: narb@narb.by. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7559-9280>

ABSTRACT

The article describes the types and scale of assistance provided in 1943 – 1945 by the Belarusian SSR by the Union center in the restoration of the destroyed by the Nazi invaders agriculture of the Republic.

It states that this assistance was part of the state program of restoration and development of the national economy of Belarus, developed by the Soviet government with the participation of the republican leadership of the BSSR.

The authors of the article touch upon such important types of assistance of the Belarusian village from the Union center as the allocation of funds for the restoration of the agricultural economy, the import of cattle and agricultural machinery from the Eastern regions of the RSFSR to the BSSR and due to the reparations from the defeated Nazi Germany, etc. The article also highlights the problematic issues in obtaining the help of the Belarusian SSR from the Union center.

The authors conclude that the assistance provided by the Union center of the BSSR in 1943–1945 played a crucial role in the process of restoration of the destroyed agriculture of the Republic.

Key words: Great Patriotic War, Union Center, USSR, RSFSR, Belarus, agriculture, recovery, aid, livestock, collective farms, state farms.

Citation. Kondrashin V.V., Selemenев V.D. *Pomoshch' soyuznogo tsentra Belorusskoi SSR v vosstanovlenii sel'skogo khozyaistva v 1943–1945 gg.* [Assistance of the union center to the Belorussian SSR in restoration of agriculture in 1943–1945]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 48–54. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-48-54> [in Russian].

Введение

В 2018 г. исполнилось 75 лет со дня начала освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. При самом активном участии авторов статьи в рамках сотрудничества Федеральной архивной службы России, Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь и Института российской истории РАН опубликован сборник документов, посвященный восстановлению сельского хозяйства Белорусской ССР в 1943–1945 гг. [Восстановление сельского хозяйства... 2018]. Его составители продолжили сложившуюся в отечественной историографии традицию глубокого и всестороннего изучения истории России и народов бывшего СССР в годы Великой Отечественной войны [Великая Отечественная война... 2004, Вылцан, Кондрашин 2004], делая акцент на ее регионально-национальных особенностях. Это позволяет лучше понять причины победы Советского Союза в этой войне, которые связаны с особенностями функционирования в военные годы экономики в целом и сельского хозяйства в частности.

В данном контексте выявленные в ходе работы над вышеупомянутым сборником документы Национального архива Республики Беларусь, областных архивов Беларуси, а также центральных архи-

вов России (РГАЭ, ГАРФ, РГАСПИ), в большинстве своем впервые введенные в научный оборот, убедительно свидетельствуют, что важнейшей причиной победы СССР над фашистской Германией и ее сателлитами в годы Второй мировой войны был сложившийся механизм управления экономической страны союзным центром. Он позволил с максимальной эффективностью использовать имеющиеся материальные и людские ресурсы регионов страны для обеспечения потребностей армии и фронта, с одной стороны, и обеспечить функциональную дееспособность основных отраслей экономики – с другой. Это хорошо видно на примере Белорусской ССР, где действовавшая модель управления экономикой в годы войны и созданный в довоенный период народнохозяйственный комплекс позволили в кратчайшие сроки не только восстанавливать разрушенные оккупантами районы республики, освобожденные Красной армией, но и задействовать их потенциал для нужд продолжающейся войны.

Обоснуем данное заключение конкретными примерами из истории восстановления сельского хозяйства Белорусской ССР в 1943–1945 гг., акцентируя внимание на таком его важном аспекте, как помощь союзного центра аграрному сектору экономики «партизанской республики».

Ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Белорусской ССР немецко-фашистскими захватчиками

Страшную картину увидели победители, вступив на белорусскую землю осенью 1943 г.: республика лежала в руинах и пепелищах. Предстояло практически с нуля начать ее возрождение. Об ущербе, причиненном нацистами сельскому хозяйству Беларуси, дает представление датированная 30 августа 1944 г. докладная записка начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому «Итоги единовременного учета в освобожденных районах БССР». В ней указывалось, что за годы оккупации сельское население БССР сократилось на 31 % по сравнению с довоенным временем. В освобожденных районах численность лошадей составила к довоенному уровню 37 %, крупного рогатого скота — 25 %, свиней — 8 %, овец и коз — 17 %. Катастрофическими были показатели по технической оснащённости МТС и колхозов. В них сохранилось 9 % тракторов и 4 % комбайнов от довоенного уровня (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 931. Л. 11–10]. Следует напомнить, что до начала Великой Отечественной войны в колхозах и МТС БССР работало свыше 9700 тракторов и 1590 комбайнов (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 62. Л. 3–13).

В докладной записке имеются сравнительные данные нанесенного ущерба сельскому хозяйству в период оккупации областям БССР, УССР и РСФСР. Они свидетельствуют, что для областей Белорусской ССР этот ущерб оказался большим, чем для областей Украины, а по ряду показателей — больше, чем и для российских регионов. Например, в УССР численность сельского населения после изгнания немецких оккупантов составила 72 % от довоенного уровня, а в БССР — 69 %. В УССР крупного рогатого скота осталось 40 % от довоенного уровня, свиней — 10 %, овец и коз — 19 %, а в БССР эти показатели по крупному рогатому скоту равнялись 25 %, свиньям — 8 %, овцам и козам — 17 %, как указывалось ранее. Еще более значительным был разрыв между УССР и БССР в показателях по сохранившимся в освобожденных районах тракторам и комбайнам. В УССР численность тракторов составила 35 % к довоенному уровню и комбайнов — 38 %, а в БССР тракторов — 9 % и комбайнов — 4 % (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 1360. Л. 11–10).

В период оккупации республики немецко-фашистские захватчики разграбили и полностью уничтожили имущество и основные производственные фонды подавляющего большинства колхозов, совхозов и МТС: машины, тракторы, сельскохозяйственную технику, инвентарь, хозяйственные постройки и т. д. (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 62. Л. 3–13; Д. 185. Л. 72–84; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1389. Л. 201; Ф. 7803. Оп. 3. Д. 646. Л. 1–18, 27–30; Д. 734. Л. 2–6). Например, до начала Великой Отечественной войны Белорусская ССР имела более 25 тыс. автомашин, которые активно использовались на сельхозработах, а в декабре 1944 г. их осталось всего около тысячи (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 931. Л. 395–402).

Одним из самых тяжких последствий оккупации для белорусской деревни было уничтожение

оккупантами огромного числа крестьянских домов (400 тыс. домов) (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 931. Л. 395–402).

В этом же ряду — разрушение животноводческой отрасли. После освобождения Белорусской ССР в колхозах республики из имевшихся до войны 570 тыс. лошадей осталось 192 тыс. (33 %) (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 931. Л. 395–402). За годы оккупации в Германию было вывезено из республики 70 % всего поголовья лошадей, 74 % поголовья крупного рогатого скота, 88 % поголовья свиней, 79 % поголовья овец и 88 % поголовья птицы (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 100. Л. 67–69; Д. 185. Л. 72–84). Оккупанты фактически уничтожили в республике племенное животноводство. В белорусской деревне остались единицы жеребцов-производителей, быков-производителей и баранов-производителей. В ряде районов в период оккупации было почти полностью уничтожено поголовье овец (НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 37. Л. 128–134). К июню 1945 г., по подсчетам Наркомата земледелия БССР, в сельской местности республики численность лошадей составила к довоенному уровню 29,3 %, крупного рогатого скота — 22,5 %, свиней — 9,2 %, коз — 16,2 % (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 185. Л. 72–84). По вине оккупантов в белорусской деревне получили широкое распространение заразные заболевания животных: ящур, рожа свиней, менингит и чесотка лошадей (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 57. Л. 19–23). Белорусские ученые, анализируя ситуацию в Белорусской ССР с животноводческой отраслью на сессии Академии наук БССР, проходившей 20–25 апреля 1945 г., заключили, что за годы оккупации животноводство республики оказалось «отброшено на десятки лет назад» (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 100. Л. 67–69).

Еще одним результатом «хозяйничанья» оккупантов было уничтожение и разграбление всех существовавших до войны на территории БССР предприятий пищевой промышленности и сельскохозяйственного машиностроения (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 1803. Л. 37–40).

Таким образом, масштабы ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками сельскому хозяйству Белорусской ССР, были огромными. Предстояла большая и напряженная работа по его восстановлению.

Государственная программа восстановления сельского хозяйства Белорусской ССР

Восстановление белорусской деревни началось с выделения союзным центром республике значительных финансовых средств. Уже 8 октября 1943 г., сразу же после освобождения Красной армией первых районов республики, на «неотложные нужды в районах, освобожденных от оккупантов», решением СНК СССР ей было выделено из резервного фонда советского правительства 15 млн рублей (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 91. Л. 329). 15 декабря 1943 г. СНК СССР принял постановление «Об организации государственной закупки скота для дальнейшей помощи колхозам районов, освобожденных от немецкой оккупации», в котором Наркомзему СССР предписывалось совместно с Совнаркомом РСФСР, УССР и БССР разрабо-

тать и представить в Совнарком СССР «план распределения закупаемого скота по районам, освобожденным от оккупации» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 221. Л. 208, 213).

Одним из первых и самых важных решений союзного центра, направленных на восстановление сельского хозяйства БССР, стало подготовленное при непосредственном участии СНК БССР и ЦК КП(б) постановление СНК СССР «Об оказании помощи освобожденным районам Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей Белорусской ССР по восстановлению МТС и колхозов», принятое 27 декабря 1943 г. (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 222. Л. 105–110; Ф. Р-9504. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–6). Его положения были закреплены и расширены в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах Совнаркома БССР и ЦК КП(б) Белоруссии» от 1 января 1944 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1049. Л. 234–243) и в постановлении ЦК КП(б) о восстановлении колхозов в освобожденных районах республики от 7 января 1944 г. (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 518. Л. 1 – 4, 7, 11–12, 29–45). Для остальных областей Белорусской ССР, освобожденных от оккупантов летом 1944 г., развернутая программа восстановления сельского хозяйства была изложена в постановлении СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению сельского хозяйства Белорусской ССР», принятом 3 октября 1944 г. (РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3437. Л. 53–57).

Таким образом, в конце 1943–1944 гг. союзным центром во взаимодействии с республиканским руководством была подготовлена и принята государственная программа восстановления и развития сельского хозяйства Белорусской ССР.

Следует особо подчеркнуть, что на взаимоотношения республиканского руководства Белорусской ССР и союзного центра оказывали влияние три фактора. Первый – это героическая борьба белорусского народа в оккупации, его огромные жертвы, принесенные на алтарь Победы. Второй – особые теплые отношения И.В. Сталина с руководителем БССР П.К. Пономаренко, возглавлявшим до осени 1943 г. Штаб партизанского движения в СССР. И третий – необходимость особого внимания к экономике республики в связи с ведением на ее территории в 1944–1945 гг. крупнейших наступательных операций Красной армии. Данные обстоятельства и определили, на наш взгляд, региональные особенности процесса восстановления разрушенной немецко-фашистскими захватчиками экономики Белорусской ССР в рассматриваемый период. Их суть состояла в особом внимании союзного центра к нуждам республики по сравнению с другими регионами страны, которые так же, как и Белорусская ССР, переживали оккупацию.

Восстановление животноводческой отрасли

В 1944–1945 гг. БССР была оказана союзным центром масштабная помощь в восстановлении животноводства. Так, 26 февраля 1944 г. СНК СССР издал важнейшее для судеб белорусской деревни постановление «О неотложных мерах по восстановлению животноводства колхозов в районах Белорусской ССР, освобожденных от немецких

захватчиков» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 224. Л. 242–249). В постановлении определялись 10 областей и 2 автономные республики РСФСР, которые обязывались Наркомземом СССР завезти и продать в 1944 г. колхозам Белорусской ССР установленное количество племенного скота. В частности, крупный рогатый скот, овец и свиней следовало завезти в республику из Горьковской, Ивановской, Ярославской, Кировской, Омской, Вологодской, Молотовской, Калининской областей, а также Удмуртской и Чувашской АССР (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 60. Л. 6–8, 165–172).

При его перегоне и перевозке возникли серьезные проблемы, обусловившие потерю части поголовья. Например, имели место задержки скота и даже его присвоение местными властями. В частности, в Смоленской области было задержано и роздано колхозам 16 гуртов скота из перегоняемого в республику (1393 головы крупного рогатого скота и 1555 овец). Но после протестов наркоматов земледелия СССР и БССР присвоенный скот был возвращен. Во время его перегона были вскрыты махинации со скотом на приемочно-распределительных базах и трассах перегона со стороны некоторых гуртоправов (перегонщиков). Перегонщики тайно за деньги, вино и продукты обменивали продуктивный скот на молодняк, пользуясь тем, что на приемочно-распределительных базах он не взвешивался и не пересчитывался. Были установлены факты, когда в перегоняемых отарах гуртоправы стригли овец, а шерсть реализовывали на рынке. Нередко из-за отсутствия либо халатности охраны скот резали волки, а в отарах на питание – гонщики скота. В результате к началу сентября 1944 г., по официальным данным, убыль скота во время его перегона из российских регионов в Белорусскую ССР составила 1385 голов крупного рогатого скота и 2375 голов овец (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 72. Л. 99–103).

Результаты выполнения плана завоза в Белорусскую ССР в 1944 г. рабочего и продуктивного скота из регионов РСФСР указываются в справке Наркомзема БССР, датированной 15 октября 1944 г. В ней говорится, что на 10 октября 1944 г. в Витебскую, Гомельскую, Могилевскую, Полесскую и Минскую области было завезено из восточных областей СССР 39059 голов крупного рогатого скота (66,4 % к плану), 59688 овец (80,6 % к плану), 5211 свиней (42,6 % к плану) (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 72. Л. 99–103; Ф. 48. Оп. 9. Д. 59. Л. 244–253).

В 1944 г. в республику из других районов СССР завозились также лошади. Так, например, на начало сентября 1944 г. в колхозы Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей было завезено: 2971 рабочая лошадь (43,1 % к плану), 177 племенных жеребцов (88 % к плану), 875 рабочих лошадей находилось в пути (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 51. Л. 42–48; Ф. 48. Оп. 9. Д. 59. Л. 244–253). В докладной записке секретаря Бобруйского обкома КП(б) Ф.А. Баранова отмечалось, что в Бобруйскую область на 20 ноября 1944 г. завезены 83 лошади (10,3 % от плана), 936 голов крупного рогатого скота (13 %), 3457 овец (32,5 %), 1124 головы птицы (9,5 %). Свиней не было заве-

зено ни одной головы (ГАОМО. Ф. 4317. Оп. 1. Д. 25. Л. 1, 2–4, 5 об., 8).

С трудом выполнялся в 1944 г. и план завоза из восточных областей СССР в колхозы Белорусской ССР птицы. Например, на 20 октября 1944 г. в Гомельскую область было завезено всего 1500 наседок с цыплятами (6,2 % к плану), а в Могилевскую область – 1999 (5,1 % к плану) (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 51. Л. 42–48).

В целом в 1944 г., несмотря на существующие проблемы, основная масса рабочего и продуктивного скота, запланированного к завозу из регионов РСФСР в освобожденные области БССР, хотя и не в полном объеме, но поступила и была распределена в наиболее пострадавшие в период оккупации колхозы республики. При этом нужно учитывать, что ситуация в тыловых районах России, ставших донорами для республики, было тяжелой с точки зрения положения сельского населения и обеспечения колхозов скотом и техникой [Вылцан, Кондрашин 2004].

Наряду с завозом в республику скота из тыловых районов СССР, в 1944 г., по данным Сельхозбанка СССР, колхозам Белорусской ССР на развитие животноводства было выдано советским правительством в виде кредитов 10 млн 641 тыс. рублей (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 76. Л. 111–113).

В 1945 г. союзный центр продолжал наращивать объемы помощи животноводческой отрасли аграрного сектора экономики республики. В частности, при активном участии республиканского руководства в 1945 г. советское правительство обратило особое внимание на организацию племенного дела в колхозах и улучшение кормовой базы колхозного животноводства. В принятом 24 марта 1945 г. постановлении СНК СССР «О мерах по восстановлению общественного животноводства в колхозах Белорусской ССР» Наркомзему СССР поручалось завезти в 1945 г. в республику 300 племенных жеребцов, 2665 бычков, 600 телок, 2000 баранов и 150 ярок, 1200 хрячков и 500 свинок самых элитных пород (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 246. Л. 230–239). Кроме того, учитывая тяжелое положение освобожденных областей Белорусской ССР, СНК СССР 2 августа 1945 г. принял постановление о выделении для колхозов республики еще 33600 лошадей (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 188. Л. 130–131). По решению союзного центра в 1945 г. в БССР поступила тысяча голов домашней птицы для птицефабрик и колхозов (НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1773. Л. 185–186).

Еще одним ресурсом восстановления животноводства республики в 1945 г. стало поступление трофейных лошадей и крупного рогатого скота с территории Германии и Польши. Первое решение на эту тему было принято ГКО СССР 14 марта 1945 г. В соответствии с ним командование 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, 1-го Украинского фронта и Земландской группы войск обязывалось передать Наркомзему СССР 44600 голов «неиспользуемых фронтами трофейных лошадей», из которых 8000 голов следовало перегнать в Белорусскую ССР не позднее 15 июля 1945 г. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 380. Л. 64, 65, 66). В другом постановлении ГКО СССР от 26 мая 1945 г. цифра передаваемых трофейных лошадей была сниже-

на до 7000 голов (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 419. Л. 97–100). Кроме лошадей решением ГКО СССР для Белорусской ССР из числа трофейного скота было выделено 70 тыс. голов крупного рогатого скота и 25 тыс. голов овец (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 134. Л. 24–25, 30). В результате, по данным Наркомзема БССР, на начало августа 1945 г. в республику было передано частями Красной армии и завезено из восточных областей СССР 31498 лошадей, в том числе 25700 лошадей «по постановлению ГКО СССР» (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 188. Л. 130–131).

Наряду с трофейным скотом в 1945 г. по решению союзного центра белорусская деревня получала трофейные сельскохозяйственные машины. Например, 26 апреля 1945 г. постановлением ГКО СССР Белорусской ССР было передано со складов 3-го Белорусского фронта 300 вагонов с сельскохозяйственными машинами (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 406. Л. 17).

Помощь союзного центра в проведении основных сельскохозяйственных кампаний и в восстановлении совхозов

Помощь республике в 1945 г. в восстановлении сельского хозяйства по линии ГКО СССР не исчерпывалась приведенными примерами. Она была оказана ей и в период уборочной кампании. В частности, постановлением ГКО СССР от 3 августа 1945 г. к уборочной кампании в Белорусской ССР был привлечен автотранспорт войсковых частей и учреждений Барановичского и Минского округов. Военные советы данных округов обязывались обеспечить вывоз зерна из белорусских колхозов в количестве 200 тыс. тонн (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 449. Л. 61–64). Из выявленных документов следует, что в 1945 г. военнослужащие частей, дислоцированных на территории республики, активно участвовали в уборке урожая и в осенней посевной кампании. Были случаи, когда на полевые работы в колхозы направлялись даже учебные танки (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 2. Л. 1; Ф. 48. Оп. 9. Д. 62. Л. 55–56).

В 1944–1945 гг. наиболее пострадавшие от оккупации колхозы Белорусской ССР постоянно получали от союзного центра семенные ссуды для проведения весенней и осенней посевных кампаний (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 227. Л. 250; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 247. Л. 179, 227; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 262. Л. 328).

В рамках общей программы восстановления сельского хозяйства республики союзный центр оказал ей большую помощь в восстановлении совхозов. До войны на территории Белорусской ССР работало 57 совхозов (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 1860. Л. 13–14). Практически все они были до основания разрушены оккупантами. К моменту освобождения в подавляющем большинстве из них были уничтожены хозяйственные постройки, оборудование, сельхозинвентарь, скот и продовольственные запасы (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 221. Л. 208, 213).

5 февраля 1944 г. СНК БССР, ЦК КП(б)Б совместно с Наркоматом совхозов СССР представили в Совнарком СССР проект постановления о неотложных мерах по восстановлению совхозов

в освобожденных от немецких захватчиков областях Белорусской ССР. 28 февраля СНК СССР утвердил его в принятом постановлении «О восстановлении совхозов Наркомсовхозов в Гомельской, Могилевской, Полесской и Витебской областях» (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 224. Л. 258–260). В соответствии с ним в мае-августе 1944 г. предусматривалось завезти в восстанавливаемые совхозы республики из других совхозов СССР 2410 голов крупного рогатого скота, 390 лошадей и 60 свиноматок. Кроме того, в марте 1944 г. они должны были получить по линии Наркомсовхозов СССР 25 тракторов, 20 сеялок, 20 тракторных плугов и 15 тракторных культиваторов. На хозяйственные цели совхозов (строительство жилых и хозяйственных построек) выделялись финансовые средства и строительные материалы. В 1944 г. совхозы Белорусской ССР освобождались от сдачи мяса государству (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 224. Л. 258–260).

2 августа 1944 г. нарком совхозов БССР З.М. Голодушко направил докладную записку в Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР, в которой проинформировал союзный центр о первых результатах восстановления совхозов в республике. К указанному сроку в белорусские совхозы поступило 23 трактора, 21 плуг, 15 культиваторов и 12 сеялок. В то же время были задержаны «в пути» 10 из 16 запланированных к отправке в БССР комбайнов из совхозов Алтайского края. В докладной записке отмечалось, что в совхозы Белорусской ССР было завезено 385 лошадей. Но из общего числа запланированных к заводу оказалось «недополучено» 5 голов из совхозов Пензенской области. Кроме того, в докладной записке констатировался факт невыполнения плана завоза в совхозы БССР из регионов страны токарно-винторезных станков, электросварочных аппаратов, оконного стекла, толи, брезента, электропроводов, гвоздей и трофейных бочек для горюче-смазочных материалов. Из-за отсутствия запчастей к тракторам и автомашинам на базах Авто-тракторосбыта их поступило в республику всего на 30 тыс. рублей (планировалось на 100 тыс.) (НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 101. Л. 62–63).

Восстановление совхозов в республике при активной поддержке союзного центра продолжалось и в 1945 г. Так, например, в марте 1945 г. в совхозы БССР поступил трофейный скот из Восточной Пруссии: 12855 голов крупного рогатого скота, 1200 лошадей, 775 овец (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 46. Д. 134. Л. 18–19).

Помощь союзного центра в строительстве жилья для сельского населения и материальном обеспечении сельских жителей республики

Одним из свидетельств успешного взаимодействия республиканского руководства с союзным центром в вопросах восстановления сельского хозяйства Белорусской ССР является поддержка И.В. Сталиным предложенной П.К. Пономаренко программы создания в сельской местности республики небольших заводов по производству кирпича и керамической плитки для строительства жилья и объектов соцкультбыта в разрушенных оккупантами районах БССР (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 60. Л. 223). На эти цели в 1944 г. по решению союз-

ного центра было выделено из госбюджета 39 млн 290 тыс. рублей, в том числе на капитальные вложения в колхозах и МТС — 16 млн 590 тыс. рублей. Кроме того, были выданы долгосрочные кредиты: в сумме 7 млн рублей — на индивидуальное жилищное строительство рабочих, специалистов и служащих МТС, МТМ и земельных органов, а также в сумме 16 млн 900 тыс. рублей — на нужды сельского хозяйства республики, из которых 5 млн рублей направлялись непосредственно на хозяйственные нужды колхозов, а 4 млн рублей — колхозникам. 500 тыс. рублей предназначались инвалидам Великой Отечественной войны и семьям фронтовиков на покупку скота (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 60. Л. 6–8). 20 июня 1945 г. ГКО СССР обязал СНК БССР «вывезти из Германии для восстановления производства обозного и сельскохозяйственного инвентаря, а также жилого фонда республики 450 металлообрабатывающих и 200 деревообрабатывающих станков» (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 429. Л. 28–30). Поступление трофейного оборудования для поддержки белорусской деревни продолжалось и в последующие месяцы (НАРБ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1773. Л. 12–13).

Как видно из изученных источников, помощь союзного центра Белорусской ССР в решении первоочередных задач восстановления разрушенного оккупантами сельского хозяйства не исчерпывалась завозом скота, техники и различного промышленного оборудования. Республике предоставлялись дополнительные ресурсы и льготы по продовольственному снабжению населения, особенно таких его категорий, как семьи партизан и военнослужащих Красной армии. Например, согласно постановлению СНК СССР от 4 марта 1945 г., Наркомат заготовок при СНК СССР обязывался выделять ежемесячно в период с марта до 1 июля 1945 г. сверх утвержденных рыночных фондов по 250 тонн муки для снабжения хлебом семей военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны, проживающих в сельских местностях Витебской и Полоцкой областей.

Проблемные моменты при получении помощи Белорусской ССР от союзного центра

Как свидетельствуют документы, директивные постановления союзного центра и СНК БССР по завозу в республику скота и техники не выполнялись в установленные сроки и в установленных объемах по вполне объективным причинам. Прежде всего они были обусловлены продолжающейся войной и необходимостью в первую очередь решать проблемы фронта. Именно поэтому возникали трудности с подвижным составом при перевозке техники и скота из регионов РСФСР для освобожденных областей республики, с передачей ей металлорежущих станков, тракторов, автомобилей, снабжением их горюче-смазочными материалами и т. п. В то же время были и причины субъективного плана, как правило, связанные с нерасторопностью и бюрократической волокитой в ряде областей и республик РСФСР, в задачи которых входило выполнение решений союзного центра по оказанию помощи Белорусской ССР (НАРБ.

Ф. 4п. Оп. 29. Д. 57. Л. 40; Оп. 46. Д. 15. Л. 40–47; Д. 26. Л. 132–133, 135–136; Д. 51. Л. 304; Д. 1748. Л. 1–8; Ф. 48. Оп. 9. Д. 60. Л. 6–8, 165–172).

Показательной в этом плане является ситуация с выполнением вышеупомянутого постановления СНК СССР от 27 декабря 1943 г. «Об оказании помощи освобожденным районам Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей Белорусской ССР по восстановлению МТС и колхозов». Контролирующими органами был установлен факт нарушения установленных сроков отгрузки из регионов СССР для белорусских колхозов и МТС сельскохозяйственного инвентаря, автомашин и запасных частей к ним. В частности, из 4000 конных плугов в республику поступило только 1000 штук. Не было получено ни одной автомашины из 320 запланированных к поставке, ни одного квадратного метра стекла из запланированных 10 тыс. кв. метров, ни одного килограмма хозяйственного мыла из запланированных 2 тонн, ни одного метра мануфактуры из запланированных 40 тыс. метров, ни одной бочки для нефти и бензина из 10 тыс. запланированных. В неполном объеме были выполнены поставки цемента, электропроводов, железа, запасных частей к тракторам, газосварочного оборудования. Лишь гвозди поступили в полном объеме — 15 тонн. Главной причиной срыва поставок проверяющими органами были названы трудности с подвижным составом (дефицит вагонов для перевозки), а также бюрократическая волокита и несогласованность в работе союзных и республиканских наркоматов и ведомств (НАРБ. Ф. 48. Оп. 9. Д. 185. Л. 134–145).

Выводы

Таким образом, изложенный в статье материал позволяет заключить, что в 1943–1945 гг. союзный центр оказал БССР масштабную помощь материальными ресурсами, которая позволила успешно начать процесс восстановления разрушенного оккупантами сельского хозяйства республики. Это были финансовые средства, десятки тысяч голов скота, завезенного в Белорусскую ССР из восточных регионов РСФСР и полученного за счет репараций от поверженной фашистской Германии. В этом же ряду — значительное количество сельскохозяйственной техники и другие указанные в статье виды помощи.

Насколько эта помощь была эффективной? Об этом говорит тот факт, что, несмотря на тяжелейшие последствия немецко-фашистской оккупации, уже в 1944 г. восстановленные в освобожденных районах Белорусской ССР колхозы и совхозы в условиях острого дефицита рабочей силы, тягла и сельскохозяйственной техники, продолжающихся военных действий в целом успешно выполнили данные им задания по обязательным государственным поставкам сельскохозяйственной продукции и различным видам трудовой повинности военного времени. Эта тенденция была закреплена и усилена в 1945 г. Параллельно начиная с осени 1943 г. — начала освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков — в «партизанской республике» шел динамичный процесс восстановления жилого фонда колхозов и совхозов, укрепления их материально-технической базы, улучшения материаль-

ного положения сельского населения (Восстановление сельского хозяйства... 2018).

Подобный результат наряду с трудовой активностью и даже во многих случаях трудовым героизмом белорусских сельских тружеников и был результатом той помощью, которая была оказана Белорусской ССР союзным центром в рассматриваемый период, о чем и было сказано авторами языком новых документов на страницах настоящей статьи.

Источники фактического материала

РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*.

ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*.

РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*.

НАРБ — *Национальный архив Республики Беларусь*.

ГАОМО — *Государственный архив общественных объединений Могилевской области*.

Библиографический список

Восстановление сельского хозяйства... 2018 — *Восстановление сельского хозяйства Беларуси: 1943–1945: док. и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (отв. сост.) [и др.]; редкол.: В.И. Кураш (отв. ред.) [и др.]*. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 2018. URL: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/5340/vosstanovlenie-selskogo-hozyaystva-belarusi-1943-1945>.

Великая Отечественная война... 2013 — *Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны*. М.: Кучково поле, 2013. URL: <https://b-ok.org/book/2523187/e87bb9>.

Вылцан, Кондрашин 2004 — *Вылцан М.А., Кондрашин В.В. Патриотизм крестьянства // Власть и общество, 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севастьянов; Ин-т российской истории*. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 50–77.

References

Vosstanovlenie sel'skogo khozyaistva... 2018 — *Vosstanovlenie sel'skogo khozyaistva Belarusi: 1943–1945: dok. i materialy. Sost.: V.D. Selemenev (otv. sost.) [i dr.]; redkol.: V.I. Kurash (otv. red.) [i dr.]* [Rehabilitation of agriculture in Belarus: 1943–1945: documents and materials. Compiler: Selemenev V.D. (responsible compiler) [et al.]; editorial staff: V.I. Kurash (responsible editor) [et al.]. Minsk: Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus', 2018. 648 p. Available at: <http://www.rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/5340/vosstanovlenie-selskogo-hozyaystva-belarusi-1943-1945> [in Russian].

Velikaya Otechestvennaya voyna ... 2013 — *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: v 12 t. T. 7. Ekonomika i oruzhie voyny* [The Great Patriotic War of 1941–1945: in 12 vols. Vol. 7. Economy and weapons of war]. M.: Kuchkovo pole, 2013, pp. 230–234. Available at: <https://b-ok.org/book/2523187/e87bb9> [in Russian].

Vyltsan, Kondrashin 2004 — *Vyltsan M.A., Kondrashin V.V. Patriotizm krestyanstva* [Patriotism of the Peasantry]. In: *Vlast' i obshchestvo, 1941–1945: v 2 kn. Otv. red. G.N. Sevastyanov; In-t rossiiskoi istorii* [Power and Society, 1941–1945: in 2 books. G.N. Sevastyanov (Ed.). Institute of Russian history]. M.: Nauka, 2004. Book 2, pp. 50–77 [in Russian].

«ПУТЕШЕСТВИЕ» В КУЗЬКИНО: ИСТОРИЯ ДЕТЕЙ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ ЮГОСЛАВИИ, ВЫВЕЗЕННЫХ В СССР ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© Аблажей Наталья Николаевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета, 630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

E-mail: ablazhey@academ.org. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-5271>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории репатриации в СССР детей русских эмигрантов из Югославии, вывезенных в СССР из немецкого города Аннаберга по решению правительства от 19 декабря 1945 г. и размещенных в детском доме № 25 с. Кузькино Куйбышевской области. Среди репатриированных оказалась группа бывших воспитанниц Харьковского девичьего института и их директриса, выпускница Смольного института М.А. Неклюдова. Вывоз детей в СССР вызвал коллективный протест со стороны группы русских эмигрантов, находившихся в лагере для перемещенных лиц американской зоны оккупации в Австрии, заявивших свои родительские права.

По материалам Управления при Совете Министров СССР Уполномоченного по делам репатриации реконструируются обстоятельства репатриации детей в СССР, условия их жизни в детском доме и мероприятия по подготовке вывоза детей в Австрию для передачи родителям — русским эмигрантам при посредничестве американской стороны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, репатриация, эмигранты, дети, Югославия, Германия, СССР, Австрия, Куйбышевская область, Кузькино.

Цитирование. Аблажей Н.Н. «Путешествие» в Кузькино: история детей русских эмигрантов из Югославии, вывезенных в СССР после Второй мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 55–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-55-63>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-55-63
UDC 325.1+94(47)

Submitted: 18/II/2019
Accepted: 20/III/2019

N.N. Ablazhey

«JOURNEY» TO KUZKINO: A HISTORY OF THE CHILDREN OF RUSSIAN EMIGRANTS FROM YUGOSLAVIA REMOVED TO THE USSR AFTER THE WORLD WAR II

© Ablazhey Natalia Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; associate professor, Novosibirsk State University, 2, Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.
E-mail: ablazhey@academ.org. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9636-5271>

ABSTRACT

The article is devoted to the history of repatriation of the children of Russian emigrants from Yugoslavia, who were removed to the USSR from the German city of Annaberg by the decision of the government of December 19, 1945 and located in the orphanage № 25 in the village of Kuzkino, Kuibyshev region. Among the repatriated, there was a group of former students of the Kharkov Girl Institute and its director M.A. Neklyudova, a graduate of the Smolny Institute. The removal of children to the USSR caused a collective protest from a group of Russian emigrants who were in the camp for displaced persons of the American occupation zone in Austria, who claimed their parental rights.

Based on the materials from the Office of the Commissioner for Repatriation of the USSR Council of Ministers, the author reconstructs the circumstances of the children's repatriation, their living conditions in the orphanage and arrangements for preparing their removal to Austria for transfer to the parents – Russian emigrants that was done with the mediation of the American side.

Key words: World War II, repatriation, emigrants, children, Yugoslavia, Germany, USSR, Austria, Kuibyshev region, Kuzkino.

Citation. Ablazhey N.N. «Puteshestvie» v Kuz'kino: istoriya detei russkikh emigrantov iz Yugoslavii, vyvezennykh v SSSR posle Vtoroi mirovoi voyny [«Journey» to Kuzkino: a history of the children of Russian emigrants from Yugoslavia removed to the USSR after the World War II]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 55–63. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-55-63> [in Russian].

Введение

История с вывозом в СССР детей русских эмигрантов и их чудесным возвращением родителям стала известна после публикации в 2007 г. на одном из сайтов по истории белой эмиграции статьи протоиерея Флора Жолткевича, посвященной судьбе выпускницы Смольного института и директрисы Харьковского девичьего института Марии Александровны Неклюдовой, оказавшейся с группой воспитанников в 1946 г. в СССР [Жолткевич, сайт XXL3 (Л.Л. Лазутин)]. Материал вызвал отклик. В течение нескольких лет страничка пополнялась документами и свидетельствами, среди которых выделим статью самарского краеведа и журналиста В.Н. Казарина о Неклюдовой [Казарин], письма и воспоминания очевидцев [сайт XXL3 (Л.Л. Лазутин)], повествующие не только о ее судьбе, но и ее воспитанников, репатриированных и размещенных в детском доме в с. Кузькино Куйбышевской (ныне Самарской) области. Эта история нашла отражение на страницах блога жительницы села Зинаиды Горшениной [gorshenina.blogspot.com] и даже школьной газеты (Из истории села... 2013]. В 2017 г. история детского дома № 25 освещалась в статье самарского исследователя А.И. Репинецкого [Репинецкий 2017, с. 178], который на материалах Куйбышевского облисполкома попытался реконструировать обстоятельства репатриации детей белоэмигрантов и их жизни в СССР, справедливо

отмечая, что документы облисполкома не позволили всесторонне осветить этот сюжет.

Результаты исследования

Восполнить хотя бы часть имеющихся пробелов позволяют материалы Управления при Совете Министров СССР Уполномоченного по делам репатриации (хотя и они не дают возможности восстановить все аспекты этой драматической и удивительной истории с вывозом в СССР и последующим возвращением родителям-белоэмигрантам их детей). Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении источниках, попробуем понять, о каких детях идет речь и как они оказались в СССР.

В 1944 г. на фоне наступления Красной армии и сокращения зоны немецкой оккупации начинается массовое бегство на Запад. Среди беженцев оказались и русские эмигранты из Югославии. В годы войны Югославия находилась под оккупацией Германии, Венгрии, Болгарии и Италии. Самая крупная русская колония проживала в Сербии, оккупированной немцами, но находившейся под управлением коллаборационистского правительства. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия) было одним из центров белой эмиграции. Костяк колонии составляли остатки Русской армии генерала Врангеля и гражданское население, эмигрировавшее в ходе эвакуации из черноморских портов осенью 1920 г., по-

зднее — из сборных лагерей в Турции и Греции. Крупные русские общины находились в городах Белграде, Сремских Карловцах, Панчеве, Новом Саде, в области Воеводина. Именно на территорию Воеводина оказались эвакуированные русские учебные заведения, среди которых Николаевское кавалерийское училище, Крымский кадетский корпус, Мариинский Донской девичий институт и Харьковский девичий институт. Донской девичий институт разместился в городке Белая Церковь, Харьковский — в Нови-Бечей [Арсеньев 2010]. С лета 1920 г. финансирование русских кадетских корпусов и девичьих институтов осуществляло центральное правительство, сначала через Государственный комитет по приему и устройству русских беженцев, а затем — Державную (Государственную) комиссию по делам русских беженцев. В начале 1930-х гг. все русские учебные заведения испытывали материальные сложности в связи с прекращением финансирования.

История девичьих институтов в Югославии отражена крайне фрагментарно. Харьковский институт просуществовал как самостоятельное учреждение под руководством выпускницы Смольного института М.А. Неклюдовой до 1932 г. За годы эмиграции аттестат зрелости в нем получили 320 чел. Есть информация, что в 1932 г. Харьковский и Донской девичьи институты были объединены, получив новое название «Русский девичий институт имени императрицы Марии Федоровны». Институт, содержащийся в основном за счет пожертвований частных лиц и организаций, а также Красного Креста, был закрыт решением министра просвещения от 31 марта 1941 г. Институтки продолжили обучение в столице в Русско-сербской женской гимназии [Арсеньев 2010; Барковец 2010]. Бывшая директриса М.А. Неклюдова также переехала в Белград, где заведовала девичьим студенческим общежитием [Арсеньев 2010]. В период оккупации финансирование гимназии осуществлялось на немецкие средства. Контингент русских учебных заведений, в том числе интернатов, пополнялся детьми, чьи отцы ушли служить в Русский охранный корпус, укомплектованный преимущественно эмигрантами.

В сентябре-октябре 1944 г. немцы эвакуировали из Белграда семьи корпусников и выразивших желание уехать русских эмигрантов [Танин 2009], однако в связи с молниеносным наступлением Красной армии, поддержанным Народно-освободительной армией Югославии, эвакуацию провели спешно. К сожалению, мы не можем реконструировать маршрут перемещений учебных заведений из Югославии по Австрии и Германии. Ввиду того что англо-американские войска в Германии продвинулись значительно восточнее согласованных в Ялте линий разграничения, все лица, эвакуированные из Белграда, оказались в зоне оккупации союзников. Кто-то в ней и остался. Известно, что белградская русско-сербская гимназия продолжила свое функционирование в одном из беженских лагерей под Мюнхеном. Однако часть детей русских эмигрантов из Белграда оказалась существенно севернее, в Саксонии, в том числе в двух соседних

городах — Аннаберге и Визенбаде. Эти города освободили американцы, но 1 июля 1945 г., после корректировки оккупационных зон, в Саксонию вступили советские войска.

Советская сторона оперативно выяснила, что накануне ввода войск в Аннаберге размещались три русских приюта-интерната, в которых насчитывалось более 400 детей, вывезенных немцами из Югославии. Их возглавляли Софья Владимировна Крейтон, Мария Николаевна Глебова (по другим данным Грекова) и Мария Алексеевна Неклюдова. Скорее всего, на момент прихода Советской армии здесь оставалась только группа во главе с Неклюдовой (большинство эмигрантов, вероятно, успели покинуть Аннаберг вместе с американцами). Есть свидетельства, что Неклюдова какое-то время жила у родственников в Вене, но вернулась в интернат, категорически отказавшись «уехать от своих девочек» [сайт XXL3 (Л.Л. Лазутин)]. Так дети русских эмигрантов из Югославии оказались в ведении Советской военной администрации в Германии (СВАГ).

23 ноября 1945 г. начальник отдела репатриации при Штабе Советской военной администрации в Германии генерал-полковник В.В. Курасов представил Уполномоченному по делам репатриации при СНК СССР генералу Ф.И. Голикову список из 85 детей русских эмигрантов в возрасте от 4 до 17 лет, собранных в городах Аннаберг и Визенбад, и просил указаний об их устройстве. По заявлениям советской стороны, «дети были оставлены американцами в нашей зоне при отходе их войск без всяких документов» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 253). Впоследствии указывалось, что «вывоз детей в СССР был спровоцирован... что наши органы в Группе советских войск в Германии были введены в заблуждение одной из женщин, якобы заявившей, что у детей нет родителей или где они — неизвестно». Между тем директивы от 18 января 1945 г. начальника тыла Красной армии и Управления СНК по делам репатриации № 1/1240645с и 1/1240646с предписывали обязательную репатриацию в СССР детей-сирот и направление их в детские дома и приюты системы Наркомпроса (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 2. Л. 44–49).

12 декабря 1945 г. Ф.И. Голиков обратился в ЦК ВКП(б), Совнарком и МИД по вопросу устройства детей русских эмигрантов и уже 19 декабря СНК СССР издал распоряжение № 18025 с грифом «секретно» за подписью В.М. Молотова, обязывающее «т. Голикова Ф.И. вывезти в Советский Союз детей русских эмигрантов, воспитывающихся в двух детских домах, находящихся в двух германских городах Аннаберг и Визенбад» (Информации о детях, собранных в другом городе — Визенбаде, мы не располагаем. — *Н.А.*). В кратчайший срок в правительство следовало представить предложения по устройству указанных детей в детских домах Советского Союза (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 56. Д. 169. Л. 158). 24 декабря 1945 г. было принято секретное распоряжение № 18312, которое предписывало «обязать Наркомпрос РСФСР (т. Потемкина) и Куйбышевский облисполком (т. Пузанова) организовать в январе 1946 г. в селе

Кузькино Новодевичевского района Куйбышевской области детский дом на 85 детей русских эмигрантов, вывозимых в Советский Союз из германских городов Аннаберг и Визенбад» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 56. Д. 170. Л. 37). Место для размещения было выбрано не случайно: согласно распоряжению правительства от 22 августа 1945 г., в Кузькино планировалось создание специального детского дома на 100 мест.

Вывоз детей в СССР, скорее всего, был осуществлен в конце 1945 г. К этому времени было установлено, что дети далеко не сироты, у многих есть родители или родственники, которые находятся в американской зоне оккупации в Зальцбурге — в лагере ДиПи «Парш». Перед самым вывозом некоторые родители, преимущественно матери-сербки, имевшие пропуск от американцев, сумели добраться до Аннаберга и попытались забрать детей, но им отказали. Вывоз детей провели организованно, несмотря на «истерии матерей» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 219).

Данные о количестве вывезенных детей расходятся, в разных источниках называются разные цифры: 76, 80, 83, 85. Согласно персональным спискам, составленным в конце апреля 1946 г., в детском доме находилось 83 ребенка, хотя дважды в них упоминалась одна из воспитанниц (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 221–225). Вместе с детьми в СССР выехало 15 взрослых. Скорее всего, в Кузькино Новодевичевского района (разъезд Бичевное Куйбышевской ж.д.) они прибыли в конце января — начале февраля 1946 г. Детей и взрослых разместили в здании заброшенной церкви, построенной еще в конце XVIII в. Так начал свою работу специальный детский дом № 25, который даже по бумагам иногда проходил как «детдом детей русских эмигрантов».

История вывезенных детей и их жизни в Кузькино получила широкую огласку благодаря активности их родителей. 10 апреля 1946 г. на имя Ф.И. Голикова поступило коллективное заявление от 34 русских эмигрантов, находящихся в Австрии, в американской зоне оккупации, где они называют себя родителями и просят вернуть вывезенных детей. В связи с этим обстоятельством зам. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации К.Д. Голубев обращается в МИД к А.Я. Вышинскому с просьбой установить «по дипломатическим каналам» «факт родства, а также принадлежность заявителей к русским эмигрантам и к выяснению причин оставления детей родителями и союзными войсками при уходе их из городов Аннаберг и Визенбад» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 94).

В конце апреля 1946 г. в детдом был командирован старший помощник начальника Отдела устройства Управления СМ СССР по делам репатриации майор В.И. Баранов. Целью его визита было провести опрос среди детей по поводу наличия у них родителей, а заодно и оценить условия их проживания. В ходе инспекции было установлено, что в детдоме содержится 83 ребенка, из которых мальчиков — 26, девочек — 57, в том числе до 7 лет — 6 чел., до 16-ти — 75 и старше 16-ти — 2 чел.

Далее приведем список детей:

1. Болотова Мария Ивановна, 1932 г. р., Белград.
2. Болотова Мария Ивановна, 1932 г. р., Старо-Пазово, Сербия.
3. Вдовкина Анна Николаевна, 1932 г. р.
4. Вдовкина Надежда Николаевна, 1930 г. р., Сараево.
5. Вигорет Юрий Владимирович 1939 г. р., Белград.
6. Витторф Валентина Анатольевна, 1930 г. р., Белград.
7. Власовская Галина Афанасьевна, 1928 г. р., Врање Сербия.
8. Волченко Елена Михайловна, 1930 г. р., Белград.
9. Воробьевский Анатолий, 1943 г. р.
10. Гайдуков Иван Васильевич, 1938 г. р.
11. Гайдуков Михаил Васильевич, 1939 г. р., Новый Сад, Сербия.
12. Гайдукова Анна Васильевна, 1940 г. р., Мориск, Сербия.
13. Глебова Татьяна Сергеевна, 1934 г. р., Загреб, Сербия.
14. Григорьев Андрей Павлович, 1933 г. р., Шабац, Югославия.
15. Денег Петр Логинович, 1935 г. р., Пожаревац, Сербия.
16. Дубченко Мария Александровна, 1931 г. р., Илок, Хорватия.
17. Дудко Александр Петрович, 1932 г. р., Шабац, Сербия.
18. Епифанцева Ольга Владимировна, 1931 г. р., Сербия.
19. Жадан Наталья Ивановна, 1938 г. р., Земун, Сербия.
20. Жарков Владимир Петрович, 1933 г. р., Босния, Югославия.
21. Жаркова Анастасия Васильевна, 1938 г. р., Смедерево, Сербия.
22. Жаркова Екатерина Васильевна, 1937 г. р., Смедерево, Сербия.
23. Иват Екатерина Градомировна, 1931 г. р., Собботица, Сербия.
24. Ищенко Зора Ивановна, 1933 г. р., Белград.
25. Ищенко Николай Иванович, 1935 г. р., Белград.
26. Каллаур Алла Ипполитковна, 1932 г. р., Имень, Польша.
27. Коломейцева Мария Александровна, 1935 г. р., Белград.
28. Костенко Ольга Емельяновна, 1935 г. р., Ниш, Сербия.
29. Кудриков Анатолий Васильевич, 1938 г. р., Шабац, Сербия.
30. Кудрикова Душанка Васильевна, 1935 г. р., Кролево, Сербия.
31. Кумашова Татьяна Григорьевна, 1931 г. р., Белград.
32. Леонтьев Любиш Александрович, 1934 г. р., Ниш, Сербия.
33. Леонтьева Венеслава Александровна, 1936 г. р., Ниш, Сербия.
34. Лях Борислава Григорьевна, 1932 г. р., Прокупле, Сербия.
35. Машногорская Наталия Дмитриевна, 1937 г. р., Кралево, Сербия.
36. Могила Галина Андреевна, 1936 г. р., Скопле, Сербия.
37. Могила Татьяна Андреевна, 1934 г. р., Скопле, Сербия.

38. Мошкина Ольга Николаевна, 1937 г. р., Вимы, Сербия.
39. Назаренко Наталия Андреевна 1937 г. р., Сербия.
40. Найда Анна Афанасьевна, 1938 г. р., Бобовичи, Сербия.
41. Найда Зара Афанасьевна, 1934 г. р., Босния.
42. Невохатный Евгений Валентинович, 1935 г. р., Сербия.
43. Неделько Иван Андреевич, 1932 г. р., Крушевич, Сербия.
44. Никитенко Ольга Алексеевна, 1938 г. р., Сербия.
45. Павлуновская Зинаида Борисовна, 1932 г. р., Бихач, Сербия.
46. Павлуновская Ксения Борисовна, 1935 г. р., Панчево, Сербия.
47. Павлуновский Михаил Борисович, 1938 г. р., Бихач, Сербия.
48. Пештов Павел Иванович, 1939 г. р., Белград.
49. Пилитюк Клавдия Николаевна, 1932 г. р., Чуприя, Сербия.
50. Попова Елена Васильевна, 1935 г. р., Белград.
51. Попова Юлия Васильевна, 1931 г. р., Белград.
52. Потопахина Жеванна Дмитриевна, 1938 г. р., Сербия.
53. Потопахина Лимона Дмитриевна, 1935 г. р., Обреновац, Сербия.
54. Ратай Надежда Григорьевна, 1938 г. р., Сербия.
55. Рикман София Горгиевна, 1932 г. р., Ковин, Сербия.
56. Рубан Пелагея Ивановна, 1929 г. р., Смедерово, Сербия.
57. Рудик Драгиче Григорьевна, 1933 г. р., Боточина Сербия.
58. Рудик Милорад Григорьевич, 1937 г. р., Сербия.
59. Сабсай Андрей Григорьевич, 1938 г. р., Шабац, Сербия.
60. Сабсай Николай Григорьевич, 1934 г. р., Шабац, Сербия.
61. Саин Александр Савельевич, 1933 г. р., Сербия.
62. Семенов Михаил Васильевич, 1935 г. р., Панчево, Сербия.
63. Сукачева Ольга Игоревна, 1931 г. р., Цетин, Черногория.
64. Сукачева Тамара Игоревна, 1934 г. р., Цетин, Черногория.
65. Титов Петр Михайлович, 1938 г. р., Белград.
66. Толкачев Иван Тихонович, 1934 г. р.
67. Уколова Клавдия Степановна, 1938 г. Майданбег, Сербия.
68. Федорова Вера Михайловна, 1931 г. р., Сербия.
69. Федорова Надежда Михайловна, г. р. не ук., Сербия.
70. Хмара-Борщевская Ольга Петровна, 1931 г. р., Косовска-Митровица, Сербия.
71. Чекалов Павел Георгиевич, 1935 г. р., Панчево, Сербия.
72. Черкашин Александр Васильевич, 1934 г. р., Рудный Бор, Сербия.
73. Чернокнижникова Елена Алексеевна, 1936 г. р., г. Бела Црква (Белая Церковь), Сербия.
74. Черняков Андрей Григорьевич, 1939 г. р., Белград.
75. Черняков Николай Григорьевич, 1937 г. р.
76. Шат Александр Владимирович 1938 г. р., Субботица, Сербия.
77. Шат Мария Владимировна, 1935 г. р., Субботица, Сербия.
78. Швед Анатолий Исаакович, 1935 г. р., Одесса.
79. Шегенова Фатима Кареевна, 1935 г. р., Рудный Бор, Сербия.
80. Широа Анастасия, 1931 г. р.
81. Щербак Ксения Григорьевна, 1931 г. р., Смедеро, Сербия.
82. Якимова Ольга Павловна, 1932 г. р., Кула, Сербия.
83. Яковенко Мария Ивановна, 1932 г. р., Белград.

В целом Баранову удалось войти в доверие к детям. Вопросы о родителях касались как отцов, так и матерей, их наличия, имени и возраста, национальности, информации об их нахождении, совместном проживании родителей, наличии родственников или опекунов. Данные о рождении в основном вносились со слов, что вело к искажениям и русификации. Проведенный опрос показал, что их отцы являются: 79 — русскими эмигрантами и четверо — советскими гражданами. Дети были в основном из смешанных семей, когда отцы — русские эмигранты, а матери — сербки. Вероятно, вопрос о гражданстве прямо не ставился, но информация о родственниках в СССР и времени выезда из страны все-таки уточнялась. Задавались ли детям вопросы о службе отцов в Русском корпусе, сказать сложно, но Баранов отмечал, что «с 1941 года отцы этих детей состояли на службе в особом охранном корпусе, сформированном немцами» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 218). Лишь в единичных случаях дети заявляли, что не знают местонахождения родителей, большинство же называли Зальцбург. Нахождение в интернате «дети объясняли желанием родителей дать образование на русском языке и, с другой стороны, материальными затруднениями» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 218). В отчете 1-му заместителю уполномоченного правительства по делам репатриации советских граждан К.Д. Голубеву Баранов особо отметил подавленное и даже угнетенное состояние детей, причиной которого в первую очередь была разлука с родителями. По итогам посещения детдома было установлено, что «из 34 человек, подавших заявление о возврате детей, 28 человек действительно являются родителями части детей, находящихся в спецдетдоме № 25, 1 чел. — воспитателем и 5 человек, дети которых в доме не обнаружены» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 219).

Особое внимание Баранова привлекли взрослые, прибывшие с детьми и оставленные «на первое время» как воспитатели и обслуживающий персонал при детдоме. В то время практиковалось, особенно во временных школах, работавших при сборно-пересыльных пунктах, оставлять педагогов из числа репатриантов, но только после соответствующей проверки, для обучения детей разных возрастов. Из 15 человек, прибывших в Кузькино, девять были эмигрантами, шестеро числились как советские граждане. На основании списков эмигрантами были: 1) Неклюдова Мария Алексеевна, 1877 г. р., числившаяся начальницей детского дома; 2) Витторф Анатолий Николаевич, 1881 г. р., зам. начальника детского дома; 3) Витторф Надежда

Георгиевна, 1894 г. р., воспитатель; 4) Левицкий Владимир Северинович, 1879 г. р., учитель; 5) Левицкая Мария Харисановна, 1885 г. р., воспитатель; 6) Федорова Анна Михайловна, 1906 г. р., прачка; 7) Дубченко Екатерина Дмитриевна, 1906 г. р., прачка; 8) Дубченко Александр Андреевич 1885 г. р., истопник; 9) Черняков Григорий Евгеньевич, 1909 г. р., воспитатель. Проходили как советские граждане: 1) Битнер Екатерина Генриховна, 1912 г. р., врач; 2) Лен Мария Исааковна, 1889 г. р., врач; 3) Лен Дмитрий Генрихович, 1928 г. р., сельско-хозяйственный рабочий; 4) Мотейко Вера Дмитриевна, 1925 г. р., кухарка; 5) Фомина Надежда Ильинична, 1922 г. р., воспитатель; 6) Пономаренко Анна Ал., 1929 г. р., уборщица.

В ходе бесед со взрослыми Баранову удалось воссоздать обстоятельства, при которых русскоязычные дети из разных уголков Сербии оказались в Аннаберге. Одновременно он сообщает о желании поскорее изолировать детей от этого «контрреволюционного элемента», который «даже при первом знакомстве не внушает доверия». «Неклюдова М.А., в прошлом классная дама Петроградского Смольного Института, Начальница Одесского Института благородных девиц; бывший полковник царской армии Витторф А.Н., служивший у немцев и носивший форму СС; врач Битнер Е.Г. — русская немка, в 1943 г. перешла с семьей на территорию Германии, была там врачом немецкого госпиталя»; «оставление этих людей на работе в детском доме... противоречит здравому смыслу» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 187). Особо настаивал на «необходимости срочного освобождения специального детского дома от белоэмигрантов» председатель Куйбышевского облисполкома А.П. Бочкарев (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 172). Необходимо также заметить, что Управлением МВД по Куйбышевской области все прибывшие были взяты на спецучет.

По распоряжению Голикова в конце апреля в Австрию был командирован начальник санитарного отдела управления репатриации с целью проверки родительских прав у подавших заявление белоэмигрантов. Несмотря на настойчивые попытки командированного офицера получить пропуск от американского командования в лагерь «Парш» близ Зальцбурга, где находились родители детей, для их опроса, посетить лагерь так и не удалось. В связи с отказом в посещении лагеря советская сторона проинформировала американцев о нецелесообразности отправлять детей из Советского Союза «впредь до полного выяснения вопроса о родительских правах лиц, подавших указанное заявление». Эту позицию Голикова поддержал в очередной раз Вышинский как зам. главы МИДА в письме от 23 июня 1946 г.: «До полного выяснения родительских прав лиц, подавших заявление, не следует возвращать детей в Австрию» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 172). Вместе с тем было рекомендовано поручить уполномоченному в Вене вместе с заведующим консульской частью Союзнической Комиссии выяснить на месте, действительно ли подавшие заявление лица являются родителями вывезенных детей.

В конце июня 1946 г. после серии переговоров американцы все-таки разрешили двум советским офицерам посетить лагерь русских беженцев «Парш», в котором оказались и лица, служившие в Русском охранном корпусе. Лагерь находился на окраине г. Зальцбурга, на конечной станции городского трамвая. Согласно договоренностям об «обязательной репатриации», весной и летом 1945 г. союзники активно способствовали репатриации в СССР советских граждан, более того, были случаи массовой выдачи белоэмигрантов, но с осени 1945 г. ситуация кардинально изменилась. Советские представители стали с трудом получать допуск в лагерь перемещенных лиц, расположенных в зоне ответственности союзников. Для лиц, оспаривавших советское гражданство и решивших остаться на Западе, именно американские лагеря считались предпочтительными. По итогам визита советских представителей в американский лагерь «Парш» было установлено, что в нем «действительно находятся родители 40 увезенных детей» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 178). Родительские права они подтвердили документами. Еще у 11 детей в лагере находились дальние родственники или знакомые. Большинство обитателей лагеря стремились уехать и в итоге уехали в США, хотя лагерь окончательно прекратил свое существование только в начале 1960-х гг.

Пока выяснялся вопрос о наличии родителей у вывезенных в СССР детей и их родительских правах, ситуация в детдоме в Кузькино становилась все драматичнее. В детдоме сложилась крайне тяжелая ситуация со снабжением, и руководство Управления по делам репатриации, в частности сам Голиков, неоднократно обращалось к министру просвещения РСФСР А.Г. Калашникову, требуя принять экстренные меры по наведению «должного порядка в детдоме». Вплоть до лета 1946 г. детдом жил в основном за счет продуктов, отпущенных органами репатриации. Сложности со снабжением объяснялись тем, что детский дом находился в стадии становления, поэтому финансирование запаздывало. Первоначальная смета была утверждена в сумме 210 тыс. руб. из расчета на 49 детей. Объем финансирования дважды увеличивали, доведя его сначала до 304 тыс., а в июле — до 340 тыс. руб. Облисполком утверждал, что стоимость дото-дня для детдома идет по повышенному тарифу, вместо положенных 4 руб. 50 коп. выделяется 7 руб. 40 коп. По мнению местных властей, ситуацию усугубляло то, что в детдоме на довольствии находились, помимо 37 воспитанников в возрасте с 15 до 18 лет, также 15 прибывших с детьми взрослых, что финансированием не предусматривалось. Председателя Куйбышевского облсовета Бочкарева раздражало то, что «особенное недовольство воспитанники и взрослые выражают качеством питания» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 339). Для улучшения ситуации он требовал немедленно снять с довольствия всех взрослых и трудоустроить воспитанников, достигших 15 лет. В детдоме имело место и элементарное хищение продовольствия, первый директор М.И. Чуриков был снят с должности за бесхозяйственность;

было заведено уголовное дело против кладовщиков, подозреваемых в хищениях. В конце апреля Чурикова сменил С.М. Дубровенский, которого облоно характеризовало как одного «из лучших директоров детдомов области». Несмотря на повышенное внимание к детдому и заверения местных властей, ситуация продолжала усугубляться. Судя по письму воспитанниц от 6 июня 1946 г., написанному «от девочек детдома» В.И. Баранову, они элементарно голодали. Приведем это письмо полностью, сохраняя стилистические, орфографические и пунктуационные особенности.

«Здравствуйте дорогой Владимир Иванович!

Мы собравшиеся здесь девочки детдома сообщаем Вам[,] что нам становится все хуже и хуже. Когда Вы были у нас Вы сказали чтобы нас кормили как следует, а после вашего отъезда нас 2–3 дня стали кормить лучше мы и молоко получать стали, а потом совсем плохо стали нас кормить. Девочки просят чтобы Вы как[-]нибудь устроили так чтобы нас вывезли в другое место и в лучший дом, потому что наш дом очень плохой. У нас есть одна прачка которая стирает на всех одна, мы ее очень жалеем и просим чтобы ее освободили от этой работы. Нам дали на обед водяной суп и картошку в мундире без ничего, и то по 3 штуки[,] а когда начался обед все говорили «голодные даже не почувствовали обед»! Мы очень просим[,] чтобы Вы как[-]нибудь устроили [,] чтобы мы все по скорее встретились с родными, потому что мы скучаем по родным. Наши девочки стали такими худыми и бледными, а кроме того нас все время гонят идти гулять, а если не хотим оставлять лежать целый день. Еще раз просим Вас, чтобы поскорее нашли родных. Наши вещи отбирают и отдают другим, вот например вчера привезли из другого города некоторые вещи которые были украдены. Мы Вас очень просим[,] чтобы Вы нам помогли насчет родных. А теперь до свидания шлем Вам горячий привет и крепко целуем Вас девочки детдома [.]

Ждем ответа как соловей лета [.]

Обратите внимание на подчеркнутые слова!» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 286).

Комментируя жалобы воспитанниц детдома, Бочкарев писал в Управление по делам репатриации: «У девиц установившееся классово-чуждое нам мировоззрение и мораль, как и прибывшие с ними взрослые, они выражают недовольство условиями жизни в Кузькино. Многие девушки установили связь с заграницей, пишут туда жалобы, стремясь выехать в английскую зону оккупации» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 339). Местные власти особо нервировало то обстоятельство, что, информируя о ситуации в детдоме, Управление писало не только в министерство просвещения, но и грозило сделать «доклад Правительству».

Вопрос с обучением прибывших детей также не был решен. Детдомовцев, ранее обучавшихся в Югославии по дореволюционным программам, не решились отправить в сельскую школу. Выходом могло стать обучение в интернате, и в течение двух лет его обеспечивала пара воспитателей, в первую очередь Неклюдова. Местные власти именовали ее не иначе как «наша графиня», отмечая, что она «имеет огромное влияние на девушек детдома» [Репинецкий 2017, с. 180]. В СССР Неклюдова приехала уже в очень почтенном возрасте — 79 лет.

Неклюдова пыталась, как и в начале 1920-х гг., организовать при интернате кружок шитья и вышивания, чтобы девушки получили хоть какую-то специальность и заработок, но облоно категорически запретило создавать кружки для детдомовцев (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 339). Неклюдова одной из первых была снята с должности и оказалась без средств к существованию. Дети пытались ее прокормить за счет своего пропитания, констатируя, что «...наша графиня скоро умрет от голодовки, ей советская власть не дает кушать» [Репинецкий 2017, с. 181].

В первых числах июля в судьбе прибывших произошел очередной крутой поворот, который был связан с тем, что советские власти решили вернуть тех детей, чьи «родители потребовали их возвращения». Впервые эта позиция была сформулирована Голубевым в письме от 1 июля в МВД С.Е. Круглову, в МИД А.Я. Вышинскому и в Министерстве просвещения РСФСР А.Г. Калашникову (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 178). Аргументов было два. Первый: плохие «материально-бытовые условия в детдоме»; второй — не давать «дополнительных аргументов западной стороне» относительно политики СССР при проведении репатриации лиц, оспаривающих советское гражданство. При этом особо указывалось, что «необходимо перед отправкой детей в Австрию провести оздоровительные мероприятия и экипировку» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 178). 17 июля 1946 г. заместитель министра иностранных дел С.А. Лозовский на запрос Голубева сообщил, что со своей стороны «МИД СССР не имеет возражений против возвращения в Австрию детей русских эмигрантов и поддерживает намеченные Вами мероприятия, связанные с их доставкой» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 226). Позиция МИД устроила всех. Именно решение этого ведомства фигурирует в качестве основания к выезду из СССР, в то время как въезд санкционировало союзное правительство.

Подготовкой выезда детей занимался непосредственно начальник Отдела устройства возвращенных граждан СССР полковник Киселев и и.о. зам. уполномоченного Басилов. К 1 августа был разработан детальный «План по отправке детей русских эмигрантов из детского дома № 25 в Австрию», который утвердил лично Голиков. Он включал следующие мероприятия:

«1. Отправку детей со ст. Бичевное Куйбышевской ж.д. произвести 25 августа 1946 г.

2. Подготовить письмо председателю СМ РСФСР т. Радионову:

а) Об обеспечении отправки Куйбышевским облисполкомом;

б) Выделении авто-гужевого транспорта для перевозки детей и имущества к станции погрузки;

в) Обеспечение питанием на весь путь следования не менее 6 недель;

г) Выделение квалифицированных людей сопровождения — воспитательниц 6 чел. и врача с медикаментами;

д) О командировании представителя Министерства просвещения РСФСР для подготовки к отправки детей.

3. Заявку на вагоны для перевозки детей и имущества представляет Управление уполномоченного по делам репатриации 2 классных вагона, 2 крытых вагона (под кухню и имущество, холодильник) от станции Бичевное Куйбышевской ж.д. до ст. Санкт-Валентин (Австрия) лагерь № 300.

4. Поставить в известность начальника Отдела по репатриации в Австрии т. Старова о предстоящем прибытии и передаче детей русских эмигрантов родителям в Американскую зону.

5. Поставить в известность Министерство Государственной Безопасности о проведении данного мероприятия.

6. Командировать представителя Управления для наблюдения и оказания помощи в отправке детей.

7. Отправку детей американскому командованию производит Начальник лагеря № 300 по акту» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 103–104).

Первоначально речь шла о 40 детях (26 девочек и 14 мальчиков, 33 из которых были в возрасте от 8 до 14 лет). До даты отправки оставалось меньше месяца, и за это время детей предстояло «откормить и экипировать», поскольку, по мнению репатриационных служб, «отправлять их в таком виде нельзя». Чтобы обеспечить выезжающих бельем, обувью и одеждой, Управление запросило информацию о детях с разбивкой по возрасту и полу (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 325). Так как рассчитывать на усиленное питание в детдоме не приходилось, расчет был сделан на то, что дети будут нормально питаться в течение шестинедельного переезда.

Следуя предписаниям, в Куйбышев выехал представитель Управления по делам репатриации майор Ф.Ф. Шершун, назначенный «старшим за операцию», сначала в СССР, а потом в Австрии, чтобы совместно с облисполкомом организовать «отправку детей». Вывоз детей провели строго по графику: 25 августа 1946 г. к эшелону № 50717 были подцеплены один классный и два крытых вагона. 36 детей сопровождали 8 человек (воспитатели, врач, няня и повар). Маршрут следования эшелона по СССР: Пенза – Алексеевка – Валуйки – Ромодан – Фастов – Гусятин – Сигет (на границе с Румынией), далее перегрузка в связи со сменой колесных пар. Однако маршрут был по каким-то причинам изменен и выезжали через Польшу.

Во время следования эшелона произошел инцидент. По прибытии эшелона на пограничную ст. Ягодин Ковельской ж.д. начальник станции посчитал, что документы выезжающих «не оформлены должным образом», и потребовал «в грубой форме» «освободить вагоны», что привело к тому, что дети должны были покинуть эшелон и провести какое-то время под дождем. Этот случай вызвал недовольство, а Управление в очередной раз было вынуждено констатировать, что «подобные факты» дискредитируют советскую сторону и сыграют «на руку лицам, ведущим антисоветскую пропаганду» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 178). Между тем еще 22 августа 1946 г. начальнику пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту Петрову были даны указания организовать про-

пуск детей и лиц их сопровождающих (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 100).

До места назначения – лагеря № 300 – группа добралась к середине октября. 17 октября 1946 г. из лагеря дети были направлены в Зальцбург и в присутствии американского представителя переданы непосредственно родителям, о чем составлены советующие акты (которые к сожалению не сохранились. – *Н.А.*). При передаче детей отмечалось, что все дети «здоровы и одеты по сезону». Большинство родителей на актах приема сделали надписи о благодарности правительству СССР, советскому народу и лично товарищу Сталину за проявленную заботу о детях и их возвращение (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 182).

Что стало с оставшимися в детдоме 46 детьми? В конце сентября 1946 г. детский дом в Кузькино вновь посетили с инспекцией представители Управления по делам репатриации. Особых изменений они не увидели и в отчете констатировали: «Основное помещение детдома, бывшая церковь, полуразрушена и не отвечает потребностям культурного размещения. Воспитатели имеют слабую педагогическую квалификацию или совсем ее не имеют. Снабжение продуктами питания весьма слабое, подчас дети полуголодны. Не откомандированы до сего времени воспитатели – бывшие эмигранты, которые отрицательно влияют на детей» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 57). По итогам инспекции Киселев предложил Министерству просвещения РСФСР перевести оставшихся детей в «другой детский дом с более благоприятной обстановкой, а также оградить детей от влияния бывших эмигрантов» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 57). Забота о детях объяснялась тем, что не исключалась возможность того, что «у части оставшихся детей найдутся родители и их также придется направлять за границу» (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 281. Л. 57). 25 декабря 1946 г. все дети были отправлены в детские дома г. Сызрани Куйбышевской области. Есть упоминание, что еще 26 детей впоследствии выбыли за границу [gorshenina.blogspot.com]. В начале 1947 г. Кузькинский детский дом пополнился новыми воспитанниками. Неклюдова умерла в Кузькино в 1948 г., где ее и похоронили.

Заключение

Были ли дети русских эмигрантов из Югославии еще одной «жертвой Ялты», как иногда образно называют тех, кто оказался принудительно репатрирован в СССР, – это трудный вопрос. Основная работа советских органов репатриации по возвращению перемещенного населения проведена в кратчайшие сроки, фактически в течение 1945–1946 гг. Факт наличия в руках союзников большого количества советских граждан не мог не беспокоить советское руководство, и, осуществляя массовую репатриацию, оно преследовало две основные цели: первая, экономическая – вернуть в СССР трудоспособных людей, особенно необходимых в условиях послевоенной разрухи; вторая, политическая – предотвратить формирование за

рубежом новой эмиграции, оппозиционной советской власти. Западные союзники, со своей стороны, первоначально придерживались ялтинских договоренностей, в основе которых лежал принцип обязательной репатриации по принципу гражданства, более того, имели место случаи выдачи советской стороне русских эмигрантов. Потом к этому вопросу стали подходить более вариативно, все чаще отказывая в выдаче советским властям тех, кто оспаривал принадлежность к СССР. Желая вернуть максимально возможное число советских граждан из западных зон оккупации Европы, советская сторона иногда была готова пойти на проявление милосердия и гуманизм, например в виде единичного случая возвращения родителям-белоземлякам их детей, вывезенных в Советский Союз.

Библиографический список

Арсеньев 2010 — *Арсеньев А.* Русские учебные заведения в Сербии [Электронный ресурс] // Новый Журнал. 2010. № 259. URL: <http://white-idea.livejournal.com/81022.html> (дата обращения: 10.09.2018).

Барковец 2010 — *Барковец П.* Российские кадетские корпуса в Сербии. 1920–1944 [Электронный ресурс] // Новый Журнал. 2010. № 259. URL: <http://www.zh-zal.ru/nj/2010/259/ba26.html> (дата обращения: 10.09.2018).

Жолткевич — Жолткевич Ф. Мария Алексеевна Неклюдова [Электронный ресурс]. URL: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 — Л.Л. Лазутин) (дата обращения: 10.09.2018).

Из воспоминаний... — *Из воспоминаний Ксении Михайловны Антич (Миллер)* [Электронный ресурс]. URL: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 — Л.Л. Лазутин) (дата обращения: 10.09.2018).

Из истории села... 2013 — *Из истории села... Село Кузькино — приют последней начальницы Смольного института М.А. Неклют(д)иной* // Школьный вестник. 2013. 23 марта. Вып. 3.

История детского дома № 25 — *История детского дома № 25* [Электронный ресурс]. URL: <http://gorshenina.blogspot.com> (дата обращения: 10.09.2018).

Казарин — *Казарин В.Н.* Село Кузькино — приют последней начальницы Смольного института М.А. Неклют(д)иной [Электронный ресурс]. URL: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 — Л.Л. Лазутин) (дата обращения: 10.09.2018).

Репинецкий 2017 — *Репинецкий А.И.* Из истории одного детского дома // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 178–182. URL: <http://biosamara.ru/const/snv/numbers/snv19.pdf>.

Танин 2009 — *Танин С.Ю.* Русский Белград [Электронный ресурс]. М.: Издательский дом «Вече», 2009. 304 с. URL: <http://history.wikireading.ru/291028> (дата обращения: 10.09.2018).

References

Arseniev 2010 — *Arseniev A.* Russkie uchebnye zavedeniya v Serbii [Russian educational institutions in Serbia]. *Novyi Zhurnal [The New Review]*, 2010, no. 259. Available at: <http://white-idea.livejournal.com/81022.html> (accessed 10.09.2018) [in Russian].

Barkovec 2010 — *Barkovec P.* Rossiiskie kadetskie korpusa v Serbii. 1920–1944 [Russian cadet corps in Serbia. 1920–1944]. *Novyi Zhurnal [The New Review]*, 2010, no. 259. Available at: <http://www.zh-zal.ru/nj/2010/259/ba26.html> (accessed 10.09.2018) [in Russian].

Zholtkevich — *Zholtkevich F. Mariya Alekseevna Neklyudova [Maria Alekseevna Neklyudova]*. Available at: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 — L.L. Lazutin) (accessed 10.09.2018) [in Russian].

Iz vospominanii... — *Iz vospominanii Ksenii Mikhailovny Antich (Miller)* [From the memories of Ksenia Mikhailovna Antich (Miller)]. Available at: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 — L.L. Lazutin) (accessed 10.09.2018) [in Russian].

Iz istorii sela... 2013 — *Iz istorii sela... Selo Kuz'kino — priyut poslednei nachal'nitsy Smol'nogo instituta M.A. Neklyut(d)inoi* [From the history of the village... The village of Kuzkino — home of the last chief of the Smolny Institute M.A. Neklyudina]. *Shkol'nyi vestnik [School messenger]*, 2013, March 23, Issue 3 [in Russian].

Istoriya detskogo doma № 25 — *Istoriya detskogo doma № 25* [The history of the orphanage № 25]. Available at: <http://gorshenina.blogspot.com> (accessed 10.09.2018) [in Russian].

Kazarin — *Kazarin V.N.* Selo Kuz'kino — priyut poslednei nachal'nitsy Smol'nogo instituta M.A. Neklyut(d)inoi [The village of Kuzkino — the orphanage of the last head of the Smolny Institut M.A. Neklyudina]. Available at: <http://xxl3.ru/kadeti/nekludova.htm2> (XXL3 — L.L. Lazutin) (accessed 10.09.2018) [in Russian].

Repinetskii 2017 — *Repinetskii A.I.* Iz istorii odnogo detskogo doma [From the history of one orphanage]. *Samarskii nauchnyi vestnik [Samara Journal of Science]*, 2017, Vol. 6, no. 2(19), pp. 178–182. Available at: <http://biosamara.ru/const/snv/numbers/snv19.pdf> [in Russian].

Tanin 2009 — *Tanin S.Yu.* Russkii Belgrad [Russian Belgrade]. М.: Izdatel'skii dom «Veche», 2009, 304 p. Available at: <http://history.wikireading.ru/291028> (accessed 10.09.2018) [in Russian].

ПЕДАГОГИКА

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-64-70
УДК 378.147+101.1

Дата поступления статьи: 15/IV/2019
Дата принятия статьи: 27/V/2019

С.И. Голенков

ФИЛОСОФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕФЛЕКСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

© *Голенков Сергей Иванович* — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: sgolenkov52@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5792-0949>

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается концепция преподавания вузовского курса философии. Современное преподавание философии в университете не соответствует требованиям времени, так как оно ориентировано на получение знаний о философии. Такая ориентация характерна для классического университета, который может существовать лишь в ситуации стабильности и относительно медленных изменений в окружающем его социальном мире. Современный университет готовит своих выпускников к профессиональной деятельности в непрерывно и быстро меняющемся мире. Нынешняя динамичная жизнь требует от специалиста навыков самостоятельной, критической работы с информацией, ответственного ее использования. Цель статьи: определить концептуальные основания университетского курса философии, отвечающего современным реалиям. Обосновывается необходимость ориентации философии на формирование и развитие у студента навыка рефлексии проблем и вопросов профессиональной деятельности и повседневной жизни. В этой связи задачей вузовского курса философии видится оснащение выпускника философским инструментарием рефлексивной деятельности. Решению этой задачи способствуют такие методы овладения философией, как саморефлексия, чтение и анализ философских текстов и дискурсов. Опыт показывает, что наиболее эффективно эти методы работают в размышлении над вопросами о моральном и экзистенциальном выборе, об индивидуальной свободе, профессиональном предназначении, поиске смысла жизни и т. д., то есть в анализе реальных жизненных ситуаций.

В заключении делается вывод о том, что концептуальное основание преподавания философии в высшей школе сегодня должно быть трансформировано от *изучения* философии к *практикованию* философии.

Ключевые слова: концепция образования, классический университет, неклассический университет, преподавание философии, практикование философии.

Цитирование. Голенков С.И. Философия как инструмент рефлексивной деятельности студентов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 64–70. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-64-70>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

PHILOSOPHY AS AN INSTRUMENT OF STUDENTS' REFLECTIVE ACTIVITIES

© Golenkov Sergei Ivanovich – Doctor of Philosophical Sciences, professor, professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. E-mail: sgolenkov52@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5792-0949>

ABSTRACT

The article discusses the concept of teaching university philosophy course. The current teaching of philosophy at the university does not correspond the requirements of the time, as it is focused on gaining knowledge of philosophy. Such an orientation is characteristic of a classical university, which can exist only in a situation of stability and relatively slow changes in the social world around it. Modern University prepares its graduates for professional activities in a continuously and rapidly changing world. The present dynamic life requires from a specialist the skills of independent, critical work with information, responsible use of it. The purpose of the article is to determine the conceptual foundations of a university philosophy course that correspond contemporary realities. The necessity of orientation of philosophy to the formation and development of the student's skill of reflection problems and issues of professional activity and daily life is justified. In this regard, the task of the university philosophy course seems to be equipping the graduate with the philosophical tools of reflexive activity. Solving this task is promoted by such methods of mastering philosophy as self-reflection, reading and analysis of philosophical texts and discourses. Experience shows that these methods work most effectively in thinking about questions of moral and existential choice, individual freedom, professional mission, the search for the meaning of life, etc., that is, in the analysis of real life situations.

In conclusion, it is concluded that the conceptual basis of teaching philosophy in higher education today must be transformed from the *study* of philosophy to the *practice* of philosophy.

Key words: concept of education, classical university, non-classical university, teaching philosophy, practicing philosophy.

Citation. Golenkov S.I. *Filosofiya kak instrument refleksivnoi deyatel'nosti studentov* [Philosophy as an instrument of students' reflective activities]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 64–70. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-64-70> [in Russian].

Введение

Вопрос о содержании вузовского курса философии стоит крайне остро. И острота его определена несколькими факторами как глобального, так и профессионального характера. Глобальным фактором, который отмечают все исследователи, выступает цивилизационный переход от общества индустриального к обществу информационному, который Тоффлер обозначил как «третья волна». В ходе этой «волны» происходит трансформация всех сфер человеческого существования, в том числе сферы высшего образования, наполняющая новым содержанием каждый ее элемент, каждое отношение, изменяющая саму концепцию образования, доставшуюся нам от классического университета. К факторам профессионального характера следует отнести изменения самой философии и способа философствования, которые произошли за последние тридцать лет. Об этом свидетельствуют дискуссии, посвященные поиску не только места философии в вузовском образовании [Гуманизация современной философии... 2018, с. 9–31], но и самого смысла преподавания философии [Кондратьева 2018, с. 27–33; Круглый стол... 2013, с. 5–38].

Эти изменения, естественно, имеют и страновую специфику. Преподавание философии в За-

падной Европе и Америке – в том ее содержании, в котором она преподается у нас в вузе, – там сдвинуто в старшие классы средней школы. По содержанию же вузовской философии – это скорее спецкурсы. Однако и там, особенно в англоговорящих странах, прежде всего в Великобритании, США, Канаде, да и в Австралии, есть проблемы с преподаванием философии. В частности, преобладание позитивизма и аналитической философии в этих странах ставит под сомнение необходимость существования философии как таковой. И все же, имея в виду этот глобальный контекст, речь в статье пойдет о проблемах с преподаванием философии в России, точнее, о проблеме содержания вузовского курса философии как обязательного федерального компонента образовательного стандарта для всех направлений бакалавриата. Именно в этом ракурсе будет рассмотрен вопрос, вынесенный в заголовок.

К концепции философии образования в современной России

Можно, сильно не ошибаясь, констатировать, что концептуально преподавание философии в России продолжается в русле классической традиции, которая в советское время существовала в диаме-

товско-истматовском варианте. Достаточно посмотреть учебники по философии последних лет, рабочие программы, методические пособия, экзаменационные вопросы и т. д. Стало уже очевидным даже для адептов классического образования, что основания традиции преподавания философии, заложенные Кантом и Гегелем и реализованные в концепции классического университета Джоном Ньюменом и Вильгельмом фон Гумбольдтом, себя исчерпали. Необходим поиск новых концептуальных оснований для современного образования, в частности для преподавания философии.

Нам близка позиция, изложенная в Концепции образования, разработанной белорусскими коллегами из «Национальной школы Беларуси» под руководством М.А. Гусаковского. Главная идея этой концепции состоит в том, что сегодня происходит транзит от классического университета к университету неклассическому [Концепция образования 2013, с. 144]. Не стану здесь останавливаться на определении «неклассический» университета возникающего. Важнее рассмотреть обоснованность стратегии отказа от университета классического.

Своевременность идеи преодоления классического университета и классического образования минские коллеги видят в кризисе традиционной культуры как культуры с рациональной доминантой, которая в качестве авторитетного арбитра в Новое время избрала науку, а путь к культивированию индивида — научное познание [Концепция образования 2013, с. 137]. Более того, они считают, что сам кризис современной культуры не есть что-то переходное, а является самой сутью новой культуры, культуры становления, культуры непрерывных быстрых изменений [Концепция образования 2013, с. 138]. В этой связи они приходят к выводу, что «проблемы Классического Университета связаны не столько с недостаточностью его функционирования, сколько с изменением общекультурной и человеческой ситуации. Продолжая осуществлять привычные действия, Классический Университет выпадает не только из общественной ситуации, но и из культурной» [Концепция образования 2013, с. 143]. В этой ситуации ни о каком возрождении классического университета, классического образования, о возвращении классического образа студента как стратегии современного образования, по их мнению, речи быть не может. Классический университет со своими «классическими» студентами — это не просто движение в прошлое, это путь в никуда.

Не так радикально в отношении классического университета выглядит позиция коллектива из Томского университета под руководством Г.И. Петровой. Коллеги считают, что полный разрыв с традицией классического университета невозможен, что последний претерпевает фундаментальные изменения вслед за культурными и цивилизационными трансформациями современности и что наиболее адекватной формой современного университета является университет исследовательский [Петрова, Зыкова, Ершова, Бут, Стаховская 2017, с. 7]. Исследовательский университет, продолжая осуществлять культуру профессорского служения научной

истине, составляющую суть классического университета, в новых культурно- и социально-исторических условиях формирует новую культуру — корпоративную, которая позволяет реализоваться исследователю в качестве субъекта в системе товарно-денежных отношений [Петрова, Зыкова, Ершова, Бут, Стаховская 2017, с. 42–44]. В этих отношениях истина, научное знание вообще должны показать свою эффективность, полезность, практичность.

Несмотря на разницу в подходах к определению образа современного университета, коллеги предлагают в основание образовательной концепции положить формирование у студентов самостоятельного мышления. Именно самостоятельность мышления как базовая жизненная стратегия может быть эффективной в быстро меняющемся мире. Лишь она позволяет студенту не только успешно реализовать творческие потенции вообще [Петрова, Зыкова, Ершова, Бут, Стаховская 2017, с. 104–105], но и успешно овладевать профессиональными знаниями [Бакина 2016, с. 93]. Об этом же ведут речь и зарубежные коллеги. «Студенты должны быть независимыми учениками, чтобы успешно пройти свои образование и карьеру», — пишет Virginia Schutte из Морского Консорциума Университетов Луизианы [Schutte]. John Rudisill из колледжа Вустера подчеркивает, что лишь самостоятельный поиск как комплекс интеллектуальных навыков позволяет достигнуть большей ясности в отношении широкого круга вопросов [Rudisill 2011, p. 243].

От философии образования к преподаванию философии

Как это реализуется на практике, в частности в преподавании философии? В статье «*«Философия» как учебный курс: смена концепта*», ее авторы считают наиболее приемлемой сегодня проблемно ориентированную стратегию, которая позволяет рассмотреть различные практики мышления в их многообразии [Карелин, Кузнецова, Грифцова 2017, с. 65]. Представляется несомненным, что именно работа с мышлением является предметом дидактики философии. Что в их концепции вызывает возражение, так это колоссальное количество материала, которое должен освоить студент. Его объем складывается из четырех фундаментальных (и поэтому обязательных) разделов: предмет философии как проблема, многообразие современных философских практик; философия познания; проблема человека в философии (философская антропология); социальная философия. Каждый из этих разделов должен быть развернут в шести аспектах: всемирно-историческом; историко-философском; социокультурном; общественно-политическом; активно-исследовательском (критическом); обзором социогуманитарных проблем современности. Более того, коллеги считают, что студенту крайне необходимо «краткое представление об основных течениях современной философии, таких как экзистенциализм, феноменология, герменевтика, прагматизм, неомарксизм, аналитическая традиция, религиозная философия [Карелин, Кузнецова, Гриф-

цова 2017, с. 69–71]. Именно это знакомство, с их точки зрения, является главным элементом предлагаемой концепции.

Однако при существенном сокращении времени на изучение курса философии в вузе (до одного семестра) само обучение, по меткому выражению Р.А. Акимова, превращается в «экспресс-курс» по областям философского знания [Акимов]. Но есть и более существенный вопрос: как это все развивает мышление? Память и эрудицию — несомненно. Но грамотное самостоятельное (критическое) мышление — вряд ли. Это нововременная концепция классического университета, где философия рассматривается как научная дисциплина, в которой принципиальным является знание материала. Этот материал дается, пре-подается, а не мыслится, осваивается, а не понимается, в лучшем случае студентом воспроизводится, а не творится и порождается. Студент здесь учится работать с информацией, а не со смыслом. Обилие предлагаемого к изучению материала с необходимостью будет «накачивать» студента информацией, тренировать его память, а не развивать самостоятельность и критичность его мышления.

Какую альтернативу можно предложить? Новосибирский философ Ю.М. Немцев подверг анализу существующие в российских реалиях подходы к преподаванию философии. В результате он пришел к выводу, что в обучении философии необходимо «исходить из того, что содержание дисциплины “философия” не является набором знаний... это не набор определений понятий и/или значимых имен», «преподавание философии состоит не в передаче некоторых “сведений о философии”, а в обучении *практикованию* философии» [Немцев 2011, с. 106]. Идея не нова. Еще в своих лекциях конца 70-х годов прошлого столетия М.К. Мамардашвили говорил, что «философия не может никому сообщить никакой суммы и системы знаний, потому что она просто не содержит ее, не является ею... Ибо только *самому* (из собственного источника), мысля и упражняясь в способности независимо спрашивать и различать, человеку удастся открыть для себя философию...» [Мамардашвили 1996, с. 10]. И эту свою мысль он неоднократно повторял в статьях и интервью.

Идея философии как практики себя, как «правильного руководства жизнью» возникла с рождением самой философии. Анализ места и роли практикования философии в античной культуре проведен мною ранее [Голенков 2018, с. 22–31]. Здесь ограничусь лишь теми моментами, которые необходимы для обоснования идеологии преподавания философии как инструмента разумного обустройства жизни.

Понимание философии как «правильного руководства» зародилось еще в античности и отлилось в чеканное определение у Цицерона *cultura animi philosophia est*^{*}. В отличие от взгляда, сложившегося в Новое время, на природу философии как *исключительно эпистемологическую* античное понимание философии включало в себя представление

о ее *терапевтической*, то есть вполне прагматической, природе. Эпикур из Афин в письме Менекею писал: «Пусть никто в молодости не откладывает занятий философией, а в старости не утомляется занятиями философией: ведь для душевного здоровья никто не может быть ни недозрелым, ни перзрелым. Кто говорит, что заниматься философией еще рано или слишком поздно, подобен тому, кто говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно. Поэтому заниматься философией следует и молодому, и старому: первому — для того, чтобы он и в старости остался молод благами и доброй памятью о прошлом, второму — чтобы он был и молод, и стар, не испытывая страха перед будущим» [Диоген Лаэртский 1986, с. 402]. Из текста письма ясно видно, что Эпикур ведет речь не об *изучении* философии, а о *занятиях* ею. Развивая тему философии как практики мудрой жизни, Эпиктет говорит о том, что, «философ наставляет не довольствоваться только изучением, но присовокуплять и приучение себя, затем упражнение в осуществлении на деле» [Эпиктет]. Французский исследователь Пьер Адо замечает, что античные практики философии рассматривались прежде всего не как мудрое знание, а как *способы организации* разумной жизни, как состояния человека, существующего совершенно иначе, нежели остальные люди. «Если философия есть активность, смысл которой упражнение в мудрости, — пишет он, — то упражнение это по необходимости заключается не только в том, чтобы говорить и рассуждать определенным образом, но и в том, чтобы определенным образом быть, действовать, смотреть на мир. Следовательно, если философия не только дискурс, но и жизненный выбор, экзистенциальное предпочтение, деятельное упражнение, то именно потому, что она есть стремление к мудрости» [Адо 1999, с. 236–237]. Для античности общим местом было признание философии в качестве практического руководства жизни, так как она превращала знание о благе в саму добродетельную жизнь.

Если рассматривать философию в ракурсе практики, то задача вузовского курса философии состоит не столько в получении студентом знаний по истории философии, философских учений и направлений, сколько в обретении вполне определенных умений и навыков. Кант в «*Критике чистого разума*» писал, что философия существует как «природная склонность человека» [Кант 1994, с. 42]. Эту склонность необходимо превратить в инструмент «правильного руководства жизнью», что достигается лишь практикованием философии, философствованием, которому, пишет Кант, «можно научиться лишь благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума» [Кант 1980, с. 333]. Философия в таком ее применении предстает как практика постижения студентом сущности сущего, прежде всего своей собственной и сущности окружающего его мира и обустройства своей жизни (в том числе и профессиональной) в соответствии с этим постижением. Само постижение на пути философствования не есть чисто интел-

^{*} *Cultura animi philosophia est* (лат.) — «возделывание души есть философия».

лектуальное занятие, оно выступает некой «техникой себя» (Фуко), имеющей целью преобразование индивида, его самотрансформацию и самоидентификацию. Опыт упражнения, опыт «практикования себя» с помощью философии есть дело исключительно практическое, сердцевиной которого выступает то, что М.М. Бахтин обозначал как «ответственный поступок». «Быть в жизни — значит поступать» [Бахтин 1994, с. 43]. Напомню, что под поступком М.М. Бахтин понимал не только действие, но и слово, мысль. Философский аспект ответственного поступка заключается в его рациональности, точнее, рефлексивности, его осознанном совершении. Иначе говоря, акт осознанного поступка (мышления, говорения) обязательно содержит в себе не только осознание содержания (что поступка) и цель (его ради-чего), но и осознанный метод (как поступка).

Преподавание философии в концепции практикования философии имеет своей целью экзистенциальную (смысложизненную) трансформацию индивида. Совершенно правы Л.П. Сидорова и О.В. Шнырева, когда пишут, что «главным в усвоении философских знаний являются не понятия и категории, а их связь с “Я”, пульсациями его мысли, живой и невообразимо самобытной» [Сидорова, Шнырева 2016]. Согласно Ю.М. Немцеву, именно использование философских средств (аргументов, понятий, категорий) в аналитике своей индивидуальной жизни способствует «развитию и изобретению» способов понимания студентами себя...» [Немцев 2011, с. 116]. Иначе говоря, занятия философией дают студенту необходимый рабочий навык самоанализа, что очень важно в его профессиональном становлении.

Методы практикования философии в университете

Развитию у студентов умений и навыков самостоятельного, критического и ответственного поступка способствует прежде всего метод саморефлексии, который применялся уже в античности. Сегодняшнее его использование в преподавании философии может реализоваться в написании студентами эссе по темам, связанным с рефлексией над различными сторонами своей жизни. Примером могут служить темы: «Мои моральные принципы» и «Каким я вижу себя через двадцать лет». Подготовка эссе по первой теме развивает у студента навык размышления об этических основаниях своего поступка. В рамках темы он не только обязан сформулировать свои моральные принципы, но и обосновать их. Подготовка содержания второй темы развивает умение осознанно определять вектор своей жизни (в том числе и профессиональной).

Интересный метод овладения философией предлагает John Rudisill, который состоит в обучении философии через ее практикование [Rudisill 2011, pp. 241–271]. Практикование философии (Doing Philosophy) заключается в формировании и развитии студентами самостоятельного и критического мышления, реализующегося как в компетентном анализе текстов и дискурсов, так и в выстраива-

нии, обосновании и отстаивании своей собственной позиции (профессиональной, моральной, мировоззренческой и т. д.). Практикование философии, по мнению John Rudisill, позволяет развить навыки (1) интерпретации и анализа, (2) критической оценки аргументов, идей и предпосылок, (3) свободного применения философских концепций, различий и методов в процессе решения философских проблем и (4) творчески развивать благодаря средствам эффективного письменного и устного общения новые подходы к широкому классу вопросов [Rudisill 2011, p. 243].

Развитию критического мышления способствует метод чтения философских текстов, разработанный David Concepción из Университета Манси. Метод реализован не только в подробной инструкции для студентов и преподавателя, но и содержит обоснованную систему оценок уровня навыков чтения [Concepción 2004, pp. 351–368].

Заключение

Концептуальное содержание университетского курса философии должно претерпеть существенную трансформацию. Направление этой трансформации необходимо определить как переход от изучения философии, от простого знания о философии, к занятию философией, к практикованию ее как инструмента осознанного поступка. Задачу философии в современном университете можно сформулировать следующим образом: преподавание философии обязано помочь студенту разобраться в вопросах «кто я?», «откуда я?», «куда я иду?». Дизайн такого курса философии в университете должен иметь своей приоритетной целью оснащение студентов критическим, методическим и интеллектуальным инструментарием для решения этих вопросов.

Библиографический список

- Concepción 2004 — Concepción D.W. Reading Philosophy with Background Knowledge and Metacognition // Teaching Philosophy, 2004, Vol. 27, Nr. 4 (December 2004), pp. 351–368. URL: https://www.pdcnet.org/8525737F00588478/file/C125737F0061DCC6C125756D0060B335/%24FILE/teachphil_2004_0027_0004_0055_0072.pdf.
- Rudisill 2011 — Rudisill J. The Transition from Studying Philosophy to Doing Philosophy // Teaching Philosophy. Vol. 34, No. 3 (September 2011), pp. 241–271. URL: [https://www.pdcnet.org/8525737F00588478/file/872C17FB760DD408852578D900477BD4/\\$FILE/teachphil_2011_0034_0003_0049_0079.pdf](https://www.pdcnet.org/8525737F00588478/file/872C17FB760DD408852578D900477BD4/$FILE/teachphil_2011_0034_0003_0049_0079.pdf).
- Schutte — Schutte V. URL: http://www.ctl.uga.edu/uploads/future_faculty_docs/Virginia_Schutte_Teaching_Philosophy.pdf (дата обращения: 22.03.2019).
- Адо 1999 — Адо П. Что такое античная философия? М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. 320 с. URL: http://www.logic-books.info/sites/default/files/ado_что_такое_античная_философия_0.pdf.
- Акимов — Акимов Р.А. Вопросы преподавания философских дисциплин в высшем учебном заведении //

Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 01 (55) Ч. 3. С. 104–106. URL: <https://research-journal.org/philosophy/voprosy-prepodavaniya-filosofskix-disciplin-v-vysshem-uchebnom-zavedenii>. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.55.188> (дата обращения: 15.03.2019).

Бакина 2016 – Бакина В.И. Методологические особенности преподавания философии в высших учебных заведениях // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 10. С. 92–95. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2016/10/pedagogics/bakina.pdf.

Бахтин 1994 – Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–68.

Голенков 2018 – Голенков С.И. Философия как забота о себе // «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сб. ст. и материалов междунар. науч. конф. (24–25 ноября 2017 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 22–31. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/%D0%A1%D0%B1.%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%BE-2.pdf.

Гуманизация современной философии... 2018 – Гуманизация современной философии и гуманитаризация общественных наук: материалы науч. конф. (17–18 мая 2018 г.). Екатеринбург: Деловая книга, 2018. 144 с. URL: https://csp-urgu.ru/fileadmin/user_upload/site_15831/imp/Gumanizacija_sbornik_2018.pdf.

Диоген Лаэртский 1986 – Диоген Лаэртский. О жизни, сочинениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с. URL: https://imwerden.de/pdf/diogen_laertsky_o_zhizni_uchenyakh_i_izrecheniyakh_filosofov_1979.pdf.

Забота о себе... 2018 – «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сб. ст. и материалов междунар. науч. конф. (24–25 ноября 2017 г.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2018. 306 с. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/%D0%A1%D0%B1.%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%BE-2.pdf.

Кант 1994 – Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с. URL: http://www.100bestbooks.ru/files/Kant_Kritika_chistogo_razuma.pdf.

Кант 1980 – Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 319–444. URL: <http://philosophy.ru/library/traktaty-i-pisma>.

Карелин, Кузнецова, Грифцова 2017 – Карелин В.М., Кузнецова Н.И., Грифцова И.Н. Философия как учебный курс: смена концепта // Высшее образование в России. 2017. № 10. С. 64–74. URL: https://www.researchgate.net/publication/324706284_Karelin_V_M_Kuznecova_N_I_Grifcova_I_N_Filosofia_kak_uchebnyj_kurs_smena_koncepta_Vyssee_obrazovanie_v_Rossii_-2017_-No_10_-S_64-74.

Кондратьева 2018 – Кондратьева С.Б. Зачем студенту философия: проблемы преподавания философии в высшей школе // Проблемы современного образования. 2018. № 2. С. 27–32.

Концепции образования 2013 – Концепции образования. Минск: БГУ, 2013. 169 с.

Круглый стол... 2013 – «Круглый стол»: Смысл преподавания философии в университете // Идеи и идеалы. 2013. № 1. Т. 1. С. 5–38.

Мамардашвили 1996 – Мамардашвили М.К. Введение в философию // Мамардашвили М.К. Необходимость себя: Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 432 с. URL: <http://psylib.org.ua/books/mamar02>.

Немцев 2011 – Немцев М.Ю. Опыт построения университетского курса философии // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 3 (9). С. 105–119. URL: http://ideaidealy.nsue.m.ru/wp-content/uploads/2012/10/M.Yu._Nemtsev_39_2011_%D0%A2%D0%9E%D0%9C_2.pdf.

Петрова, Зыкова, Ершова, Бут, Стаховская 2017 – Петрова Г.И., Зыкова С.Н., Ершова И.А., Бут О.А., Стаховская Ю.М. Корпоративная культура современного университета: роль формирования профессиональной и личностной идентичности выпускника. Томск: Изд-во, Томского ун-та, 2017. 128 с. URL: http://ogon.rfbr.ru/sys/a/?colfilter=0&con text=anonymus~&fedcols=1&pgoffset=0&ro filter=main.enrfh_tasks.syrecordidw%20%3D%20350r000Jac0h0E00WE2aLb00~&table=main.enrfh_tasks&target=show_template&template=prg_card.htm.

Сидорова, Шнырева 2016 – Сидорова Л., Шнырева О. Проблемы преподавания философии в высшей школе. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr3-2016/31328-problemy-prepodavaniya-filosofii-v-vysshey-shkole.html (дата обращения: 15.04.2019).

Эпиктет – Эпиктет. Беседы. Книга II, 9. Что обещает философия? URL: http://libes.ru/130570.html#_f_108.

References

Concepción 2004 – Concepción D.W. Reading Philosophy with Background Knowledge and Metacognition. *Teaching Philosophy*, 2004, vol. 27, no. 4 (December 2004), pp. 351–368. Available at: https://www.pdcnet.org/8525737F00588478/file/C125737F0061DCC6C125756D0060B335/%24FILE/teachphil_2004_0027_0004_0055_0072.pdf [in English].

Rudisill 2011 – Rudisill J. The Transition from Studying Philosophy to Doing Philosophy. *Teaching Philosophy*, Vol. 34, no. 3 (September 2011), pp. 241–271. Available at: [https://www.pdcnet.org/8525737F00588478/file/872C17FB76DD408852578D900477BD4/\\$FILE/teachphil_2011_0034_0003_0049_0079.pdf](https://www.pdcnet.org/8525737F00588478/file/872C17FB76DD408852578D900477BD4/$FILE/teachphil_2011_0034_0003_0049_0079.pdf) [in English].

Schutte – Schutte V. Available at: http://www.ctl.uga.edu/uploads/future_faculty_docs/Virginia_Schutte_Teaching_Philosophy.pdf (accessed: 22.03.2019) [in English].

Ado 1999 – Ado P. *Chto takoe antichnaya filosofiya?* [What is ancient philosophy?] М.: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 1999, 320 p. Available at: http://www.logic-books.info/sites/default/files/ado_chto_takoe_antichnaya_filosofiya_0.pdf [in Russian].

Akimov 2017 – Akimov R.A. *Voprosy преподаvaniya filosofskikh distsiplin v vysshem uchebno-zavedenii* [The teaching of philosophical disciplines in higher educational institutions]. *Mezdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal], 2017, no. 01 (55), Part 3, pp. 104–106. URL: <https://research-journal.org/philosophy/voprosy-prepodavaniya-filosofskix-disciplin-v-vysshem-uchebnom-zavedenii> (accessed: 15.03.2019). DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.55.188> [in Russian].

Bakina 2016 – Bakina V.I. *Metodologicheskie osobennosti преподаvaniya filosofii v vysshih uchebnykh zavedeniyakh* [Methodological peculiarities of teaching philosophy in higher schools]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya,*

- pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2016, no. 10, pp. 92–95. Available at: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/spp/2016/10/pedagogics/bakina.pdf [in Russian].
- Bakhtin 1994 – Bakhtin M.M. *K filosofii postupka* [Toward a Philosophy of the Act]. In: Bakhtin M.M. *Raboty 20-kh godov* [Works of the 20-ies]. Kiev: Next, 1994, pp. 9–68 [in Russian].
- Golenkov 2018 – Golenkov S.I. *Filosofiya kak zabota o sebe* [Philosophy as taking care of oneself]. In: «Zabota o sebe» kak obrazovatel'naya praktika sovremennogo klassicheskogo universiteta: sb. st. i materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (24–25 noyabrya 2017 g.) [«Care of yourself» as an educational practice of a modern classical university: collection of articles and materials of the international research conference (November 24–25, 2017)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2018, pp. 22–31. Available at: <http://fsf.tsu.ru/wp-test/wp-content/uploads/%D0%A1%D0%B1.%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%BE-2.pdf> [in Russian].
- Gumanizatsiya sovremennoi filosofii... 2018 – Gumanizatsiya sovremennoi filosofii i humanizatsiya obshchestvennykh nauk: materialy nauchnoi konferentsii (17–18 maya 2018 g.) [Humanization of modern philosophy and humanization of social sciences: proceedings of a scientific conference (May 17–18, 2018)]. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2018, 144 p. Available at: https://csp-urgu.ru/fileadmin/user_upload/site_15831/imp/Gumanizatsiya_sbormik_2018.pdf [in Russian].
- Diogenes Laërtius 1986 – Diogenes Laërtius. *O zhizni, sochineniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [About the life, writings and sayings of famous philosophers]. M.: Mysl', 1986, 571 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/diogen_laertsky_o_zhizni_ucheniyakh_i_izrecheniyakh_filosofov_1979.pdf [in Russian].
- Zabota o sebe... 2018 – «Zabota o sebe» kak obrazovatel'naya praktika sovremennogo klassicheskogo universiteta: sb. st. i materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (24–25 noyabrya 2017 g.) [«Care of yourself» as an educational practice of a modern classical university: collection of articles and materials of the international scientific conference] (November 24–25, 2017). Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2018, 306 p. Available at: <http://fsf.tsu.ru/wp-test/wp-content/uploads/%D0%A1%D0%B1.%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0-%D0%BE-2.pdf> [in Russian].
- Kant 1994 – Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. M.: Mysl', 1994, 591 p. Available at: http://www.i00bestbooks.ru/files/Kant_Kritika_chistogo_razuma.pdf [in Russian].
- Kant 1980 – Kant I. *Logika. Posobie k lektsiyam 1800* [Logic. Guide to lectures 1800]. In: Kant I. *Traktaty i pisma* [Treatises and letters]. M.: Nauka, 1980, pp. 319–444. Available at: <http://philosophy.ru/library/traktaty-i-pisma> [in Russian].
- Karelin, Kuznetsova, Griftsova 2017 – Karelin V.M., Kuznetsova N.I., Griftsova I.N. *Filosofiya kak uchebnyi kurs: smena kontsepta* [«Philosophy» as an Educational Course: [Change of the Concept]. *Vyssee obrazovanie v Rossii Higher Education in Russia*], 2017, no. 10 (216), pp. 64–74. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324706284_Karelin_V_M_Kuznetsova_N_I_Griftsova_I_N_Filosofia_kak_uchebnyj_kurs_smena_kontsepta_Vyssee_obrazovanie_v_Rossii_-2017_-No_10_-S_64-74 [in Russian].
- Kondrat'eva 2018 – Kondrat'eva S.B. *Zachem studentu filosofiya: problemy prepodavaniya filosofii v vysshei shkole* [Why the student needs philosophy: challenges of teaching philosophy in universities]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2018, no. 2, pp. 27–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32878327> [in Russian].
- Kontseptsii obrazovaniya 2013 – Kontseptsii obrazovaniya [Education concept]. Minsk: BGU, 2013, 169 p. [in Russian].
- Kruglyi stol... 2013 – «Kruglyi stol»: *Smysl prepodavaniya filosofii v universitete* [«Round Table»: The meaning of teaching philosophy at the university]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2013, no. 1, Vol. 1, pp. 5–38. Available at: http://ideaidealy.nsuem.ru/wp-content/uploads/2013/04/%D0%9A%D0%A1%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8_115_1%D1%82_.pdf [in Russian].
- Mamardashvili 1996 – Mamardashvili M.K. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. In: Mamardashvili M.K. *Neobkhodimost' sebya: Lektsii. Stat'i. Filosofskie zametki* [The necessity of yourself: Lectures. Articles. Philosophical notes]. M.: Labirint, 1996, 432 p. Available at: <http://psylib.org.ua/books/mamar02> [in Russian].
- Nemtsev 2011 – Nemtsev M.Ju. *Opyt postroeniya universitetskogo kursa filosofii* [The experience of building a university course in philosophy]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals], 2011, no. 3 (9), Vol. 2, pp. 105–119. Available at: http://ideaidealy.nsuem.ru/wp-content/uploads/2012/10/M.Yu._Nemtsev_39_2011_%D0%A2%D0%9E%D0%9C_2.pdf [in Russian].
- Petrova, Zykova, Ershova, But, Stakhovskaya 2017 – Petrova G.I., Zykova S.N., Ershova I.A., But O.A., Stakhovskaya Ju.M. *Korporativnaya kul'tura sovremennogo universiteta: rol' formirovaniya professional'noi i lichnostnoi identichnosti vypusknika* [Corporate culture of modern university: the role of formation of the graduate's professional and personal identity]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2017, 128 p. Available at: http://ogon.rfr.ru/sys/a/?colfilter=0&context=_anonymous-&fedcols=1&pgoffset=0&rofilter=_main.enrftasks&recordidw%20%3D%20350r000Jac0h0E00WE2aLb00-&table=_main.enrftasks&target=show_template&template=prg_card.htm [in Russian].
- Sidorova, Shnyreva 2016 – Sidorova L., Shnyreva O. *Problemy prepodavaniya filosofii v vysshei shkole* [The problems of philosophical education in higher school]. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr3-2016/31328-problemy-prepodavaniya-filosofii-v-vysshey-shkole.html (accessed 15.04.2019) [in Russian].
- Epiktetus – Epiktetus. *Besedy. Kniga II, 9. Chto obeshchaet filosofiya?* [Conversations. Book II, 9. What does philosophy promise?]. Available at: http://libes.ru/130570.html#_f_108 [in Russian].

«ПАТРИОТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

© Филипченко Светлана Николаевна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики факультета психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83. E-mail: svetlana-prof@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2769-7920>

АННОТАЦИЯ

Феномен патриотической культуры рассматривается в государственных и региональных программах по патриотическому воспитанию молодежи, что является стратегическим курсом государственной политики Российской Федерации. Социально-политические перемены в России привели к изменению духовно-нравственных ценностей у молодежи. Обнаруживается тенденция утраты патриотического сознания у молодого поколения. В этой ситуации именно патриотизм и культура обеспечивают целостность российского общества, государственную неприкосновенность, независимость и сохранение историко-патриотического наследия. Понятие «патриотическая культура» рассматривается у многих исследователей. Ученые обращают внимание на сложность и многомерность трактовки названного феномена. Автор определяет патриотическую культуру студентов как научное знание об истории своего государства, его традициях, идеологии, сущности патриотического долга; любовь к малой и большой Родине. В структуре патриотической культуры выделяются когнитивный, чувственно-эмоциональный и деятельностный компоненты.

Под формированием патриотической культуры студентов университета понимается специально организованный поэтапный процесс присвоения обучающимся производимой культурой идеальной предметности в контексте выявления патриотической культуры в соответствии с целями и задачами, стоящими перед будущими специалистами. Формирование патриотической культуры студентов базируется на понимании внутренних индивидуальных потребностей личности, складывающихся в процессе обучения в университете. Процесс формирования происходит в аудиторной деятельности при изучении дисциплин выбранного направления подготовки, а также во время психолого-педагогической практики, где наглядно проявляется уровень сформированности патриотической культуры, культуры межличностных и межнациональных отношений студентов.

Ключевые слова: культура, патриотизм, патриотическая культура, формирование патриотической культуры, образовательный процесс, высшее образование.

Цитирование. Филипченко С.Н. «Патриотическая культура» как научная категория // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 71–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-71-75>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-71-75
UDC 378

Submitted: 10/IV/2019
Accepted: 15/VI/2019

S.N. Filipchenko

«PATRIOTIC CULTURE» AS A SCIENTIFIC CATEGORY

© *Filipchenko Svetlana Nikolaevna* — Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Pedagogy of the Faculty of Psychology, National Research Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

E-mail: svetlana-prof@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2769-7920>

ABSTRACT

The phenomenon of patriotic culture is considered in the state and regional programs on patriotic education of youth, which is a strategic course of the state policy of the Russian Federation.

Socio-political changes in Russia have led to a change in spiritual and moral values among young people. There is a tendency of losing patriotic consciousness in the younger generation. In this situation it is patriotism and culture which ensure the integrity of Russian society, state immunity, independence and preservation of historical and patriotic heritage.

The concept «patriotic culture» is studied by many researchers. Researchers pay attention to the complexity and multidimensionality of the interpretation of this phenomenon. The author defines patriotic culture of students as scientific knowledge of the history of state, its traditions, ideology, the essence of patriotic duty and love for your motherland. The author distinguishes cognitive, sensory-emotional and activity components in the structure of patriotic culture.

The formation of patriotic culture of university students is defined as a specially organized step-by-step process of students acquiring the ideal objectivity produced by culture in the context of identifying patriotic culture according to the goals and objectives facing future professionals.

The formation of patriotic culture of students on the basis of the components mentioned above should be based on understanding of internal needs of an individual that emerge in the process of studies at university. The process of the formation takes place in the classroom during the study of disciplines of the chosen specialty, as well as during psychological and pedagogical practice, which clearly shows the level of the acquired patriotic culture and the culture of interpersonal and interethnic relations of students.

Key words: culture, patriotism, patriotic culture, formation of patriotic culture, educational process, higher education.

Citation. Filipchenko S.N. «*Patrioticheskaya kultura*» kak nauchnaya kategoriya [«Patriotic culture» as a scientific category]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 71–75. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-71-75> [in Russian].

Введение

В Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г., государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», государственной программе Саратовской области «Патриотическое воспитание граждан Саратовской области» (2018–2020 гг.) и других федеральных и региональных нормативных документах говорится, что патриотическое воспитание является стратегическим курсом государственной политики Российской Федерации. Смена социокультурных идеалов, изменения политического и экономического базиса государства после распада СССР повлекли за собой расслоение самосознания гражданского общества и кризис самоопределения на уровне как отдельных личностей, так и целых народов России.

Патриотическая культура студентов — решающий фактор обновления системы университетского образования

Новые общественные отношения в условиях социально-политических перемен привели к транс-

формации духовно-нравственного начала у молодежи, их самоидентификация в современном российском обществе носит крайне противоречивый характер; все более заметной становится продолжающаяся утрата патриотического сознания. На его уровень влияют происходящие политические процессы, развитие науки и искусства, состояние литературы, философия, общественная мораль и т. д. Названные формы общественного сознания не что иное, как продукты (ценности) духовного производства, или духовной культуры. Взаимосвязь патриотизма и иных форм общественного сознания скрыта в выявлении взаимозависимости различных уровней проявления патриотизма и культуры. Однако анализ научной литературы показывает, что проблемы корреляции патриотизма и культуры не находят однозначного решения. Одни авторы [Макаров 1979; Рогачев, Свердлин 1979; Яновский 2003] определяют культуру и патриотизм как самостоятельные системы, условно не зависящие друг от друга объективные целостности. Другие исследователи [Корниец 1987; Здерова 2004] говорят о патриотизме в системе культуры. Так, Н.И. Корниец считает патриотизм одним из важных эле-

ментов культуры, а Г.В. Здеревы корни патриотизма видит в гуманистической культуре. Автор статьи вслед за В.Я. Гожиковым [Гожиков 2001], В.И. Лутовиновым [Лутовинов 2000], В.В. Макаровым придерживается точки зрения, что культура и патриотизм выступают как диалектически взаимосвязанные явления, что позволяет говорить о таком феномене, как «патриотическая культура».

Патриотическую культуру как часть культуры социального действия, особый вид культуры и способ взаимодействия людей в сфере защиты общества предлагает рассматривать В.А. Ружа [Ружа 2012]. Говоря о патриотической культуре, Н.А. Ефименко отмечает, что, с одной стороны, она сглаживается в глобализирующемся мире, с другой — ограничивается национальными, государственными и нередко этническими пространствами. Вместе с тем концепт «патриотическая культура» в современной России становится полиаспектным и может рассматриваться как категория философско-культурологического знания, историко-культурный дискурс и иметь прикладной смысл. В первом случае патриотическая культура имеет теоретическую, идеологическую, социокультурную, религиозную, этно-, полиэтническую основы. Как динамическая модель ценностей прошлого, настоящего и будущего патриотическая культура предстает в историко-культурном дискурсе. Прикладной смысл патриотической культуры заключается в базисе, духовно-культурной основе государственности, обеспечивающей социальную и национальную безопасность [Ефименко 2012].

По мнению В.В. Сергеевой, патриотическая культура представляет собой синтез идеологии и психологии, политики и деятельности, учитывающий многовековой исторический опыт формирования патриотизма; любовь и преданность обществу, народу, Родине на высшем уровне. Исследователь отмечает взаимозависимость патриотизма и нравственно-психологического здоровья общества, обусловленность степени патриотических чувств от степени гражданских свобод [Сергеева 2009].

Проблемы формирования патриотической культуры исследовали М.В. Васильева, О.Ю. Курганский, М.А. Мазур, А.П. Чивильдеев и др. Патриотическому воспитанию студентов и молодежи посвящены исследования Г.Х. Ахметшиной, Т.Д. Бимаханова, Г.В. Здеревой, Т.В. Козловской, С.И. Кожевникова, И.В. Кузьминой, Н.В. Литвинова и др. Патриотическую культуру как комплекс качеств личности, ориентированных на формирование ценностей и проявление любви и уважения к историко-патриотическому прошлому государства, проявляющихся в чувстве преданности ему, в конкретных знаниях исторического наследия, осознание роли патриотических чувств в жизни каждого человека и общества в целом, рассматривают К.А. Улановская и И.Н. Ершова [Улановская, Ершова 2015].

В нашем понимании, патриотическая культура студентов представляет собой научное знание об истории своего государства, его традициях, идеологии, сущности патриотического долга; любовь к малой и большой Родине, чувство сопричастности к происходящему и национальной гордости, осо-

знание своего достоинства и долга; бескорыстное и добросовестное служение Отечеству, сохранение патриотических традиций, участие в них и передача последующему поколению. В процессе формирования патриотических взглядов, убеждений и норм, призванных регулировать и направлять патриотическую деятельность, происходит освоение личностью патриотической культуры, ее «присваивание» и вывод на новый, деятельностный уровень. В этом плане патриотическая культура является одним из важнейших средств социализации и индивидуализации личности, становления и формирования ее взглядов и убеждений. Патриотическая культура как процесс подразумевает и познание молодым человеком самого себя в качестве субъекта учебно-воспитательного процесса, планирование жизненного пути, готовность к принятию и приумножению патриотического опыта прошлого и настоящего. Идея формирования патриотической культуры студентов не просто отображает тенденции развития современного общества, но и актуализирует поиск способов и средств формирования патриотической культуры студентов в период обучения в университете.

В структуру патриотической культуры, основанной на взаимосвязи и взаимообусловленности понятий «патриотизм» и «культура», входят когнитивный, чувственно-эмоциональный и деятельностный компоненты.

Когнитивный компонент подразумевает углубленные знания о культуре патриотизма и процессах культурного развития общества и личности, информированность о культурном и историческом прошлом своего народа и истории своего государства. Чувственно-эмоциональный компонент включает в себя осознание чувств любви к Родине, чести, человеческого достоинства и гражданского долга. Деятельностный компонент проявляется в приобщении к историко-патриотическим традициям, соблюдении обычаев и ритуалов.

Формирование патриотической культуры студентов университета на основе выделенных компонентов, не изолированных друг от друга, а находящихся в отношениях взаимосвязи и взаимодополняемости, должно основываться на внимании к внутренним индивидуальным потребностям личности, складывающимся в процессе обучения в университете.

Двусторонний характер этого процесса представляет собой, с одной стороны, обогащение патриотической культуры студента внутренними запросами, а с другой — теми внешними требованиями и обстоятельствами, которые предъявляются к студенту профессиональной деятельностью.

Важная задача для руководителей и преподавателей вуза — определить место и роль патриотической культуры в системе обучения студентов. Формирование патриотической культуры как базовой ценности личности, гражданина своей страны актуализируется в высших учебных заведениях, поскольку именно в возрастной период студенчества происходит осознание человеком своей гражданской позиции, роли в обществе, отношения к Родине и историческому наследию. Так, на социо-

логическом факультете Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского в учебный план направления подготовки 39.03.03 «Организация работы с молодежью» введена дисциплина «Патриотическое воспитание молодежи». Цели освоения дисциплины обозначены как: готовность строго соблюдать Конституцию и законы РФ в своей деятельности; понимание социальной значимости выбранной профессии, стремление к выполнению профессиональной деятельности, к поиску решений и готовности нести за них ответственность. В методологическом и содержательном отношении дисциплина «Патриотическое воспитание молодежи» связана с другими дисциплинами направления подготовки и, по сути, составляет грани единого целого, например, с дисциплинами «Психологические основы работы с молодежью», «Педагогическое обеспечение работы с молодежью», «Социология молодежи», «Государственная молодежная политика в Российской Федерации», «Социальные технологии работы с молодежью».

Результатами изучения данной дисциплины должны стать сформированные компетенции: способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2); способность осознать социальную значимость своей профессии, стремление к выполнению профессиональной деятельности, к поиску решений и готовности нести за них ответственность (ОПК-2); способность планировать и организовывать работу в молодежных сообществах (ПК-6).

Большое внимание уделяется формированию патриотической культуры студентов во время психолого-педагогической практики в городских школах г. Саратова. Обратим внимание на практику студентов в МОУ «СОШ № 67 имени О.И. Янковского», так как патриотическое воспитание в этой школе представляет собой систематическую целенаправленную деятельность. Студенты-практиканты проводили мероприятия, направленные на формирование патриотической культуры учащихся на основе вовлечения их во внеклассную практическую деятельность. Одним из таких внеклассных мероприятий стала историко-литературная игра-викторина «Гражданственность и патриотизм», разработанная будущими учителями для учащихся 7-х классов. Участниками и зрителями игры-викторины стали не только сами учащиеся, но и учителя школы, классные руководители, студенты-практиканты и руководители психолого-педагогической практики — преподаватели университета. Разминкой игры стали задания на ассоциации, связанные с патриотизмом и гражданственностью, а этапами — историческая справка о земляках, общественных деятелях и патриотах Родины, 3 тура викторины о государственных символах — флаге, гербе и гимне России и поэтический салон с чтением стихотворений о нашей Родине.

Мероприятия такого формата направлены на формирование у учащихся глубокого уважения к символам государства, историческим святыням России и Саратовской области; воспитание уважения

к Конституции РФ; привитие чувства уважения к истории и традициям, природе России и малой Родины, а также расширение знаний о выдающихся людях Саратовской области.

Формы работы студентов-практикантов с учащимися разнообразны. Это конкурсы эссе, фотографий, видеотворков; фестивали национальной одежды и кухни; постановка спектаклей; военизированные игры; работа в школьном музее, пресс-центре во время государственных праздников и участие в городских мероприятиях различной направленности.

Выводы

Своеобразие патриотической культуры заключается в том, что она не может закладываться только с помощью осваиваемых в процессе обучения дисциплин. Требуется создание и внедрение новых научно-практических курсов. Особое внимание формированию патриотической культуры должно уделяться во время прохождения студентами университета психолого-педагогической практики в общеобразовательных и молодежных организациях города.

Библиографический список

Гожилов 2001 — *Гожилов В.Я.* Организационно-педагогические условия государственного патриотического воспитания будущего офицера: дис. ... канд. пед. наук. Кострома, 2001. 203 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002643738>.

Ефименко 2012 — *Ефименко Н.А.* Субъекты формирования патриотической культуры: государственный, региональный и муниципальный уровни: автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2012. 21 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005012308>.

Здерева 2004 — *Здерева Г.В.* Патриотическое сознание: Формирование и развитие // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Актуальные проблемы гуманитарной науки». Самара: СГУ РАН, 2004. Вып. 2. С. 196–203.

Корниец 1987 — *Корниец Н.И.* Патриотизм в структуре культуры: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1987. 201 с.

Лутвинов 2000 — *Лутвинов В.И.* Патриотизм и его формирование в обществе и Вооруженных Силах // Военная мысль. 2000. № 4.1. С. 38–42. URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1999-vm/9739-patriotizm-i-ego-formirovanie-v-obshchestve-i>.

Макаров 1979 — *Макаров В.В.* Отечество и патриотизм. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988. 159 с.

Рогачев, Свердлин 1979 — *Рогачев П.М., Свердлин М.А.* Патриотизм, классы, революция. М.: Политиздат, 1979. 208 с. URL: <https://refdb.ru/look/1693925.html>.

Ружа 2012 — *Ружа В.А.* Патриотическая культура и ее измерения // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskaya-kultura-i-ee-izmereniya> (дата обращения: 10.03.2019).

Сергеева 2009 — Сергеева В.В. Компоненты патриотической культуры и их содержание // Вестник КАСУ. 2009. № 1. С. 23–31. URL: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/17/654> (дата обращения: 02.04.2019).

Улановская, Ершова 2015 — Улановская К.А., Ершова И.Н. Интернет-технологии в формировании патриотической культуры подростков // Грани познания. 2015. № 3 (37). URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1428656333.pdf>.

Яновский 2003 — Яновский Р.Г. На пути к патриотическому сознанию граждан России // Безопасность Евразии. 2003. № 2 (апрель-июнь). С. 173–182. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20208304>.

References

Gozhikov 2001 — Gozhikov V.Y. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya gosudarstvennogo patrioticheskogo vospitaniya budushchego ofitsera: dis. ... kand. ped. nauk* [Organizational and pedagogical conditions of state patriotic education of a future army officer: Candidate's of Pedagogical sciences thesis]. Kostroma, 2001, 203 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002643738> [in Russian].

Efimenko 2012 — Efimenko N.A. *Sub"ekty formirovaniya patrioticheskoi kultury: gosudarstvennyi, regional'nyi i munitsipal'nyi urovni: avtoref. dis. ... kand. kulturologii* [The subjects of formation of patriotic culture: state, regional and municipal levels. Author's abstract of Candidate's of cultural studies thesis]. Krasnodar, 2012, 21 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005012308> [in Russian].

Zdereva 2004 — Zdereva G.V. *Patrioticheskoe soznanie: Formirovanie i razvitie* [Patriotic consciousness: Formation and development]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Spetsial'nyi vypusk «Aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki»* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special edition «Topical issues of humanitarian science»]. Samara: SPU RAN, 2004, Issue 2, pp. 196–203 [in Russian].

Korniets 1987 — Korniets N.I. *Patriotizm v strukture kul'tury: dis. ... kand. filol. nauk* [Patriotism in the culture

structure: Candidate's of Philological sciences thesis]. Volgograd, 1987, 201 p. [in Russian].

Lutovinov 2000 — Lutovinov V.I. *Patriotizm i ego formirovanie v obshchestve i Vooruzhennykh Silakh* [Patriotism and its formation in the society and Armed forces]. *Voennaya mysl'* [Military thought], 2000, no. 4.1, pp. 38–42. Available at: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1999-vm/9739-patriotizm-i-ego-formirovanie-v-obshchestve-i> [in Russian].

Makarov 1979 — Makarov V.V. *Otechestvo i patriotizm* [Fatherland and patriotism]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1988, 159 p. [in Russian].

Rogachev, Sverdlin 1979 — Rogachev P.M., Sverdlin M.A. *Patriotizm, klassy, revolyutsiya* [Patriotism, classes, revolution]. M.: Politizdat, 1979, 208 p. Available at: <https://refdb.ru/look/1693925.html> [in Russian].

Ruzha 2012 — Ruzha V.A. *Patrioticheskaya kultura i ee izmereniya* [Patriotic culture and its measurements]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 2012, no. 6 (14). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskaya-kultura-i-ee-izmereniya> (accessed 10.03.2019) [in Russian].

Sergeeva 2009 — Sergeeva V.V. *Komponenty patrioticheskoi kultury i ikh sodержание* [Components of patriotic culture and their content]. *Vestnik KASU* [KAFU Academic Journal], 2009, no. 1, pp. 23–31. Available at: <http://www.vestnik-kafu.info/journal/17/654/> (accessed 02.04.2019) [in Russian].

Ulanovskaya, Ershova 2015 — Ulanovskaya K.A., Ershova I.N. *Internet-tehnologii v formirovanii patrioticheskoi kultury podrostkov* [Internet technologies in formation of patriotic culture of teenagers]. *Grani poznaniya* [Edges of knowledge], 2015, no. 3 (37). Available at: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1428656333.pdf> [in Russian].

Yanovskiy 2003 — Yanovskiy R.G. *Na puti k patrioticheskomu soznaniyu grazhdan Rossii* [Towards the Patriotic Awareness of Russia's Citizens]. *Bezopasnost' Evrazii*, 2003, no. 2 (April–June), pp. 173–182. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20208304> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-76-83
УДК 378.12

Дата поступления статьи: 22/IV/2019
Дата принятия статьи: 24/V/2019

Д.А. Калмыкова, Н.В. Соловова

ГОТОВНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА К УПРАВЛЕНИЮ ЗНАНИЯМИ

© Калмыкова Диана Александровна — аспирант, кафедра теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: kalmikova.da@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3426-7048>

© Соловова Наталья Валентиновна — доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: solovova.nata@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

АННОТАЦИЯ

В статье авторами рассматривается проблема готовности преподавателя вуза к управлению знаниями в условиях становления когнитивного университета. Современный процесс развития информационного общества непрерывно связан с изменением роли знания, которое выступает отдельно созданным общественным благом и обособленным ресурсом. Становление экономики знаний трансформирует условия функционирования высшей школы, ориентируя ее на подготовку выпускников, которые обладали бы индивидуальной совокупностью необходимых компетенций на мульти- и метадисциплинарной основе. Актуальность проблемы определена новыми образовательными условиями, наделяющими преподавателя функциями наставника, коуча, консультанта и менеджера-организатора образовательного процесса, идентичного процессу менеджмента знаний.

В ходе изменения роли преподавателя образовательной организации высшего образования особую значимость приобретает его научная деятельность. Авторами представлена специфика научной деятельности преподавателя вуза в контексте развития университета четвертого поколения, раскрыто понятие готовности преподавателя вуза к управлению знаниями.

Основными методами исследования являются анализ и синтез научной информации, результатов исследований в областях управления знаниями в образовательных организациях высшего образования и профессиональной деятельности преподавателя; обобщение и систематизация научных фактов и положений.

Основываясь на принципе идентификации, для определения структуры готовности преподавателя вуза к управлению знаниями соотносятся виды научной деятельности с основными этапами управления жизненным циклом знаний и его должностными обязанностями.

В результате исследований авторами предложена структура готовности к управлению знаниями, интегрирующая ценностно-мотивационный, инструментально-цифровой, научно-исследовательский, оценочно-аналитический, интерактивно-коммуникационный и академическо-предпринимательский компоненты.

Ключевые слова: управление знаниями, знание, образовательная организация высшего образования, научная деятельность преподавателя вуза, готовность преподавателя вуза к управлению знаниями.

Цитирование. Калмыкова Д.А., Соловова Н.В. Готовность преподавателя вуза к управлению знаниями // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 76–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-76-83>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

READINESS OF A UNIVERSITY TEACHER TO KNOWLEDGE MANAGEMENT

© Kalmykova Diana Aleksandrovna – postgraduate student, Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: kalmikova.da@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3426-7048>

© Solovova Natalya Valentinovna – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, head of the Department of Human Resource Management, professor of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: solovova.nata@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

ABSTRACT

The article deals with the problem of readiness of a university teacher for knowledge management in conditions of formation of a cognitive university. The modern process of development of the information society is continuously associated with the changing role of knowledge, which is a separately created public good and a separate resource. The development of knowledge economy transforms the conditions for the functioning of a higher school, orienting it to the training of graduates who would have an individual set of necessary competences on a multi- and metadisciplinary basis. The urgency of the problem is determined by new educational conditions that give the teacher the functions of a mentor, coach, consultant and manager-organizer of the educational process, which is identical to the process of knowledge management.

In the course of changing the role of a teacher in an educational organization of higher education, his scientific activity acquires special significance. The authors presented the specificity of scientific activities of a university teacher in the context of the development of a fourth-generation university, revealed the concept of a university teacher's readiness to manage knowledge.

The main research methods are the analysis and synthesis of scientific information, research results in the areas of knowledge management in educational institutions of higher education and teacher's professional activities; generalization and systematization of scientific facts and provisions.

Based on the principle of identification, to determine the structure of a university teacher's readiness for knowledge management, the types of scientific activity are correlated with the main stages of knowledge life cycle management and his official duties.

As a result of the research, the authors proposed a knowledge management readiness structure that integrates value-motivational, instrumental-digital, research, appraisal-analytical, interactive-communication and academic-entrepreneurial components.

Key words: knowledge management, knowledge, educational organization of higher education, scientific activities of a teacher in the institute of higher education, development of university teacher's knowledge management skills.

Citation. Kalmykova D.A., Solovova N.V. *Gotovnost' prepodavatelya vuza k upravleniyu znaniyami* [Readiness of a university teacher to knowledge management]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 76–83. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-76-83> [in Russian].

Введение

Переход к экономике знаний, где основным фактором развития становятся знания и человеческий капитал, существенным образом меняет условия функционирования высшей школы, ориентируя ее на запросы когнитивного (конвергентного) общества. Сложившаяся социально-экономическая ситуация неизбежно приводит к повышению внимания к образовательным организациям высшего образования, которые готовят сотрудников, способных применять накопленные знания в своей профессиональной деятельности. Перед образовательными организациями встают проблемы обеспечения, разработки и реализации жизненной стратегии конкурентоспособности вуза и производимых им услуг. Модель университета третьего поколения предполагала, что к двум традиционным видам его деятельности (науке и образованию) добавляется новая цель – извлечение эконо-

номических выгод из новых знаний [Lee 2004]. Современная модель «Университет 4.0» дополняется реализацией функций форсайта, поставщика знаний о будущем, инициатора развития высокотехнических отраслей, разработчика технологий «превращения знания в действительность» [Кузнецов, Энговатова 2016].

На смену концепции классического университета, основанного на фундаментальности знания, классическом научном типе рациональности и некоммерческой ценности образования, приходит концепция университета, производящего «конкретно применимое» экономически конкурентоспособное знание, что обусловлено современной культурной ситуацией и развитием научных исследовательских университетов. Новая формирующаяся социально-экономически-культурная реальность становится когнитивной фазой развития общества, для которой характерны расширение секторов произ-

водства новых технологий, создание креативных индустрий и становление коллективного интеллекта как ключевой производственной силы. От высшей школы ожидают подготовки «работников знания», которые могли бы инициировать инновационное развитие исследуемой области и стать ключевыми фигурами при достижении успеха организации и государства. В настоящее время возникла потребность в развитии образовательных организаций высшего образования, формирующих способность генерировать (лично или в коллективе) новые научные и практические знания, что повлечет многоэтапное преобразование университета, в рамках которого необходимы как пересмотр структуры и содержания основных профессиональных образовательных программ, так и трансформация высшей школы как института общества [Machlup 1962; Ефимов, Лаптева 2014].

Идея изменения значимости знания, которое влечет за собой кардинальную трансформацию традиционных образовательных процессов, нашла отражение в принятой ЮНЕСКО в прошлом десятилетии Кронбергской Декларации о будущем процедур, происходящих на этапах жизненного цикла знания. В документе актуализируется необходимость целенаправленного развития социальных и эмоциональных способностей и навыков, индивидуализации процессов, относящихся к области приобретения и передачи знаний [Альтовский 2007]. Управление знаниями становится одним из ведущих факторов развития вуза, качество которого будет определять качество высшего профессионального образования, а в итоге — качество интеллектуального потенциала государства в целом. Роль управления знаниями в образовательной организации высшего образования раскрывается в Стандартах и руководящих принципах обеспечения качества, разработанных ENQA (Европейской ассоциацией по обеспечению качества в высшем образовании).

Степень разработанности проблемы

Сегодня актуализируется проблема адаптации педагога к новым образовательным условиям, его готовности к управлению знаниями. В ходе модернизации образовательного процесса в высшей школе применяются технологии активного и деятельностного обучения, что позволяет говорить о его идентичности процессу менеджмента знаний, закладывающему основы самоменеджмента студента-выпускника и непрерывности образования через самообразование. Меняется и роль преподавателя вуза: он становится менеджером-организатором

образовательного процесса, а его функция транслятора информации заменяется функциями методиста, наставника, коуча или консультанта [Игнатьева 2008; Соловова 2012]. Несмотря на то что современные исследователи приходят к выводу о ведущей роли методической деятельности преподавателя вуза для обеспечения эффективности любой сферы обучения, в рамках когнитивного общества особую значимость приобретает научная деятельность преподавателя, спецификой которой становится включенность в процесс управления знаниями (табл. 1) [Дмитриев, Соловова 2017].

Под управлением знаниями образовательной организации высшего образования понимается комплекс технологий, организационных элементов и систематических формализованных процессов управления жизненным циклом знаний, необходимых участникам научного и образовательного пространства, целью которых является продуктивное использование совокупности организационных ресурсов, сокращение потерь от непримененного интеллектуального капитала и повышение эффективности организации научно-образовательного процесса [Калмыкова, Соловова 2018]. Для вуза характерным является управление знаниями на индивидуальном уровне; менеджмент знаний призван поддерживать институциональный уровень, включающий внутриорганизационные и внешние подсистемы. Сегодня образовательный процесс организуется в рамках информационно-образовательной среды: педагогического и программно-телекоммуникационного пространства с едиными технологиями и средствами ведения учебного процесса. Все вышеизложенное требует разрешения сложившегося противоречия между потребностями образовательных организаций высшего образования в преподавателях, обладающих готовностью к управлению знаниями, и отсутствием научного обоснования личностного новообразования, формирующегося с учетом специфики и особенностей профессиональной деятельности преподавателя вуза в условиях развития когнитивного университета.

Готовность преподавателя вуза к управлению знаниями как характеристика личности интегрирует ценностно-мотивационный, инструментально-цифровой, научно-исследовательский, оценочно-аналитический, интерактивно-коммуникационный и академическо-предпринимательский компоненты. Она отражает системный уровень знания актуальной проблематики научных исследований и передового научного опыта, методических основ организации научно-исследовательской и творческой работы со студентами; умений использовать циф-

Таблица 1

Специфика научной деятельности преподавателя вуза в когнитивном обществе

Научная деятельность преподавателя вуза			
Научно-методическая деятельность	Научно-организационная деятельность	Научно-исследовательская деятельность	Научно-образовательная деятельность
Новые принципы и методики представления и сопровождения знаний	Новые формы координации и воплощения знаний	Новые формы получения и применения новых знаний	Новые средства интеграции и распространения знаний
Готовность преподавателя вуза к управлению знаниями			

ровые инструменты для организации поиска и передачи новых знаний, ведения научно-исследовательской работы, формирования креативного (междисциплинарного) мышления обучающихся с помощью инновационных образовательных технологий, работы в научном коллективе, проведения формальной и неформальной коммерциализации результатов научных исследований; оценки полноты своего знания ресурса и достоверности полученного знания.

Результаты исследования

При определении структуры готовности преподавателя вуза к управлению знаниями применяем принцип идентификации (соответствия) [Руднева 2016]. Это позволяет соотнести виды научной деятельности преподавателя вуза с основными этапа-

ми управления жизненным циклом знаний в рамках образовательной организации и его должностными обязанностями на основании Приказа Минздрава РФ от 11 января 2011 №1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования», профессионального стандарта «Педагог профессионального образования, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 сентября 2015 г. № 608н, типовых должностных инструкций научного исследовательского университета (табл. 2).

Таблица 2

Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования

Компонент	Ценностно-мотивационный	Вид научной деятельности	Показатели
Инструментально-цифровой	Распространение Поиск Генерирование	Научно-организационная	Должностные обязанности преподавателя
Поиск Обработка Формализация Кодификация Хранение Обеспечение доступа и защита	Научно-методическая	– Проходить обучение по дополнительным профессиональным программам по профилю педагогической деятельности; – Обеспечивать стратегию развития структурного подразделения; – Организовывать подготовку и проведение научных конференций, конкурсов, проектов и исследовательских работ преподавателей и обучающихся	– Потребность в осуществлении научно-исследовательской деятельности – Интерес к участию в НИРС: подготовке, проведению и участию в научных конференциях, конкурсах, подготовке проектных и исследовательских работ обучающихся – Потребность регулярного обновления и генерации новых знаний по профилю педагогической деятельности, постоянного обучения и переобучения по дополнительным профессиональным программам по профилю педагогической деятельности – Убеждение в одновременной необходимости внедрения инноваций и приверженности миссии организации
Умение обеспечить возможность открытого (он-лайн) образования для обучающихся	Умение обеспечивать хранение и обеспечение доступа к знаниям средствами ЭИОС университета	Умение использовать цифровые инструменты для организации поиска новых знаний, ведения научно-исследовательской работы	Умение правильно оформить и презентовать знание, полученное в результате НИР

Продолжение табл. 2

Интерактивно-коммуникационный	Оценочно-аналитический	Научно-исследовательский
Интеграция Расширение Распространение Презентация	Структурирование Фильтрация Координация и контроль Измерение ценности интеллектуальных активов Устранение устаревших	Генерирование Трансформация Применение
Научно-образовательная	Научно-методическая	Научно-исследовательская
– Консультировать обучающихся по вопросам профессионального развития на основе наблюдения за освоением профессиональной компетенции; – Организовывать самостоятельную работу обучающихся; – Обеспечивать выполнение учебных планов и программ; – Осуществлять индивидуальное и групповое консультирование, педагогическую поддержку личностного и профессионального самоопределения студентов; – Принимать участие в повышении квалификации начинающих преподавателей; – Изучать, обобщать и распространять опыт работы ППС кафедр; – Обеспечить возможность опубликования сведений о достигнутых научных результатах; – Осуществлять проектирование совместно с обучающимися и коллегами индивидуальных образовательных маршрутов студентов	– Осуществлять контроль и оценку качества освоения обучающимися учебных курсов; – Осуществлять оценку освоения образовательной программы при проведении итоговой аттестации; – Осуществлять мониторинг и оценку качества проведения преподавателями учебных занятий, организации исследовательской, проектной и иной деятельности обучающихся; – Осуществлять рецензирование проектных, исследовательских работ обучающихся; – Осуществлять анализ рынка образовательных услуг и рынка труда по направлениям подготовки специалистов; – Организовывать обучение завершённых научно-исследовательских работ и результатов возможности их внедрения; – Осуществлять оценку качества учебников и учебных пособий, научно-методических и учебно-методических материалов.	– Разрабатывать новые подходы и решения в области преподавания учебных курсов, дисциплин (модулей); – Руководить, организовывать, участвовать в научно-исследовательской работе кафедры; – Участвовать в научных семинарах, конференциях и совещаниях; – Разрабатывать и обновлять ФГОС, примерные программы учебных курсов, дисциплин (модулей); учебники и учебные пособия, включая электронные, осуществлять постановку задачи и консультировать в процессе разработки учебно-лабораторного оборудования; – Осуществлять организационно-педагогическую поддержку развития общественной, научной и предпринимательской активности студентов.
Умение работать в научном коллективе	Способность к самооценке полноты знаний ресурса	Способность к целеполаганию и самостоятельному определению траектории освоения знаний
Умение оказывать помощь и консультации студентам и коллегам в процессе поиска и освоения нового знания	Способность к организации и оценке результативности собственной научно-исследовательской деятельности	Умение проектировать содержание и методическое обеспечение спецкурсов, курсов-предметных учебных дисциплин и конкурентоспособных образовательных программ с учетом диверсификации потребностей рынка, мировых трендов по результатам полученного нового знания в ходе НИР
Умение формировать креативное (междисциплинарное) мышление у обучающихся с помощью инновационных образовательных технологий	Умение оценить пригодность и достоверность полученного знания	Способность определять актуальную проблематику научных исследований, обобщать передовой научный опыт
Способность к доверительному взаимодействию в научном коллективе, совместимости результатов собственной работы с общей производимостью организации	Способность к оценке качества НИР коллег и НИРС студентов	Умение осуществлять научно-исследовательскую и творческую работу со студентами (НИРС)

Окончание табл. 2

Академическо-предпринимательский	Приобретение Коммерциализация Воплощение знаний в процессах – продуктах – услугах Применение Презентация
	Научно-организационная
Умение проводить формальную коммерциализацию результатов научных исследований (покупку, продажу знаний, лицензирование и формирование сплн-офф компаний)	– Осуществлять руководство разработкой учебно-методического обеспечения курсовых учебных курсов; – Проводить профориентационные мероприятия со школьниками и их родителями (законными представителями); – Проводить мастер-классы; – Участвовать в организуемых в рамках тематики направлений исследований кафедр семинарах, совещаниях и конференциях, иных мероприятиях образовательного учреждения; – Участвовать в пропаганде научно-технических, социально-гуманитарных, экономических и правовых знаний
	Умение проводить неформальную коммерческую деятельность (разработку программных обеспечений, литературных и художественных произведений, промышленных образцов, консультационное, проведение контрактных
Умение проводить некоммерческую деятельность (проведение публичных лекций, бесплатных консультаций, издание книг для широкой аудитории)	Умение проводить неформальную коммерческую деятельность (разработку программных обеспечений, литературных и художественных произведений, промышленных образцов, консультационное, проведение контрактных
	Способность участвовать в деятельности научно-образовательных центров, бизнес-инкубаторов, технопарков, инновационно-технологических центров, инжиниринговых центров

1. Ценностно-мотивационный компонент (Научно-организационная деятельность). Под готовностью к деятельности в рамках образовательного процесса мы понимаем системное овладение необходимыми знаниями и умениями; стойкую убежденность субъекта. Несмотря на многообразие направлений определения готовности к разным видам деятельности преподавателя, большинство исследователей выделяют в ее структуре ценностно-мотивационный компонент. Его значимость в рамках нашего исследования обусловлена не только содержательной стороной, но и осознанием знания как общественной ценности и блага. Ценностно-мотивационный компонент в структуре готовности представляет совокупность профессионально значимых личностных качеств и установок, которые, с одной стороны, обеспечивают потребность преподавателя вуза в регулярном обновлении и генерации новых знаний, а с другой стороны, нейтрализуют личностные мотивы, затрудняющие распространение знаний (страх потери личной ценности, защита собственных конкурентных преимуществ, нежелание помогать «интеллектуальным паразитам», боязнь огласки недостоверного знания).

2. Инструментально-цифровой компонент (Научно-методическая деятельность). Технологической базой для развития общества знаний являются достижения цифровой сферы, которые дают возможность становления открытого образования. В условиях совершенствования информационно-образовательной среды и нормативно-правовой базы вуза у каждого преподавателя возникает необходимость применения средств электронного обучения и ведения научно-исследовательской деятельности для организации различных форм контактной или самостоятельной работы обучающихся. Инструментально-цифровой компонент интегрирует спектр

умений, связанных с применением цифровых инструментов в профессиональной деятельности.

3. Научно-исследовательский компонент (Научно-исследовательская деятельность). Перспектива становления когнитивного общества обуславливает развитие вузов в качестве социальных институтов: прогнозирование проблематики для субъектов общества, развертывание новых практик в различных областях, обеспечение процессов становления обучающегося по индивидуальной образовательной траектории [Ефимов, Лаптева 2014]. От профессорско-преподавательского состава когнитивного университета потребуются способности к определению актуальной проблематики научных исследований и получению достоверных знаний, что обусловило выделение научно-исследовательского компонента в структуре готовности к управлению знаниями.

4. Оценочно-аналитический компонент (Научно-методическая деятельность). Исследователи в области теории и методики профессионального образования включают в структуру готовности оценочно-рефлексивный компонент, предполагая владение не только специальными знаниями, умениями и навыками, но и наличие рефлексивных способностей личности, умение независимой оценки качества обучения [Дмитриев, Соловова 2017]. Участие в процессе управления знаниями требует способностей к самоанализу и самооценке, служащих основой творческого потенциала, умений непрерывного анализа пригодности и достоверности знания.

5. Интерактивно-коммуникационный компонент (Научно-образовательная деятельность). Ключевым требованием менеджмента знаний является процесс их свободного распространения и непрерывного обмена, что становится возможным, если органи-

зационная культура способствует общему пониманию и выработке согласованных решений, а преподаватели вуза обладают необходимым уровнем коммуникативных компетенций для построения продуктивного диалога, вызывающего доверие между его участниками.

6. Академическо-предпринимательский компонент (Научно-организационная деятельность). Экономический подход к процессу управления знаниями в вузе, рассматривающий знания как один из важнейших активов образовательной организации, предполагает научные разработки основой инновационного развития стран и регионов в условиях мировой глобализации. Приоритетным способом включения университета в инновационную деятельность государства является академическое предпринимательство - интеллектуальная деятельность, обеспечивающая расширение воспроизводства знаний, практическое использование которых обеспечивает коммерческому или некоммерческому предприятию социально-экономический рост. Предпринимательская деятельность вуза ставит целью коммерциализацию новшеств, разработанных академическими учеными. Исследователи считают, что развитие рассматриваемого процесса зависит от нескольких факторов, прежде всего связанных с реализацией потенциала преподавателей, включенных в систему управления знаниями [Хегай, Бабак, Филаткина М.Д., Филаткина И.Д. 2015; Хегай, Бабак, Филаткина И.Д., Филаткина М.Д. 2017]. Академическо-предпринимательский компонент готовности преподавателя вуза к управлению знаниями представлен умениями субъекта проводить формальную коммерческую, неформальную коммерческую и некоммерческую деятельность.

Выводы

Сегодня необходимость развития менеджмента знаний в высшем образовании обусловлена рядом причин: появлением новых требований к выпускнику вуза; недостаточным использованием коммуникативных технологий в высшей школе; деятельностью университета на новых площадках (технологических платформах, виртуальных университетах, университетских консорциумах, научно-образовательно-производственных кластерах); преобладанием в деятельности преподавателя функции транслятора при наличии огромного информационного ресурса, который может быть задействован в образовательном процессе. Таким образом, структура готовности преподавателя вуза к управлению знаниями и ее компонентный состав определены в соответствии со спецификой его деятельности. Интеграция ценностно-мотивационного, инструментально-цифрового, научно-исследовательского, оценочно-аналитического, интерактивно-коммуникационного, академическо-предпринимательского компонентов представляет структуру готовности преподавателей вуза к управлению знаниями, ведущего свою профессиональную деятельность в условиях трансформации вуза согласно требованиям когнитивного общества. Показатели в структуре готовности преподавателя вуза к управлению

знаниями отражают взаимосвязь видов научной деятельности и основных этапов управления жизненным циклом знаний в рамках вуза.

Библиографический список

- Lee 2004 — Lee J. Key. Trends in Higher Education. *Academic American*, 2004, Vol. 1, no. 1, pp. 21–36.
- Machlup 1962 — Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, NJ, 1962, 416 p. URL: <https://archive.org/details/productiondistri00mach/page/n5>.
- Альтовский 2007 — Альтовский Е. Кронбергская декларация о будущем процессов приобретения и передачи знаний // Высшее образование сегодня, 2007. № 9. С. 74–75. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15179895>; <https://www.ifap.ru/ofdocs/rest/kronberg.pdf>.
- Дмитриев, Соловова 2017 — Дмитриев Д.С., Соловова Н.В. Готовность преподавателя вуза к применению средств электронного обучения в профессиональной деятельности: монография / под ред. Т.И. Рудневой. Самара: Инсома-Пресс, 2017. 212 с. ISBN 978-5-4317-0262-4.
- Ефимов, Лаптева 2014 — Ефимов В.С., Лаптева А.В. Когнитивный университет: контуры будущего // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 6 (94). С. 18–29. URL: http://foresight.sfu-kras.ru/sites/foresight.sfu-kras.ru/files/Efimov_Lapteva_Kognitivnyy_universitet_kontury_budushchego.pdf.
- Игнатъева 2008 — Игнатъева Е.Ю. Менеджмент знаний в управлении качеством образовательного процесса в высшей школе: монография / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. 280 с. URL: <https://ru.b-ok.org/book/792606/8184c6>.
- Калмыкова, Соловова 2018 — Калмыкова Д.А., Соловова Н.В. Модель управления знаниями в образовательной организации высшего образования // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона. 2018. С. 567–571. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37128041>.
- Кузнецов, Энговатова 2016 — Кузнецов Е.Б., Энговатова А.А. «Университеты 4.0»: точки роста экономики знаний в России // Инновации, 2016. № 5 (211). С. 3–9. URL: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2016/innovacii-n5-2016/universitety-4.0-tochki-rosta-ekonomiki-znanij-v-rossii>.
- Руднева 2016 — Руднева Т.И. Методологические принципы как контекст осмысления качества результата педагогического исследования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2. С. 78–82. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4228>.
- Соловова 2012 — Соловова, Н.В. Управление методической работой вуза в условиях реализации инновационных методических задач: монография / под ред. Т.И. Рудневой. Самара: Самарский университет, 2012. 548 с. ISBN 978-5-86465-522-1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21537361>.
- Хегай, Бабак, Филаткина И.Д., Филаткина М.Д. 2015 — Хегай Е.В., Бабак Л.Н., Филаткина И.Д., Филаткина М.Д. Мотивация и факторы академического предпринимательства // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11 (1). С. 1075–1085. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25061728>.

Хегай, Бабак, Филаткина М.Д., Филаткина И.Д. 2017
Хегай Е.В., Бабак Л.Н., Филаткина М.Д., Филаткина И.Д.
Управление знаниями в вузе как фактор развития
академического предпринимательства // Креативная
экономика. 2017. № 1. С. 45–60. DOI: 10.18334/
ce.11.1.37267.

References

Lee 2004 – Lee J. Key Trends in Higher Education.
Academic American, 2004, Vol. 1, no. 1, pp. 21–36
[in English].

Machlup 1962 – Machlup F. The Production and
Distribution of Knowledge in the United States. Princeton,
NJ, 1962, 416 p. Available at: <https://archive.org/details/productiondistri00mach/page/n5> [in English].

Altovsky 2007 - Altovsky E. *Kronbergskaya deklaratsiya o budushchem protsessov priobreteniya i peredachi znaniy* [Kronberg Declaration of the Future of Knowledge Acquisition and Sharing]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 2007, no. 9, pp. 74–75. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15179895>; <https://www.ifap.ru/ofdocs/rest/kronberg.pdf> [in Russian].

Dmitriev, Solovova 2017 – Dmitriev D.S., Solovova N.V. *Gotovnost' prepodavatelya vuza k primeneniyu sredstv elektronnoy obucheniya v professional'noi deyatel'nosti: monografiya. Pod red. T.I. Rudnevoi* [Readiness of the university teacher to use e-learning tools in professional activities: monograph. T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: Insoma-Press, 2017, 212 p. ISBN 978-5-4317-0262-4 [in Russian].

Efimov, Lapteva 2014 – Efimov V.S., Lapteva A.V. *Kognitivnyi universitet: kontury budushchego* [Cognitive University: the contours of the future]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2014, no. 6 (94). pp. 18–29. URL: http://foresight.sfu-kras.ru/sites/foresight.sfu-kras.ru/files/Efimov_Lapteva_Kognitivnyy_universitet_kontury_budushchego.pdf [in Russian].

Ignatieva 2008 – Ignatieva E.Yu. *Menedzhment znaniy v upravlenii kachestvom obrazovatel'nogo protsessa v vysshei shkole: monografiya* [Knowledge management in context of quality management of educational process in the higher school: monograph]. Veliky Novgorod, 2008, 280 p. Available at: <https://ru.b-ok.org/book/792606/8184c6> [in Russian].

Kalmykova, Solovova 2018 – Kalmykova D.A., Solovova N.V. *Model' upravleniya znaniyami v obrazovatel'noi*

organizatsii vysshego obrazovaniya [Model of knowledge management in an educational organization of higher education]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki: integratsionnye protsessy i mekhanizmy formirovaniya i sotsial'no-ekonomicheskaya politika regiona* [Regional problems of economic transformation: integration processes and mechanisms of formation and socio-economic policy of the region]. Makhachkala, 2018, pp. 567–571. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37128041> [in Russian].

Kuznetsov, Engovatova 2016 – Kuznetsov E.B., Engovatova A.A. «*University 4.0*»: *tochki rosta ekonomiki znaniy v Rossii* [«University 4.0»: knowledge economy drivers in Russia]. *Innovatsii* [Innovations], 2016, no. 5 (211), pp. 3–9. Available at: <https://maginnov.ru/ru/zhurnal/arhiv/2016/innovacii-n5-2016/university-4.0-tochki-rosta-ekonomiki-znaniy-v-rossii> [in Russian].

Rudneva 2016 – Rudneva T.I. *Metodologicheskie printsipy kak kontekst osmysleniya kachestva rezul'tata pedagogicheskogo issledovaniya* [Methodical approaches as the context of pedagogical research outcome quality understanding]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2016, no. 2, pp. 78–82. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4228> [in Russian].

Solovova 2012 – Solovova N.V. *Upravlenie metodicheskoi rabotoi vuza v usloviyakh realizatsii innovatsionnykh metodicheskikh zadach: monografiya. Pod red. T.I. Rudnevoi* [Management of methodical functioning of institute of higher education in conditions of realization of innovative methodical problems: monograph. T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: Samarskii universitet, 2012, 548 p. ISBN 978-5-86465-522-1. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21537361> [in Russian].

Khegay, Babak, Filatkina I.D., Filatkina M.D. 2015 – Khegay E.V., Babak L.N., Filatkina I.D., Filatkina M.D. *Motivatsiya i faktory akademicheskogo predprinimatel'stva* [Motivation and factors of academic entrepreneurship]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and entrepreneurship], 2015, no. 11(1), pp. 1075–1085. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25061728> [in Russian].

Khegay, Babak, Filatkina M.D., Filatkina I.D. 2017 – Khegay E.V., Babak L.N., Filatkina M.D., Filatkina I.D. *Upravlenie znaniyami v vuze kak faktor razvitiya akademicheskogo predprinimatel'stva* [Knowledge management at the higher education institution as a factor of academic entrepreneurship development]. *Kreativnaya ekonomika* [Journal of Creative Economy], 2017, no. 1, pp. 45–60. DOI: 10.18334/ce.11.1.37267 [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88
УДК 378

Дата поступления статьи: 22/IV/2019
Дата принятия статьи: 24/V/2019

Н.Б. Стрекалова

РИСКИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИЕ

© *Стрекалова Наталья Борисовна* — доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: nb.strekalova@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-0477-0163>.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются исторические предпосылки перехода от информатизации образования к его цифровизации: от этапа фрагментарного применения информационных технологий в учебном процессе, укрупнения решаемых с их помощью задач, развития электронного обучения, оснащения вузов электронной ИОС и применения ее ресурсов в образовательной деятельности к этапу внедрения новых, цифровых технологий в учебный процесс. В ходе теоретического анализа выявлена суть термина «цифровизация», установлен перечень значимых для развития общества цифровых технологий (облачные, когнитивные, технологии больших данных и интернет вещей), определен и систематизирован перечень ключевых цифровых компетенций современного специалиста (навыки работы с цифровыми технологиями, способность к разнообразной и эффективной онлайн-коммуникации, навыки аналитического, критического и гибкого мышления, навыки мультизадачной, комплексной работы в междисциплинарных командах).

Эмпирические данные проведенного пилотажного исследования подтвердили необходимость формирования цифровых компетенций, внесения изменения в содержание профессиональной подготовки, оснащение преподавателей соответствующими знаниями, навыками, компетенциями. Наряду с положительными сторонами цифровизации образования в статье приводятся возможные негативные изменения в данной сфере (потеря базовых когнитивных компетенций, снижение общего уровня подготовки, сокращение потребности в «интеллектуальном» специалисте, уход от фундаментальности, перераспределение функций администрации вузов и преподавателей, высокие требования к психологическим качествам преподавателя, сокращение личных контактов, рост конфликтов, «утечка» талантливой молодежи и преподавателей за границу, сокращение контингента высшего образования, потеря статуса отечественного высшего образования, снижение контингента обучающихся). Актуализируется задача обеспечения качества цифрового образования и намечаются пути актуальных педагогических исследований (модель цифрового преподавателя; технологии разработки цифрового образовательного контента, методики оценки его качества с учетом эргономических, валеологических, психолого-педагогических требований; методики контроля успеваемости и сформированности образовательных результатов в условиях переноса учебного процесса в глобальную сеть; средства обеспечения качества обучения, предупреждения возможных рисков его снижения).

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, образование, компетенции, риски, исследование.

Цитирование. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образовании // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

RISKS OF DIGITAL TECHNOLOGIES IMPLEMENTATION INTO EDUCATION

© Strekalova Natalia Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Theory and Methods of Vocational Education, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: nb.strekalova@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0477-0163>

ABSTRACT

The article deals with the historical background of transition from informatization of education to its digitalization: from the stage of fragmentary application of information technologies in the educational process, the consolidation of tasks solved with their help, the development of e-learning, equipping universities with e-IOs and the use of its resources in educational activities to the stage of introduction of new digital technologies in the educational process. Theoretical analysis revealed the essence of the term «digitalization», established a list of significant digital technologies for the development of society (cloud, cognitive, big data technologies and the Internet of things), defined and systematized list of key digital competencies of modern specialists (skills of working with digital technologies, the ability to diverse and effective online communication, analytical skills, critical and flexible thinking, multitasking skills, integrated work in interprofessional teams).

Empirical data of the pilot study confirmed the need for the formation of digital competencies, changes in the content of training, equipping teachers with relevant knowledge, skills, competencies. Along with positive aspects of digitalization of education, the article presents possible negative changes in this area (loss of basic cognitive competencies, reduction of the general level of training, reduction of the need for an «intellectual» specialist, departure from the fundamental, redistribution of the functions of administration of universities and teachers, high requirements for the psychological qualities of the teacher, reduction of personal contacts, the growth of conflicts, «leakage» of talented youth and teachers abroad, reduction of the contingent of higher education, loss of the status of domestic higher education, reducing the number of students). The task of ensuring the quality of digital education and ways the actual pedagogical research (the digital model of the teacher; technology of development of digital educational content, methods of evaluation of its quality with ergonomic, health, psychological and pedagogical requirements; methods of monitoring of progress and the formation of educational outcomes in terms of the transfer of learning process to the global network; means of ensuring the quality of training, prevention of possible risks of its reduction) are actualized.

Key words: digitalization, informatization, education, competencies, risks, research.

Citation. Strekalova N.B. *Riski vnedreniya tsifrovyykh tekhnologii v obrazovanii* [Risks of digital technologies implementation into education]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 84–88. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88> [in Russian].

Постановка проблемы

В последнее время общепринятые термины «информатизация» и «глобализация» стали звучать вместе с новым термином «цифровизация» (или заменяются им): цифровизация экономики, производства, сельского хозяйства, образования, социальной сферы. Правоммерно появляется вопрос об идентичности или различии данных терминов.

Исторический экскурс

Экскурс в историю информатизации образования позволяет выделить следующие этапы:

— этап «фрагментарной» информатизации начинается с 90-х годов и характеризуется отдельными изменениями в содержании образования — появляются новые научные области, дисциплины и специальности, связанные с информационными технологиями, что становится предпосылкой для государственного понимания значимости информатизации образования; однако экономический

кризис 1998 года и децентрализация образовательной сферы не позволили реализовать поставленные задачи; с началом нового столетия происходит возврат к данной теме, появляется Концепция модернизации российского образования до 2010 года, результаты реализации которой выражаются в основном техническим оснащением образовательных учреждений компьютерной техникой, внедрением информационных технологий в отдельные образовательные и административные процессы;

— первый этап «глобальной» информатизации связан с введением нового ФЭ РФ «Об образовании в Российской Федерации» (2012–2013), характеризуется укрупнением решаемых задач с помощью информационных технологий, их широким внедрением в традиционный учебный процесс, развитием дистанционных технологий и средств электронного обучения, созданием в большинстве образовательных учреждений информационно-образовательных сред, реализующих отдельные зада-

чи по организации и сопровождению учебного процесса;

— второй этап «глобальной» информатизации связан с переходом на новые федеральные образовательные стандарты (ФГОС ВО 3+ для высшей школы) и введением новых Порядков организации образовательной деятельности, обязывающих образовательные учреждения создавать и применять в своей деятельности электронные информационно-образовательные среды и ресурсы, иметь сайт организации и отражать на его страницах информацию по образовательным программам и учебному процессу, хранить все значимые работы и достижения студентов и преподавателей в электронном виде (портфолио). Результатом данного этапа можно считать происходящий процесс конвергенции образования и информационных технологий, их взаимное влияние друг на друга, появление новых знаниевых областей, педагогических инструментов и методов.

Обзор литературных источников

В результате термин информатизация представляется научному сообществу не только как комплекс технологических, организационных и методических мероприятий, направленных на внедрение информационных технологий в учебный процесс и административную деятельность, но и как базовый инструмент развития высшего образования и новая трансфер-интегративная область педагогической науки, обеспечивающая образование методологией применения информационных технологии в обучении с учетом их психолого-педагогических, валеологических, социокультурных и технико-технологических аспектов [Роберт 2013; Стрекалова 2017]. С информатизацией связаны такие термины, как: «технизация» — внедрение техники, технических средств и приемов работы в какую-либо сферу деятельности, эффективность их применения в учебном процессе; «электронные и открытые образовательные ресурсы» — учебные материалы, для воспроизведения которых используются любые электронные устройства и которые размещены в глобальной сети на условиях открытой лицензии; «технологизация» — способ системной организации деятельности на основе рефлексии, стандартизации и рационализации материально-технологического инструмента; процесс управления деятельностью путем построения ее алгоритма [Санько 2014; Стрекалова 2017].

Исследователи (Т.В. Никулина, Е.Б. Стариченко) констатируют завершение таких процессов, как насыщение персональными компьютерами учреждений, обучение всех работников навыкам применения информационных технологий в профессиональной деятельности, внедрение современных технологий во все процессы [Никулина 2018]. Разработано множество методических и дидактических материалов, педагогических средств на основе информационных технологий, активно практикуются дистантные технологии и виртуальные модели различных явлений в учебном процессе. Все это позволяет говорить о том, что этап информатизации образования состоялся, наступило время эф-

фективного применения информационных технологий и перехода к новому этапу.

Таким новым этапом стал перевод всех сторон экономической и социальной жизни в цифровую форму, или «цифровизация». Суть данного термина и его роль в историческом развитии общества трактуются исследователями по-разному: как эра больших данных и основанных на них технологиях; как новая парадигма мысли, общения, взаимодействия друг с другом; как новый этап развития общества, приводящий к росту качества жизни населения; как средство усовершенствования бизнес-процессов и комплексного решения задач инфраструктурного, управленческого, поведенческого и культурного характера [Индустрия... 2017]. Большое значение в цифровизации придается искусственному интеллекту и технологиям нейронных сетей, с помощью которых возможно построение информационных систем, обладающих аналитическими и прогностическими функциями, что позволяет делать выбор за человека и влиять на принятие эффективных управленческих решений. Исследователи прогнозируют активное влияние на общество и «цифровую экономику» мобильных, когнитивных и облачных технологий, технологии «интернет вещей» и «больших данных» [Кешелава, Буданов, Румянцев 2017].

Цифровизация образования предполагает перевод в цифровой формат всех учебно-методических материалов и создание на их основе общедоступных баз знаний, максимальный перенос учебного процесса в глобальную сеть и использование для организации обучения мобильных и облачных технологий, привлечение к управлению учебным процессом технологий web 3.0 и интеллектуальных систем, широкое применение массовых открытых образовательных курсов. По мнению ученых, цифровизация образования позволит обучающимся эффективно выстраивать индивидуальную образовательную траекторию и управлять собственными результатами обучения, преодолевать барьеры традиционного обучения (темпы освоения программы, выбор форм и методов обучения) [Никулина 2018].

Результаты исследования

Внедрение цифровых технологий потребует пересмотра содержания профессиональной подготовки современных специалистов, в том числе и научно-педагогических работников. Анализ научных статей позволил выделить наиболее значимые цифровые компетенции специалиста: технико-технологические — навыки работы с «облачными» и web-технологиями, цифровыми платформами, способность к разнообразной и эффективной онлайн-коммуникации, к применению в профессиональной деятельности технологий «больших данных» и SMM-продвижения товаров и услуг; интеллектуальные — навыки аналитического, критического и гибкого мышления, способность к междисциплинарному взаимодействию; деятельностные — навыки мультизадачной, комплексной, креативной работы, в том числе в международных и междисциплинарных командах [Кешелава, Буданов, Румянцев 2017; Лapidус 2017]. Проведенное нами

онлайн-анкетирование (средствами облачных технологий) специалистов разных областей (наука, образование, менеджмент, бухгалтерия, ИТ) с выборкой более 200 человек показало недостаточность знаний цифровых технологий и навыков работы с ними у опрошенных (уровень владения: «облачными» технологиями – 65 %; технологиями больших данных – 31 %; интернет-вещей – 15 %, когнитивными технологиями – 0 %) и подтвердило необходимость формирования данных компетенций (положительно ответило более 80 % опрошенных).

Готовность образовательных учреждений к профессиональной подготовке специалистов цифрового общества потребует не только дальнейшей технико-технологической модернизации сферы образования, но и подготовки (переподготовки) профессорско-преподавательского состава: развития цифровой грамотности; формирования способности оцифровывать учебно-методический материал и использовать его в педагогической практике; уме-

ния разрабатывать электронные учебники с элементами интерактивных технологий и программируемого обучения, создавать массовые открытые образовательные курсы и осуществлять учебный процесс в онлайн и/или смешанном режиме, включая навыки эффективной коммуникации.

Вместе с тем скорость нововведений и глобальность их последствий требуют прогнозирования возможных рисков цифровизации. Известный эксперт в области ИТ-безопасности Н.И. Касперская в своем выступлении на Парламентских слушаниях в Государственной думе (март 2018 года) обозначила основные риски «цифровой колонизации» и широкого внедрения во все сферы жизнедеятельности таких технологий, как уберизация, «большие данные», блокчейн, виртуальная реальность [Касперская]. Анализ выделенных рисков позволил составить список вероятных изменений в сфере образования в результате цифровизации общества и образования (см. таблицу).

Таблица

Риски цифровизации и возможные изменения в системе образования

Возможности цифровых технологий	Риски внедрения в экономику	Изменения в системе образования
Прорыв в искусственном интеллекте, анализ «больших данных»	Навязывание западных технологий, деградация собственных компетенций	Потеря базовых когнитивных компетенций (письмо, расчет, чтение, логика), снижение качества обучения
Ускорение коммуникаций и платежей, новые возможности общения и новый уровень комфорта	Новые уязвимости, утечка персональных данных, потеря тайны личной жизни, слежка	«Публичная» модель педагога/преподавателя, высокие требования к его психологическим качествам, рост конфликтов
Электронная идентификация и аутентификация личности, электронный двойник гражданина	Исчезновение приватности, цифровой тоталитаризм, утечка персональных данных за границу	Снижение личных контактов, рост конфликтов, «утечка» талантливой молодежи и преподавателей за границу, снижение общего уровня подготовки, проблемы контроля качества
Новые бизнес-модели, большие компании, массовые ИТ-сервисы	Захват рынков транснациональными компаниями	Изменение требований к содержанию обучения, дальнейшее изменение средств обучения
Автоматизация и роботизация деятельности, рост производительности и эффективности производств	Потеря рабочих мест, безработица, социальная напряженность, возникновение слоя тунеядцев	Изменение требований к квалификации специалистов, снижение потребности в «интеллектуальном» специалисте и «тяготение» к его технологическому образу, сокращение контингента высшего образования
Дальнейшая стандартизация и уберизация медицины, образования, транспорта, сферы услуг	Юридическая неопределенность, снижение качества и ответственности, этические проблемы, рост мошенничества, «роботизация» людей, рост социального отчуждения	Движение в сторону «образовательных услуг», уход от фундаментальности, изменение /перераспределение функций администрации вузов и преподавателей, рост конфликтов, снижение качества обучения
Инвестиции, стартапы, новые деньги, новые индустрии, «перелицовка» традиционных индустрий	Захват экономики более сильными иностранными игроками	Потеря статуса отечественного высшего образования, снижение контингента обучающихся

Заключение

Обеспечение качества высшего образования и упреждение вероятных негативных изменений в данной сфере требует проведения педагогических исследований по таким актуальным, на наш взгляд, вопросам: модель преподавателя/педагога цифрового образования, содержание его профессиональной подготовки; технологии разработки цифрового образовательного контента, методики оценки его качества и применения в учебном процессе с учетом эргономических, валеологических, психолого-педагогических требований; эффективные методы, формы, средства обучения в открытом образовательном пространстве и их методологические обоснования, в том числе соотношений традиционного и электронного обучения, контактной и самостоятельной работы обучающихся; методики контроля успеваемости и сформированности образовательных результатов в условиях переноса учебного процесса в глобальную сеть; средства обеспечения качества обучения, предупреждения возможных рисков его снижения в условиях цифровизации образования.

Библиографический список

- Индустрия... 2017 — *Индустрия российских медиа: цифровое будущее: монография* / Е.Л. Вартанова [и др.]. М.: МедиаМир, 2017. 160 с.
- Касперская — *Касперская Н.И.* Цифровая экономика и риски цифровой колонизации [Электронный ресурс]: развернутые тезисы выступления на парламентских слушаниях в Государственной думе. URL: https://ivan4.ru/news/traditsionnye_semeynye_tsennosti/the_digital_economy_and_the_risks_of_digital_colonization_n_kasperskaya_developed_theses_of_the_spee (дата обращения: 20.05.2019).
- Кешелава, Буданов, Румянцев 2017 — *Кешелава А.В., Буданов В.Г., Румянцев В.Ю.* Введение в «Цифровую» экономику. ВНИИГеосистем, 2017. 28 с. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/07/vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf>.
- Лapidus 2017 — *Лapidus Л.В.* Big Data, Sharing economy, Интернет вещей, роботизация: взгляд в будущее российского бизнеса // Перспективы развития электронного бизнеса и электронной коммерции: материалы III межфакультетской научно-практич. конф. молодых ученых: доклады и выступления. М.: ФГБОУ ВО МГУ, 2017. С. 5–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30540354>.
- Никулина, Стариченко 2018 — *Никулина Т.В., Стариченко Е.Б.* Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/2133/14.pdf>.
- Роберт 2013 — *Роберт И.В.* Развитие дидактики в условиях информатизации образования // Профессиональное образование. 2013. № 9. С. 5–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18152054>.
- Санько 2014 — *Санько А.М.* Технологизация высшего образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2014. № 5 (116). С. 210–213. URL: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3943>.
- Стрекалова 2017 — *Стрекалова Н.Б.* Управление качеством самостоятельной работы студентов в открытой информационно-образовательной среде: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Самара, 2017. 52 с. URL: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/upravlenie-kachestvom-samostojatelnoj-raboty-studentov-v-otkrytoj-informacionno.html>.
- автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Самара, 2017. 52 с. URL: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/upravlenie-kachestvom-samostojatelnoj-raboty-studentov-v-otkrytoj-informacionno.html>.
- ## References
- Industriya... 2017 — *Industriya rossiiskikh media: tsifrovoe budushchee: monografiya*. E.L. Vartanova [i dr.]. [Vartanova E.L. [et al.] Russian media industry: digital future: monograph]. M.: MediaMir, 2017, 160 p. [in Russian].
- Kasperskaya — *Kasperskaya N.I.* Tsifrovaya ekonomika i riski tsifrovoi kolonizatsii [Elektronnyi resurs]: razvernutyte tezisy vystupleniya na parlamentских slushaniyakh v Gosudarstvennoy dume [Digital economy and risks of digital colonization: detailed theses of speech at parliamentary hearings in the State Duma]. Retrieved from: https://ivan4.ru/news/traditsionnye_semeynye_tsennosti/the_digital_economy_and_the_risks_of_digital_colonization_n_kasperskaya_developed_theses_of_the_spee (accessed 20.05.2019) [in Russian].
- Keshelava, Budanov, Rumyantsev 2017 — *Keshelava A.V., Budanov V.G., Rumyantsev V.Yu.* Vvedenie v «Tsifrovuyu» ekonomiku [Introduction to the «Digital» economy]. VNIIGeosystems, 2017, 28 p. Available at: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/07/vvedenie-v-cifrovuyu-ekonomiku-na-poroge-cifrovogo-budushhego.pdf> [in Russian].
- Lapidus 2017 — *Lapidus L.V.* Big Data, Sharing economy, Internet veshchei, robotizatsiya: vzglyad v budushchee rossiiskogo biznesa [BIG DATA, Sharing Economy, Internet of Things, Robotics: A Look at the Future of Russian Business]. In: *Perspektivy razvitiya elektronnoego biznesa i elektronnoi kommersii: materialy III mezhfakul'tetskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh: doklady i vystupleniya* [Prospects for the development of e-business and e-Commerce: materials of the III interfaculty research and practical conference of young scientists]. M.: FGBOU VO MGU, 2017, pp. 5–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30540354> [in Russian].
- Nikulina, Starichenko 2018 — *Nikulina T.V., Starichenko E.B.* Informatizatsiya i tsifrovizatsiya obrazovaniya: ponyatiya, tekhnologii, upravlenie [Informatization and digital technologies in education: concepts, technologies, management]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2018, no. 8, pp. 107–113. Available at: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/2133/14.pdf> [in Russian].
- Robert 2013 — *Robert I.V.* Razvitie didaktiki v usloviyakh informatizatsii obrazovaniya [Development of didactics in the context of education informatization]. *Professional'noe obrazovanie* [Professional education], 2013, no. 9, pp. 5–9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18152054> [in Russian].
- Sanko 2014 — *Sanko A.M.* Tekhnologizatsiya vysshego obrazovaniya [Technification of higher education]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2014, no. 5 (116), pp. 210–213. Available at: <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3943> [in Russian].
- Strekalova 2017 — *Strekalova N.B.* Upravlenie kachestvom samostoyatel'noi raboty studentov v otkrytoi informatsionno-obrazovatel'noi srede: avtoreferat dis. ... doktora ped. nauk [Quality management of independent work of students in an open information and educational environment: Author's abstract of Doctoral of Pedagogical Sciences thesis]. Samara, 2017, 52 p. Available at: <http://www.dslib.net/prof-obrazovanie/upravlenie-kachestvom-samostojatelnoj-raboty-studentov-v-otkrytoj-informacionno.html> [in Russian].

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-89-94
УДК 811.111

Дата поступления статьи: 22/IV/2019
Дата принятия статьи: 24/V/2019

А.Г. Анисимова, М.И. Павлюк

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОБЪЕМА ЗНАЧЕНИЯ КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

© Анисимова Александра Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: anissimova@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-4191>

© Павлюк Марина Игоревна — старший преподаватель кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

E-mail: m.pavlyuk@inno.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7880-0807>

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме изменения семантики терминов гуманитарных наук, которые в своем большинстве являются консубстанциональными. Общеизвестно, что в гуманитарных областях знания лексико-семантический способ образования терминов является одним из основных, что делает большинство терминов консубстанциональными.

Слова, заимствованные из общелитературного языка, подверглись процессу терминологизации и превратились в собственно термины, объем значения которых значительно сузился. Помимо процесса терминологизации, в статье также рассматриваются процессы детерминологизации и ретерминологизации. Исследование показало, что объем значения термина меняется в связи с его переходом из категории авторских или региональных терминов в интернациональные. Данные выводы правомочны также в отношении терминов, основанных на метафоре и возникших на основе имен собственных. Имя собственное, войдя в состав термина, утрачивает значение, доступное всем членам языкового сообщества, говорящего на данном языке, и становится компонентом терминологических сочетаний. В результате процесса терминологизации утрачивается индивидуальность номинации, но происходит уточнение более общих понятий.

Возрастающая далее степень терминологизации приводит к тому, что термины изменяют свое значение настолько, что становятся понятными лишь узкому кругу профессионалов. Связь с семантикой слова из общего языка, от которого термин и произошел, полностью утрачивается.

Материалом исследования послужили различные современные терминологические словари разных областей гуманитарного знания (экономика, политика, право, искусствоведение).

Ключевые слова: консубстанциональный термин, терминологизация, детерминологизация, метафоризация, терминологическая омонимия.

Цитирование. Анисимова А.Г., Павлюк М.И. К вопросу об изменении объема значения консубстанциональных терминов гуманитарных и общественно-политических наук // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-89-94>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-89-94
UDC 811.111

Submitted: 22/IV/2019
Accepted: 24/V/2019

A.G. Anisimova, M.I. Pavlyuk

SEMANTIC DERIVATION OF CONSUBSTANTIAL TERMS OF THE HUMANITIES, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

© Anisimova Alexandra Grigoryevna – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: anissimova@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-4191>

© Pavlyuk Marina Igorevna – senior lecturer, Department of the English Language № 1, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: m.pavlyuk@inno.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7880-0807>

ABSTRACT

The article deals with the semantic changes of the terms of the Humanities and those of social and political sciences, the majority of which are consubstantial. It is universally acknowledged that a lexical-semantic way of coining new terms is the most productive one, which makes the majority of terms consubstantial.

Words borrowed from the general literary language more often than not undergo the process of terminologisation and turns into terms proper whose meaning becomes more precise and narrow. Besides the process of terminologisation the article also considers the processes of determinologisation and reterminologisation. The research has also shown that the meaning of the term changes due to its transition from the category of the author original terms to international ones. These conclusions are also applicable to metaphor-based terms and terms coined on the basis of proper nouns. Having become part of terminological word combinations, proper nouns lose the meanings common for all participants of the speech community.

The growing level of terminologisation results in the change of meaning of the term to such an extent that it becomes understandable only to professionals. The common seme which the term shares with the word of the general language disappears.

The material for the research includes terminological dictionaries of various fields of the humanities and social and political sciences (economics, politics, law, art criticism). The authors have tried to present the studied material as a whole, to address certain problem caused by the change of meaning and to identify regularities of terminological meaning change.

Key words: consubstantial term, terminologization, determinologization, metaphorization, terminological homonymy.

Citation. Anisimova A.G., Pavlyuk M.I. *K voprosu ob izmenenii ob"ema znacheniya konsubstantsional'nykh terminov humanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk* [Semantic derivation of consubstantial terms of the humanities, social and political sciences]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 89–94. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-89-94> [in Russian].

Введение

Общеизвестно, что одним из наиболее продуктивных способов создания новых слов является семантический, или, по другой классификации, лексико-семантический. Этот способ состоит в том, что ближайшее по значению слово заимствуется из общелитературного языка, причем при терминологизации важно знать, какая именно его характеристика становится основой термина: сходство внешних признаков или функций; смежность или аналогия понятий. Значение термина затем уточняется и/или сужается. Таким образом, термин входит в лексическую систему данного языка и одновременно является единицей языка для специальных целей, реализуя принцип единства выражения и содержания.

Результаты исследования

Целью исследования является определение изменения объема значения термина в зависимости

от перехода его из общелитературного языка в отраслевую терминологию, а также в случае обратного перехода термина в общий язык и в случае перехода термина из категории авторских или региональных терминов в интернациональные.

Наш материал свидетельствует о том, что большая часть терминов гуманитарных и общественно-политических наук представлена консубстанциональными терминами. Так, например, детальный анализ картотеки, состоящей из 3000 терминов, показал, что консубстанциональными являются более 2753 терминов, т. е. примерно 90–95 % (эти цифры, естественно, будут другими для другой терминосистемы). Сравним некоторые дефиниции, приведенные в терминологическом словаре и в словаре общелитературного языка:

attributes – a quality forming part of the nature of a person or thing (Longman 2008); *attributes* – objects habitually associated with a person by means of which

he or she can be identified when portrayed in art (Lucie-Smith 2004);

ugly — unpleasant to the sight (Longman 2008); **ugly** — a property ascribed to an object which disappoints painfully an aesthetic ideal (Lucie-Smith 2004);

surface — any face or side of a thing, outward appearance (Longman 2008); **surface** — two-dimensional plane of a canvas (Mayer 2010);

autograph — a person's own handwriting, esp. his name written by himself (Longman 2008); **autograph** — a painting or drawing believed to be wholly by the hand of a particular artist who can be named with certainty (Lucie-Smith 2004).

Казалось бы, приведенные определения практически идентичны, в связи с чем возникает вопрос: почему такие слова, как **ugly**, **attributes**, **surface**, **autograph**, оказались включенными в специальный словарь терминов искусствоведения? Ответ может быть найден в тщательном текстологическом анализе приведенных определений. Хотя основной таких терминов по-прежнему остается их общелитературное значение, в них заметно развитие новых специальных значений, которые ставят их в ряд с другими терминами искусствоведения. Так, **attributes** — это не просто любые качества человека, а специальные характеристики, существенные для художника, работающего над портретом, такие как интерьер, детали костюма, реалии и т. п. **Ugly** — это не просто нечто «неприятное», а некое качество, противоречащее эстетическому идеалу. Таким образом, данное слово включается в определенную систему понятий, в которой важное место принадлежит такому понятию, как «эстетический идеал». **Surface** приобретает четкие специальные параметры, соответствующие заданным размерам холста. В общелитературном языке значение этого слова гораздо шире и менее определено: **surface** — это любая поверхность. Особенно интересен пример с **autograph**. В данном случае это — термин-метафора. **Autograph** в живописи — уже не просто подпись художника, а само произведение искусства — рисунок или живописное произведение, которое безошибочно удостоверяет авторство, т. е. является в высшей степени характерным для манеры письма данного художника и потому может служить как бы его «визитной карточкой».

Возьмем другую область знания, юридическую. Так, в общем языке существуют слова: **invitee** — a visitor to whom hospitality is extended (Longman 2008); **remedy** — 1. a way of dealing with a problem or making a bad situation better; 2. a medicine to cure an illness or pain that is not very serious (Longman 2008). Однако в качестве терминов права эти слова значительно изменили объем своего значения, хотя и сохранили общую сему со словами общего языка: **invitee** — a person permitted to enter land or premises for a purpose in which the occupier of the land has a material interest (Dictionary of Law 2009); **remedy** — any of the methods available at law for the enforcement, protection, or recovery of rights or for obtaining redress for their infringement (Gifis 2010). Слова, заимствованные из общелитературного языка, подверглись процессу терминологизации и превратились в юри-

дические термины, объем значения которых очень сузился.

Помимо этого, косвенным доказательством нарастания степени терминологизации становится переход термина из одной категории в другую. Например, переход терминов из разряда авторских в региональные и затем в интернациональные. Так, термин **Renaissance** стал использоваться в привычном значении только с XIX в., а придумал его в середине XVI в. знаменитый Вазари. Этим словом он описывал творческие удачи одного художника — Боттичелли. В XIX в. французский искусствовед Мишле заимствовал этот термин, но использовал его в широком смысле слова, называя **Renaissance** всю ту цивилизацию, что пришла на смену культуре Средневековья. В наше время этот термин имеет следующие значения: **Renaissance** — a flowering of the Arts, such as the «Renaissance of American literature» — usually refers to artistic or cultural movements characterized by a revival of Greek and Roman forms (Mayer 2010).

Или, например, широко употребляемый теперь политический термин **genocide** вошел в английский язык после Второй мировой войны: **genocide** — from *genos*, race (Greek) and *Latin caedere*, to kill. It was invented by Professor Raphael Lemkin of Duke University for official documents of War Criminals in 1945 [Comfort 2005]. Менее пятидесяти лет потребовалось термину, чтобы стать универсальным и интернациональным, что неудивительно при том резонансе, который получил Нюрнбергский процесс во всем мире.

Рассмотрим несколько политических терминов. Так, термин **long hot summer** зародился в негритянских гетто крупных городов Америки во второй трети XIX в. Он означал the climate in which inner city tensions boil over into riots. Примерно через 100 лет (в 1960-е) этот термин, образно говоря, пересек Атлантический океан и начал употребляться в Англии практически в том же значении: violence on summer nights in Britain's inner cities and run-down housing estates [Comfort 2005]. Очевидно, мы становимся свидетелями начала процесса перехода данного термина из категории уникальных (региональных) в универсальные, что косвенно свидетельствует о нарастании степени терминологизации.

Другим примером может служить термин **lynching**, который известен сейчас во всем мире: **lynching** — to take hold of a person thought to be guilty of a crime and kill him, especially by hanging, without a legal trial (Longman 2008). Термин возник как уникальный в конце XVIII в. в США по имени печально известного капитана Уильяма Линча (William Lynch, 1742–1820), который в 1780 г. возглавил группу единомышленников, чтобы «очистить Пенсильванию». Спустя двести лет Мартин Лютер Кинг напишет: It may be true that the law cannot make a man love me, but it can keep him from lynching me, and I think that's pretty important [Comfort 2005]. Термин **lynching** также превратился из термина уникального (т. е. употребляемого только в одном регионе) в термин интернациональный и интерлингвистический.

В случае метафоризации, т. е. если термин был образован на основе метафоры, ситуация усложняется тем, что только на уровне плана выражения такие термины омонимичны словам общелитературного языка, а на уровне плана содержания они утратили общую сему: *blue book* – a form of government publication, such as a report of a committee, inquiry, or royal commission, published in blue covers (Dictionary of Law 2009); *leapfrog procedure* 1. (House of Lords) The procedure for appealing direct to the House of Lords from the High Court or a Divisional Court, bypassing the Court of Appeal. The procedure is only allowed in exceptional cases. 2. (Court of Appeal) The procedure by which a High Court judge or the Master of the Rolls may transfer an appeal from a decision of a district judge or master to the Court of Appeal (Dictionary of Law 2009).

Термины, приведенные выше, подверглись процессу терминологизации, превратились в собственно термины и закрепились в терминологической системе права. Похожая картина наблюдается и в отношении терминов, возникших на основе имен собственных: *Miranda rights* – [from *Miranda v. Arizona*, the 1966 U.S. Supreme Court ruling establishing such rights]: the rights (as the right to remain silent, to have an attorney present, and to have an attorney appointed if indigent) of which an arresting officer must advise the person being arrested (Dictionary of Law 2009); *John Doe* – 1. a fictitious name used for a possible male defendant who is unknown at the time a complaint is filed to start a lawsuit; 2. the temporary fictitious name given to an unidentified hospitalized or dead man (Dictionary of Law 2009); *Calvo clause* [named after the Argentine jurist Carlos Calvo (1824–1906) – a clause in a contract stating that the parties to the contract agree to rely exclusively on domestic remedies in the event of a dispute (Gifis 2010).

Таким образом, имя собственное, войдя в состав термина, утрачивает значение, доступное всем членам языкового сообщества, говорящего на данном языке, и становится компонентом терминологических сочетаний. В результате процесса терминологизации утрачивается индивидуальность номинации, но происходит уточнение более общих понятий. В любом языке имена собственные являются источником создания терминов и терминологических словосочетаний.

Возрастающая далее степень терминологизации приводит к тому, что термины изменяют свое значение настолько, что становятся понятными лишь узкому кругу профессионалов. Связь с семантикой слова из общего языка, от которого термин, собственно, и произошел, полностью утрачивается. Такие термины с течением времени полностью переосмысляются, приобретают совершенно новое значение, становятся «полноправными» терминами, которые входят в «картину мира» профессионалов.

Так, например, в проанализированных искусствоведческих словарях, где общее количество терминов составляет более 50 тысяч единиц, зафиксировано около 500 подобных случаев. Наиболее полно превращение заимствованных языковых единиц в искусствоведческие термины отражено в следующих случаях: *altogether* – studio euphemism for

posing in the nude (Lucie-Smith 2004); *boss* – a raised ornament in metalwork, furniture, architecture carved or chiseled (Lucie-Smith 2004); *breakfast piece* – a still life showing various items of food and drink, usually piled up in some disorder. The term is often reserved for Dutch 17th century paintings of this type, especially those of the Haarlem School (Mayer 2010).

Изменение значения термина (в сопоставлении со значением слова общелитературного) – процесс, который характерен для всех терминосистем гуманитарных наук. Так, в политической и юридической терминологии примерами могут послужить следующие термины: *a hard hawk* – ярый реакционер; *a spinning doctor* – теневой организатор переговоров; человек, щедро поддерживающий избирательную кампанию; *coat tails* – связи в верхах; *orchestration* – организованная пропаганда (политического характера); *slush fund* – фонд на подкуп избирателей; *uttering* – введение в оборот подделанного документа (Collin 2006).

Таким образом, можно говорить о том, что расширение и пополнение терминологии гуманитарных наук, безусловно, происходит за счет общелитературного языка. При этом большая часть заимствований семантически детализируется и уточняется, а меньшая либо используется метафорически, либо меняет свое значение. Приведенные примеры показывают, что, хотя у большей части терминов общелитературное значение является ведущим, у некоторой части терминов с увеличением степени терминологизации наблюдается полное изменение значения.

Возникает вопрос: возможен ли обратный переход? Будет ли верным утверждение, что при уменьшении степени терминологичности термин с течением времени становится почти идентичным в плане содержания со словом общелитературного языка?

Политический термин *cold war*, который означал a non-military conflict or ideological hostilities между бывшим СССР и западными державами, сейчас настолько расширил свое значение, что стал полисемантическим и зарегистрирован в толковых словарях: 1. any hostilities between people, groups of people, companies, etc. 2. outmoded or unwanted policies (Longman 2008).

Следует также отметить, что процесс детерминологизации может быть не только прямым, т. е. из терминосистемы – в общелитературный язык, но и более сложным. Так, например, политический термин *escalation* – an increase in military activity, either in preparation for or during an armed conflict [Comfort 2005] в результате широкого метафорического использования в общелитературном языке в значении an unpleasant situation when it becomes much worse (Longman 2008) затем заимствовался экономической терминологией и сейчас выступает в качестве полноправного члена этой терминосистемы в значении an increase of prices, wages, etc. (Collin 2006).

Рассмотрим уникальный/региональный термин, вошедший в некоторые романские языки в XIV–XV вв., – *masterpiece*. Сегодня его значение, зафиксированное во всех словарях английского об-

щелитературного языка, известно всем. Однако его первоначальное терминологическое значение было совсем другим: it used to mean a work produced by an artist or craftsman on the completion of his apprenticeship to qualify him for the rank of Master of the Guild (Lucie-Smith 2004). В искусствоведческих статьях особенно часто встречаются такие термины, как *decorative*, *picturesque*, которые могут послужить иллюстрацией вышесказанному. Терминологическое значение этих терминов как бы идет на убыль, и они все чаще употребляются в общелитературном смысле. Так, например, из десятков проанализированных словарей термин *picturesque* представлен лишь в некоторых: *picturesque* – a term from the Italian «*ittresco*» – «like a picture», first popularized in the 18th century and applied to actual picture-like or picturesque scenery. By the end of the century it meant a type of beauty that was attractive because of its lack of order, smoothness and so forth. One could achieve a picturesque effect by deliberate disorder and roughness, or one could choose a picturesque or «natural» scene to celebrate in verse. Thus, scenes with ruins or «picturesquely» and roughly dressed peasants would qualify (Lucie-Smith 2004); *picturesque* – term covering a set of attitudes towards landscape, both real and painted that flourished in the late 18th and early 19th centuries. It indicated an aesthetic approach that found pleasure in roughness and irregularity, and an attempt was made to establish it as a critical category between the «beautiful» and «sublime» (Mayer 2010).

Следует отметить, что этот термин трактуется по-разному – это и «принцип организации архитектурных элементов», и «отношение», и даже type of beauty. В словаре Longman Dictionary of Current English дефиниция такова: *picturesque* – 1) charming and interesting enough to be made into a picture; 2) (of a person or their clothes) rather strange and unusual; 3) (of language) unusually clear, strong and descriptive (Longman 2008).

Итак, можно сделать вывод, что идет процесс детерминологизации, который все еще не завершен, т. е. в специальных словарях дефиниции отличаются крайней нечеткостью определения, с одной стороны, а с другой – термин *picturesque* отсутствует в некоторых авторитетных терминологических словарях. По-видимому, то значение, которое восходит к итальянскому *pittresco*, с течением времени становилось все более описательным, а собственно терминологические нюансы («нароченный беспорядок», «изображение бедно одетых крестьян») отодвигались на задний план.

Совсем по-другому обстоит дело с термином *decorative*. В общелитературном языке *decorative* имеет дефиницию used for decorating (Longman 2008), в искусствоведении этот термин определяется следующим образом: *decorative* – any of the applied arts (furniture, ceramics, glass, enamel, textiles, metalwork), when found in a domestic context or contributing to interior decoration (Mayer 2010). Однако само по себе слово *decorative* столь утилитарно, так часто используется в повседневной жизни, что можно говорить о переходе значения: в искусствоведческих статьях этот термин приобрел ярко

выраженную отрицательную коннотацию – применительно к произведению живописи он почти равнозначен *artless*. Примером может послужить следующий отрывок из статьи, посвященной Уолтеру Сикерту: ...at various periods he experimented with the Impressionist palette and he shared with the Impressionists their concern for structure and their gift for design. However, his attitude to this subject was more intensely personal and he aimed at the impression of surprised intimacy, representing those he painted as if caught «through the Keyhole», in unsuspecting privacy. He avoided fashionable good taste and the conventionally picturesque, eliciting rare beauty from the sordid and lending enchantment to the commonplace, *decorative* and dull... [Offer Waterman]. В данном отрывке автор противопоставляет good taste тому, что он называет commonplace, decorative and dull. Это является еще одним доказательством того, что идет процесс детерминологизации, когда термины приобретают адгерентную коннотацию.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что, хотя в английских искусствоведческих словарях нет помет о коннотативном значении терминов, такие значения появляются в процессе детерминологизации.

Можно также утверждать, что большинство атрибутивных словосочетаний с терминами искусствоведения, содержащие в качестве одного компонента слово общелитературной лексики, обладают коннотативным значением. Так, например, в искусствоведческих текстах встречается довольно большое количество словосочетаний, где одним из компонентов является искусствоведческий термин, а другим – слово из общелитературной лексики, например, такие как *image-making*, *image-reading*. Термины *image-making* и *image-reading* не зарегистрированы ни в одном искусствоведческом словаре. Это, безусловно, так называемая авторская терминология. Причем даже без контекста видно, что автор наделяет собственные термины положительной коннотацией. Сами по себе эти термины могут показаться нейтральными, хотя и являются авторскими. Но если рассмотреть их в контексте, то мы увидим, что автор спорит со своими коллегами, доказывает свою точку зрения, наделяя собственные термины высокой положительной коннотацией.

Процесс детерминологизации характерен для всех терминологических систем гуманитарных и общественно-политических наук. Например, термин *hijacking* был заимствован из общего языка, стал полноправным термином права, затем он детерминологизировался и теперь зафиксирован во всех толковых словарях английского языка: *hijacking* – seizing or exercising control of an aircraft in flight by the use or threat of force (the term derives from the call «Hi, Jack», used when illegal alcohol was seized from bootleggers during Prohibition in the USA) (Gifis 2010); *hijacking* – 1. to take control of an aircraft or other vehicle during a journey, especially using violence; 2. Disapproving to take control of or use something that does not belong to you for your own advantage (Longman 2008).

Данный пример ярко демонстрирует процесс перехода термина в слово общего языка. Очевид-

но, что первое значение (терминологическое) сохраняется, а в терминологическом словаре оно сужается и уточняется. При этом в словаре общего языка уже существует второе значение, развившееся из терминологического, что доказывает начало перехода термина в слово общего языка в результате процесса детерминализации.

Следовательно, можно сделать вывод, что наряду с процессом терминологизации возможен и обратный процесс, при котором термин утрачивает свое терминологическое значение и употребляется в общелитературном значении. Более того, термины, подвергшиеся процессу детерминализации, приобретают различные коннотации.

Процесс детерминализации зачастую характеризуется тем, что термин входит в состав фразеологических единиц, а иногда и пословиц, так как популяризация определенных терминологических понятий приводит к усвоению этих терминов широкими кругами общества. По-видимому, данное явление можно объяснить тем фактом, что политология и юриспруденция и, соответственно, термины, которыми они оперируют, являются частью жизни каждого человека. Отсюда их широкое использование обществом и устойчивые коллокации со словами общелитературного языка. Так, например, юридический термин *law* входит в ряд устойчивых фразеологических единиц, таких как: *to give law* — диктовать свою волю; *club law* — право сильного; *to follow the law* — стать юристом; *to lay down the law* — говорить безапелляционно.

Следует отметить, что в основном юридическая и политическая терминологии являются главными источниками устойчивых фразеологизмов. Так, например: *to go bail for smb.* — ручаться за кого-либо; *to make out one's case* — доказывать свою правоту; *special pleading* — односторонняя аргументация; *to be out of court* — находиться в тупиковой ситуации; *to be in chancery* — быть в безвыходном положении. Значение последнего фразеологизма связано с этимологией центрального, формообразующего термина — находиться на рассмотрении лорда-канцлера, т. е. подвергаться риску понести суровое наказание.

Высшей степенью детерминализации является образование пословиц и поговорок, в основе которых находятся термины, такие как, например: *Justice's justice, friends are thieves of time, law-makers should not be law-breakers*, etc.

Таким образом, представляется возможным сделать следующий вывод: детерминализация, т. е. процесс перехода термина или терминологического сочетания в общелитературный язык зачастую сопровождается изменением (элиминацией, генерализацией) терминологической семы, развитием новых значений, изменением коннотативного оттенка значения. С точки зрения диахронии процессу детерминализации подвергаются термины, выражающие основные понятия, составляющие ядро терминосистемы и, следовательно, функционирующие в языке значительно большее время, чем периферийные, что увеличивает степень их проникновения в общелитературный язык.

В различных терминосистемах существует также значительное количество терминов, основанных на метафоре. Такие термины обычно находятся на периферии терминосистемы. Так, например: *golden handshake* — a payment, usually very large, made to a director or other senior executive who is forced to retire before the expiry of an employment contract (e.g. because of a takeover or merger) as compensation for loss of office; *golden hello* — a lump-sum payment to entice an employee of senior level to join a new employer. Whether or not the payment is tax-free depends on the nature of the payment (Collin 2006).

Вывод

Таким образом, можно утверждать, что граница между консубстанциональными терминами и словами общего языка относительна, так как между ними происходит постоянное взаимодействие: постоянно происходят процессы терминологизации и детерминализации. Процесс создания консубстанциональных терминов и их обратный переход в систему слов общего языка, безусловно, способствует обогащению словарного состава языка в целом и терминологии в частности.

Источники фактического материала

Collin 2006 — Collin P.H. Dictionary of Economics. London: A&C Black, 2006. URL: <https://saidnazulfikar.files.wordpress.com/2013/09/dictionary-of-economics-2.pdf>.

Dictionary of Law 2009 — Dictionary of Law. Oxford University Press, 2009. URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199551248.001.0001/acref-9780199551248>.

Longman 2008 — Longman Dictionary of Contemporary English, 2008. URL: <https://www.ldoceonline.com>.

Lucie-Smith 2004 — Lucie-Smith E. The Thames and Hudson Dictionary of Art Terms. N.Y., 2004. URL: <https://archive.org/details/thameshudsondic00luci>.

Mayer R. 2010 — Mayer R. A Dictionary of Art Terms and Techniques. N.Y.: Crowell, 2010. URL: <https://archive.org/details/dictionaryofartt00mayer>.

Gifis 2010 — Gifis S.H. Law Dictionary. N.Y.: Barron's, 2010. URL: <https://archive.org/details/lawdictionary00gif3>.

Библиографический список

Comfort 2005 — Comfort Nicholas. Brewer's Politics. Cassell; L., 2005.

Offer Waterman. — Offer Waterman. Walter Richard Sickert. URL: <https://www.waterman.co.uk/artists/131-walter-richard-sickert/works/809>.

References

Comfort 2005 — Comfort Nicholas. Brewer's Politics. Cassell; L., 2005 [in English].

Offer Waterman. — Offer Waterman. Walter Richard Sickert. Available at: <https://www.waterman.co.uk/artists/131-walter-richard-sickert/works/809> [in English].

СОЦИОЛНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ОБРАЗА ГУВЕРНАНТКИ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ СЕСТЕР БРОНТЕ)

© Капусткина Елена Сергеевна – аспирант кафедры английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: yelenakapustkina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4011>

АННОТАЦИЯ

В статье на материале социолнгвистических маркеров портрета гувернантки рассматривается изменившееся отношение к ее положению в Англии 30-х годов XIX века, что было обусловлено повышением уровня жизни викторианцев, в частности представителей промышленной и торговой буржуазии. Известное стремление английского среднего класса во всем подражать аристократии находит свое отражение в том, что наличие гувернантки у детей викторианцев перестает быть прерогативой аристократических семей и становится предметом гордости и символом благосостояния представителей среднего класса. В результате изменения социально-исторической расстановки сил и отношения к оплачиваемому труду в викторианской литературе возникает новый жанр – «роман о гувернантке», в котором главная героиня становится жертвой своего затруднительного материального положения и вынуждена мириться с тяжелыми условиями труда и пренебрежительным отношением как со стороны нанимателей, так и со стороны воспитанников.

Автором статьи подробно изучается антропонимическое пространство романов «Агнес Грей» и «Джейн Эйр», что наряду с дефиниционным и контекстуальным анализом ключевых лексем позволяет выявить сословные предрассудки, под гнетом которых находится гувернантка в викторианскую эпоху, и установить причины ее неопределенного положения в доме нанимателей.

Ключевые слова: антропонимическое пространство, викторианская эпоха, гувернантка, промежуточное социальное положение, роман о гувернантке, сестры Бронте, средний класс.

Цитирование. Капусткина Е.С. Социолнгвистические маркеры образа гувернантки викторианской эпохи (на материале романов сестер Бронте) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 95–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-95-99>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-95-99
UDC 811.11-112

Submitted: 13/V/2019
Accepted: 20/VI/2019

E.S. Kapustkina

SOCIOLINGUISTIC MARKERS OF A GOVERNESS'S IMAGE IN THE VICTORIAN AGE (ON THE MATERIALS OF THE NOVELS BY THE BRONTË SISTERS)

© Kapustkina Elena Sergeevna – postgraduate student, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: yelenakapustkina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4346-4011>

ABSTRACT

The present article deals with a shift in the social perception of an English governess in the 1830s in view of sociolinguistic markers by means of which her image is created. The shift was caused by rising living standards of Victorians, especially of those involved in industry and trade. The eagerness to emulate their landed aristocracy, which middle-class English people have always been well-known for, is reflected by the fact that the eligibility of employing a governess for one's children is no longer restricted to aristocratic families. Instead, it is regarded as a matter of pride and a symbol of wealth and prosperity by middle-class people. As a result, Victorian literature sees the arrival of a new genre – «the governess novel» where the main character falls a victim of her financial situation and has to tolerate the brutal working conditions and suffer from both her employers' and her pupils' undisguised contempt.

The article studies the anthroponymic space of the novels «Agnes Grey» by Anne Brontë and «Jane Eyre» by Charlotte Brontë and analyses the dictionary definitions of key lexemes, which reveals some class prejudices a governess has to face and the reasons for her intermediate social position in a Victorian house.

Key words: anthroponymic space, Victorian age, governess, governess novel, intermediate social position, the Brontë sisters, middle class.

Citation. Kapustkina E.S. *Sotsiolingvisticheskie markery obraza guvernantki viktorsianskoi epokhi (na materiale romanov sester Brontë)* [Sociolinguistic markers of a governess's image in the Victorian age (on the materials of the novels by the Brontë sisters)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 95–99. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-95-99> [in Russian].

Введение

По мнению историка Дженет Хороуиц Мюррей, в культуре викторианской Англии можно выделить три основных женских образа: идеальный, порочный и страдающий [Коути 2017, с. 10]. Квинтэссенцией образа идеальной женщины викторианской эпохи – счастливой матери или заботливой дочери – служит выражение «домашний ангел» (the angel in the house), ставшее крылатым благодаря воплощению этого образа в одноименной поэме (1854) Ковентри Пэтмора об идеальном и счастливом браке. Так, идеальная викторианская женщина, чуждая тщеславию и каким-либо амбициям, самоотверженно служит мужу и отличается скромностью и чистотой помыслов. Порочный образ викторианской женщины – дерзкой служанки или авантюристки-парвеню, готовой на все ради достижения своих целей, но ступающей по скользкому пути, – запечатлен Уильямом Теккереем в героине его романа «Ярмарка тщеславия» Бекки Шарп. Наконец, образ страдающей женщины в викторианской литературе воплотили бедная швея Мэри Бартон в одноименном романе Элизабет Гаскелл и гувернантки Джейн Эйр и Агнес Грей в одноименных романах Шарлотты и Энн Бронте. Именно положение и жизненные обстоятельства гувернантки в викторианскую эпоху будут более подробно рассмотрены ниже.

Результаты исследования

В английской литературе XIX века феномен гувернантки викторианской эпохи занимает особую нишу, о чем красноречиво свидетельствует возникновение отдельного жанра – «the governess novel» – романа о гувернантке. Однако необходимо отметить, что произведения, в которых одним из главных персонажей является гувернантка, возникают задолго до начала викторианской эпохи. Так, например, первая «школьная» повесть на английском языке, написанная специально для девочек, *The Governess; or, the Little Female Academy* (1749) Сары Филдинг, сестры Генри Филдинга, имеет биографическую основу и, вероятно, посвящена дочерям писателя, в воспитании которых Сара Филдинг принимала активное участие, а единственная детская книга Мэри Уолстонкрафт *Original Stories from Real Life* (1788) основана на личных впечатлениях автора от работы гувернанткой в англо-ирландской семье. Одними из первых романов о гувернантке были *Anecdotes of Mary; or, The Good Governess* (1795) H.S. и *The Good French Governess* Марии Эджуорт. В приведенных произведениях преследуется дидактическая цель, а гувернантка изображается как особа, пользующаяся всеобщим уважением [Silent Voices 2003, p. 30]. Однако начиная с 30-х годов XIX века отношение к гувернантке в обществе претерпевает существенные изменения:

на первый план выходит меняющееся отношение к оплачиваемому труду и превратности подневольного, часто унижительного существования гувернантки, которая становится заложницей своего трудного финансового положения, зависящей от капризов, самодурства и злой воли своих нанимателей, а иногда и воспитанников. Такая перемена в отношении является следствием изменения социально-исторической расстановки сил. Так, если раньше нанять гувернантку могли себе позволить лишь высшие слои общества, в середине XIX века это становится доступной роскошью и символом благосостояния и среди представителей среднего класса. В романе «Агнес Грей» Энн Бронте типичным представителем этой новоиспеченной аристократии является глава семейства Блумфилд, который крайне озабочен тем, чтобы его дети выглядели «пристойно», для чего им и наняли гувернантку, как в любом «приличном доме», и настаивает на том, чтобы гувернантка обращалась к его детям, старшему из которых семь лет, так же, как это делают слуги, — «мастер Блумфилд» и «мисс Блумфилд». В Oxford Advanced Learner's Dictionary находим следующее значение лексемы *master* — a title used when speaking to or about a boy who is to be called Mr (Oxford 2015, p. 957), в то время как первое, а значит, наиболее частотное значение лексемы *master* — a man who has people working for him, often as servants in his home (Oxford 2015, p. 957). Таким образом, наниматель Агнес стремится подчеркнуть свое классовое превосходство, указывая Агнес на ее зависимое положение в его доме и приравнивая ее к слугам.

Как правило, гувернантками становились образованные женщины, принадлежащие к среднему классу, например дочери купцов, конторских служащих, офицеров и священников, но не имеющие матримониальных перспектив ввиду сложного финансового положения семьи, т. е. в большинстве случаев гувернантка не уступала своим нанимателям ни уровнем образования, ни манерами, ни словом, а отличалась от них лишь отсутствием средств к существованию.

Такова была и судьба Шарлотты Бронте и Энн Бронте, дочерей рано овдовевшего сельского пастора, в семье которого было еще двое детей: сын, наследующий и без того скудное состояние отца, и еще одна дочь. Беспокоясь о будущем дочерей, Патрик Бронте отправляет сестер в недорогую школу-пансион для лиц духовного звания в Коуэн-Бридж, невыносимые условия жизни в которой с пугающей достоверностью Шарлотта Бронте позже опишет в своем романе «Джейн Эйр» в главах, посвященных пребыванию главной героини романа в Ловуде. Непродолжительное пребывание девочек Бронте в этой школе унесет жизни двух старших сестер писательниц и заставит их отца забрать младших дочерей домой. После нескольких лет домашнего обучения, которым, не жалея евангелического рвения, занимается их тетка по материнской линии, взявшая на себя заботы о детях умершей сестры, Патрик Бронте отдает Шарлотту, а позже и ее младших сестер в более гуманное

учебное заведение — Роухедскую школу сестер Вулер, где Шарлотта и Энн получают все необходимые знания для того, чтобы стать гувернантками в 30-е годы XIX века, т. е., помимо изучения грамматики и арифметики, упражняются в изящном рукоделии, рисовании и французском языке [Тугушева 2016, с. 19]. Подтверждение тому, что соответствия этим скромным требованиям вполне достаточно для успешного трудоустройства, мы находим в романе «Джейн Эйр», где главная героиня размещает в газете объявление, предлагая свои услуги в качестве гувернантки со схожим набором преподаваемых предметов, и вскоре получает отклик. После двух лет пребывания в школе мисс Вулер в качестве ученицы Шарлотта Бронте там же приступает к обязанностям учительницы за весьма скромное вознаграждение, которое едва покрывает расходы на обучение ее младшей сестры. Вскоре, опасаясь за здоровье младшей сестры, которое стало ухудшаться в связи с переездом школы в болотистую местность, Шарлотта Бронте оставляет место в школе мисс Вулер и нанимается гувернанткой в знатное и богатое семейство Сиджвиков. Для понимания отношения к гувернантке показателен эпизод, о котором она позже расскажет своей приятельнице Элизабет Гаскелл. В семье Сиджвиков на ее попечении находятся два избалованных и иногда жестоких мальчика. Однажды один из них, отказываясь подчиниться ей, начинает швырять в нее камни, один из которых попадает Шарлотте в висок, оставив большой синяк. В ответ на вопрос хозяйки о том, что с ней произошло, Шарлотта списывает все на несчастный случай. Позже, повинувшись внезапному порыву, этот мальчик воскликнет: «Я люблю Вас, мисс Бронте». В ответ его мать замечает в присутствии всех детей: «Как? Любишь *гувернантку*? Да что ты говоришь?» [Гаскелл 2016, с. 172]. Пребывание в этой семье было непродолжительным, но окончательно убедило Шарлотту Бронте в своей профнепригодности. Так, не в силах больше терпеть снисходительно-небрежное отношение и барстванные замашки своей нанимательницы, она снимает с себя ярмо гувернантки и возвращается домой. Вероятно, отголоском тех переживаний является и сцена в Торнфилде в романе «Джейн Эйр», когда гости мистера Рочестера в присутствии Джейн, зная, что она их слышит, пускаются в воспоминания о насмешках и издевательствах над своими гувернантками и учителями. Особенно интересно воспоминание Бланш Ингрэм о чувстве, возникшем между ее гувернанткой и учителем ее брата Тедо: ... and Tedo, you know, I helped you in prosecuting (or persecuting) your, tutor whey-faced Mr Vining — the parson in the pip, as we used to call him. He and Miss Wilson took the liberty of falling in love with each other — at least Tedo and I thought so... (Бронте 2016, с. 196). Лексема *took the liberty of falling in love with each other* указывает на то, что, по мнению воспитанников, гувернантке и учителю отказано не только в уважении и послушании, но и в возможности испытывать чувства. Вероятно, созвучие фамилии учителя с глаголом *to whine*, который означает

to complain in a sad annoying voice about something (Longman), призвано дополнительно подчеркнуть то, насколько жалким кажется учитель своим воспитанникам.

В схожей ситуации оказывается и героиня романа Энн Бронте Агнес Грей, когда Розали Мэррей, в семье которой Агнес служит гувернанткой, лишь из бессердечного тщеславия пытается очаровать младшего священника Эдварда Уэстона, которого полюбила Агнес.

Сопоставление лингвистической и экстралингвистической информации, закреплённой в личных и фамильных именах персонажей романа «Агнес Грей», позволяет нам говорить о своеобразии антропонимического пространства романа. «В контексте литературно-художественного произведения прослеживается определенная расстановка личных имен, и они, кроме функций номинации, идентификации и различения, выполняют также определенные художественно-стилистические функции. Имена играют особую роль, помогая автору отразить свою творческую индивидуальность, свои принципы и убеждения, а также отношение к реальной действительности» [Комова, Гарагуля 2016, с. 116]. Например, фамилия семьи первых нанятых Агнес Грей — Блумфилд (англ. *Bloomfield* — цветочное поле), вероятно, отражает идеалистические представления Агнес о детях, наставницей которых ей предстоит стать. Для Агнес эти дети — цветы жизни, нуждающиеся в опытной руке заботливого садовника, о чем свидетельствуют следующие метафоры в тексте романа: свою задачу как наставницы Агнес видит в том, чтобы «лежать юные деревца и наблюдать, как день за днем разворачиваются их свежие листочки!» (Бронте 2015, с. 15) (to train the tender plants, and watch their buds unfolding day by day) (Бронте 2017, с. 18), однако позже, когда это «цветочное поле» окажется для нее полем боя с леностью и хамством, а дети — «злокозненными неслухами» и «маленькими мучителями», она будет сожалеть о том, что, несмотря на наличие у ее воспитанников способностей, они значительно уступают своим сверстникам манерами (their manners were *uncultivated*) (Бронте 2017, с. 76). Выбор имени для старшей из ее воспитанниц в семействе Мэррей — Розали — отсылает нас к названию национального цветка Англии, что, вероятно, призвано акцентировать внимание читателя на таких чертах носительницы этого имени, как гордость, заносчивость и высокомерие, которые, по мнению писательницы, присущи и ее соотечественникам-аристократам.

Особенно интересно рассмотреть имя главной героини романа — Агнес (от древнегреческого *hagnē* — «чистая, непорочная, целомудренная»), которое в культуре Великобритании и США относится к христианским именам и получило распространение благодаря Агнесе Римской — самой юной раннехристианской святой и мученицы, почитаемой с IV века как покровительница девственниц. Святая Агнесса Римская отвергла брачное предложение сына римского префекта, решив принять обет безбрачия и посвятить себя добродетельной христи-

анской жизни. Несмотря на юный возраст (12–14 лет), Святая Агнесса Римская проявила недюжинную стойкость в вопросах веры и приняла мученическую смерть (Католическая энциклопедия 2002, с. 71–72). Примечательно, что один из иконографических символов святой Агнессы — белый ягненок (по созвучию с именем) — Агнец Божий, который является символическим наименованием Иисуса Христа, принесшего себя в жертву на Голгофе. По собственному настоянию возлагая на себя ярмо гувернантки, чтобы поправить финансовое положение своей семьи, Агнес Грей тоже приносит себя в жертву, полная решимости вынести все испытания, которые готовит ей эта стезя. Так же поступает и сама Энн Бронте, которая, в отличие от своей старшей сестры Шарлотты, прослужившей гувернанткой лишь несколько месяцев, была гувернанткой более 5 лет и единственная из сестер добилась успеха на этом поприще, тем самым принося себя в жертву своей семье с поистине с христианским смирением.

О незавидной судьбе гувернантки в викторианской Англии красноречиво свидетельствуют следующие лексические единицы, встречающиеся в тексте исследуемых романов для описания героинь, выбравших эту стезю: *governess's yoke* (something that restricts your freedom, making life difficult (Longman)), *hireling* (someone who will work for anyone who will pay them — used to show disapproval (Longman)) *among strangers, unfortunate governess, one deaf and dumb, who could neither speak nor be spoken to, invisible, prosecute, persecute, take the liberty of falling in love* и др. В семантике всех приведенных единиц, очевидно, присутствует мотив принуждения, обреченности и пренебрежения. Вероятно, причина такого пренебрежительного и потребительского отношения к гувернанткам и того, что родители их воспитанников не предпринимали никаких мер для того, чтобы упрочить ее авторитет в глазах детей, кроется в неопределенности статуса гувернантки в семье нанятых: ...they (governesses. — *E.K.*) were seen as lonely figures of intelligent womanhood who were caught between the household's upstairs and downstairs worlds, existing somewhere in between [Hawksley 2015, p. 53]. Наличие образования ставило гувернантку выше обычной прислуги, но не могло поставить ее в один ряд с благородными дамами, так как она была наемницей и трудилась за деньги, чего настоящие леди не делали. Так, хозяева и их гости предпочитали игнорировать присутствие гувернантки и обращаться с ней «подобно глухонемой, с которой не говорят и которая сама не может сказать ни слова!» (Бронте 2015, с. 144), что и делали гости мистера Рочестера («Джейн Эйр») и семейства Мэррей («Агнес Грей»), так как не могли ни беседовать с ней как с равной, ни позволить себе фамильярности по отношению к ней, как к обычной горничной. Слуги, видя, как пренебрегали гувернанткой их хозяева, часто следовали их дурному примеру и относились к гувернанткам враждебно, поскольку считали, что последние ведут себя заносчиво несмотря на то, что так же, как и они, получают жалованье. Более того, гувернантка была воплощением материнских страхов нанятельниц о судь-

бе их собственных дочерей, которые могли бы податься в гувернантки, в случае если они не выйдут замуж или если отец не сможет их обеспечить.

Источники фактического материала

Longman – *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 12.04.2019).

Oxford 2015 – *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Ninth Edition. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1820 p. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.

Бронте 2015 – Бронте Э. Агнес Грей. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 224 с.

Бронте 2016 – Бронте Ш. Джейн Эйр = Jane Eyre. М.: Эксмо, 2016. 512 с.

Бронте 2017 – Бронте Э. Агнес Грей: Книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. 320 с. URL: https://aldebaran.ru/author/bronte_yenn_1/kniga_agnes_grey_agnes_greyi_kniga_dlya_chteni/read.

Католическая энциклопедия 2002 – *Католическая энциклопедия: в 5 т.* М.: Издательство Францисканцев, 2002. Т. 1 (А–З). С. 71–72. URL: <https://www.twirpx.com/file/1138748> (дата обращения: 12.05.2019).

Библиографический список

Hawksley 2015 – Hawksley L. *The Victorian Treasury*. L.: André Deutsch Limited, 2015. 160 p.

Silent Voices 2003 – *Silent Voices: forgotten novels by Victorian women writers* / edited by Brenda Ayres. Westport: Praeger Publishers, 2003. 30 p. URL: https://books.google.ru/books?id=s9M9JvKf9b0C&pg=PA27&hl=ru&source=gbg_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 12.05.2019).

Гаскелл 2016 – Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 608 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=253331&p=1>.

Комова, Гарагуля 2012 – Комова Т.А., Гарагуля С.И. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 160 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20059093>.

Коути 2017 – Коути Е. Женщины викторианской Англии. От идеала до порока. М.: Алгоритм, 2017. 320 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=182839&p=1>.

Тугушева 2016 – Тугушева М.П. Шарлотта Бронте. Очерк жизни и творчества. Изд. второе. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. 228 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=616555&p=1>.

References

Hawksley 2015 – Hawksley L. *The Victorian Treasury*. L.: André Deutsch Limited, 2015, 160 p. [in English].

Silent Voices 2003 – *Silent Voices: forgotten novels by Victorian women writers*. Edited by Brenda Ayres. Westport: Praeger Publishers, 2003, 30 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=s9M9JvKf9b0C&pg=PA27&hl=ru&source=gbg_toc_r&cad=4#v=onepage&q&f=false (accessed 12.05.2019) [in English].

Gaskell 2016 – Gaskell E. *Zhizn' Sharlotty Brontë* [The life of Charlotte Brontë]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016, 608 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=253331&p=1> [in Russian].

Komova, Garagulya 2012 – Komova T.A., Garagulya S.I. *Imya lichnoe v angloyazychnom kul'turno-istoricheskom prostranstve: uchebnoe posobie* [Given names in English cultural and historical space: schoolbook]. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012, 160 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20059093> [in Russian].

Kouti 2017 – Kouti E. *Zhenshchiny viktorsanskoi Anglii. Ot ideala do poroka* [Women of Victorian England: from ideal to vice]. M.: Algoritm, 2017, 320 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=182839&p=1> [in Russian].

Tugusheva 2016 – Tugusheva M.P. *Sharlotta Brontë. Ocherk zhizni i tvorchestva: izdanie vtroe* [Essays on life and works of Charlotte Brontë: second edition]. M.: IPO «U Nikitskikh vorot», 2016, 228 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=616555&p=1> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-100-108
УДК 81'42

Дата поступления статьи: 13/IV/2019
Дата принятия статьи: 20/V/2019

Л.В. Проскурнина

ПРИНЦИП ДВОЕМИРИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИХОТОМИИ *СВОИ* / *ЧУЖИЕ* В РОМАНЕ И.И. ЛАЖЕЧНИКОВА «ЛЕДЯНОЙ ДОМ»

© Проскурнина Людмила Васильевна — ассистент, кафедра русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: proskurnina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6446-4478>

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи — в рамках лингвокультурологического подхода рассмотреть особенности лингвокультурной оппозиции *свои* / *чужие* в тексте исторического романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом» сквозь призму реальной историко-культурной ситуации на примере противопоставления двух исторических эпох — правления Анны Иоанновны (бироновщины) и Петровского времени. Достижению этой цели способствует решение следующих задач: определение дихотомии *свои* / *чужие* как базовой культурной, анализ оппозиции этого двоемирия в тексте романа И.И. Лажечникова «Ледяной дом».

Методика исследования определялась его целью и задачами, соответственно, нами использовались следующие методы: метод сплошной выборки, метод дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа.

В статье предпринята попытка проследить репрезентацию дихотомии *свои* / *чужие* на разных уровнях воплощения языковой личности писателя: лексико-грамматическом, когнитивном (концептуальном) и прагматическом, а также определить ее место в раскрытии сущности индивидуально-авторской картины мира романиста. Бинарное противопоставление *своих* и *чужих* является одним из древнейших в картине мира любого народа. Концептуальная дихотомия *свои* / *чужие* относится к базисным константам ценностно-смысловой картины мира. На ее основе определяются способы и характер воссоздания автором художественного текста исторической действительности. Оппозиция *свои* / *чужие* является основанием как национальной картины мира, так и картины индивидуально-авторской, которая находит яркое отражение в текстах художественного дискурса. Своеобразно эта оппозиция представлена в текстах исторических романов, ярким образом которых можно считать роман И.И. Лажечникова «Ледяной дом». Эта оппозиция выражает концептуальную информацию, которая соответствует тезаурусному уровню языковой личности художника слова. Дихотомия выстраивается в соответствии с идейными взглядами писателя: в качестве *своих* описаны носители культурных идеалов эпохи, несущие свет и добро; противопоставлены им *чужие* — зловещие, темные силы. Обратившись к воссозданию исторической эпохи правления Анны Иоанновны, И.И. Лажечников в центр выдвинул дихотомию *свои* / *чужие*, играющую ключевую роль в его индивидуально-авторской картине мира.

Ключевые слова: дихотомия, концепт, исторический роман, художественное время, художественное пространство, хронотоп, континуум.

Цитирование. Проскурнина Л.В. Принцип двоемирия как отражение дихотомии *свои* / *чужие* в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 100–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-100-108>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

PRINCIPLE OF WORLD DUALITY AS A REFLECTION OF THE DICHOTOMY OF US / THEM IN THE NOVEL BY I.I. LAZHECHNIKOV «THE ICE HOUSE»

© Proskurnina Lyudmila Vasilievna – assistant, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: proskurnina@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6446-4478>

ABSTRACT

The purpose of this article – within the framework of the lingvocultural approach is to consider the features of linguistic and cultural opposition of *us / them* in the text of the historical novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House» through the prism of the real historical and cultural situation, on the example of the opposition of two historical eras – the reign of Anna Ioannovna (Biron) and Peter's time. To achieve this goal contributes the solution of the following tasks: the definition of dichotomy *us/them* as the basic cultural analysis of the opposition of this world duality in the text of the novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House». The research methodology was determined by its purpose and objectives, respectively, we used the following methods: continuous sampling method, the method of definition, component and contextual analysis. The article attempts to trace the representation of the dichotomy of *us / them* at different levels of embodiment of the writer's linguistic personality: lexico-grammatical, cognitive (conceptual) and pragmatic, as well as to determine its place in the disclosure of the essence of the individual author's picture of the world of the novelist.

The binary opposition between friends and foes is one of the oldest in the world picture of any nation. The conceptual dichotomy of *us / them* refers to the base Constantan axiological picture of the world. On its basis, the ways and nature of the author's reconstruction of the literary text of historical reality are determined. Opposition *us/them* is the basis of both the national picture of the world and the picture of the individual author, which is clearly reflected in the texts of artistic discourse. This opposition is peculiar represented in the texts of historical novels, a striking example of which can be considered a novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House». This opposition expresses conceptual information that corresponds to the thesaurus level of linguistic personality of the artist of the word. The dichotomy is built in accordance with the ideological views of the writer: the carriers of cultural ideals of the era, carrying light and good, are described as their own; others are opposed to them – sinister, dark forces. Turning to the reconstruction of the historical era of the reign of Anna Ioannovna, I.I. Lazhechnikov in the center put forward a dichotomy of *us/them*, playing a key role in his individual-author's picture of the world.

Key words: dichotomy, concept, historical novel, artistic time, artistic space, chronotope, continuum.

Citation. Proskurnina L.V. *Printsip dvoemiriya kak otrazhenie dikhonomii svoi / chuzhie v romane I.I. Lazhechnikova «Ledyanoi dom»* [Principle of world duality as a reflection of the dichotomy of *us / them* in the novel by I.I. Lazhechnikov «The Ice House»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 100–108. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-100-108> [in Russian].

Введение

Современные научные тенденции в лингвистике характеризуются изучением и рассмотрением языковых явлений с позиций антропоцентризма. Особое внимание уделяется изучению взаимосвязи культуры, мышления и языка, с одной стороны, и коммуникативной деятельности, являющейся не только средством коммуникации, но и одним из условий самоопределения языковой личности, – с другой.

Любой художественный текст – это созданная художником слова индивидуально-авторская модель мира, где человек и окружающая его действительность представлены в конкретном континууме, то есть в «нерасчлененном потоке движения во времени и пространстве» [Гальперин 1981, с. 87]. Д.С. Лихачев так пишет о пространственно-временных формах литературного произведения:

«...писатель создает определенное пространство, в котором происходит действие. Это пространство может быть большим, охватывать ряд стран в романе путешествий или даже выходить за пределы земной планеты, но оно может также сужаться до тесных границ одной комнаты» [Лихачев 1968, с. 76]. Что же касается воссоздаваемого автором времени, то оно «может идти быстро или медленно, прерывисто или непрерывно, интенсивно наполняться событиями или течь лениво и оставаться «пустым», редко «населенным» событиями» [Лихачев 1968, с. 79].

Эта характеристика художественного континуума перекликается с описанием специфики взаимодействия художественного времени и пространства у М.М. Бахтина: «Время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение вре-

мени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975, с. 235].

Намеренное «искажение хронотопа» характерно для любой жанровой разновидности художественного дискурса, в том числе и для произведений на историческую тему, в которых специфика изображения времени — пространства, на первый взгляд, строго задана внетекстовой действительностью. Очевидно, однако, что художественный исторический текст скорее сопротивляется историческому материалу, чем повторяет его — в нем языковыми средствами представлены нелинейные формы континуума и видоизмененный хронотоп. Все трансформации хронотопа, с которым достаточно вольно обращаются литераторы, обусловлены той конкретной коммуникативно-прагматической задачей, которую ставит перед собой писатель, и в первую очередь необходимостью передачи фактуальной информации: «Создавая мир воображаемый, мир, в котором действуют *вымышленные лица* (*выделение наше. — Л.П.*) и в большинстве случаев в условном пространстве, автор волен сжимать, обрывать и вновь продолжать время действия и пространство в угоду заранее ограниченной содержательно-фактуальной информации» [Гальперин 1981, с. 87].

Базовая культурно-психологическая оппозиция *свои / чужие*

Не менее важной коммуникативной задачей для автора художественного текста является передача языковыми средствами концептуальной информации, поскольку «в свете когнитивных современных исследований особую роль приобретает представление о различных типах информации, заключенной в разных видах текстов» [Чумак-Жунь 2012, с. 143]. Концептуальная информация, отражающая уникальность тезаурусного уровня языковой личности писателя, в тексте представлена одной из базовых культурно-психологических оппозиций *свои / чужие*, «формирующих когнитивную ценностно-оценочную систему знаний и отражающих уникальность восприятия и интерпретации реального мира, обусловленных особенностями конкретной культуры» [Балясникова 2003, с. 3].

Оппозиция *свои / чужие* является частью языкового сознания, которое О.В. Балясниковой понимается как «отражение деятельности в ее обусловленности культурой и психическими (когнитивными) процессами, с одной стороны, и актуализация этих отношений в коммуникации через посредство языкового знака, с другой» [Балясникова 2003, с. 4].

М.М. Бахтин, в своих трудах развивая философию диалогизма, также говорил об отношениях «я» и «другого», являющихся основой формирования структуры бытия [Бахтин 1979, с. 292–293].

По мнению Ю.М. Лотмана, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (свое) пространство и внешнее (их), которые предстают соответственно как космос и хаос. При этом человек изначально погружен в реальное, данное ему

природой пространство, но это оказывает непосредственное влияние на то, как он моделирует мир в своем сознании» [Лотман 1996, с. 175–176]. Ю.С. Степанов считает, что данная оппозиция «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных противопоставлений, существующих в коллективном, массовом, национальном мироощущении» [Степанов 2004, с. 472]. И.И. Чумак-Жунь отмечает, что оппозиция *свои / чужие* «формирует основные исторические типы мировоззрения, являясь определяющей для каждой национальной картины мира» [Чумак-Жунь 2017, с. 439].

Эта культурная оппозиция, которой пронизано все человеческое существование, преимущественно отражает особенности хронотопа произведения — *свои* и *чужие* могут занимать разные пространственные позиции по отношению друг к другу — как иметь собственное пространство, так и находиться в зоне оппонента («Свой среди чужих, чужой среди своих» — прецедент подтверждает типичность этой ситуации для массового коммуникативного сознания). Эта дихотомия может быть реализована в разных аспектах: в идеологическом, в культурном, в национальном и в религиозном, формируясь в коммуникативной среде и выражаясь языковыми средствами.

Оппозиция *свои / чужие* в историческом романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом»

Одним из ярких примеров своеобразного конструирования хронотопа в рамках художественного исторического текста является роман «Ледяной дом» известного писателя первой половины XIX века И.И. Лажечникова. Несмотря на то что романы этого автора являются историческими, то есть такими, в которых «действие разворачивается на фоне исторических событий», он тем не менее создает собственное полотно, помещая в него как исторических, так и вымышленных персонажей. Важно также отметить, что во времена И.И. Лажечникова историческая составляющая являлась неотъемлемой частью жанра романа: «...в наше время под словом роман разумеется историческую эпоху, развитую на вымышленном повествовании» [Пушкин 1949, т. 11, с. 92].

Все исторические романы И.И. Лажечникова организованы на основании построенной средствами национального языка дихотомии-оппозиции *свои / чужие*, которая, как отмечалось выше, традиционно является основанием любой национальной картины мира: так, в романе «Последний Новик» ее членами являются представители разной национальности (*прямо противопоставленные*), в романе «Басурман» — разных религиозных взглядов (*чужой среди своих*). Роман «Ледяной дом», наиболее известный современному читателю, занимает особое место в творчестве И.И. Лажечникова. Внутритекстовый конфликт здесь не исчерпывается изображением противостояния между властью и героем. Оппозиция имеет сложную конфигурацию — она реализуется и в пространстве, и во времени. В качестве элементов «диахронной

оппозиции» представлены два исторических периода и два стиля правления — эпоха Петра I и бироновщина — время царствования Анны Иоанновны, фактическим правителем при которой был ее фаворит Эрнст Бирон. Оппозиция *свои / чужие* в романе выстраивается не «по горизонтали», а «по вертикали» — равновеликое пространство (Петербург двух разных исторических эпох) описано в разное время.

Важно то, что для автора *своими* выступают люди другой эпохи — оппозиция обладает универсальными свойствами и характеризуется строгой аксиологической основой: все, что относится к «своему», располагается на шкале «хорошо», «правильно», а то, что относится к «чужому», ассоциируется с «плохим», «неправильным», что вполне соответствует сущности власти.

Рассмотрим лингвистические средства реализации оппозиции *свои / чужие* в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом».

Пространство романа ограничено топом Петербурга. Что же касается временной организации текста произведения, то она представлена взаимодействием двух временных пластов. С одной стороны, описываемые события происходят во время правления Анны Иоанновны (бионовщина), причем И.И. Лажечников указывает даже год, в котором разворачиваются события романа: *Мудрено ли, что при такой жуткой погоде, соединившейся с темнотою вечера и страхом бироновских времен, ни один житель Петербурга не смел высунуть носа на двор <...> А ныне, хоть мы только и в четвертом дне святок (заметьте, 1739 года)*. С другой стороны, время в тексте «Ледяного дома» расширяется за счет постоянных параллелей с эпохой царствования Петра I: *бывало, при блаженной памяти Петре Великом <...> веселье не считалось диковинкой; тогда при дворе и в народе тешились без оглядки*.

Оппозиция находит отражение в «лингвистической антитезе» — *домик, охраняемый любовью народной* (Россия Петра I), когда *при дворе и в народе тешились без оглядки*, и *Ледяной дом* (Россия Анны Иоанновны и Бирона), когда *весь Петербург молчит тишиною кельи* в атмосфере безмолвия, тишины и скованности. Россия Петра, *широкая, державная, могучая* противопоставляется России Бирона, *угнетенной выходцем*.

Таким образом, пространство Петербурга моделируется в системе хронотопических координат (локус + хронос), где первые члены оппозиции — элементы описываемого хронотопа — Петербург эпохи царствования Анны Иоанновны, а вторые — Петербург эпохи Петра I:

1. Локус: дом Бирона — домик Петра I, Ледяной дом — Летний дворец;

2. Хронос: Зима/ночь — лето/день.

Пространственно-временные реалии представляют основу концептосферы романа, что демонстрирует уже название — «Ледяной дом» — в этом текстовом иконическом знаке сочетаются лексема с пространственным (*дом*) и потенциально временным значением (*ледяной*).

Собственно, дихотомия *свои / чужие* в романе «Ледяной дом» в первую очередь определяется спецификой концепта «Дом», выражающего «индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [Беспалова 2002, с. 6] и занимающего в индивидуально-авторской концептосфере И.И. Лажечникова особое место.

Основные события романа разворачиваются в пространстве жилища: *Ледяной дом, Летний дворец*. Как враждебное и свое пространство противопоставлены также *дом Бирона* и *домик Петра I*.

Дом, являясь неотъемлемым составляющим элементом жизни человека, может быть постоянным или временным, принадлежать или не принадлежать герою.

Прежде чем рассматривать реализацию концепта «Дом» в творчестве И.И. Лажечникова, обратимся к понятийному слою названного концепта.

Толковые словари предлагают различные значения слова *дом*.

Словарная дефиниция лексемы *дом* включает следующие ЛСВ: '1. Жилое здание, строение. 2. Жилое помещение, квартира' (Ушаков 2006, с. 194).

В «Словаре русского языка» (МАС) представлено следующее толкование: дом — '1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жилье. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством' (МАС 1999, т. 1, с. 425).

В словаре В.И. Даля представлены такие значения: 1) 'строение для житья'; в городе, жилое строение; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажом и хозяйством, крестьянский дом, изба; южное хата; княжеский и вообще большой, вельможеский, палаты, дворец; помещичий в деревне, усадьба; маленький и плохой, хижина, лачуга; врытый в землю, землянка, уменьшительно domeц, домик, домок, домочек; домишка, домишечка; увеличительно домина, домища. Держать дом 'вести хозяйство', распорядок. Открытый дом 'хлебосольный'; 2) 'семейство, семья, хозяева с домочадцами'; 3) 'род, поколение', говоря о владетельных или высоких особах; 4) кстр., твр. дом говорят вместо домовина, домовище, 'гроб' (Даль 1978, т. 1, с. 465–467).

Для понятийного слоя концепта «Дом», репрезентированного в тексте романа, одним из определяющих признаков служит второе словарное (узальное) значение дома — 'жилище', второй признак соотносится с первым словарным значением — 'здание'.

В тексте предметный слой концепта «Дом» представлен такими когнитивными признаками, как 'внешний вид дома', 'составляющие дома' и 'внешнее окружение дома'. Дома отражают характер своих владельцев. Дом Бирона и домик Петра I соотносятся как 'громоздкий', 'холодный' и 'маленький', 'теплый'.

Временщика при Анне Иоанновне — Бирона — ненавидело все русское окружение императрицы. Автор, используя антонимические пары — *наружное — истинное, маленький — огромный*, деклари-

рует, что Бирон пытается показать во внешнем облике дома свое мнимое величие: *Наружным величием старается он заменить истинное: к маленькому дому сделаны огромные пристройки*. Тщетность попыток придать величие собственной персоне представлено и в сравнении дома Бирона с кордегардией: *Бирон силится сделать его дворцом — а он смотрит кордегардией*. Кордегардия — ‘помещение для караула, охраняющего крепостные ворота, въезд в город; караульня’ (СРЯ XVIII 1984: 10, 168). Важно для понимания характера героя и то, что временщик меняет настоящее имя — Иоганн Эрнест Бирен. По свидетельству историка Н.И. Костомарова: «Из суетного честолюбия он принял фамилию Бирона, изменив только одну гласную в своем настоящем фамильном прозвище, и стал производить себя от древнего аристократического французского рода Биронов» [Костомаров 2004, с. 891].

При описании же жилища Петра I И.И. Лажечников использует лексемы с субъективной положительной оценкой, среди которых закономерно много диминутивов: *государь, распрощавшись с гостями своими, уходил в двухэтажный домик, охраняемый любовью народной; очарование воспоминаний снова окружает маленький домик в Летнем саду; в маленьких покоях Петр I созидал дела великие*.

В качестве сопутствующего атрибута концепта «Дом» представлен сад — при домах Бирона и Петра I соответственно. При описании первого преобладает оценочная лексика с отрицательной коннотацией, характеризующая не только дом Бирона, но и всю Россию эпохи Анны Иоанновны: *ужас, саван, жалобно: ужас царствует вокруг этого жилища; сад и в праздниках, и в будни молчалив; зимой, говорю я, сад с окованными водами, с голыми деревьями, этикетно напудренными морозом, с пустыми дорожками, по которым жалобно гуляет ветер, с остовами статуй, беспорядочно окутанных тогами, как саванами, еще живее представляет ужас, царствующий около ее владельца*. Очень показательны здесь метафоры как «наиболее продуктивные средства формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира» [Илюхина 2010, с. 139] — *голые деревья, этикетно напудренные морозом*.

Совсем по-другому представлен сад при домике Петра I: *этот сад бывал сборным местом всего Петербурга; радость передавалась безусловно; все говорили вслух о том, что было у них на душе, потому что в душе ничего не таилось; аллеи кипели и шумели; на скамьях обнимались; в гроте, убранном на диво заморскими раковинами, слышались поцелуи; на царцином лугу народ роился*.

Романист вводит в описание сада Бирона и Петра I контекстуальные антонимические пары: *ужас — радость, пустые дорожки — сборное место, сад молчалив — все говорили вслух, жалобно гуляет ветер — слышались поцелуи*.

И.И. Лажечников особо подчеркивает величие деятельности Петра: *Петр I созидал дела великие, которых последствия осенят и наших потомков;*

Петр был государь великий; Петр Великий подавал нам тому пример; сколько оставил нам Петр Великий важных планов. Этот образ восходит к образу Петра I, созданному писателем в романе «Последний Новик», который в соответствии с эстетикой романтизма был окутан атмосферой тайны и загадки, — в его описании автор использует сравнение с античным божеством и богатырем (исполином): *повелительно-грозный голос его раздавался по водам; перед Петром, этим исполином телом и душою; восклицает царь громовым голосом; богатырское сердце Петра Алексеевича*. В данных контекстах писатель активно использует эпитеты: *повелительно-грозный, громовой, богатырский*. В следующем контексте автор сравнивает Петра с божеством: *Черты его смуглого лица отлиты грозным величием; темно-карие глаза, прикованные к одному предмету, горят восторгом: так мог только смотреть бог на море, усмиренное его державным трезубцем*. При описании внешности Петра I И.И. Лажечников прибегает к эпитету как наиболее яркому выразительно-изобразительному средству: *грозное величие*. Помимо эпитета писателем используются метафора — *темно-карие глаза горят восторгом* — и сравнение — *И.И. Лажечников сравнивает взгляд Петра с взглядом божества: как только мог смотреть бог на море*. Напрашивается сравнение Петра Великого с Посейдоном — древнегреческим богом морей. Примечательно, что подобное описание внешности Петра находим и у В.О. Ключевского: «Петр был великан <...> целой головой выше любой толпы», «от природы он был силач» [Ключевский 1997, с. 174].

Лингвокогнитивным и лингвокультурным антиподом *Ледяному дому* в романе является *Летний дворец*, ассоциирующийся с эпохой Петра I и его великими делами. Вербально оппозиция выражена противопоставлением лексем *ледяной* и *летний*. Слова *ледяной* и *летний* не являются общеязыковыми антонимами.

Словарная дефиниция лексемы *ледяной* включает следующие значения: ‘1. прилагательное к лед. Ледяная кора. Ледяная глыба. Ледяной убор. Подкрытый льдом, сделанный, состоящий из льда. Ледяная гора (сделанная для катанья, или то же, что айсберг). Ледяные вершины. Терек... шумной пеной орошал ледяный свод. Пушкин. 2. Очень холодный; холодный, как лед. Ледяная вода. Ледяной ветер. Ледяная вьюга. Похолодевший, оконеченный. Ледяные ноги. Ледяные уста. 3. перен. Крайне холодный, мертвящий, приводящий в оцепенение (книжный). Ледяной взгляд’ (Ушаков 2006, с. 492).

Словарная дефиниция лексемы *летний* включает следующие значения: Летняя, летнее. Прилагательное к *лето* и к наречию *летом*. Летний отдых. Летняя пора. Летняя жара. Летняя школа (Ушаков 2006, с. 405). Лексема *летний* родственна лексеме *лето*: ‘самое теплое время года, между весной и осенью’ (Ушаков 2006, с. 405).

В лексических значениях данных лексем заключены антонимичные семы. *Летний* — ‘теплый’ и *ледяной* — ‘холодный’. Именно эта антонимия явля-

ется основой дихотомии *свои / чужие*, которая организует пространство романа.

В национальном сознании эта оппозиция (*теплый — холодный*) традиционно ассоциируется с *добросердечным* и *бесчувственным* (ср. в сборнике В.И. Даля пословицы и поговорки с лексемами *теплый* и *холодный*: *Одни уста и теплом и холодом дышат*; *Сват свату холодный друг*; *Где тепло, тут и добро* (Даль 1998)).

Итак, в основе текстовой оппозиции *свои / чужие* лежит повторяющаяся пространственная антитеза: *Ледяной дом — Летний дворец*, характеризующая Петербург двух разных исторических эпох. В языковом плане И.И. Лажечников воспроизводит антитезу двух разных укладов национальной и домашней жизни. Недаром дом, который должен «придать миру пространственный смысл» [Байбурин 1983, с. 10], лишается его: само представление о Ледяном доме (то есть о доме, в котором нельзя жить, который не может оградить и защитить) указывает на отсутствие упорядоченности и осмысленности бытия в эпоху царствования Анны Иоанновны. Издревле у славян дом являлся символом домашнего тепла и уюта, хранителем семейного очага. В романе же четко прослеживается «противопоставление дома (своего, безопасного, охраняемого покровительственными богами пространства) антидому (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, падение в которое, — по выражению Ю.М. Лотмана, — равносильно путешествию в загробный мир» [Лотман 1999, с. 264]. Как известно, возводя дом, структурируя его пространство, человек задает определенную систему «ориентиров», в том числе и нравственных. Образ Ледяного дома как образ «чужого» пространства лишен этих «ориентиров» и потому символизирует «разлом» и распад времен. Ледяной дом не выполняет свою основную функцию — защитную: *Чудное это здание, уж заброшенное, кое-где распадалось; стража не охраняла его; двери сломанные лежали грудой. Ветер, проникая в разбитые окна, нашептывал какую-то волшебную таинственность. Будто духи овладели этим ледяным дворцом* (здесь и далее (Лажечников 1994)).

Домашнее тепло горящего очага заменяется холодом ледяных дров: *ледяные дрова, нефтью намазанные, многократно горели, но не согревали и не излучали тепло, свидетельствуя тем самым о своей знаковой принадлежности к антидому, в котором не только дрова, но и все предметы домашнего быта сделаны из льда: стол, посуда, блюда с кушаньем. Более того, антидом связан с потусторонним миром: полосы тумана над ним, похожие на невидимых духов, соединяют реальное и запретное пространства: когда императрица вышла из дому, густой туман налег на землю, так что за несколько шагов нельзя было ничего видеть. «Артемий Петрович, вырвите меня из этого ада», — с ужасом произнесла Анна Иоанновна, покинув этот антидом.*

Таким образом, смыслы концепта «Дом» в тексте романа противопоставлены. Дом (домик) Петра — «маленький», «теплый», «уютный», а дом Бирона — «большой», «казенный», «холодный».

С точки зрения художественной когниции образ Ледяного дома у И.И. Лажечникова — это образ гибнущего дома, символически обозначающий распад бытия в России в эпоху Бирона, кризис мира в целом. В финале романа Ледяной дом разрушается: *ледяной дом рухнул; уцелевшие льдины развезены по погребам*, что, по мнению М. Элиаде, «равноценно возвращению в хаос» [Элиаде 1994, с. 38], в бироновщину, то есть сама структура образа разрушенного дома обнажает основу исторического конфликта романа: борьбу двух партий — русской и немецкой.

Ледяной дом не случайно олицетворяет Россию времен царствования Анны Иоанновны, становясь ее ликом. Это **символ не только пространства, но и времени**, описываемого в произведении. Период правления Анны Иоанновны в описании И.И. Лажечникова ассоциируется с историческим разломом в России, с деятельностью Тайной канцелярии.

Действие романа «Ледяной дом» происходит зимой, являющейся символом засыпания, замерзания, смерти. Образ зимы, как и образ Ледяного дома, символизирует «оледеневшее» состояние России, «оледеневший» дух русских в эпоху Бирона. «Замерзли» духовно многие представители двора, «заморожены» сердца и души простых людей. В отношении художественной когниции зимы автором используются разветвленные словообразовательные гнезда с корнями: -мерз- и -лед-: *на замерзлой реке черный невольник, хоть бы замерзнуть, тотчас замерзала; после третьего ушата хохол повис назад, как ледяная сосулька; ноги пустили от себя ледяные корни по земле; нельзя было признать человека под ледяною безобразною статуей.*

В пространстве Ледяного дома (действие происходит в середине XVIII века: *ныне, хоть мы только и в четвертом дне святок (заметьте, 1739 года)*) Петербург предстает перед читателями жестокой зимой на фоне стужи и мороза, являющихся символами эпохи безвременья с ее мертвящим страхом и нравственным оцепенением, с духовным «замерзанием» простого народа и придворных. Олицетворением такого состояния становится *Ледяной дом*, выстроенный по приказу царицы и являющийся ключевым образом-символом романа. С этим образом связаны, как правило, ночные эпизоды повествования: *один, посреди ночи* появляется он впервые на страницах романа: *выступив из мрака ночи с своими огнями, ледяной дом сиял металлическим блеском и далеко бросал от себя свет на Луговую линию, очертивши им пестрый полукруг лиц и ног; площадь казалась вымощенною верхушками голов. В этом антидоме холодно, мрачно, как под землею. Лексемы со значениями 'ночь' и 'холод' в данных описаниях являются репрезентантами концепта «Смерть». Ночью едва не замерзли в Ледяном доме новобрачные (шут Кульковский и его жена): *к новобрачным входит караульный офицер и, найдя их в предсмертном усыплении, старается их оживить*. Образ ночи отнюдь не случаен в символике исторического романа. Ночь для романтиков является знаком таинственного, потусто-*

ронного пространства, чуждого обыкновенному человеку. Такие синтагмы, как *тишина и игра лунного света, полосы дыма, мрак ночи*, указывают на связь Ледяного дома с неким ирреальным миром.

С одним из основных образов-символов писателей-романтиков — ночью — связана языковая антитеза *ночной Петербург* — *дневной Петербург*.

С образом ночи связана тайна, загадка. Ночью в Ледяном доме происходит последнее тайное свидание Волынского и Мариорицы; ночью под покровом тайны на берег Невы привозят труп украинца, замороженного по приказу Бирона.

С образом дневного Петербурга связано бедственное положение народа, которое символизирует бедная лекарка из Рыбачьей слободы. При описании ее избы автор использует только мрачные образы: *избушка, закуренная дымом, вокруг ни кола, ни двора, копать дыма, маленькие сени*.

Кроме Рыбачьей слободы в системе урбанонимов днем перед читателем предстает Луговская линия — одна из улиц Петербурга. Даже днем здесь было пусто, люди редко выходили из домов, потому что боялись, что на них укажет «язык» (преступник) и обвинит в сообщничестве.

Петербург Петра, в отличие от Петербурга Анны Иоанновны, в авторских описаниях предстает летом. Летом *радость предается всему народу*, кругом шумит листва, слышится смех и веселая речь людей. Добрый и любезный Петербург *живописно красуется, с негою раскидывается солнышко в мураве*. С приходом Бирона *исчезает... очертание этих воспоминаний. Сад с окованными водами, с голыми деревьями... с пустыми дорожками, по которым жалобно гуляет ветер, с остовами статуй, беспорядочно укутанных тогами, как саванами, еще живее представляет ужас* и символизирует Россию и Петербург Анны Иоанновны.

В этой, бироновской, России люди боятся даже разговаривать на улице, кругом доносчики и «подслушники», из каждого человека сделали (сильнейший негативный метафорический образ!) *движущийся гроб, где заколочены его чувства, его помysłы; расторгнуты узы приязни, родства*.

Пространственная оппозиция *Ледяной дом* / *Летний дворец* строится в топосе Петербурга.

Когниция Петербурга реализуется через топонимы — названия улиц, проспектов. Например, воспоминания о Петербурге эпохи Петра связаны с *большой прешпективой* — улицей между Луговой линией и Аничковой слободой. *Люблю воображать себе этот Петербург*, — отмечает И.И. Лажечников. Когда-то здесь был рынок, слышался веселый смех народа, искрился свет *в крестах божьих храмов*. Теперь же здесь можно увидеть лишь *множество пустырей, снежные бугры, безлюдство, бироновские ужасы*.

И.И. Лажечников видит идеальный образ Петербурга в прошлом, а не в настоящем, что соответствует эстетике романтизма. В романе идеал и действительность несовместимы, они выступают как антиподы. Поэтому в своих воспоминаниях автор бежит от реальной действительности Петербурга «бионовщины» в мир прошлого, противопоставляя его Петербургу эпохи Петра I.

Петербург является локусом по отношению к большому пространству России. Известно, что образ города связан с его местоположением и с природными условиями. Петербург является, по выражению Ю.М. Лотмана, «эксцентрическим городом, расположенным на краю культурного пространства» [Лотман 1999, с. 277], поэтому с Петербургом ассоциируется пространственный образ порога. Петр выстроил город на «краю пространства», на болотах, на воде, то есть сковал воду, подчинил ее себе, но вода «лишь притаилась и ждет своего часа» [Анцифиров 1923, с. 45]. Ледяной водой заморожен украинец; в снегу на берегу Невы пытаются спрятать труп люди Бирона; когда сошел снег (то есть превратился в воду), обнаруживают мертвого украинца.

Таким образом, И.И. Лажечников вводит в повествование мотив мертвеца. В народе бытовало мнение, что Петр вопреки природным условиям построил «город-мираж», в котором страдают человеческие души. В таком городе остро ощущается бесчеловечное и жестокое отношение к людям, измученным «кровавыми и слезными податями» и бесчинствами со стороны Тайной канцелярии.

Позднее Ф.М. Достоевскому под площадями, улицами и домами Петербурга будут чудиться страдания людей, погибших при строительстве города, и хаос. Хаос, распад бытия наблюдается в России в эпоху «бионовщины»: разрушаются и утрачиваются нравственные нормы и ценности.

Все это дает право утверждать, что Петербург в романе И.И. Лажечникова — это самостоятельный образ, создаваемый автором при помощи принципа двоемрия (Петербург времен Анны Иоанновны и Петербург эпохи Петра I). Это не просто город, а своеобразный символ некоего пространства, самостоятельного мира, в котором, как видно из произведения, страдает не только народ от действий Бирона и его сторонников, но и люди, приближенные ко двору (Волынский, Мариорица, сподвижники Волынского), что проявляется на языковом уровне системным использованием писателем различных вербализаторов концептов «Ночь», «Зима», «Страх», «Смерть», в том числе и при метафорическом их переосмыслении.

Заключение

«Изучая лексикон языковой личности, мы с неизбежностью вторгаемся и в ее картину мира, и в то же время устанавливаем прагматические векторы, характеризующие ее позицию в мире» [Караулов 2007, с. 137].

Оппозиция *свои* / *чужие*, представленная в романе «Ледяной дом», репрезентирует фрагмент индивидуально-авторской картины мира И.И. Лажечникова в части идеологической — в ней реализуется представление о справедливом и несправедливом правлении. Соответственно, эта дихотомия отражает особенности языковой личности И.И. Лажечникова и позволяет установить прагматические векторы, «характеризующие ее позицию в мире». По замечанию того же Ю.Н. Караулова, описание языковой личности через текст предполагает: а) зна-

ние системно-структурного уровня организации языка, б) реконструкцию модели мира и тезауруса языковой личности, в) выявление ценностных координат личности, ее установок, мотивов [Караулов 2007, с. 38, 48–58].

На *вербально-семантическом* уровне оппозиция *свое* и *чужое* в романе представлена не традиционно — в пространстве, а хронологически — во времени, причем прошлое оказывается временем *своих*, а настоящее — *чужих*. Грамматически прошлое/настоящее традиционно маркируется глаголами прошедшего и настоящего времени. В свою очередь, темпоральные единицы, представленные в романе антонимически, осложнены семантикой перцептивных и аксиологических атрибутивных компонентов: прошлое — время *своих* — представлено не просто как *лето* и *день*, но и ‘теплое’, ‘светлое’, ‘живое’, ‘веселое’, ‘радостное’. Соответственно, настоящее — *зима* и *ночь* — ‘холодное’, ‘зловещее’, ‘ужасное’, ‘мрачное’, ‘безысходное’. Это время чужих.

Концептуальная информация моделируется этими единицами и связана с основным концептом, представленным в заглавии. Концепт «Дом» отражает двойственную сущность *своих* и *чужих* — Антидом Бирона (*Ледяной дом*) и Дом Петра I (*Летний дворец*) со всеми представленными выше смыслами. Именно на этом, концептуальном, уровне происходит постижение системы ценностей писателя, проникновение в картину мира автора.

Все вышесказанное позволяет определить **прагматику писателя**, то есть выявить его цели, мотивы, интересы и интенциональности. *Свои* (власть Петра I) противопоставлены *чужим* (власть Бирона) как прогрессивное — реакционному; причем дихотомия представлена в едином пространстве, но *свои* изображены в прошлом — *чужие* в настоящем, соответственно, *чужие* сменяют *своих*, то есть реакционное сменяет прогрессивное и губит его. Он выражает однозначно отрицательное отношение к бироновской партии чужеземцев и рисует как идеал правление Петра I.

Источники фактического материала

Даль 1998 — *Даль В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Диамант, 1998. 544 с. URL: <https://vdahl.ru>.

Даль 1978 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1978. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=88556&p=1>.

Лажечников 1994 — *Лажечников И.И.* Ледяной дом // Лажечников И.И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Можайск-Тера, 1994. Т. 4. 352 с.

Словарь русского языка 1999 — *Словарь русского языка*: в 4 т. / А.П. Евгеньева. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. (МАС). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>.

Словарь русского языка XVIII века 1984 — *Словарь русского языка XVIII века* / Ю.С. Сорокин: в 18 т. Л.: Наука, 1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>.

Ушаков 2005 — *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html>.

Библиографический список

Анцифиров 1923 — *Анцифиров Н.П.* Петербург Достоевского. Петербург: Изд-во «Брокгауз-Ефрон», 1923. 105 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=104507&p=1>.

Байбурин 1983 — *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с. URL: <https://docplayer.ru/26044115-Zhilishche-v-obryadah-i-predstavleniyah-vostochnyh-slavyan.html>.

Баласникова 2003 — *Баласникова О.В.* «Свой — чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 224 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19184613>.

Бахтин 1975 — *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Bahtin_M.M._Voprosy_literatury_i_estetiki_1975.pdf.

Бахтин 1979 — *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с. URL: <http://teatr-lib.ru/Library/Bahtin/esthetic>.

Беспалова 2002 — *Беспалова О.Е.* Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 28 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kontseptosfera-poezii-n-s-gumileva-v-ee-leksicheskom-predstavlenii>.

Гальперин 1981 — *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с. URL: <http://bookfi.net/book/633607>.

Илюхина 2010 — *Илюхина Н.А.* Метафора и фразеологические единицы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2 ч. Ч. I. С. 139–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15207897>; <http://www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/37.html>.

Караулов 2007 — *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 263 с. URL: <https://klex.ru/mzk>.

Ключевский 1997 — *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. М.: ВЛАДОС, 1997. 815 с.

Костомаров 2004 — *Костомаров Н.И.* Русская История в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: ЭКСМО, 2004. 1024 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolay_Kostomarov/russkaja-istorija-v-zhizneopisanijah-ee-glavnejshih-dejatelej.

Лихачев 1968 — *Лихачев Д.С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/lih_inworld.htm.

Лотман 1996 — *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с. URL: <http://www.booksshare.net/index.php?author=lotman-yum&book=1996&category=seotika&id1=4>.

Пушкин 1937–1959 — *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp>.

Степанов 2004 — *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 991 с. URL: <http://bookfi.net/book/717122>.

Чумак-Жунь 2017 — *Чумак-Жунь И.И.* Когнитивная оппозиция *свой / чужой* как компонент поэтического

мировидения и фактор дискурсивного противодействия // Русский язык в поликультурном мире: материалы I Международного симпозиума. Симферополь: Ариал, 2017. Т. 1. С. 439–444. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/25414>.

Чумак-Жунь 2012 — Чумак-Жунь И.И. Эмоционально-эстетическое восприятие и информативность поэтического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. Вып. 1. С. 143–146. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17361869>.

Элиаде 1994 — Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=93096&p=1>.

References

Antsifirov 1923 — Antsifirov N.P. *Peterburg Dostoevskogo* [Dostoevsky's Petersburg]. Petersburg: Izd-vo «Brokgauz-Efron», 1923, 105 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=104507&p=1> [in Russian].

Baiburin 1983 — Baiburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs]. L.: Nauka, 1983, 188 p. Available at: <https://docplayer.ru/26044115-Zhilishche-v-obryadah-i-predstavleniyah-vostochnykh-slavyan.html> [in Russian].

Balyasnikova 2003 — Balyasnikova O.V. «Svoi — chuzhoi» v yazykovom soznanii nositelei russkoi i angliiskoi kultur: dis. ... kand. filol. nauk [«Friend or foe» in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English cultures: author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. M., 2003, 224 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19184613> [in Russian].

Bakhtin 1975 — Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Research of different years]. M.: Khudozh. lit., 1975, 504 p. Available at: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Bakhtin_M.M._Voprosy_literatury_i_estetiki_1975.pdf [in Russian].

Bakhtin 1979 — Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. M.: Iskusstvo, 1979, 424 p. Available at: <http://teatr-lib.ru/Library/Bakhtin/esthetic> [in Russian].

Bespalova 2002 — Bespalova O.E. *Kontseptosfera poezii N.S. Gumileva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptosphere of poetry of N.S. Gumilev: Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. SPb., 2002, 28 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/kontseptosfera-poezii-n-s-gumileva-v-ee-leksicheskompredstavlenii> [in Russian].

Galperin 1981 — Galperin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. M.: Nauka, 1981, 140 p. Available at: <http://bookfi.net/book/633607> [in Russian].

Ilyukhina 2010 — Ilyukhina I.A. *Metafora i frazeologicheskie edinitys* [Metaphor and phraseological units]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota,

2010, no. 1 (5): in 2 parts. Part I, pp. 139–142. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15207897>; <http://www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/37.html> [in Russian].

Karaulov 2007 — Karaulov Yu.N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. M.: Izd-vo LKI, 2007, 263 p. Available at: <https://klex.ru/mzk> [in Russian].

Klyuchevsky 1997 — Klyuchevsky V.O. *Leksii po russkoi istorii, chitannye na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve v 1872–1875 gg.* [Lectures on Russian history, read at the Higher women's courses in Moscow in 1872–1875]. M.: VLADOS, 1997, 815 p. [in Russian].

Kostomarov 2004 — Kostomarov N.I. *Russkaya Istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei* [Russian History in biographies of its main figures]. M.: EKSMO, 2004, 1024 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolay_Kostomarov/russkaya-istoriya-v-zhizneopisaniyah-ee-glavnejshih-dejatelej [in Russian].

Likhachov 1968 — Likhachov D.S. *Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniya* [The inner world of a work of art]. *Voprosy literatury* [Voprosy Literature], 1968, no. 8, pp. 74–87. Available at: http://psujournal.narod.ru/lib/lih_inworld.htm [in Russian].

Lotman 1996 — Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. M.: Yazyki russkoi kultury, 1996, 464 p. Available at: <http://www.booksshare.net/index.php?author=lotman-yum&book=1996&category=seotika&id1=4> [in Russian].

Pushkin 1937–1959 — Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii, 1837–1937: v 16 t.* [Complete works, 1837–1937]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/default.asp> [in Russian].

Stepanov 2004 — Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoi kultury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. M.: Akademicheskii Proekt, 2004, 991 p. Available at: <http://bookfi.net/book/717122> [in Russian].

Chumak-Zhun 2017 — Chumak-Zhun I.I. *Kognitivnaya oppozitsiya svoj/chuzhoi kak komponent poeticheskogo mirovideniya i faktor diskursivnogo protivodeistviya* [Cognitive opposition own/alien as a component of poetic worldview and a factor of discursive counteraction]. In: *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: materialy I Mezhdunarodnogo simpoziuma* [Russian language in a multicultural world: proceedings of the I International Symposium]. Simferopol: Arial, 2017, Vol. 1, pp. 439–444. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/25414> [in Russian].

Chumak-Zhun 2012 — Chumak-Zhun I.I. *Emotsional'no-esteticheskoe vospriyatie i informativnost' poeticheskogo teksta* [Emotional-aesthetic perception and the poetic text informativity]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2012, Issue 1, pp. 143–146. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17361869> [in Russian].

Eliade 1994 — Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. M.: Izd-vo MGU, 1994, 144 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=93096&p=1> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115
УДК УДК 811.111

Дата поступления статьи: 13/V/2019
Дата принятия статьи: 20/VI/2019

В.Д. Шевченко, А.Г. Писарева

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ В СПОРТИВНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

© Шевченко Вячеслав Дмитриевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: vds@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

© Писарева Анастасия Григорьевна – ассистент кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: anastasia1202@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1830-5174>

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию спортивного интернет-дискурса, репрезентируемого на англоязычных веб-сайтах спортивных команд по регби. Целью исследования стало выявление особенностей коммуникативной ситуации в спортивном интернет-дискурсе. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: определение особенностей языковой репрезентации предметно-референтной ситуации (события, в данном случае – спортивного состязания) и анализ коммуникативной дискурсивной ситуации передачи сообщения о данном событии. Материалом исследования послужили новостные статьи, представленные в соответствующих разделах исследуемых сайтов в период с 1 марта по 31 мая 2017 года.

В статье также рассматриваются особенности репрезентации спортивного матча как значимого события в спортивном интернет-дискурсе. Путем анализа фрагмента дискурса при помощи традиционной модели новостного сообщения: Event – Who, What, Where, When, Why, How были выделены конститuenty модели ситуации (участники, их действия, обстоятельства события). Анализ языковой репрезентации модели ситуации показал, что событие реализуется на макро- и микроуровнях в зависимости от степени сфокусированности автора на матче и команде в целом или на отдельных фрагментах события. Языковая репрезентация обоих уровней представлена в таблицах.

При исследовании использовались следующие методы: описательный (обобщение, классификация и интерпретация), контекстуально-семантический, метод контент-анализа, а также метод дискурс-анализа. Для исследования особенностей коммуникативных процессов в спортивном интернет-дискурсе мы обратились к схеме, предложенной американским лингвистом Д.Х. Хаймсом S-P-E-A-K-I-N-G. В частности, были освещены отличительные черты таких элементов, как Setting and Scene, Participants, Ends, Act of Sequence, Genres. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что коммуникация в данном типе дискурса происходит в рамках веб-сайта; в подавляющем большинстве случаев автор остается безымянным; адресат, в свою очередь, является коллективным. Цели участников заключаются в передаче и получении информации, касающейся спортивного события. В статье также рассматривается структура передаваемого сообщения.

Ключевые слова: спортивный интернет-дискурс, событие, языковая репрезентация модели ситуации, коммуникативная ситуация, предметно-референтная ситуация.

Цитирование. Шевченко В.Д., Писарева А.Г. Специфика коммуникации в спортивном интернет-дискурсе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 109–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115
UDC УДК 811.111

Submitted: 13/V/2019
Accepted: 20/VI/2019

V.D. Shevchenko, A.G. Pisareva

PECULIAR FEATURES OF COMMUNICATION IN THE SPORTS INTERNET DISCOURSE

© *Shevchenko Vyacheslav Dmitrievich* – Doctor of Philological Sciences, associate professor, head of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: vds@ssau.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

© *Pisareva Anastasiya Grigorievna* – assistant lecturer at the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: anastasia1202@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1830-5174>

ABSTRACT

The present article is devoted to the analysis of Internet discourse represented on web-sites of the British rugby teams. The aim of the research is identification of communicative situation features in the sport Internet discourse. The following tasks were fulfilled in order to achieve the aim: investigating peculiar features of language representation that is typical of a referential situation (an event, in this case – a sports competition) and the analysis of communicative discursive situation that takes place during transmission of the message covering this event. The articles from the news sections of the web-sites were used as the source of empirical data.

The research focuses on representation of a socially important event in the sports discourse – a sports match. The constituents of a situational model (Participants, their Actions, the Conditions) were singled out by means of the analysis of an extract belonging to the studied discourse. The analysis was carried out with the help of the traditional model of a news item: Event – Who, What, Where, When, Why, How. The analysis of linguistic representation of a situational model revealed that the event is performed on a macro- and a micro-levels. That aspect depends on the author's focus either on the match, on the team as a whole or on the specific aspects of the event. The linguistic representation of both levels is demonstrated in the tables and illustrated by the relevant examples.

The following methods were used during the research: descriptive method, contextual-semantic method, method of content analysis as well as the method of discourse analysis. The peculiarities of communicative processes in the sports Internet-discourse were analyzed with the use of Hymes' pattern S-P-E-A-K-I-N-G. The study of such elements as Setting and Scene, Participants, Ends, Act of Sequence, Genres is presented in the article.

Key words: sport Internet-discourse, language representation of a situational model, communicative situation, objective-referential situation.

Citation. Shevchenko V.D., Pisareva A.G. *Spetsifika kommunikatsii v sportivnom internet-diskurse* [Peculiar features of communication in the sports internet-discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 109–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-109-115> [in Russian].

Введение

В настоящее время спортивные события представляют собой неотъемлемую часть жизни современного общества. Помимо пользы для здоровья, спорт также обладает способностью объединять людей и приносить им массу положительных эмоций. Коммуникативные процессы, связанные со спортивными событиями, реализуются в рамках спортивного дискурса, а за последнее десятилетие данный вид дискурса стал широко представлен в сети Интернет. Исследование спортивного интернет-дискурса является актуальным, так как позволяет выявить особенности репрезентации как предметно-референтных, так и коммуникативных ситуаций, что в дальнейшем позволит глубже изучить определенные стороны социальной жизни, с которыми связаны данные ситуации, понять их воздействие на личность и жизнь отдельного индивида.

Настоящая работа фокусируется на такой разновидности дискурса, как спортивный интернет-дискурс. Наш интерес привлекли официальные англоязычные интернет-страницы спортивных команд Великобритании. Материалом исследования послужили новостные статьи о матчах. В общей сложности были проанализированы 23 статьи, представленные на веб-сайтах 3 команд по регби.

Обзор литературы

С позиций социолингвистики В.И. Карасик выделяет два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института. Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Он вы-

деляется на основании двух системообразующих признаков: цели/целей и участников общения. Институциональный дискурс является статусно ориентированным, так как участники дискурса — в первую очередь представители той или иной социальной группы [Карасик 2004, с. 201]. Спортивный интернет-дискурс относится, на наш взгляд, к институциональному типу дискурса. Однако в спортивном интернет-дискурсе наряду с чертами институциональной разновидности присутствуют черты и личностно ориентированного дискурса, поскольку увлечение спортом присуще отдельной личности, в данном случае — фанату/читателю статьи.

Базовыми участниками спортивного интернет-дискурса являются: 1) спортсмены, 2) тренеры, 3) судьи, 4) болельщики, 5) спортивные журналисты, а также слушатели/читатели/зрители. Пара участников «журналист vs читатель/слушатель/зритель» указывает на сходство спортивного дискурса с другим типом институционального дискурса — дискурса средств массовой информации. Среда бытования спортивного интернет-дискурса — это информационно-коммуникативное пространство масс-медиа [Панкратова 2005, с. 15]. Таким образом, мы полагаем, что исследуемый спортивный интернет-дискурс представляет собой комбинацию медиа-, спортивного и интернет-дискурса, так как в нем проявляются и взаимодействуют черты каждого из них.

В работе, посвященной спортивному дискурсу, А.Б. Зильберт и Б.А. Зильберт указывают на то, что спортивная коммуникация существует в устных и письменных спортивных дискурсах, транслируемых по каналам масс-медиа [Зильберт, Зильберт 2001, с. 49]. Традиционно подобными каналами считались печатные издания и разнообразные телевизионные передачи. В последние годы значительно возросла роль такого канала передачи информации, как Интернет. В цитируемой работе идет речь о двух типах спортивного дискурса — коммуникативно-прагматических и жанрово-стилистических: новостях и репортаже. В данной статье объектом нашего внимания послужат именно новостные статьи, представленные в рамках спортивного интернет-дискурса. От репортажа, который является прямой трансляцией спортивного события, новостное сообщение отличается тем, что сообщает об уже состоявшемся спортивном событии. Помимо этого, в новостях часто присутствуют явные элементы анализа и комментирования. Новостные сообщения отличает сознательное употребление языковых средств в риторических целях, а не только с целью сообщения информации.

Результаты и дискуссия. В фокусе нашего внимания оказался спортивный интернет-дискурс, репрезентируемый на сайтах трех британских команд по регби: Wigan Warriors (WW), Leeds Rhinos (LR) и St. Helens (SH). Был проведен анализ 23 новостных сообщений, представленных в новостных разделах исследуемых сайтов в период с 1 марта по 31 мая 2017 года.

Основным социально значимым событием, которому посвящены данные статьи, является

спортивный матч (состязание, столкновение). При анализе репрезентации события в спортивном дискурсе мы прибегли к традиционной модели новостного сообщения: Event — Who, What, Where, When, Why, How. Выделив конstituенты данной дискурсивной модели (участники, их действия, обстоятельства события и т. д.), мы пришли к выводу, что в данном дискурсе событие разворачивается на двух уровнях, которые условно можно обозначить как макро- и микроуровень. Репрезентация социально значимого события (матча) на макроуровне представлена в таблице 1.

Анализ фактического материала показывает, что на макроуровне на передний план автор выдвигает такую составляющую ситуации, как «участники», в качестве которой выступает команда как единое целое; в качестве времени и места действия указываются дата и стадион, на котором проходит игра. Нередко для обозначения команды используется название ее родного города (см. SH, LR). О том, как проходило событие, значимое для спортивного интернет-дискурса, как правило, говорится во вступлении или в заключительной части сообщения с указанием на результат встречи.

Специфику языковой репрезентации события можно проследить, обратившись к способам обозначения участников предметно-референтной ситуации. С этой целью используются различные лексические единицы: топоним — название города, откуда прибыла команда и/или который она представляет; само название команды, либо команды разделяются на «гостей» (the visitors) и «хозяев»/«домашнюю сторону» (the home side). Мы полагаем, что это обусловлено различными целями: использование топонима свидетельствует о желании коммуниканта указать на тесную связь между командой и городом, подчеркнуть важность победы не только для игроков, но и для жителей того города, который они представляют; упоминание названия команды указывает на единство спортсменов в достижении общей цели; наконец, противопоставление команд («свои» vs «чужие») репрезентирует основную цель события — победу для одной команды и проигрыш другой.

Обратимся также к выделению «микроуровня» репрезентации события в спортивном интернет-дискурсе, наличие которого прослеживается на основе анализа примеров, представленных в таблице 2.

Анализ примеров демонстрирует, что можно говорить о разворачивании репрезентации события на двух уровнях — макроуровне, в рамках которого автор фокусируется на социально значимом событии спортивного матча, на команде в целом, и микроуровне — более детальном, в рамках которого репрезентируются отдельные компоненты ситуации — конкретные игроки, цели, преследуемые ими при выполнении того или иного движения, точное местоположение на поле, время относительно начала и конца матча или его таймов и т. п. На микроуровне автор старается привлечь внимание к наиболее важным моментам матча и как можно точнее воссоздать происходящее на поле, детально представить ситуацию.

Таблица 1

Репрезентация социально значимого события (матча) на макроуровне

Смысловой элемент сообщения	Конституент дискурсивной модели события	Пример текстовой репрезентации
Участники (Who)	Команда/спортивный клуб	Leeds took the lead seven minutes in after winning a penalty due to Wigan being caught offside. (WW) The home side took the lead again midway through the first-half. (WW) The visitors responded with a couple of kicks to force Salford to come out of their own 20 but it took until the 35th minute for the tryline to be eventually broken. (SH) However, the home side did score when Myler broke free from an attempted tackle by Mullally and then offloaded to Remi Casty to score between the posts. (LR) However, Doncaster then had their best spell of the game and got their reward with three tries to cheer their travelling band of supporters. (LR)
Основное событие (What)	Встреча с командой-соперником	Leeds team up with 'Save the rhino' for Salford fixture. (LR) The real deal may be a couple of weeks ahead but if the Semi Final between Saints and Warrington is half as good as the one on Saturday then we could be in for a classic. (SH)
Местоположение (Where)	Стадион	Gabriel Fell returned to action as Wigan Warriors Reserves lost 32-12 to St Helens at Robin Park. (WW) Wigan Warriors lose 26-18 to Leeds Rhinos at Headingley Carnegie. (WW)
Временной аспект (When)	Дата матча	Leeds Rhinos Under 19s got back to winning ways last weekend as they defeated London Broncos at Stanningley but they were given a fright in the first half by the men from the capital, who led 16-0 early on. (LR) Youngster James Worthington scored two tries on debut but the Warriors went down to defeat Wakefield 42-30 in the Bank Holiday Monday fixture. (WW)
Цели участников (Why)	Цель матча (победа, проход в следующий тур и т. п.)	They ran in five tries to overturn an early deficit and rise to sixth in Super League in the process. (SH) Wigan Warriors missed the opportunity to go top of the Betfred Super League table as they lost 54-4 against Castleford Tigers at the Mend-A-Hose Jungle. (WW) Wigan endured late drama once again and this time lost out as a 77th minute Mark Percival try helped St Helens win the Derby. (WW)
Результат (How)	Исход матча	Liam Marshall added a try in the late stages as he fell over the line from a good cut-out pass but Wakefield ran out winners. (WW) A late Carl Ablett try saw Leeds edge a tight affair as Wigan lost out to Leeds in the Betfred Super League. (WW) Saints had their recent good form halted as they went down 22-14 to Salford Red Devils. (SH) A late try from Danny McGuire and a top class performance from Liam Sutcliffe on his 100th appearance for the Rhinos helped secure a memorable win for Leeds in Perpignan. (LR) A hat trick for 17-year-old Jack Walker on his debut was the highlight as Leeds Rhinos booked their place in the next round of the Ladbrokes Challenge Cup against a spirited Doncaster outfit. (LR)

Репрезентация данных составляющих события направлена на привлечение интереса посетителя веб-страницы как к конкретной статье и матчу, так и к команде и виду спорта в целом. В отличие от макроуровня в данном случае автор выдвигает на первый план отдельных игроков либо путем упоминания их имен, либо посредством обозначения их позиции в команде. Таким образом подчеркивается значимость действий отдельного представителя для успеха команды в целом.

В рамках спортивного интернет-дискурса передача сообщения о событии осуществляется между парой участников «журналист и читатель»; читатель является посетителем веб-сайта команды или клуба. Рассмотрим данную дискурсивную ситуацию, используя модель Д.Х. Хаймса S-P-E-A-K-I-N-G (setting and scene, participants, ends, acts sequence, key, instrumentalities, norms & genre) [Hymes 1974, с. 55–62].

Таблица 2

Репрезентации события в спортивном интернет-дискурсе на микроуровне

Смысловой элемент сообщения	Конституент дискурсивной модели события	Пример текстовой репрезентации
Субъект (Who)	Отдельный игрок (имя/позиция в команде)	Former Oulton Raiders youngster Jack Walker then marked his debut with a richly deserved hat trick. (LR) Warriors youngster Nick Gregson was denied a try after a threatening attack set on the Leeds line. (WW) Tonga captain Sika Manu got a fine offload away to the supporting Jake Connor who darted over. (WW)
Действия субъекта (What)	Движения игрока (удары, броски, ведение мяча и т. п.)	Forsyth then had another chance and converted as he leaped higher than MaheFonuato catch the ball and touch down . (WW) Kallum Watkins made a quick break to draw Liam Marshall into the tackle and assist the supporting Ryan Hall who then darted over . (WW) Kopczak made the break through the middle and Dobson finished it off . (SH) Sutcliffe added the conversion from the touchline to make it 16-12 at the interval. (LR)
Местоположение (Where)	Местоположение на поле	And to compound matters, the hosts then went up the other end of the field and extended their lead. (SH) Taia kept the ball alive on the left hand side , found Percy who somehow offloaded to Theo Fages to dive over in the corner . (SH)
Временной аспект (When)	Время относительно начала/конца матча	With ten minutes to go until half-time , Wigan had three straight sets attacking the Hull line. (WW) Golding's conversion was on target and the Rhinos were 14-6 up after 26 minutes . (WW) Doncaster came out fired up at the start of the second half . (LR)
Цель субъекта (Why)	Цель движения	Sam Powell, playing in the halves in place of the injured Tommy Leuluai, then crossed for a nice individual try as he darted across the Castleford defence to spot a gap and score . (WW) Gigot added the conversion to give his side a 12-6 lead after 26 minutes. (LR)
Обстоятельства и результат действия (How)	Описание движения и его результат	Ashton Golding added the penalty goal and put his side 2-0 up . (WW) Golding converted to secure a 26-18 victory for his side . (WW) Michael Dobson extended the host's lead with a penalty two minutes later and it proved crucial as on 70 minutes Robert Luiwas given 10 minutes for interference after the ball was kicked dead . (SH) But Miller's crucial four-pointer proved the difference . (SH)

Что касается первого элемента данной модели (Setting and scene), можно сказать, что коммуникативная ситуация относится к интернет-дискурсу, обладающему рядом особенностей. К таковым можно отнести гипертекстуальность и креолизованность (поликодовость) текста, репрезентирующего спортивный интернет-дискурс. Под гипертекстуальностью понимается свойство текста отсылать реципиента к другим текстам, наличие нелинейного способа хранения информации. Креолизованность веб-сайтов подразумевает наличие в тексте графических и иных сообщений, одинаково участвующих в передаче информации. Текст веб-сайта, репрезентирующий спортивный интернет-дискурс, представляет собой поликодовый текст, текст смешанного типа, содержащий как вербальные, так и невербальные, в том числе визуальные, элементы (образно-зрительные и образно-слуховые). Реализация данных особенностей четко прослежива-

ется в исследуемом дискурсе. Во всех трех случаях в статьях новостного раздела можно отметить наличие информации, представленной различными способами (изображения, аудиоматериалы, нередко есть видеоряд). В статьях присутствуют и ссылки для перехода к другим новостным заметкам, например, *Tom Davies is preparing for another tough examination of Wigan Warriors title credentials away... [click for full story](#)* (WW). Гипертекстуальность также проявляется в наличии в тексте электронных ссылок для скачивания разнообразных файлов: *[Click Here to see more Warriors match reports](#)* (WW).

Что касается второго элемента модели Д.Х. Хаймса (Participants), можно сказать, что автор статьи – отправитель сообщения – зачастую либо не указан, либо приведено лишь его имя, в то время как возможность узнать какую-либо дополнительную информацию отсутствует (например, *LEEDS RHINOS 16 TORONTO WOLFPACK 17 by*

Will Hopper). Прямое указание на реципиента также отсутствует, что позволяет сделать вывод о такой характеристике медиадискурса, как наличие неизвестного рассредоточенного адресата. Адресатом в данном случае выступает массовая аудитория – посетители веб-сайта той или иной команды.

Рассмотрим следующий элемент модели – Ends (цели коммуникации). Для базовой пары участников спортивного дискурса «читатель – журналист» можно обозначить следующие цели: читателю важно узнать не только о результате матча, но и о том, как он проходил (иначе достаточно было бы обратиться к краткому сообщению об исходе матча), а для журналиста – при помощи различных языковых средств передать атмосферу матча и максимально точно описать происходящее на поле. При реализации этой цели отправителя коммуникации широко используются глаголы, обозначающие привычные для данной предметно-референтной ситуации действия, например, *to score* (забить гол), *to rally* (зд. собраться и начать играть лучше), *to attack* (атаковать), *to add/land a conversion* (зд. забить гол в ходе успешной попытки), *to race* (быстро двигаться по полю), *to be penalized*, *to be collared* (быть наказанным за нарушение), *to be downed* (проигрывать, быть пораженным), *to level the game* (сравнивать счет) и др.

Для передачи атмосферы столкновения двух команд в исследуемом типе дискурса используются имена прилагательные с эксплицитно выраженный положительным оценочным компонентом коннотативного значения, например, *an impressive victory* (впечатляющая победа), *an impressive outing* (эффектный выход), *an outstanding offload* (выдающаяся передача), *successful 40 minutes* (успешные/результативные 40 минут), *a mesmerizing break* (завораживающий прорыв), *a dramatic comeback* (яркое возвращение), *a brilliant conversion* (великолепный гол), *a perfect conversion* (идеальный гол), *a barnstorming run* («мощная» пробежка), *a breathtaking season* (захватывающий сезон), *a marke rperformance* (значимое выступление), *a superb try* (превосходная попытка).

Обратимся к следующей составляющей модели S-P-E-A-K-I-N-G – Act Sequence (последовательность действий). В отношении исследуемого спортивного интернет-дискурса логичным представляется описание общих элементов структуры передаваемого сообщения. К таковым можно отнести вступление, основную часть (освещение хода матча) и заключение. Вступление и заключение, как правило, лаконичны и занимают не более 10 % от текста статьи. Во вступлении дается основная информация о произошедшем событии, например о результатах игры, *Leeds Rhinos Under 19s got back to winning ways with a dramatic 34–26 win over title rivals StHelens at Stanningley (LR)*. Основная часть статьи посвящена описанию и анализу хода матча. Как правило, она представляет собой небольшие абзацы с детальным описанием происходящего на поле, например:

Joe Greenwood did the damage again, finding a gap on the left hand side to give Gildart some space.

The winger looked wrapped up but he found Sarginson on his outside for his second.

Richardson sent over a pinpoint kick to his winger who out-jumped Gildart, span around and put down in the corner. (SH)

В заключение автор еще раз упоминает о результате встречи (*In the final seconds of the game, Dupree barged his way over from close range and Spence's kick on the whistle sealed a hard earned victory (LR), Saints had done more than enough to secure their 24th Super League win of the season. (SH), But the damage had been done and Saints went home happy. (SH)*).

Рассмотрим последнюю составляющую модели Д.Х. Хаймса – Genres (жанры). Вслед за А.Б. Зильбертом мы утверждаем, что рассмотренные нами тексты, репрезентирующие спортивный интернет-дискурс, относятся к жанру кратких новостных сообщений, так как сообщают об имевшем место спортивном событии. Наряду с информационным сообщением присутствуют также элементы анализа и комментирования. При этом нельзя отрицать факт наличия общих черт с жанром репортажа, например повествования о развертывании действий т. п.

Заключение

В фокусе спортивного интернет-дискурса находится такая предметно-референтная ситуация, как событие (спортивное состязание). Развертывание данного социально значимого события представлено на двух уровнях: более обобщенном макроуровне и более конкретном микроуровне, что способствует привлечению и удержанию внимания читателей, ставящих перед собой разные цели – получить основные сведения о результате матча или ознакомиться с детальной картиной происходящего.

Дискурсивная ситуация общения между такими участниками дискурса, как журналист и читатель, была рассмотрена относительно составляющих коммуникативной ситуации (Setting and Scene, Participants, Ends, Act Sequence, Genres). В результате анализа были выявлены следующие особенности спортивного интернет-дискурса: коммуникативная ситуация ограничена веб-сайтом; зачастую автор является безымянным, а адресат – коллективным и неизвестным; цель адресата – ознакомиться с ходом и результатом матча, цель автора состоит в передаче атмосферы происходящего, информировании читателя и привлечении его внимания к определенным моментам спортивного события. В рамках сообщения значимая его часть посвящена описанию хода матча; результат, как правило, кратко указан во введении и заключении; анализируемые фрагменты дискурса относятся к жанру кратких новостных сообщений.

Источники фактического материала

LR – *Leeds Rhinos website* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.therhinos.co.uk> (дата обращения 15.08.2018).

SH – *St. Helens R.F.C. website* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.saintsrlfc.com> (дата обращения: 15.08.2018).

WT – *Wakefield Trinity website* [Электронный ресурс]. URL: <https://wakefieldtrinity.com> (дата обращения: 21.08.2018).

WW – *Wigan Warriors website* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wiganwarriors.com> (дата обращения: 14.08.2018).

Библиографический список

Hymes 1974 – *Hymes Dell*. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. 260 p.

Зильберт А.Б., Зильберт Б.А. 2001 – *Зильберт А.Б., Зильберт Б.А.* Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // *Язык, сознание, коммуникация*. М.: МАС Пресс, 2001. С. 45–55.

Карасик 2004 – *Карасик В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с. URL: <https://studfiles.net/preview/1806336>.

Панкратова 2005 – *Панкратова О.А.* Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса. Волгоград, 2005. 23 с.

References

Hymes 1974 – *Hymes Dell*. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. 260 p. Available at: <http://readinglists.nottingham.ac.uk/items/CDF0E975-F79F-B813-ABDF-CAFAE22974F8.html> [in English].

Zilbert A.B., Zilbert B.A. 2001 – *Zilbert A.B., Zilbert B.A.* *Sportivnyi diskurs: bazovye ponyatiya i kategorii; issledovatel'skie zadachi* [Sports discourse: basic notions and categories; research tasks]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, mind, communication]. M.: MAS Press, 2001, pp. 45–55. Available at: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_17_07zilbert.pdf [in Russian].

Karasik 2004 – *Karasik V.I.* *Yazykovoi krug: Lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Person, concepts, discourse]. M.: Gnozis, 2004. 390 p. Available at: <https://studfiles.net/preview/1806336>.

Pankratova 2005 – *Pankratova O.A.* *Lingvosemioticheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa* [Linguosemiotic features of the sport discourse]. Volgograd, 2005, 23 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/lingvosemioticheskie-kharakteristiki-sportivnogo-diskursa> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-116-123
УДК УДК 81'42

Дата поступления статьи: 13/V/2019
Дата принятия статьи: 20/VI/2019

М.С. Малышева

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ КАК ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАЦИЙ

© Малышева Мария Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: malysheva_m@bsu.edu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2958-8170>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роль когнитивно-прагматических механизмов языковой номинации в дискурсивно-коммуникативной деятельности человека (на материалах текстов публицистического дискурса – статья В. Баранца «Капитан-лейтенант Рашид Аряпов раскрыл тайну гибели «Курска» (2001), интервью с инженером-оружейником Д. Власовым «Тайна “Курска” раскрыта, но об этом не говорят россиянам» (2001) из архива сайта газеты «Комсомольская правда», аналитическая статья В. Бовала «Гибель «Курска» – тайны больше нет?» (2012) из архива сайта издания «Военное обозрение», исторического – серия книг В.В. Шигина – «АПРК “Курск”. Послесловие к трагедии» (2002), «АПРК “Курск”. 10 лет спустя. Факты и версии» (2010), «Гибель “Курска”. Неизвестные страницы трагедии» (2015) и поэтического дискурса – стихотворение белгородского поэта И.А. Чернухина «Субмарина “Курск”. Август 2000» (2000)). Особое внимание уделяется историческому событию (гибель АРПК «Курск» 12 августа 2000 года), выступающему текстовым элементом, связывающим указанные дискурсивные формации, и в связи с этим – роли и функционированию вторичных номинаций-онимов в текстах разной дискурсивной принадлежности. Материалом исследования послужили тексты разных дискурсов: публицистического (статьи и интервью), исторического (документалистика, хроника), поэтического (стихотворение белгородского поэта И.А. Чернухина). Цель статьи – выявление точек пересечения различных дискурсивных формаций при описании определенного исторического события. Задачами исследования являются: определение основных категорий текстового исторического события, основных форм выражения текстового исторического события, условий транспозиции исторического события в различные дискурсивные формации, выявление способов транспозиции исторического события в различные виды дискурсивных формаций.

Методы исследования: метод *дискурсивного анализа*, основанный на выделении доминирующих концептов во взаимодействующих дискурсах, а также *сопоставительно-описательный метод*, позволяющий провести сравнение по различным показателям рассматриваемых дискурсивных формаций.

В поле нашего внимания оказалась репрезентация исторического события в текстах публицистического, исторического и поэтического дискурса. В данном контексте были рассмотрены стратегии, избранные авторами для создания образа исторического события в конкретной дискурсивной формации.

Ключевые слова: прагматика, лингвопрагматика, вторичная номинация, дискурсивная формация, публицистический дискурс, исторический дискурс, поэтический дискурс.

Цитирование. Малышева М.С. Историческое событие как точка пересечения дискурсивных формаций // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 116–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-116-123>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

HISTORIC EVENT AS AN INTERSECTION POINT OF DISCURSIVE FORMATIONS

© *Malysheva Maria Sergeevna* – postgraduate student of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: malysheva_m@bsu.edu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2958-8170>

ABSTRACT

The article looks at cognitive and pragmatic means of language naming units which take place in discursive and communicative human activities (based on journalistic – the articles of the website of the newspaper «Komsomolskaya pravda» (Baranec V. *Senior lieutenant Rashid Aryapov unravels mystery of Russian submarine «Kursk» disaster*, Baranec V. *Mystery of Russian submarine «Kursk» disaster uncovered, yet Russians kept in the dark*), the analytical article of the website of the magazine «Voennoe Obozrenie» (Boval V. *The Russian submarine «Kursk» disaster – «Battlefield observations»*), historical – the series of Shigin's books (Shigin V.V. *The «Kursk» Ballistic missile submarine. 10 years later. Facts and theories*, Shigin V.V. *The «Kursk» Ballistic missile submarine disaster. Afterword*, Shigin V.V. *The Russian submarine «Kursk» disaster. Unknown chapters of history*) and poetic (the poem of the Belgorodian poet I.A. Chernukhin *The submarine «Kursk». August 2000*) discursive texts. Special attention is primarily given to the '2000 Kursk submarine disaster' which serves as a main source of discursive formations as well as explores their role and functions in secondary naming units which are described in the article. The study was based on various texts of discursive formations, such as journalistic articles and interviews, historical documentaries and memorials as well as a collection of poems by a Belgorodian poet I.A. Chernukhin. The main purpose of the article is to establish various intersection points of discursive formations for describing specific historic events. Research problems are determination of the main categories of a text historical event, the main forms of expression of a text historical event, conditions of a transposition of a historical event in various discourse formations, identification of ways of a transposition of a historical event in different types of discourse formations.

Research methods: a method of *discursive analysis* based on identifying the dominant concepts in interacting discourses, as well as a *comparative descriptive* method, which allows to carry out comparison of various indicators of the discursive formations under consideration.

In the field of our attention there was a representation of a historical event in texts of a publicistic, historical and poetic discourse. In this context the strategy elected by authors for creation of an image of a historical event in a concrete discourse formation were considered.

Key words: pragmatics, linguistic pragmatics, secondarily naming units, discursive formations, journalistic discourse, historical discourse, poetic discourse.

Citation. Malysheva M.S. *Istoricheskoe sobytie kak tochka peresecheniya diskursivnykh formatsii* [Historic event as an intersection point of discursive formations]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 116–123. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-116-123> [in Russian].

Введение

Одним из самых важных, концептуально значимых понятий современной дискурсологии является понятие *событие*. Когда мы говорим, в соответствии со ставшим уже традиционным определением, что дискурс – это текст, погруженный в жизнь, то мы, несомненно, воспринимаем *событие* как один из аспектов этого «погружения» [Алефиренко 2012]. Ведь именно *событие* является фундаментом текстового описания. Именно *событие*, в основе которого лежит динамический процесс, во многом обуславливает коммуникативный потенциал текста, определяя при этом как прагматические условия уместности, так и семантические условия истинности высказываний.

В центре нашего внимания *историческое событие*, которое наряду с другими событиями-в-реальности (по терминологии Е.А. Давыдовой, которая различает событие-в-действительности и событие-в-реальности) – с событиями политическими, социальными и языковыми – может лежать в основе текста.

Традиционно историческое событие понимается как фрагмент прошлого, порядок экстраординарных действий, меняющих положение или суть происходящих процессов. Соответственно, историческое событие является одним из основных – прототипических – элементов исторического дискурса. Тексты исторического дискурса описывают исторические события.

Представленное таким образом историческое событие может быть предметом описания в различных дискурсивных формациях, причем реализуется также в трех формах (в соответствии с классификацией В.З. Демьянкова):

а) *историческое событие как идея* – это известные всем представления об историческом событии (определяющее интенционал имени) – например *военное сражение* или *революция*;

б) в качестве аналога *собственно события*, или *референтного исторического события*, выступает конкретный референт (экстенционал имени, имеющий конкретное положение в пространстве-времени – например, *Бородинская битва* или *Ста-*

линградское сражение; Великая Французская революция или Октябрьская революция;

в) *текстовое историческое событие* интерпретируется в различных конкретных дискурсивных вариантах. Так, для нарративов исторического дискурса характерно плавное течение событий, без возврата к началу и без исправлений, но в рамках публицистического или художественного дискурсов то же событие «осциллирует» — насыщается противоречивыми деталями, принуждающими к выбору то одной, то другой гипотетической интерпретации. В основе описания оказывается внутритекстовая ситуация, которая создается автором [Демьянков 1981, 1982].

Рассмотрим, каким же образом конкретное историческое событие может выступать как точка пересечения дискурсивных формаций.

Для этого определим:

- 1) Основные категории текстового исторического события;
- 2) Основные формы выражения текстового исторического события;
- 3) Условия транспозиции исторического события в различные дискурсивные формации;
- 4) Способы транспозиции исторического события в различные виды дискурсивных формаций.

Основная часть

Так как внетекстовые варианты исторического события (историческое событие как идея и историческое событие как референт) существуют в рамках исторической науки, соответственно, исторического дискурса (см. энциклопедия истории), то и прототипическими текстами, описывающими исторические события, несомненно, являются тексты исторического дискурса.

Именно в этих текстах зафиксирована инвариантная модель события, то есть модель события, которая не определяется субъективными факторами. По мнению А.Ф. Папиной, способ оформления категории события — текстовый предикат, выраженный глаголом — личным или безличным, — в виде простого, составного — глагольного или именного — сказуемого [Папина 2002]. Ученый утверждает, что основной составляющей текстового события является действие. Так как историческое событие, как указывалось выше, — это порядок экстраординарных действий, меняющих положение или суть происходящих процессов, то тексты, изображающие исторические события, обусловлены историческим дискурсом, то есть именно в историческом дискурсе представлена модель текста, включающего историческое событие.

Рассматривая текст как продукт разных дискурсов, мы сопоставляем внутритекстовые ситуации, характерные для пересекающихся или существующих параллельно дискурсивных формаций (исторической, публицистической и поэтической), что позволяет посмотреть на историческое событие, ставшее основой текста, не только глазами читателя, но и с позиций автора конкретного текста (документальный источник, газетная публикация или

стихотворение) и выявить «дискурсивно обусловленные» принципиальные различия между ними. Ситуация здесь становится условием для описания текстового факта — исторического события, которое представлено в рамках избранного жанра (публицистика, документалистика или художественная литература), а также обусловленной этим жанром форме (статья, хроника, мемуары, стихотворение).

События исторические, как и другие события-в-реальности, предполагают наличие трех основных текстовых категорий — Время, Пространство, Человек — и категорий периферийных — Действие, Мотивы, Обстоятельства, Мысли и Наблюдатель [Давыдова 2012].

Еще раз отметим, что первоисточником, из которого мы черпаем относительно достоверный фактический материал, мы считаем тексты исторического дискурса.

Нами рассматривается:

Историческое событие как идея: катастрофа, приведшая к гибели людей;

Собственно историческое событие или референтное историческое событие — гибель АПРК «Курск» 12 августа 2000 года.

Это исторические события представлено в текстах исторического (серия документальных книг В.В. Шигина), публицистического (газета «Комсомольская правда», издание «Военное обозрение») и поэтического дискурсов (сквозь призму индивидуально-авторской картины мира белгородского поэта И.А. Чернухина в стихотворении «Субмарина «Курск». Август 2000» (2000)).

В подобном переосмыслении меняется дискурсивная обусловленность, соответственно, переформируются и текстовые компоненты исторического события.

Модель текстового исторического события:

«<АПРК «Курск»> Потерпел крушение в Баренцевом море, в 175 км от Североморска (69°40' с. ш. 37°35' в. д.), на глубине 108 метров в результате катастрофы, произошедшей 12 августа 2000 года. Все 118 членов экипажа, находившиеся на борту, погибли. По количеству погибших авария стала второй в послевоенной истории отечественного подводного флота после взрыва боезапаса на Б-37» [Баранец 2001].

Сопоставляемые тексты:

1) Серия книг В.В. Шигина — «АПРК «Курск». Послесловие к трагедии» (2002), «АПРК «Курск». 10 лет спустя. Факты и версии» (2010), «Гибель «Курска». Неизвестные страницы трагедии» (2015) — *исторический дискурс*;

2) Статья В. Баранца «Капитан-лейтенант Рашид Аряпов раскрыл тайну гибели «Курска»» (2001), интервью с инженером-оружейником Д. Власовым «Тайна «Курска» раскрыта, но об этом не говорят россиянам» (2001) из архива сайта газеты «Комсомольская правда», аналитическая статья В. Бовала «Гибель «Курска» — тайны больше нет?» (2012) на сайте издания «Военное обозрение» — *публицистический дискурс*;

3) «Субмарина «Курск». Август 2000» — стихотворение, написанное региональным поэтом И.А. Чернухиным в 2000 году как эмоциональный

отклик на произошедшее трагическое событие все-российского масштаба — *поэтический дискурс*.

Текст рассматривается нами как лингвистическая категория, являющаяся результатом взаимообратных дискурсивных процессов — производства и потребления, при котором необходимо учитывать два важнейших понятия, без которых невозможно существование любого текста, — событие текста и ситуация текста.

Отметим, что данные тексты не вступают в интердискурсивные взаимодействия, не пересекаются друг с другом, а существуют в рамках самостоятельных дискурсивных формаций. Однако все эти тексты и разные типы дискурсов объединяет текстовое (историческое) событие — трагедия «Курска».

Внутритекстовая ситуация (исторический дискурс).

Вот как представлена внутритекстовая ситуация в тексте исторического дискурса:

01.35. *Отправлено оповещение: «ПЛ К-141 проекта 949 в определенное БП время не вышла на связь».*

07.45. *«Адмирал Харламов» и «Адмирал Чабаненко» начали поиск.*

08.00. *Килектор КИЛ-143 начал приготовление к выходу в море.*

08.09 *Сигнальщик «Петра Великого» обнаружил буй красно-белого цвета. Поднять буй не удалось.*

08.31. *С «Петра Великого» наблюдали буй на глубине 3 метра диаметром 70 сантиметров, окрашенный в светлый цвет.*

<...>17.40. *По докладу Ил-38 по пеленгу 35 градусов в дистанции 24 кабельтова от «Петра Великого» обнаружен продолговатый плавающий предмет красного цвета длиной 3 метра.*

17.49. *Ил-38 сообщил: «На 17. 42 по пеленгу 35 градусов в дистанции 39 километров от «Петра Великого» обнаружены масляные пятна радиусом 150 — 200 метров».*

18.15. *АС-34 обнаружил засветку на экране эхолокатора.*

18.32. *АС-34 произвел аварийное всплытие. Командир аппарата капитан 3-го ранга А. Майсак доложил: «На ходу 2 узла вошел в соприкосновение с объектом, имеющим резиновый корпус. Свалился на винт, когда обследовал кормовую часть, после чего вынужден был аварийно всплыть. Комингс-площадку кормового аварийно-спасательного люка наблюдал через перископ».*

Итак, «Курск» был обнаружен визуально. Теперь надо было, не теряя времени, приступить ко второму этапу операции — спасению подводников, если они были еще живы [Шигин 2010, с. 46-49].

В данном тексте ситуация практически совпадает с историческим событием. Событие как действие разделено на эпизоды и описано посредством нескольких предикативных фрагментов. Они характеризуют историческое событие в двух аспектах — гибель лодки и поиск.

Каждая из ситуаций обозначена несколькими маркерами.

Спасатели — предикаты: *отправлено оповещение, начали поиск, начал приготовление, обнаружил буй красно-белого цвета, поднять буй не удалось.*

В тексте присутствуют характерные для исторического дискурса маркеры — хронотоп: время про-

исходящих событий (представлена хроника операции по поиску «Курска» — буквально по часам расписан день 13 августа 2000 года), событийное пространство (наличествует указание координат, в которых ведутся поисковые работы: *следовать в точку с координатами Ш = 69 градусов 37,05 минуты северная, предположение Д = 37 градусов 33,62 минуты восточная*); атрибутика: использование специализированной морской («*в дистанции 24 кабельтова, на ходу 2 узла, комингс-площадку кормового аварийно-спасательного люка наблюдал через перископ*») и публицистической («*Теперь надо было, не теряя времени, приступить ко второму этапу операции — спасению подводников, если они были еще живы*») лексики также подчеркивает масштабность и значимость для страны описываемого исторического события.

В тексте исторической хроники внутренняя форма имени собственного **Курск** лишена традиционного содержания и используется как вторичная номинация в значении 'подводная лодка'.

Таким образом, в историческом дискурсе представлена хроника поисков трагически погибшей подводной лодки «Курск», которая сводится к сухому, точному, хронологически выстроенному изложению исторического события, лишенному всякого рода эмоциональности, авторских оценок и анализа произошедших событий, что отражает цели исторического дискурса как институционального.

Внутритекстовая ситуация (публицистический дискурс).

Внутритекстовая ситуация в тексте публицистического дискурса представлена по-другому. Если исторический дискурс представляет хронотоп как конкретное время + конкретное пространство, то в публицистическом дискурсе на первый план выступают периферийные категории — мотивы и обстоятельства.

Публицистика «нулевых» годов стремилась к поиску ответов на вопросы о причинах гибели подводной лодки, при этом в ней — осуждение политического курса, скрывающего факты и истинные причины трагедии, которые, по мнению редакции, сразу стали известны командованию Северного флота и Верховному главнокомандующему Вооруженными силами Российской Федерации.

В отличие от дискурса исторического журналист проводит и оценочный анализ события, т. е. выясняет его значимость для общества в целом, для отдельных групп или же для конкретной аудитории данного СМИ. Журналист должен быть готов к тому, что каждое событие может повлечь за собой еще не наступившие последствия. И выбор указанных выше составляющих «события» обусловлен причинно-следственным и оценочным анализом и прогнозом развития события [Степанов 1981, с. 37]. В этой модели на первый план выходит «человеческий фактор», что обусловлено направленностью социальных наук [Звегинцев 1973].

С течением времени информация о гибели АПКР «Курск», утратив свою злободневность, не потеряла актуальности. При этом сместились главные акценты в раскрытии тайны этого трагического, уже ставшего историческим события: теперь журнали-

сты уже не выясняют причины трагедии, а пытаются понять, кто именно виновен в случившемся, на ком лежит персональная ответственность и что так и осталось под грифом «совершенно секретно». Опубликованная на сайте издания «Военное обозрение» статья В. Бовала «Гибель “Курска” — тайны больше нет?» (2012), приуроченная к двенадцатой годовщине гибели АПКР «Курск», освещает события 12 августа 2000 года следующим образом:

Наиболее состоятельной и тем более доказанной является третья версия — предположение о том, что «Курск» погиб в результате столкновения с другой подводной лодкой (а если быть точным, то в результате торпедирования). Большая часть родственников погибших моряков уверены в том, что их близкие погибли из-за того, что атомную подводную лодку «Курск» торпедировала американская подлодка «Мемфис». Кроме того, среди них же распространяются слухи о том, что после трагедии американцы списали россиянам большой долг. Более того, в ходе проведения поисково-спасательной операции до того момента, когда ситуация еще не контролировалась властями, в средства массовой информации просочилась информация о том, что недалеко от места гибели «Курска» были обнаружены светло-зеленые спасательные буи, хотя россияне используют только бело-красные. Еще одним свидетельством правдоподобности данной версии является прием сигналов о помощи, которые принимал крейсер «Петр Великий» 13–14 августа. <...> Да и посмертная записка капитана подводного крейсера явно свидетельствует о том, что в это время на судне не оставалось никого, кто бы мог просить о помощи.

<...> К тому же ходят слухи, что на проведение операции по подъему тел погибших членов экипажа и самого корпуса корабля также пришли корабли с Америки. И почему всех их наградили орденами Мужества, а капитана — Героем России еще до официального окончания расследования? Почему не ушел в отставку Министр обороны и главнокомандующий Военно-морским флотом? И, в конце концов, почему никто не назвал имена виновных в трагедии? [Бовал 2012].

Автор прибегает к риторическим вопросам (Почему не ушел в отставку Министр обороны и главнокомандующий Военно-морским флотом? И, в конце концов, почему никто не назвал имена виновных в трагедии?), выступающим не только в традиционной для публицистики функции — заставить задуматься над изложенными в статье событиями, — но и в качестве средства формирования общественного мнения: в тексте четко изложена позиция автора в отношении причин произошедшей трагедии (Наиболее состоятельной и тем более доказанной является третья версия — предположение о том, что «Курск» погиб в результате столкновения с другой подводной лодкой), а риторические вопросы в заключении подчеркивают и усиливают эту позицию.

Употребляя имя собственное *Курск*, авторы публицистических текстов пользуются вторичной номинацией: «Курск» — атомный-подводный ракетный крейсер проекта 949 «Антей». Внутренняя форма имени собственного полностью лишена первоначального смысла «город Курск».

Таким образом, в публицистическом дискурсе освещение гибели АПКР «Курск» в августе 2000 года

представлено в сжатой концентрированной форме и сводится: 1) к выяснению истинных причин гибели подводной лодки (публицистика 2000-х гг.); 2) к выявлению виновников гибели «Курска» (публицистика 2010-х гг.); 3) к предъявлению претензий представителям официальных властей России (публицистика 2000–2010-х гг.), что в принципе соответствует основным целям и задачам публицистических жанров.

Внутритекстовая ситуация (поэтический дискурс).

События, произошедшие в Баренцевом море в августе 2000 года, были хорошо известны И.А. Чернухину — прибегая к современной терминологии, можно сказать, что в творчестве белгородского поэта они подверглись поэтическому освещению в режиме онлайн. Для И.А. Чернухина стихотворение «Субмарина “Курск”. Август 2000» — это прежде всего возможность выразить свое субъективное отношение и отношение своих современников к происходящим событиям, это эмоциональный отклик на постигшую семьи подводников трагедию, в результате которой погиб лучший экипаж Северного флота рубежа веков — 118 подводников «Курска». Трагические события августа 2000-го нашли отклик практически в каждой российской семье и были восприняты И.А. Чернухиным крайне эмоционально: белгородский поэт прямо винит в случившемся «лихие 90-е», повлекшие за собой упадок военно-морских сил России:

Что ж не спасла их,

Отчизна? —

*Снова ты в августе тризну
Правишь с опущенным взором.
Мертвые — слова не имут.
Правды поведать не могут.
Разве что Господу Богу
Иль своему херувиму.
Кто там шумит о России,
Истину ищет у моря?..
Это беда, а не горе —*

Видеть державы бессилие [Чернухин 2014, с. 32].

Для поэта не важна хроника событий, версии о причинах случившегося — он заполняет пространство поэтического текста личным отношением к трагедии «Курска»: в стихотворении показаны страшные последствия катастрофы — мертвый экипаж и горе в семьях погибших подводников, скорбь и вопросы, оставшиеся для автора без ответа.

Историческое поэтическое событие практически абстрагировано от времени и пространства. В центре — человек, наблюдатель и обстоятельства. Стихотворение передает эмоциональное отношение поэта к произошедшему на его глазах событию, однако в нем присутствуют отсылки к ряду офицеров и чиновников, занимавшихся расследованием гибели «Курска»:

Август за окнами... Август.

*В городе русском, старинном
Слышится «СОС» субмарины,
Моря прощальный акафист...
Белая лебедь над Сеймом
Как Ярославна томится,
Ладан по Курску курится —
Плач и смятение в семьях.*

В память подводников — свечи,

Ветки полыни и мяты.

Нет на Руси виноватых,

Есть покаянные речи [Чернухин 2014, с. 31].

В стихотворении, начиная с названия, присутствует указание на время происходящих событий (август 2000 года), трагическую тональность задает употребление онима **Курск** в первичной (*Белая лебедь над Сеймом / Как Ярославна томится, / Ладан по Курску курится*) и вторичной (*Ладан по Курску курится — / Плач и смятение в семьях*) номинации, причем примечателен тот факт, что одно и то же употребление онима несет в себе сразу два значения — город и подводная лодка.

В стихотворении нет развития действия, оно представляет собой зарисовку застывшего в трауре мира — это и погибшие подводники, и убитые горем родственники, и все не оставшиеся равнодушными россияне. Особая семантическая насыщенность слов в стихотворении способствует «укрупнению» информации плана выражения поэтического знака. Характеризуя события августа 2000 года, поэт использует такие семантически емкие метафоры, как «*в этом стальном мавзолее*», «*ужасом дышит и страхом*», олицетворение-оксюморон «*мертвая спит субмарина*», создавая тем самым не конкретные образы исторической эпохи, а обобщенную эмоциональную характеристику трагедии «Курска».

Риторические вопросы (*Что ж ты наделало, море? Что ж не спасла их, Отчизна? Кто там шумит о России, истину ищет у моря?.. Где и когда же пробьется день настоящий над сущим?*), ответов на которые, кажется, не находит автор, не просто обостряют восприятие, но и становятся для И.А. Чернухина отправной точкой его повествования о трагических событиях, произошедших в Баренцевом море в августе 2000 года, а также являются эмоциональным выражением авторского отношения к описываемым реалиям.

Особое место в реализации внутритекстовой коммуникативной ситуации лирического повествования отводится имени собственному **Курск**, которое в стихотворении белгородского поэта используется как в прямом значении — ‘город’, так и в качестве вторичной номинации — название подводной лодки. И.А. Чернухин разворачивает изображение гибели АПРК «Курск» в ряд отдельных сцен, которые занимают все текстовое пространство стихотворений. Посредством интертекстуальных отсылок (*Как Ярославна томится; Канет в далекую Лету*) и риторических вопросов поэт не только номинирует реалии и передает последовательность исторических событий, но и выражает отношение лирического героя (и свое собственное) к изображаемому явлению.

Не случайно, изображая погибшую субмарину, поэт постоянно обращается к номинации **Курск** в разных ее вариациях (*слышится «СОС» субмарины; мертвая спит субмарина*) — это не только зарисовка событий августа 2000 года, но и своеобразное изображение военно-морских сил России на рубеже нового тысячелетия.

В поэтической интерпретации исторического события И.А. Чернухина концепт «Курск» реализует различные смыслы: **Курск** — ‘жертва времени’ (*Август за окнами... Август. / В городе русском, старинном / Слышится «СОС» субмарины...*), **Курск** — ‘пространство скорби’ (*Ладан по Курску курится — / Плач и смятение в семьях*), **Курск** — ‘пространство ужаса’ (*Там, где морская пучина / Ужасом дышит и страхом, / Врезавшись в дно после краха, / Мертвая спит субмарина*), **Курск** — ‘пространство смерти’ (*Мертвые — слова не имеют. / Правды поведать не могут. / Разве что Господу Богу / Иль своему херувиму*), **Курск** — ‘социально-политическое образование’ (*Что ж не спасла их, Отчизна? / Снова ты в августе тризну / Правишь с опущенным взором*). **Курск** в стихотворении белгородского поэта выступает как отдельный концепт. Данный оним не только создает пространственно-временную организацию текста, но и выступает как героически погибший живой организм.

В отличие от публицистического и исторического дискурса, в поэтическом тексте внутренняя форма имени собственного **Курск** представлена двумя значениями: первичным — ‘город’ и вторичным — ‘подводная лодка’.

Таким образом, в поэтическом дискурсе очень обобщенно представлены исторические события трагедии АПРК «Курск», здесь присутствует эмоциональный отклик на событие, репрезентируемый соответствующими языковыми средствами: интертекст, метафоры, эпитеты, олицетворения, что в полной мере соответствует целям поэтического дискурса как персонального.

Выводы

Рассмотрение исторического события как точки, объединяющей разные дискурсивные формации, невозможно без внимания к специфике каждого из оказавшегося в фокусе вида дискурса. В поле нашего внимания оказалась репрезентация исторического события — трагедии атомного подводного ракетного крейсера «Курск» — в публицистических жанрах (статьи, интервью), в текстах исторического дискурса (документалистика, хроника), а также преломление данного события сквозь призму индивидуально-авторской картины мира белгородского поэта И.А. Чернухина (стихотворение «Субмарина “Курск”. Август 2000»). В данном контексте важно рассмотрение стратегий, избранных авторами для создания образа исторического события в конкретной дискурсивной формации.

Так, для публицистического стиля характерна стратегия политической дискриминации власти: В. Баранец в ряде статей и интервью 2001 года делает упор на поиск причин катастрофы атомного подводного ракетного крейсера новейшей для своей эпохи модификации, при этом осуждает молчание официальных представителей власти, которые, по мнению журналиста, скрывают правду о случившемся от широкой аудитории; эта тенденция с небольшим смещением акцентов сохраняется и в статье В. Бовала, в самом названии которой дис-

криминируется политика «засекречивания» фактов о гибели «Курска». При этом избранная стратегия характеризуется не только эмоционально-оценочными категориями, но также максимальной субъективностью в репрезентации исторического события.

В историческом дискурсе, напротив, нет места эмоциональности и авторским оценкам описываемых событий. В. Шигин в своих книгах, посвященных гибели АПРК «Курск», прибегает к стратегии хроникального изложения событий и с максимальной точностью, вплоть до минут, реконструирует последовательность последнего похода подводной лодки и предпринятой силами Северного флота спасательной операции. Данная стратегия характеризуется максимальной объективностью в репрезентации исторического события, использованием специфической профессиональной лексики и полным отсутствием всякого рода изобразительно-выразительных средств.

Стратегия, избранная И.А. Чернухиным для создания образа исторического события, в целом соответствует представленной поэтом форме лирического стихотворения: белгородский поэт рисует не только и не столько сами исторические события, сколько субъективное отношение к происходящему. Этим обусловлена востребованность в стихотворении таких характерных для лирики особенностей, как абстрактность и обобщение в изображении исторических событий, эмоциональный пафос описания реального исторического события, обилие изобразительно-выразительных средств, интертекстуальных вкраплений, риторических вопросов и восклицаний, способствующих активизации адресата текста.

Библиографический список

- Алефиренко 2012 — Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматические механизмы косвенной номинации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 5–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18062770>.
- Баранец 2001 — Баранец В. Капитан-лейтенант Рашид Арыпов раскрыл тайну гибели «Курска» // Архив сайта газеты «Комсомольская правда» [24.02.2001]. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/22500/7849>.
- Баранец 2001 — Баранец В. Тайна «Курска» раскрыта, но об этом не говорят россиянам // Архив сайта газеты «Комсомольская правда» [29.11.2001]. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/22685/13682>.
- Бовал 2012 — Бовал В. Гибель «Курска» — тайны больше нет? // Военное обозрение [2012]. DOI: <https://topwar.ru/14155-gibel-kurska=tayny-bolshe-net.html>.
- Давыдова 2012 — Давыдова Е.А. Категория «событие»: онтологический и лингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 204 с. URL: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-sobytie-ontologicheskii-lingvisticheskiy-aspekty>.
- Демьянков 1982 — Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР: Сер. лит. и языка. 1982. Т. 41. № 4.
- Демьянков 1981 — Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР: Сер. лит. и языка. 1981. Т. 40. № 4.
- Звегинцев 1973 — Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Издательство Московского ун-та, 1973. 247 с. URL: http://www.aelibrary.org.ua/texts/zvegintsev__language_and_linguistic_theory__ru.htm.
- Кравченко 1996 — Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. 160 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21465574>.
- Папина 2002 — Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал, 2002. 368 с.
- Степанов 1981 — Степанов Ю.С. Имена слова, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981. 341 с.
- Чернухин 2014 — Чернухин И.А. Запах огня: книга избранных стихотворений. Белгород: КОНСТАНТА, 2014. 256 с.
- Шигин 2010 — Шигин В.В. АПРК «Курск». 10 лет спустя. Факты и версии. М.: Вече, 2010. 432 с. URL: https://booksafe.net/book/shigin_vladimir-aprk_kursk_10 лет_sputya_fakty_i_versii-226515.html.
- Шигин 2002 — Шигин В.В. АПРК «Курск». Послесловие к трагедии. М.: Олма-Пресс, 2002. 448 с. URL: https://www.e-reading.by/bookreader.php/1060449/Shigin_-_Aprk_Kursk_posleslovie_k_tragedii.html.
- Шигин 2015 — Шигин В.В. Гибель «Курска». Неизвестные страницы истории. М.: Вече, 2015. 416 с.

References

- Alefirenko 2012 — Alefirenko N.F. Kognitivno-pragmaticheskie mekhanizmy kosvennoi nominatsii [Cognitive and pragmatic mechanisms of indirect nomination]. Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 2012, no. 2, pp. 5–13. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18062770> [in Russian].
- Baranets 2001 — Baranets V. Kapitan-leitenant Rashid Aryapov raskryl tainu gibeli «Kurska» [Senior lieutenant Rashid Aryapov unravels mystery of Russian submarine 'Kursk' disaster]. Retrieved from: Arkhiv saita gazety «Komsomol'skaya pravda» [24.02.2001] [Archive of the site of the newspaper «Komsomolskaya Pravda»] [24.02.2001]. Available at: <https://www.kuban.kp.ru/daily/22500/7849> [in Russian].
- Baranets 2001 — Baranets V. Taina «Kurska» raskryta, no ob etom ne govoryat rossiyanam [Mystery of Russian submarine 'Kursk' disaster uncovered, yet Russians kept in the dark]. Retrieved from: Arkhiv saita gazety «Komsomol'skaya pravda» [29.11.2001] [Archive of the site of the newspaper «Komsomolskaya Pravda»] [29.11.2001]. Available at: <https://www.kuban.kp.ru/daily/22685/13682> [in Russian].
- Boval 2012 — Boval V. Gibel' «Kurska» — tainy bol'she net? [The death of «Kursk» — no more secrets?]. Voennoe

obozrenie [2012]. Available at: <https://topwar.ru/14155-gibel-kurska-tayny-bolshe-net.html> [in Russian].

Davydova 2012 — Davydova E.A. *Kategoriya «sobytie»: ontologicheskii i lingvisticheskii aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Category 'Events': ontologicistic and linguistic aspects: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Chelyabinsk, 2012, 204 p. Available at: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-sobytie-ontologicheskii-i-lingvisticheskii-aspekty> [in Russian].

Dem'jankov 1982 — Dem'jankov V.Z. *Konventsii, pravila i strategii obshcheniya (interpretiruyushchii podkhod k argumentatsii)* [Rules and strategies of communication]. *Izv. AN SSSR: Ser. lit. i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1982, Vol. 41, no. 4. Available at: http://www.infolex.ru/IZV4_82.html#3 [in Russian].

Dem'jankov 1981 — Dem'jankov V.Z. *Pragmaticheskie osnovy interpretatsii vyskazyvaniya* [Pragmatic basics of utterance interpretation]. *Izv. AN SSSR: Ser. lit. i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1981, Vol. 40, no. 4. Available at: http://www.infolex.ru/IZV4_81.html [in Russian].

Zvegintsev 1973 — Zvegintsev V.A. *Yazyk i lingvisticheskaya teoriya* [Language and linguistic theory]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo un-ta, 1973, 247 p. Available at: http://www.aelib.org.ua/texts/zvegintsev_language_and_linguistic_theory_ru.htm [in Russian].

Kravchenko 1996 — Kravchenko A.V. *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoi kategorizatsii* [Language and Perception: Cognitive aspects of linguistic categorisation]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1996, 160 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21465574> [in Russian].

Papina 2002 — Papina A.F. *Tekst: ego edinitsy i global'nye kategorii* [Text: its units and global categories]. M.: Editorial, 2002, 368 p. [in Russian].

Stepanov 1981 — Stepanov Yu.S. *Imena, predikaty, predlozheniya (Semiologicheskaya grammatika)* [Names, predicates and sentences. (Semeiological grammar)]. M., 1981. 341 s. Available at: <https://superlinguist.ru/grammatika-skachat-knigi-besplatno/stepanov-iu-s-imena-predikaty-predlozheniya-semiologicheskaya-grammatika.html> [in Russian].

Chernukhin 2014 — Chernukhin I.A. *Zapakh ognya: kniga izbrannykh stikhotvorenii* [Scent of fire: a book of selected poems]. Belgorod: KONSTANTA, 2014, 256 p. [in Russian].

Shigin 2010 — Shigin V.V. *APRK «Kursk». 10 let spustya. Fakty i versii* [Nuclear underwater missile cruiser «Kursk». 10 years later. Facts and theories]. M.: Veche, 2010, 432 p. Available at: https://booksafe.net/book/shigin_vladimir-aprk_kursk_10_let_spustya_fakty_i_versii-226515.html [in Russian].

Shigin 2002 — Shigin V.V. *APRK «Kursk». Posleslovie k tragedii* [Nuclear underwater missile cruiser «Kursk». Afterword to the tragedy]. M.: Olma-Press, 2002, 448 p. Available at: https://www.e-reading.by/bookreader.php/1060449/Shigin_-_Aprk_Kursk_posleslovie_k_tragedii.html [in Russian].

Shigin 2015 — Shigin V.V. *Gibel' «Kurska». Neizvestnye stranitsy istorii* [The death of «Kursk». Unknown pages of history]. M.: Veche, 2015, 416 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=574663&p=1> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-124-128
УДК 81.33

Дата поступления статьи: 23/IV/2019
Дата принятия статьи: 14/V/2019

М.А. Щекочихина

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАУКИ ПАЛЕОГРАФИИ: ОПИСАНИЕ ПИСЬМА В ТРУДАХ ДАНИЭЛЯ ПАПЕБРОХА И ЖАНА МАБИЛЬОНА

© Щекочихина Мария Андреевна — аспирант, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.

E-mail: msekocih@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2488-0714>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сопоставлению труда Мабильона «Дипломатика» с «Введением в различение подлинных и подлинных грамот» Папebroxa.

Мы исследуем вопрос приоритета в палеографии.

Труд Мабильона по праву считается основополагающим для палеографии и дипломатики. На сегодняшний день труд Мабильона, несмотря на то что его признают классическим, остается малоизученным. «Дипломатика» замечательна тем, что Мабильон придал способу изучения старинных памятников системность, характерную для науки рационализма. Представляется, что новаторство Мабильона невозможно оценить, не выяснив, в какой степени он является новым словом по отношению к предшествующей научной традиции, в первую очередь к труду Папebroxa, послужившему непосредственным поводом для написания труда Мабильона.

Путем сущностного анализа мы продемонстрируем, что труд Мабильона совершенно самостоятелен по отношению к «Введению» Папebroxa в том, что касается подхода к изучению материала и выводов. «Дипломатика» Мабильона представляет собой труд, посвященный именно проблемам дипломатики и палеографии, в отличие от сочинения Папebroxa, в котором проблемы определения подлинности и датировки интересны только лишь как один из способов генеалогических разысканий. Опровержение Папebroxa не было главной целью Мабильона. Большинство исследователей сосредотачиваются исключительно на событийной канве, широко распространена трактовка полемики между Мабильоном и Папebroхом как исключительно юридического спора — будто бы написание «Дипломатики» было вызвано прежде всего стремлением Мабильона защитить подлинность хранившихся в аббатстве Сен-Дени меровингских грамот. Подобное исследование помогло бы сделать выводы, насколько новаторским является труд Мабильона. Хотя Мабильон и Папebroх рассматривают многие черты памятников (печать, монограммы, материал и др.), в данной статье мы ограничимся сопоставлением их взглядов на письмо.

Ключевые слова: история науки, дипломатика, палеография, Жан Мабильон, Даниэль Папebroх.

Цитирование. Щекочихина М.А. Возникновение науки палеографии: описание письма в трудах Даниэля Папebroxa и Жана Мабильона // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 124–128. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-124-128>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

ADVENT OF PALAEOGRAPHY: DANIEL PAPEBROCH AND JEAN MABILLON
IN DEPICTING THINGS BEHIND WRITING

© Shchekochikhina Maria Andreevna — postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.
E-mail: msekocih@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2488-0714>

ABSTRACT

The article is devoted to the comparison of the work of Mabillon «Diplomacy» with the «Introduction to the distinction between fake and authentic letters» by Papebrokh. Through a consistent thematic comparison, we explore the question of priority in paleography. Mabillon's work is considered to be fundamental for paleography and diplomacy. Today, the work of Mabillon, despite the fact that it is recognized as a classic, remains poorly understood. «Diplomacy» is remarkable in that Mabillon gave the systematic approach to the study of ancient monuments characteristic of the science of rationalism. It seems that the innovation of Mabillon can not be assessed without finding out to what extent it is a new word in relation to the preceding scientific tradition and, first of all, to the work of Papebrokh, which served as a direct reason for writing the work of Mabillon.

We will demonstrate that Mabillon's work is completely independent in relation to Papebrokh's «Introduction» as far as the approach to the study of material and conclusions is concerned. Mabillon's «Diplomacy» is a work devoted specifically to the problems of diplomacy and paleography, unlike the Papebrokh's work, in which the problems of authenticity and dating are only interesting as one of the methods of genealogical research. We will also show that Papebrokh's refutation was not the main goal of Mabillon. It should be noted that most researchers focus exclusively on the event canvas, there is a widespread interpretation of the controversy between Mabillon and Papebroch as a purely legal dispute — as if writing «Diplomacy» was primarily caused by the desire of Mabillon to protect the authenticity of Merveng letters stored in the Abbey of St. Denis. Such a study would help to draw conclusions about how innovative Mabillon's work is. Although Mabillon and Papebroch consider many features of monuments (print, monograms, material, etc.), in this article we limit ourselves to a comparison of their views on the letter.

Key words: historical background, diplomatics, palaeography, Jean Mabillon, Daniel Papebrokh.

Citation. Shchekochikhina M.A. *Vozniknovenie nauki paleografii: opisaniye pis'ma v trudakh Danielya Papebrokha i Zhana Mabilona* [Advent of palaeography: Daniel Papebroch and Jean Mabillon in depicting things behind writing]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 124–128. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-124-128> [in Russian].

Введение

Трактат Жана Мабильона «Дипломатика» (Mabillon 1709) считают основополагающим для развития палеографии и других дисциплин (дипломатики, сфрагистики, кодикологии). Известно также, что поводом для написания труда Мабильона стало предисловие Даниэля Папebroxa к апрельскому тому издания житий (Papebrochius 1675).

Новизну труда Мабильона можно оценить, сравнив «Дипломатику» и «Введение». При том, что сочинение Папebroxa послужило поводом для написания «Дипломатики», сравнение, казалось бы, напрашивается само собой. Однако последовательное сопоставление этих трудов — непростая задача уже в силу того, что у них слишком разные цели и разная структура. «Дипломатика», в отличие от «Введения», посвящена строго теме старинных документов и освещает эту тему гораздо более углубленно. «Дипломатика» не сводится к критике идей Папebroxa. Прежде чем приступить к критике отдельных положений Папebroxa, Мабильон детально исследует проблемы, связанные с этими положениями.

Мне неизвестны современные научные работы, в которых последовательно сравнивались бы труды Мабильона и Папebroxa. Хотя встречается утверждение, что заслуга Папebroxa состоит лишь в том, что он дал повод к написанию «Дипломатики» [Lévilan 1908; Foerster 1981; Guyotjeannin 1993; Kölzer 2001], некоторые ученые полагают, что метод Папebroxa ничем принципиально не отличался от метода Мабильона, успех последнего объясняется же лишь тем, что ему было доступно большее количество эмпирического материала (Mersiowsky 1668, с. 460; Johnson 2001, с. 1080).

Результаты исследования

При разнице в том, как организованы «Введение» и «Дипломатика», эти труды строятся вокруг рассмотрения примерно тех же проблем. Мы постараемся сопоставить метод Мабильона и Папebroxa, сосредоточившись на описании письма в их трудах.

Основные выводы «Дипломатики» относительно типов письма хорошо известны и описаны

в литературе [Lévis 1908, с. 196–251; Traube 1909, с. 25–28; Zouhar 2010, с. 357–388].

Мабильон рассматривает типы письма в самой «палеографической» первой книге «Дипломатики», главным образом в одиннадцатой главе (Mabillon 1709, р. 45–53), а затем иллюстрирует теорию конкретными примерами в пятой книге и в «Приложении». В одиннадцатой главе первой книги Мабильон делает обзор различных типов письма. В прологе к пятой книге Мабильон предлагает различать письмо книжное («scriptura litteratoria»), письмо документов («scriptura diplomatica seu forensis») и обычное письмо («scriptura usualis») (Mabillon 1709, р. 343). Книжное письмо, по Мабильону, делится на римское письмо («scriptura romana») и несколько видов так называемых национальных типов письма: готическое письмо («scriptura gothica»), саксонское письмо («scriptura saxonica») и лангобардское письмо («scriptura langobardica») (Mabillon 1709, р. 45–53). Важным достижением Мабильона можно считать то, что он закрепил за названиями, так или иначе употреблявшимися в описании письма и до него, четко определенные значения. Благодаря ученикам Мабильона, его классификация стала известна как «национальные типы письма». Классификация Мабильона основывается на том, что за названиями типа «готическое письмо», «лангобардское письмо» и пр. стоит историческая реальность. Так, распространение готического письма Мабильон связывает с вторжением готов на территорию Римской империи и т. п. Однако эта система смогла описать эволюцию типов письма и заложила основы научного датирования памятников.

«Введение в различение подлинных старинных документов от поддельных» (*Propylaeum antiquarium circa veri ac falsi discrimen in vetustis membranis*), послужившее поводом к написанию труда Мабильона, представляет собой первую часть предисловия к апрельскому тому житий, издававшихся болландистами (*Acta sanctorum*). «Введение» было посвящено решению конкретных проблем, которые встали перед болландистами в ходе издания предыдущих томов. Изучение принципов датировки памятников интересно для Папebroха не само по себе, но как способ решения вопросов реконструкции генеалогии франкских королей.

В 1655 году свою реконструкцию генеалогии франкских королей публикует болландист Готфрид Хеншен [Henschenius 1655]. Так как житие франкского короля св. Гунтрамна, праздник которого приходится на 28 марта, было помещено в мартовский том [Bollandus et al. 1668, с. 718–731], то этот очерк был опубликован в предисловии к нему. Над мартовским томом помимо Хеншена также работали Жан Болланд и Даниэль Папebroх.

По современным представлениям, Дагоберт II правил в Австразии недолгий промежуток времени (676–679) и не оставил наследников. Хеншен считал, что он в 670 году вернулся из изгнания, правил с 670 по 680 год и умер в 687 году; а также что он был отцом Теодориха IV и Хлотаря IV и Сигберта IV [Savilla 2009, с. 644].

Открытие Хеншена, которое он сделал еще в первом томе февральского издания *Acta Sanctorum*, состоит в том, что франкских королей с именем Дагоберт было не двое, как было принято считать до него, а трое.

Генеалогические разыскания Хеншена были продолжены Папebroхом.

Внимание Папebroха привлекли две грамоты, подписанные именем Дагоберта. Одна из них — грамота из Эрана, содержала упоминание св. Ирмины. Согласно этой грамоте, св. Ирмину следовало считать дочерью Дагоберта I. А это противоречило выводам, к которым пришел Хеншен. Папebroх, уверенный в выводах Хеншена, взялся доказать поддельность грамоты, которая могла бы опровергнуть результаты реконструкции. Доказательству поддельности грамоты из Эрана посвящена первая часть «Введения» (Papbrochius 1675, р. 2–32).

Доказательство поддельности грамоты из Эрана во многом строится на сопоставлении с грамотой из аббатства св. Максима из Трира, которую Папebroх считал подлинной. На самом деле эта грамота является подделкой третьей четверти XI века (хотя ее изготовитель имел некоторые представления о меровингских документах и пытался их имитировать) [Kölzer 2001, с. 122], в которой Дагоберт якобы закрепляет гарантированные Константином Великим доходы монастырю св. Максима в Трире. Мабильон, изучив подробно черты меровингских грамот, не установит твердо поддельность грамоты из Трира, но укажет, что эту грамоту вряд ли стоит брать за образец, так как она мало соответствует другим подлинникам (Mabillon 1709, р. 223).

В первой главе Папebroх доказывает, что Св. Ирмина д'Эран была дочерью Дагоберта II, а не Дагоберта I, как принято было считать ранее. Из этих соображений он выводит доказательства поддельности грамоты, основываясь на аргументах из области хронологии.

Папebroх не мог признать подлинность этой грамоты потому, что в ней св. Ирмина названа основательницей монастыря в Эране. Если верить датировке грамоты — 26 Августа 646 года, то, в соответствии с хронологией, получилось бы, что св. Ирмину следует считать дочерью Дагоберта I. Тогда Ирмине на момент основания монастыря в Эране было бы шестьдесят лет, что нелогично (Papbrochius 1675, р. 2).

Папebroх указывает на то, что датировка от начала правления Дагоберта не соответствует ни Дагоберту I, ни Дагоберту II. При этом дата в грамоте написана той же рукой, что и остальной текст. Если интерполяция исключена, то, учитывая, что датировка не совпадает с годами правления предполагаемого грамотой Дагоберта, если настаивать на подлинности грамоты, придется допустить ошибку писца, а это совершенно невообразимо (Papbrochius 1675, р. 3).

Впрочем, доказательства из области хронологии Папebroх не считает достаточными. По Папebroху, даже если бы хронология была бы безупречной, то грамоту из Эрана все равно следовало бы

считать подделкой. Не памятник подкрепляется хронологией, но, напротив, достоверная хронология — памятником («Non enim chronologia monumenta, sed monumentis confirmanda est chronologia, ut solida sit») (Papbrochius 1675, p. 5).

Папebroх призывает читателя своими глазами оценить огромную разницу между монограммой и письмом грамоты из Эрана и письмом и монограммой грамоты аббатству Св. Максима (Papbrochius 1675, p. 8). Согласно Папebroху, ничто в грамоте из Эрана, кроме унциальных готических букв в начале и в конце грамоты, не позволяет отнести ее к эпохе какого-либо из Дагобертов. Грамота из Эрана не только не подлинник, но и не копия, списанная с какого-либо оригинала (Papbrochius 1675, p. 3).

Тип письма в монограмме грамоты из Эрана Папebroх называет «тевтонским» и отмечает, что оно мало отличается от современному ему, хотя и имитирует старинную «варварскую изощренность» (Papbrochius 1675, p. 8).

В отличие от Мабильона, Папebroх еще не выделяет письмо документов в отдельную группу. Маргиналия и письмо документа входят в его классификации в одну группу «privata scriptura». Поэтому Папebroх датирует грамоту, сравнивая ее письмо с письмом маргиналии. Датировка письма также обосновывается представлением об эволюции письма: согласно Папebroху, с течением времени (начиная с эпохи Дагоберта I) буквы становились более «мягкими» (Papbrochius 1675, p. 9–12).

Поскольку в грамоте из Эрана буквы гораздо более мягкие, чем в грамоте из Трира, то из этого, как считает Папebroх, можно сделать вывод, что грамота из Эрана написана на сто лет позже грамоты из Трира (Papbrochius 1675, p. 9).

Папebroх полагает, что изготовитель подделки мог ориентироваться на какой-то образец и что иногда таким образом мог быть документ более позднего времени, чем то, которое имитировалось в грамоте. Поэтому Папebroх пытается датировать документы и на основании сходства грамот с более поздними образцами (Papbrochius 1675, p. 9–12).

Папebroх, в отличие от Мабильона, не имел доступа к архиву, в котором было бы представлено большое количество меровингских грамот. Однако благодаря собиранию и зданию памятников, которое началось в эпоху Возрождения и было продолжено в XVII веке, Папebroх мог ознакомиться с грамотами. Так, Папebroх упоминает издание Дубле [Doblet 1625]. Это издание, впрочем, не могло служить хорошим подспорьем, поскольку в нем не приводились факсимиле грамот, а только тексты. Также Папebroх использовал издание Якоба Масена [Brouwer et al. 1679]. С большей частью грамот, которые приводятся в «Предисловии», Папebroх познакомился благодаря копиям, изготовленным бельгийским эрудитом Александром Вильтхаймом. Благодаря Папebroху можно узнать, что эрудиты срисовывали грамоты, кладя поверх них стекло («membranae initium ac finem, qualiter ea ex autographo, non tam descripsit quam depinxit accuratissimus quem supra laudavi patriarum

antiquitatum scrutator Alexander Wilthemius») (Papbrochius 1675, p. 8).

Хотя у Папebroха встречается описание письма («унциальные готические буквы», «тевтонское письмо» и т. п.), он определяет поддельность или подлинность в основном интуитивно. Прежде всего потому, что до «Дипломатики» Мабильона не существовало целостной классификации типов письма, следовательно, датировать памятник, опираясь на характер письма, не было никакой возможности.

Другая проблема, с которой столкнулся Папebroх, состояла в том, что в незначительной доступной ему выборке большинство грамот оказались подделкой либо подлинными документами с более поздними интерполяциями.

Этим объясняются его фундаментальные ошибки. С одной стороны, грамоту Дагоберта он принял за подлинник, а опираясь на нее, формулировал черты меровингских грамот. С другой стороны, то, что большинство грамот, с которыми имел дело Папebroх, оказались подделкой, объясняет его скептицизм в отношении меровингских грамот (большинство из них он считал неподлинными (Papbrochius 1675, p. 29)).

Недоступность более значительного объема грамот для Папebroха во многом определила и его метод. Папebroх формирует свое представление о том, какими должны быть грамоты меровингов, на основе всего лишь одной грамоты аббатству св. Максима в Трире. При этом саму подлинность грамоты он почти никак не подкрепляет, приводя мнение Александра Вильтхайма и апеллируя к своему знакомству с другими грамотами меровингов.

Заключение

Недостатком эмпирического материала можно объяснить то, что Папebroх вынужден сравнивать разновременные грамоты. Кроме того, у Папebroха, в отличие от Мабильона, нигде не выражено понимание того, что черты документа зависят не только от времени и места его создания, но и от конкретной канцелярии. Ученый-болландист часто опирается на интуитивные и даже несколько наивные критерии. Например, он мотивирует поддельность грамоты тем, что ее материал не выглядит достаточно поврежденным и старым, или тем, что некоторые буквы выглядят почти как современные. Папebroх считает, что изготовитель подделки обязательно ориентировался на какой-либо образец, и часто старается показать, что образец фальсификатора был гораздо более поздним, чем датировка грамоты.

Мабильон стремился выявить характерные черты грамот, опираясь на группу памятников, и дать общую классификацию типов письма, которая служила бы для датировки памятников.

Тем не менее у Папebroха уже встречаются те положения, которые будут впоследствии развиты Мабильоном (например, представления об исторической изменчивости письма). Некоторые выводы, к которым пришел Папebroх, подтверждаются современной палеографией [Dorna 2014, с. 184].

Источники фактического материала

Mabillon 1709 — *Mabillon J.* De re diplomatica libri VI: in quibus quidquid ad veterum instrumentorum antiquitatem, materiam, scripturam et stilum; quidquid ad sigilla, monogrammata, subscriptiones ac notas chronologicas; quidquid inde ad antiquariam, historicam, forensemque disciplinam pertinet, explicatur et illustratur. Accedunt commentarius de antiquis regum francorum palatiis: veterum scripturarum varia specimina, tabulis LX comprehensa; nova ducentorum et amplius, monumentorum collectio. Opera et studio Domni Johannes Mabillon Paris, Ludovicus Billaine 1681. Parisii, Carolus Robustel. 1709. Available at: https://archive.org/details/gri_33125008690477/page/n7 [in Latin].

Papebrochius 1675 — *Papebrochius D.* Propylaeum antiquarium, circa veri ac falsi discrimen in vetustis monumentis. *Acta Sanctorum Aprilis*, collecta, digesta illustrata a Godfrido Henschenio et Daniele Papebrochio e Societate Iesu. Tomus II, quo medii XI dies continentur. Proponitur illis Propylaeum antiquarium circa veri falsique discrimen in vetustis monumentis, observandum subiunguntur Acta Graeca, ad eosdem diem pertinentia. Apud Michaellem Cnobarum: Antverpiae, 1675 [in Latin].

Библиографический список / References

Bollandus et al. 1668 — *Bollandus J., Henschenius G., Papebrochius D.* Exegesis praeliminaris de genealogico stemmate Regum Francorum primae stirpis per tres Dagobertos deducendo. J. Bollandus. *Acta sanctorum Martii*, T. III. Apud Jacobum Meursium. Antverpiae, 1668. Available at: https://archive.org/stream/actasanctorum20unse/actasanctorum20unse_djvu.txt [in Latin].

Bollandus 1668 — *Bollandus J., Henschenius G., Papebrochius D.* De sancto Gunthramo Rege Francorum Cabillone in Burgundia. *Acta sanctorum Martii*, T. III. Apud Jacobum Meursium. Antverpiae, 1668, pp. 718–731. Available at: https://archive.org/stream/actasanctorum20unse/actasanctorum20unse_djvu.txt [in Latin].

Brouwer et al. 1679 — *Brouwer C., Masen J., Kilian Ph.* Antiquitates et Annales Trevirenses, Dvobvs Tomis Comprehensi; Quorum Ille Proparasceven, cum Libris XXII Annalium scripsit: Hic, praeter Additamenta Proparasceves & Historiae, III reliquos Annalium libros cum luculentis Indicibus, adjecit; Opus variis Antiquitatum monumentis aeri & ligno incisus adornatum. Bd. 1, Leodii: Hovius, Vol. I—1679, Vol. II—1671 [in Latin].

Doblet 1625 — *Doblet J.* Histoire de Irabbaye de S. Denys en France, contenant les antiquitez dricelle, les Fonons, Prerogatives et Privileges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des Roys, Reynes, Enfans de France, et autres signalez Personnages qui s y treuuent iusques à present. Le tout recueilly de plusieurs histoires, Bulles des Papes, et Chartes des Roys, Princes, et autres documens Autentiques. Paris: Chez Nicolas Buvon, 1625 [in French].

Dorna 2014 — *Dorna M.* Von der Hagiographie zur Diplomatik. Daniel Papebrochs Lehre zur Erkennung von frühmittelalterlichen Urkundenfälschungen. *Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde*, 2014, Vol. 60, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.7788/afd-2014-0110> [in German].

Foerster 1981 — *Foerster H.* Abriss der lateinischen Paläographie. Anton Hiersemann Stuttgart, 1981, pp. 10–11 [in German].

Guyotjeannin 1993 — *Guyotjeannin O., Pycke J., Tock B.-M.* Diplomatique médiévale. Brepols, 1993 [in French].

Henschenius 1655 — *Henschenius G.* De tribus Dagobertis Francorum regibus diatriba, in qua horum Regum successorum genus, tempus, acta indicantur: Dagoberto II, S. Sigiberti filio, regnum Austrasiorum vindicatur, et chronologia ex Conciliis et Episcoporum gestis illustratur Iacobi Meursii. Antverpiae, 1655. Available at: https://archive.org/details/bub_gb_7a0NI2ovaQoC/page/n4 [in Latin].

Johnson 1997 — *Johnson W.E.G.F.R.S.* Early historical sciences, maurist erudition and related scholarship, 17th–20th. *International Journal of Mechanical Sciences*, 1997, Vol. 10 [in English].

Kölzer 2001 — *Kölzer Th.* Monumenta Germaniae historica. Diplomata regum francorum e stirpe merovingica. Impensis Bibliopolii Hahniani, 2001. Available at: https://www.rulit.me/programRead.php?program_id=504577&page=1 [in Latin].

Lévillan 1908 — *Lévillan L.* Le «De re diplomatica» de Jean Mabillon Mélanges et documents publiés à l'occasion du 2ème centenaire de la mort de Mabillon. Liguge; Paris, 1908, pp. 196–251. Available at: http://drevlit.ru/docs/france/XVII/1680-1700/Mabiljon_Jean/text1.php [in French].

Mersiowsky 1668 — *Mersiowsky M.* Ausweitung der Diskurszone um 1700. Der Angriff des Barthélémy Germon auf die Diplomatik Jean Mabillons/Bollandus J., Henschenius G., Papebrochius D. De sancto Gunthramo Rege Francorum Cabillone in Burgundia. *Acta sanctorum Martii*, tomus III. Apud Jacobum Meursium. Antverpiae, 1668, pp. 718–731 [in Latin].

Savilla 2009 — *Savilla J.M.* Antiquarismus, Hagiographie und Historie im XVII Jahrhundert. Zum Werk der Bollandisten. Ein Wissenschaftshistorischer Versuch. Frühe Neuzeit, Band 131. Walter de Gruyter-Max Niemeyer Verlag, 2009 [in German].

Traube 1909 — *Traube L.* Vorlesungen und Abhandlungen. Zur Paläographie und Handschriftenkunde, I Band. München: C.H. Beckische Verlag, 1909 [in German].

Zouhar 2010 — *Zouhar J.* De Re Diplomatica Libri Sex by Jean Mabillon in outline. *Listy filologicke (Pholia philological)*, 2010, Vol. 133, no. 3–4, pp. 357–388. DOI: <https://doi.org/10.2307/23468663> [in English].

Е.А. Миронова

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКИ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ РЕФЛЕКСОВ В ПЕРВОЙ ЧЕЛОБИТНОЙ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

© *Миронова Екатерина Александровна* — ассистент, кафедра русского языка и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: miroнова_k.a@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2539-9188>

АННОТАЦИЯ

Период церковных реформ середины XVII века является одним из важных этапов развития как церковнославянского языка, в котором происходит стабилизация нормы в результате правки и печати богослужебных текстов, так и русского литературного языка в новых условиях соотношения с церковнославянским языком и расширения собственных границ. В связи с этим текстологический подход и методы лингвогенетических исследований позволяют определить основные направления изменений в системах данных языков. Особенно показателен в этом аспекте анализ генетически соотносительных рефлексов праславянских дифтонгических сочетаний — диагностирующих признаков восточнославянского и южнославянского языков. Выбранный для исследования материал разновременных редакций Первой челобитной протопопа Аввакума, одного из идеологов старообрядчества и самобытной языковой личности, показывает, что полногласная/неполногласная лексика, зафиксированная в послании, представлена в основном южнославянскими коррелятами с различным предпочтением эквивалентов соотносительных пар типа -глад-/—голод-. Результаты исследования показывают, что реализация гетерогенных рефлексов *dj в целом соответствует древнерусской рукописной традиции и позволяет считать, что усиление южнославянского <жд> не является результатом так называемого периода «второго южнославянского влияния», а определяется правкой церковной литературы периода середины XVII века. На широком фоне южнославянского оформления суффиксов действительных причастий настоящего времени реализация рефлексов *tj представлена генетически разнообразно, что обуславливает появление трансплантатов типа <тружающі́я>.

Настоящее исследование позволило прийти к выводу, что редакторская правка Первой челобитной в XVIII и XIX вв. шла в направлении усиления реализации южнославянских по происхождению рефлексов, причем каждая из проанализированных групп создает сложный рисунок реализации генетически соотносительных рефлексов, что приводит к неоднородному генетическому фону текста, обусловленному в том числе и содержанием Первой челобитной, близким к «Житию протопопа Аввакума, им самим написанному».

Ключевые слова: русский язык, церковнославянский язык, праславянские рефлексы дифтонгических сочетаний, генетический фон текста, Первая челобитная, протопоп Аввакум, церковная реформа XVII в.

Цитирование. Миронова Е.А. Специфика реализации генетически соотносительных праславянских рефлексов в Первой челобитной протопопа Аввакума // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 129–137. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-129-137>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-129-137
UDC 81-24

Submitted: 22/IV/2019
Accepted: 27/V/2019

E.A. Mironova

SPECIFICS OF IMPLEMENTATION OF GENETICALLY CORRELATED PRE-SLAVIC REFLEXES IN THE FIRST PETITION OF AVVAKUM

© Mironova Ekaterina Aleksandrovna – assistant, Department of Russian Language and Methods of Teaching Russian, Orenburg State Pedagogical University, 19, Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russian Federation.
E-mail: mironova_k.a@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2539-9188>

ABSTRACT

The period of church reforms of the middle of the XVII century is one of the important stages in the development of the Church Slavonic language, in which the norm stabilizes as a result of editing and printing of liturgical texts, and the Russian literary language in the new conditions of correlation with the Church Slavonic language and expansion of its own borders. Textual approach allows to determine the main directions of changes in the systems of these languages. Genetically correlated reflexes of the Slavonic diphthongic combinations are the diagnostic signs of the East Slavic and South Slavic languages. Multiple-editions of the First petition of Archpriest Avvakum chosen for study. The analysis shows that the full-voice / non-full-voice vocabulary recorded in the message is represented mainly by South Slavic correlates, with different preferences for equivalents of correlative pairs of the -глад-/голод-. The implementation of heterogeneous reflexes *dj as a whole corresponds to the Old Russian manuscript tradition and suggests that the strengthening of the South Slavic <жд> is not the result of the so-called “second South Slavic influence” period, but is determined by editing of the church literature of the XVII century. Against a wide background of the South Slavic designation of the suffixes of real participles of the present tense, the realization of reflexes *tj is genetically diverse, which causes the emergence of transplants of the type <тружающіися>. Editorial editing of the First petition in the XVIII and XIX centuries was directed towards strengthening the realization of the South Slavic-derived reflexes. Each of the analyzed groups creates a complex pattern of implementation of genetically correlated reflexes, which leads to a heterogeneous genetic background of the text, including due to the content of the First petition, close to «The Life of the Archpriest Avvakum by Himself».

Key words: Russian language, Church Slavonic language, pre-Slavonic reflexes of diphthongal combinations, genetic text background, the First petition, Archpriest Avvakum, church reform of the XVII century.

Citation. Mironova E.A. *Spetsifika realizatsii geneticheskii sootnositel'nykh praslavyanskikh refleksov v Pervoi chelobitnoi protopopa Avvakuma* [Specifics of implementation of genetically correlated pre-Slavic reflexes in the First petition of Avvakum]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 129–137. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-129-137> [in Russian].

Введение

Одним из самых неоднозначных и спорных вопросов генезиса русского языка является проблема взаимодействия двух языковых стихий в древнерусских текстах, которая получила широкое освещение в трудах ученых на каждом из этапов развития филологической мысли, начиная с М.В. Ломоносова. Проблема реализации генетически соотносительных южнославянских и восточнославянских рефлексов, их соотношения и взаимодействия, по-разному реализовавшихся в древнерусских памятниках и современном русском языке, несмотря на труды А.А. Шахматова, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, А.И. Горшкова, В.В. Колесова и др., не утрачивает своей актуальности и до настоящего времени, поскольку неоднозначность решения данной проблемы «влечет за собой сложившиеся разнообразие и противоречивость в определении языковой ситуации древней Руси и природы русского литературного языка» [Бекасова 2010].

Генетически соотносительные рефлексы праславянских сочетаний являются наиболее значимыми и надежными диагностирующими признаками [Бекасова 2013], которые на протяжении более 200 лет играют ведущую роль в выявлении особенностей взаимовлияния русского и церковно-славянского языков. В связи с этим целью настоящего исследования является анализ соотношения праславянских рефлексов дифтонгических сочетаний *ol, *el, *og, *er; *dj; *tj, реализующихся в разных списках редакций Первой челобитной протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу.

Материалы и методология исследования

Для достижения поставленной цели применялись методы лингвогенетических исследований и текстологического анализа, широко представленные в трудах А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, В.В. Колесова и др.

Первая челобитная протопопа Аввакума известна в трех редакциях, которые в научных исследо-

ваниях обычно представлены следующим образом (подробнее см.: [Смирнова 1927; Памятники 1927]):

а) редакция собственной руки протопопа (ст. 733–730) — столбец б. Синодальной (Патриаршей) библиотеки, № 11216 (Мсд), скоропись XVII в.;

б) редакция (ст. 731–741) по спискам рукописи б. Киевской Духовной Академии, № 246 и рукописи б. Синодальной (Патриаршей) библиотеки, № 641 (Мса), полуустав-скоропись XIX в.;

в) редакция (ст. 741–750) по рукописи А.А. Титова, № 1590 скоропись XVIII в., с вариантами по рукописи Худовской библиотеки № 254, полуустав-скоропись XVIII в.

Первая челобитная была написана Аввакумом после его возвращения из сибирской ссылки в Москву и датируется предположительно 1663–1664 гг. [Смирнова 1927]. Данный временной промежуток совпадает с предпринятыми царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном церковной реформой и правкой богослужебной литературы, повлекшими за собой ревностную борьбу старообрядцев за истинную веру, что может быть рассмотрено как мощный экстралингвистический фактор не только в унификации церковных текстов, но и в соотношении гетерогенных элементов в системе русского литературного языка [Бекасова 2018, с. 22].

Традиционно принято считать, что целью написания Первой челобитной является желание Аввакума убедить царя в несостоятельности церковной реформы и необходимости отменить ее результаты. Данную точку зрения разделяют С.А. Зеньковский, С.П. Смирнов, А.К. Бороздин и др. Свидетельство этому содержится в самом тексте челобитной: «свое ли смертоносное житие вазвѣщѹ тѣбѣ, свѣтѹ, или о церковномъ раздорѣ рекѹ тѣбѣ, свѣтѹ?», «а я нынѣ увидѣл Церковь паче и прежняго смѹщеннѹ. <...> Златоустый пишет на послание къ Бѣсѣдомъ: ничтоже тако раскол творитъ во Церквахъ, якоже во властѣхъ любоначалие, и ничтоже тако прогнѣваетъ Бога, якоже раздоръ церковной. Воистинно, госѹдарь, смѹщенна Церковь» (723, здесь и далее цит. по [Аввакум 1927]) и др.

Однако А.С. Демин считает, что при таком подходе к содержанию текста невозможно объяснить достаточно подробный рассказ о двадцатилетнем периоде жизни протопопа с семьей и страдальческих мучениях, пытках и истязаниях, а поэтому он приходит к выводу, что Первая челобитная является своеобразным примером «биографии общественно-типической. Подобное отношение к своей биографии, новое для того времени, Аввакум открыто проявляет 8–9 годами позже, в знаменитом Житии» [Демин 1969].

Сходство Первой челобитной с «Житием протопопа Аввакума, им самим написанным» не вызывает сомнений, поскольку Аввакум, пытаясь донести до царя множественные бесчинства никониан, нарушает структурные компоненты, характерные для документного текста, и приводит примеры из собственной жизни, вследствие чего челобитная напоминает «патерик великомученика, избыливающий ярко выраженными чертами публицистического текста» [Миронова 2017].

Несмотря на то что однозначно определить мотив написания челобитной — личный или общественный — на данный момент не представляется возможным, тем не менее в тексте он ярко представлен двумя ярко выраженными показателями: с одной стороны, содержанием, близким к частной переписке, с другой — обращением автора к Алексею Михайловичу с вопросами вероисповедания, что проявляется в цитировании богослужебных книг (Сочинения Иоанна Златоуста, Евангелие от Матфея, Книга Иова и др.).

Особенности соотношения праславянских рефлексов дифтонгических сочетаний *ol, *el, *or, *er

В описании генетического фона [Бекасова 2010] Первой челобитной протопопа Аввакума значительная роль принадлежит *torot-* и *trat-* лексемам, которые от общего количества реализаций исследуемых генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний в каждой из трех редакций текста составляют более половины случаев употребления.

В результате анализа полногласной / неполногласной лексики нами были выявлены три группы корней, реализующих: 1) только неполногласие; 2) только полногласие; 3) полногласие и неполногласие (табл. 1).

Группа корней, реализующих только неполногласие, является самой обширной и включает в свой состав 11 корней (106 случаев употребления), при этом в разных редакциях, несмотря на некоторое отличие редакции *a* (8 корней) от редакций *b* (10 корней) и *v* (11 корней), фиксируется достаточно сходное их количество в процентном соотношении, указывающее на противопоставление протографа (*a*) 59 % и редакций *b* и *v* — соответственно 69 и 66 %.

Наиболее частотными являются образования с корнем -*благ-*/*-блаж-*: редакция *a* содержит в своем составе 9 примеров типа *благочестивый* (723, 723, 726), *благодарю* (725, 725, 728), *благая* (729, 729) и *благодати* (730); редакции *b* и *v* — по 14, в том числе: *благъ* (731; 741), *блаженныя* (733, 734; 743, 744), *благоденствія* (740; 750). Следует отметить, что корень -*благ-*/*-блаж-* не имеет, как правило, полногласного эквивалента в текстах древнерусской письменности, в чем проявляется некоторого рода схожесть с неполногласным корнеморфом *время*, получившим во всех редакциях фиксацию исключительно в южнославянском оформлении при определенной разнице в употреблении (редакция *a* — 8 примеров, редакции *b*, *v* — 11).

Следует отметить, что во всех 3 редакциях фиксируются образования от неполногласных корней -*власт-*, -*глав-*, -*глас-*, -*злат-*, -*млад-*, -*стран-*. Данные корни могли иметь разную генетическую огласовку и в древнерусской письменности, и в сочинениях Аввакума [Миронова 2018, с. 180; Миронова 2018, с. 165–166], но в текстах Первой челобитной зафиксированы исключительно в южнославянском оформлении. При этом текстологические контексты употребления неполногласных образований совпадают, ср.: «во властѣхъ любоначалие» (723), «любоначалие во властѣхъ» (732),

Таблица 1

**Соотношение частотности представления полногласия/неполногласия
в трех редакциях Первой челобитной протопопа Аввакума**

Корни, реализующие	Редакция <i>а</i>	Редакция <i>б</i>	Редакция <i>в</i>
только неполногласие	-благ- 9	-благ- 14	-благ- 14
	-	-враг- 2	-враг- 2
	-врѣм- 8	-врѣм- 11	-врѣм- 11
	-власт- 2	-власт- 2	-власт- 2
	-глав- 2	-глав- 3	-глав- 2
	-глас- 2	-глас- 2	-глас- 2
	-злат- 1	-злат- 1	-злат- 1
	-млад- 1	-млад- 1	-млад- 1
	-	-	-слад- 1
	-стран- 1	-стран- 3	-стран- 3
	-	-хран- 1	-хран- 1
Итого (число реализаций):	26	40	40
только полногласие	-берест- 1	-берест- 1	-берест- 1
	-волок- 2	-волок- 3	-волок- 3
	-дорог- 1	-дорог- 1	-дорог- 1
	-молот- 2	-молот- 2	-молот- 2
	-мороз- 4	-мороз- 2	-мороз- 2
Итого (число реализаций):	10	9	9
полногласие и неполногласие	-влас-/волос- 1/1	-влас-/волос- 2/0	-влас-/волос- 1/1
	-глад-/голод- 3/1	-глад-/голод- 1/0	-глад-/голод- 3/1
	-град-/город- 1/1	-град-/город- 5/1	-град-/город- 5/1
Итого (число реализаций):	5/3	8/1	9/3

«любоначаліе въ властѣхъ» (742); «со главы взяся воздухъ» (723), «взятсѣ воздухъ со главы» (732), «со главы взятсѣ воздухъ» (742) и др.

В редакциях *б* и *в*, в отличие от протографа, имеются образования с неполногласными корнями -враг- и -хран-, причем в тождественных контекстах, например: «видимыя и невидимыя враги» (741; 750), «сохранитъ тѣ на всякомъ пути» (741; 750). Данные корни могли иметь разную генетическую огласовку в произведениях протопопа Аввакума, но в редакциях текста Первой челобитной зафиксированы исключительно в южнославянском оформлении.

Оправданно будет предположить, что единообразие в реализации достаточно широкого реестра корней во всех редакциях объясняется прежде всего ориентацией всего текста Первой челобитной на южнославянский по происхождению фон, поскольку цели и задачи обращения Аввакума обусловлены в большей степени защитой древнего церковного благочестия, а также определенностью генетического оформления некоторых образований.

Однако некоторые из указанных потенциально гетерогенных пар к середине XVII века уже се-

мантически дифференцировались, о чем свидетельствует использование корнесловов власть/волость, которые, судя по Словарю XI–XVII веков, имеют тождественные значения ('власть', 'господство' (Словарь 1976)) и расхождения в лексическом значении (например, волость – область, находящаяся под одной верховной властью; сельская территориально-административная единица, волость; население волости (Словарь 1976)).

Группа корней, реализующих исключительно полногласие, содержит в своем составе 5 корней (-мороз-, -молот-, -волок-, -дорог-, -берест-), фиксирующихся в каждой из трех редакций текста челобитной с численным преобладанием в протографе, где в процентном соотношении количество употребленных полногласных лексем выше (23 %), чем в редакциях *б* (15,5 %) и *в* (15 %).

Следует отметить, что полногласные корни чаще всего встречаются в контекстах, отражающих реалии жизни протопопа и его семьи, и, как правило, в тесно связанных контекстах, например: «продавал мнѣ на платъишко мое и на книги свою рож немолотую дорогою цѣною, по два рубли пудъ въщей и волши. И я ис первыхъ лѣтъъ елъ рож немолотую

варенцю» (727). При этом следует отметить дублирование генетического тождества в однокоренных словосочетаниях: «семь недѣль морозилъ на морозѣ» (726), «волоки на волоченихъ малыхъ дѣтей своихъ, в пустыхъ Даурскихъ мѣстехъ мерзли всѣ на морозѣ» (727).

Группа корней, реализующих полногласные и неполногласные варианты, немногочисленна, в целом употребление таких корней мотивировано в основном контекстом, но при этом они характеризуются, определенной свободой варьирования. Каждая из редакций отражает в своем составе по три пары корней (-влас-/волос-, -глад-/голод-, -град-/город-).

Редакции *а* и *в* отражают совпадение при реализации пары генетически разнообразных корней -влас-/волос-: «дранѣ за власы рѣками» (725) и «из главы волосы мои одралъ» (726); «дранѣ за волосы рѣками злыхъ человекѣхъ» (744) и «со главы моея власы драхъ» (746). Данные примеры свидетельствуют о независимости при выборе *torot-* и *trat-* корнесловов, что в целом свидетельствует о том «разломе» в реализации праславянских рефлексов, который наблюдается и в русском литературном языке [Бекасова 2010].

При наличии морфонологических вариантов употребления корней -глад-/голод- предпочтение отдается неполногласному варианту, поскольку в редакциях *а* и *в* обнаруживается совпадение при реализации данных корней, в том числе в преобладании южнославянского коррелята. В частности, в редакции *б* употребление данного корня в восточнославянской огласовке не фиксируется: «томятъ на морозѣ гладомъ» (724), «не могли претерпѣть тоя гладныя нѣжды» (727), «с челедью своею гладенъ» (727), полногласный вариант выбран в контексте «кто начнет з голоду ѹмирати» (727).

При реализации корнесловов -град-/город- полное совпадение наблюдается в редакциях *б* и *в*. Отметим, что наиболее часто фиксируется неполногласный вариант. В определенной мере выбор зависит «от стандартизованных случаев распределения гетерогенных дублетов (*город* + *топоним* / *топоним* + *град*, сочетания с определенными предлогами)» [Бекасова 2015], например: «Александрова града» (728). Однако такого рода формулы не всегда находят подтверждение в текстах: «въ царствующий градъ Москву» (731), «въ царствующемъ градѣ» (731). Отбор неполногласного корнеморфа также обусловлен его употреблением в «торжественном» словосочетании и поддерживается соответствующим рефлексом *tj, что достаточно показательно в сочетании неполногласных лексем: «во всякомъ градѣ и въ странахъ» (733), «во всякомъ градѣ и странахъ» (740) и др.

Полногласный вариант реализуется, с одной стороны, исключительно в составе сложного, уже устоявшегося топонима: «я былъ в попѣхъ в Нижегородкомъ ѹездѣ» (725), «в Нижегородкомъ ѹездѣ» (734) и «в Нижегородкомъ ѹездѣ» (744), при этом выбор полногласия обусловлен его жесткой фиксацией в топонимической лексике. С другой стороны, эти случаи подтверждает позиционный выбор неполногласия/полногласия, где в древнерус-

ских и особенно фольклорных текстах в сложных словах проявляется тенденция к реализации полногласия в постпозиции, так как «препозиция имени обычно отменяет» полногласие [Колесов 2005].

Закрепление полногласия/неполногласия может происходить в антропонимических единицах (например, «Златоустый пишет на посланіе къ Ёфесѣомъ» (723), «Златоустый Іоаннъ» (731), «Златоустый Іоаннъ» (742)), где выбор неполногласного варианта может быть обусловлен его закрепленностью в традиционном церковнославянском антропониме.

Соотношение частотности представления полногласия/неполногласия в трех редакциях Первой челобитной протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу наглядно показывает генетически неоднородный фон текста, который обусловлен уже сложившимся отбором соответствующих по происхождению корней или определяется выбором автора или переписчика.

В целом реализация полногласия/неполногласия свидетельствует о достаточно сложном гетерогенном фоне текста во всех 3 редакциях. Необходимо отметить, что соотношение употребления южнославянских по происхождению рефлексов по сравнению с редакцией *а* (59 % корней с неполногласием) увеличивается в XVIII веке (65 %) и XIX веке (75 %).

Однако считаем необходимым подчеркнуть, что протограф в реализации полногласия/неполногласия представляет более восточнославянский генетический фон, нежели редакции XVIII и XIX вв. Это прослеживается не только в соотношении представленности группы в неполногласной огласовке (*а* – 8 корней: 26 случаев употребления; *б/в* – 10/11: 40 примеров), но и в использовании корней, реализующих исключительно неполногласие, а также потенциальных возможностей неполногласия в корреляции с полногласием (*а* – 5/3; *б* – 8/1; *в* – 9/3).

Полногласие/неполногласие представлено также в приставках, причем в тексте употребляются преимущественно в южнославянском оформлении (13:2), что свидетельствует о предпочтительности южнославянской огласовки (87 % в протографе), ср.: «чрезъ день» (726), «предидущая лѣта» (727), «в Преображеннѣвъ день, чюдо преславно и ѹжасу достойно» (723), «десять лѣтъ везпрестани» (724), «кров течаше везпрестанно» (726), «не могли претерпѣть тоя гладныя нѣжды» (727), «духъ свой предатъ» (728). Полногласие в приставке *пере-* при определенной разнице в лексическом значении зафиксировано в случаях «пережегъ огнемъ и перебилъ кнутѣмъ» (726; 747) в текстах первой и третьей редакции, вторая редакция содержит один случай употребления полногласия в конкретном контексте «пережегъ» (737).

Начальные *ра-/ро-* (из *or) во второй и третьей редакциях челобитной фиксируются в южнославянском облики в словах *рабѣмъ* (733, 743) и равно (740, 750), которые отражают уже сложившуюся дифференциацию. Единственный случай употребления начального *ло-* (из *ol), зафиксирован

в третьей редакции текста: «два же лѣта противъ воды заставлялъ меня тянѣть лотку» (746).

Начальные генетически соотносительные элементы представлены морфонологическими дуплетами один-/един-: «не в однѣ порѣ выстъ в разгравлении» (725), «не в однѣ порѣ возили» (725), «государь-свѣтъ, надежда наша, едино», «едина крѣпѣ всѣхъ нас породила, едина мати всѣмъ намъ Церковь, единъ покров — небо, едино светло — солнце» (730). Вероятно, выбор начального *e* в данном контексте обусловлен стилистическим контекстом. Реализация -един- в примере «желаю наединѣ свѣтлоносное лице твое зрѣти» (730) связана с оформившимся и закрепившимся в языке ко времени создания текста вариантом его употребления в значениях: «одинокое, уединенно, отдельно от других; один, без других, в одиночку; без свидетелей, один на один, наедине» (Словарь 1983). Необходимо отметить наличие вариантов с генетически соотносительным начальным *o* в примерах «во одиннатцетѣ лѣтъ» (725), «в однѣ порѣ» (725, 725), «въ однѣ порѣ» (734, 735, 744, 745), употребленных, как правило, при описании мученического существования Аввакума с семьей в Даурах. Исключительность при выборе начального *o*, зафиксированная в корне *осен-*: *осен*ния (726), *осен*ния (736, 746), связана закреплением данного варианта в восточнославянских языках.

Специфика реализации гетерогенных рефлексов *dj; *tj

Рефлекс *dj встречен в глагольных формах преимущественно в южнославянском оформлении, реализующийся в корнях -блуд-, -сад-, -страд-, -труд-. При этом «заблудш^{ее}» (730) и «досажда^{ют}» (730) содержатся в редакции *a* челобитной. Особый интерес представляют случаи употребления корня -страд-, поскольку рефлекс *dj получает свободное варьирование и реализуется в двух вариантах употребления в идентичных контекстах: «страж^{емъ}» (724), «стражд^{емъ}» (734), «страж^{емъ}» (744).

Наиболее показательно восточнославянское оформление корня -труд-, в котором фиксируется <ж> на месте *dj в причастиях действительного залога настоящего времени в каждой из трех редакций, что приводит к столкновению исконного оформления корня и южнославянского по происхождению суффикса, ср.: «казаки, трѣжа^{ющі}яся в водахъ» (726), «казаки, трѣжа^{ющі}яся въ водахъ» (736), «казаки, трѣжа^{юще}ся въ водахъ» (746). Фиксация данного гетерогена показательна, поскольку в

древнерусских памятниках и церковнославянских текстах сочетание восточнославянского по происхождению *dj и южнославянского *tj в причастных формах — явление достаточно распространенное.

В целом можно констатировать, что реализация рефлексов *dj выдержана в реализации «смешанного типа» [Бекасова 2010], которая была свойственна русскому и церковнославянскому языкам данного периода [Бекасова 2018, с. 49–50].

Группа «отдельных слов» [Шахматов 1941] — это «своеобразный индикатор генетического фона» [Бекасова 2010] и в каждой из трех редакций Первой челобитной представлена морфонологическими вариантами, которые видоизменяются в зависимости от генетического фона текста памятника, например: «глаголю тебѣ-свѣтѣ, надеж^е нашей» (723), «Надежда моя, Христосъ» (748), «безъ обѣи и безъ одежи» (738), «безъ обѣи и безъ одежды» (747), «присылали нѣжнѣю пищу» (727), «в той нѣж-де умерли два сына» (727), «Церковь паче и прежняго смѣщеннѣ» (723), «прежде Никонова патриаршества было» (729), и др. (табл. 2).

Следует подчеркнуть, что при определенном сходстве реализации рефлексов дифтонгических сочетаний с плавными и группы «отдельных слов» в истории русского языка в анализируемых текстах Первой челобитной имеются различия. Прежде всего вариативность во всех 3 редакциях представлена только корнеморфами надежа/надежда. При количественном равенстве их гетерогенного оформления в протографе для редакций XVIII и XIX вв. более предпочтительно восточнославянское оформление. В редакции *a* также встречены формы нужда/нужда с преимущественным употреблением южнославянского по происхождению *dj. Другие корреляты в каждой из редакций реализуются однозначно: одежда, нужда, прежде (*a*); одежда, нужда (*b*); одежда (*в*). Это свидетельствует о том, что корнесловы группы «отдельных слов» были более подвижны, чем группа полногласие/неполногласие, и их стабилизация относится к более позднему периоду.

Соотношение рефлексов *dj свидетельствует о том, что внедрение южнославянских по происхождению рефлексов <жд> не было связано с так называемым периодом «второго южнославянского влияния», а определялось прежде всего правкой указанных рефлексов в период церковной реформы, которая и подготовила укрепление данного типа в системе русского языка, однако, судя по редакциям *в* (XVIII в.) и *б* (XIX в.), не было воспринято «старобрядцами».

Таблица 2

Соотношение частотности реализации корней группы «отдельных слов» с рефлексам *dj

Редакция / Лексема	надежа / надежда	одежа / одежда	нѣжа / нѣжда	преже / прежде
Редакция <i>a</i>	1/1	0/1	0/3	0/1
Редакция <i>б</i>	3/1	1/0	0/3	0/0
Редакция <i>в</i>	2/2	0/1	1/2	0/0

Рефлексы *tj в каждой из трех редакций текста Первой челобитной представлены достаточно широко, причем значительная их часть фиксируется в действительных причастиях настоящего времени с существенным предпочтением южнославянского по происхождению оформления, что вполне закономерно, поскольку аналогичные формы активно употреблялись в церковных текстах и уже утвердились в русском языке. Редакция *а* насчитывает 10 случаев употребления действительных причастий настоящего времени, реализующих щ<*tj: глаголющи (724), приобрящу (725), тружашеи (726) и др., редакция *б* – 20, редакция *в* – 21. Однако в тексте Первой челобитной зафиксированы и случаи употребления исконного суффикса ч<*tj в действительных причастиях настоящего времени, каждая из редакций содержит по 3 подобных примера: живучи (723, 724, 729; 731, 733, 740; 742, 744, 750), что, по всей видимости, обусловлено «сопряженностью текста с тенденциями сказового фольклора» [Миронова 2018, с. 181]: «Я чаял, живучи на Востоке» (723), «со звѣрми живучи» (724), «на воеводствахъ живучи» (729).

Заключение

В целом все проанализированные группы дают сложный рисунок реализации генетически соотносительных рефлексов, что приводит к соответствующему генетическому фону текста, где в тесно связанных контекстах нередко соединяются генетически неоднородные элементы. Каждая из редакций включает в свой состав подобные примеры (табл. 3).

Указанные гетерогенные контексты, а также особенности реализации генетически соотносительных

рефлексов в каждой из проанализированных групп в текстах трех редакций Первой челобитной протопопа Аввакума свидетельствует об усилении позиций южнославянских по происхождению коррелятов в системе русского языка в XVIII и XIX вв. Следует отметить, что количество восточнославянских по происхождению рефлексов неуклонно уменьшается по сравнению с протографом (23,6 %) в XVIII в. (20,7 %) и XIX в. (17,6 %). Это показатель не только сложных взаимоотношений гетерогенных рефлексов праславянских сочетаний на русской почве, но и реального их соотношения в нетрадиционном, во многом полемически заостренном тексте, написанном священником, знающим Священное писание на «краи языка». Данный показатель указывает направление правки (в частности, усиление неполногласия, включая случаи возможной корреляции типа -влас-/волос-, и южнославянских по происхождению рефлексов *dj), а также ее несовпадение с основными показателями кодификации (например, в группе «отдельных слов»). Такое несоответствие обусловлено прежде всего тем, что послание переписывалось в старообрядческой среде, сохраняющей свои традиции генетического оформления текста (например, в представлении рефлексов *dj в группе «отдельных слов»).

В целом анализ редакций Первой челобитной протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу свидетельствует, с одной стороны, о сложившихся критериях отбора гетерогенных рефлексов дифтонгических рефлексов, с другой – о неустойчивости нормы и ее вариативности, в том числе и в редакциях XVIII и XIX в. При этом редакции *б* и *в* обнаруживают несомненное сходство в представ-

Таблица 3

Сопоставление фрагментов текста, содержащих генетически неоднородные элементы в тесно связанных контекстах

Редакция <i>а</i>	Редакция <i>б</i>	Редакция <i>в</i>
	«въ царствующий градъ Москву приволокъся» (731)	«въ царствующий градъ приволокъся» (742)
«томятъ на морозѣхъ гладомъ» (724)	«томятъ на морозѣхъ гладомъ» (734)	«томятъ на марозѣхъ гладомъ» (744)
«из главы волосы мои одралъ» (726)		
«семь недѣль морозиль на морозѣхъ, чрезъ день дая пищу» (726)	«семь недѣль мориль на морозѣхъ, чрезъ недѣлю дая им пищу» (736)	«семь недѣль мориль на морозѣхъ, чрезъ недѣлю дая ми пищу» (746)
		«не могли претерпѣть тое гладные нужды; а прочихъ, государь, дѣтей моихъ, какъ стануть съ голоду умирать, снабдѣвала отъ смерти жена и сноха ево» (747)
«семь недѣль морозиль на морозѣхъ, потомъ безъ обуви и безъ одежды, яко во иное время берестами вмѣсто одѣянія одѣвался» (726)	«съ челядію своею гладень, потомъ же безъ обуви и безъ одежды. Яко во иное время берестами, вмѣсто одѣянія одѣвались» (738)	«съ челядью своею гладень, потомъ же, безъ обуви и безъ одежды, яко во иное время берестами, вмѣсто одѣянія одѣвались» (747)

лении разных групп генетически неоднородных рефлексов и усилении южнославянских по происхождению рефлексов, например в группе полногласной/неполногласной лексики и рефлексов *tj. Однако в протографе также достаточно сильна тенденция к фиксации слов в южнославянском оформлении, а использование восточнославянских по происхождению коррелятов обуславливается не только контекстами «вяканья», но и характерными гетерогенными контекстами, а также гетерогенными типа тружущимися.

Сопоставительный анализ Первой челобитной протопопа Аввакума — защитника древнего благочестия — показывает сложившуюся древнерусскую рукописную традицию, представленную в протографе и разновременных редакциях, при этом каждая из выделенных групп по-разному отражает языковые изменения как второй половины XVII в., так и XVIII, XIX вв.

Источники фактического материала

Аввакум 1927 — *Аввакум, протопоп*. Челобитная, послания, поучения и письма // Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. С. 767–770. URL: <http://feb-web.ru/feb/avvakum/default.asp>.

Словарь 1976 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 3. М.: Наука, 1976. 289 с.

Словарь 1983 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 10. М.: Наука, 1983. 327 с.

Библиографический список

Бекасова 2015 — *Бекасова Е.Н.* Генетический фон былины «Калин-царь» в сборнике Кириши Данилова // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2015. № 12. С. 15–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24392947>.

Бекасова 2010 — *Бекасова Е.Н.* Генетический фон древнерусского текста. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20024444>.

Бекасова 2016 — *Бекасова Е.Н.* Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний). Brno: Tribun EU, 2016. 194 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25798447>.

Бекасова, Миронова 2018 — *Бекасова Е.Н., Миронова Е.А.* О специфике реализации рефлексов праславянских сочетаний *dj в древнерусском языке // Русский язык в славянском мире: история и современность. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2018. С. 46–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37229319>.

Бекасова, Миронова 2018 — *Бекасова Е.Н., Миронова Е.А.* Фрагмент русской языковой картины мира XVII века в условиях идеологического противостояния // Определение картины мира в русском языке, культуре и литературе: zborník štúdií z conference Katedry rusistiky Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej akulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej university. Brno: Tribun EU, 2018. S. 21–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36612086>.

Бекасова, Москальчук, Прокофьева 2013 — *Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В.Ю.* Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис. М.: Издательство «Спутник +», 2013. 217 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20862059>.

Демин 1969 — *Демин А.С.* Для чего Аввакум написал первую челобитную? // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. Т. XXIV. С. 233–236. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/24_tom/Demin/Demin.pdf.

Колесов 2005 — *Колесов В.В.* История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: AKADEMIA, 2005. 672 с.

Миронова 2017 — *Миронова Е.А.* Особенности реализации языковой личности протопопа Аввакума // Филологические чтения: материалы Междунар. научно-практич. конф. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2017. С. 154–160. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32674343>.

Миронова 2018 — *Миронова Е.А.* Реализация праславянских рефлексов в записке о жестокостях воеводы Пашкова Протопопа Аввакума // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: материалы Всероссийской (с международным участием) науч. конф. Ч. 1. Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2018. С. 179–182. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36627040>.

Миронова 2018 — *Миронова Е.А.* Специфика употребления генетически соотносительных праславянских рефлексов в Челобитной Аввакума царю Федору Алексеевичу // LINGUISTICA JUVENIS: сб. науч. тр. молодых ученых Екатеринбург, 2018. Вып. 20: Психолингвистический и лингвометодический аспекты анализа языковых единиц. С. 159–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36845461>.

Памятники 1927 — *Памятники истории старообрядчества XVII в.* Кн. 1. Вып. 1. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. ХСVII с., 960 стб., 2 л. факс.

Смирнова 1927 — *Смирнова П.С.* Предисловие к прочим сочинениям протопопа Аввакума // Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. С. 17–97.

Шахматов 1941 — *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.

References

Bekasova 2015 — *Bekasova E.N. Geneticheskii fon byliny «Kalin-tsar» v sbornike Kirshi Danilova* [Genetic background of the epic text «Kalin-Tsar» in the collection of songs Danilov's Kirsches]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*, 2015, no. 12, pp. 15–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24392947> [in Russian].

Bekasova 2010 — *Bekasova E.N. Geneticheskii fon drevnerusskogo teksta* [Genetic background of the old Russian text]. *Orenburg: Izd-vo OGPU*, 2010, 208 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20024444> [in Russian].

Bekasova 2016 — *Bekasova E.N. Mekhanizmy geterogennoj organizatsii sistemy russkogo yazyka (na materiale releksov praslavyanskikh sochetanij)* [Mechanisms of heterogeneous organization of the Russian language system (on the

material of the reflexes of the Common Slavonic combinations)] Brno: Tribun EU, 2016. 194 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25798447> [in Russian].

Bekasova, Mironova 2018 — Bekasova E.N., Mironova E.A. *O spetsifike realizatsii refleksov praslavyanskikh sochetanii *dj v drevnerusskom yazyke* [About specifics of realization of reflexes of praslavyansky combinations *dj in Old Russian language]. In: *Russkii yazyk v slavyanskom mire: istoriya i sovremennost'* [Russian language in the Slavic world: history and modernity]. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2018, pp. 46–53. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37229319> [in Russian].

Bekasova, Mironova 2018 — Bekasova E.N., Mironova E.A. *Fragment russkoi yazykovoi kartiny mira XVII veka v usloviyakh ideologicheskogo protivostoyaniya* [Fragment of the Russian language picture of the world of the XVII century in the conditions of ideological contradiction]. In: *Opreделение kartiny mira v russkom yazyke, kulture i literature: Zbornik študii z conference Katedry rusistiky Filozoficheskoy fakulty Universiteta sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatury Historicko-filologickej akulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej university* [Definition of the picture of the world in the Russian language, culture and literature: zbornik študii z conference Katedry rusistiky Filozofické fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatury Historicko-filologickej akulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej university]. Brno: Tribun EU, 2018, pp. 21–26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36612086> [in Russian].

Bekasova, Moskalchuk, Prokofeva 2013 — Bekasova E.N., Moskalchuk G.G., Prokofeva V.Yu. *Vektory interpretatsii teksta: struktury, smysly, genesis* [Text interpretation vectors: structures, meanings, genesis]. M.: Izdatel'stvo «Sputnik +», 2013, 217 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20862059> [in Russian].

Demin 1969 — Demin A.S. *Dlya chego Avvakum napisal pervuyu chelobitnuyu?* [Why did Avvakum write the first petition?]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969, Vol. XXIV, pp. 233–236. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/24_tom/Demin/Demin.pdf [in Russian].

Kolesov 2005 — Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [History of the Russian language: students of philological faculties of higher educational institutions training manual]. SPb.: AKADEMIA, 2005, 672 p. [in Russian].

Mironova 2017 — Mironova E.A. *Osobennosti realizatsii yazykovoi lichnosti protopopa Avvakuma* [Features of

implementation of the linguistic personality of archpriest Avvakum]. *Filologicheskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Philological readings: materials of the International Research and Practical Conference]. Orenburg: OOO IPK «Universitet», 2017, pp. 154–160. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32674343> [in Russian].

Mironova 2018 — Mironova E.A. *Realizatsiya praslavyanskikh refleksov v zapiske o zhestokostyakh voevody Pashkova Protopopa Avvakuma* [Implementation of the pre-Slavic reflexes in the note by archpriest Avvakum about the cruelties of the governor Pashkov]. In: *Chetvertye Moiseevskie chteniya: natsional'nye i regional'nye osobennosti yazyka: materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii* [The fourth Moses readings: national and regional features of the language: materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference]. Part 1. Orenburg: Izdatel'stvo «Orenburgskaya kniga», 2018, pp. 179–182. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36627040> [in Russian].

Mironova 2018 — Mironova E.A. *Spetsifika upotrebleniya geneticheskii sootnositel'nykh praslavyanskikh refleksov v Chelobitnoi Avvakuma tsaryu Fedoru Alekseevichu* [Distinctive features of the embodiment of the genetic context in the Petition Archpriest Avvakum to Tsar Fyodor Alekseevich]. In: *LINGUISTICA JUVENIS: sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh* [LINGUISTICA JUVENIS: collection of scientific papers of young scientists]. Ekaterinburg, 2018, Issue 20: Psycholinguistic and linguistic and methodological aspects of the analysis of language units, pp. 159–164. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36845461>; <http://journals.uspu.ru/attachments/article/2282/16.pdf> [in Russian].

Pamyatniki 1927 — *Pamyatniki istorii staroobryadchestva XVII v. Kn. 1. Vyp. 1* [Monuments of the history of the Old Believers of the XVII century, book 1, issue 1]. L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1927, XCVII p., 960 clm., 2 sheets facsimile [in Russian].

Smirnova 1927 — Smirnova P.S. *Predislovie k prochim sochineniyam protopopa Avvakuma* [Preface to other writings of Avvakum]. In: *Pamyatniki istorii staroobryadchestva XVII v. Kn. 1. Vyp. 1* [Monuments of the history of the Old Believers of the XVII century, book 1, issue 1]. L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1927, pp. 17–97 [in Russian].

Shakhmatov 1941 — Shakhmatov A.A. *Oчерк современного русского литературного языка. 4-е изд.* [Sketch of the modern Russian literary language. 4th edition]. M.: Uchpedgiz, 1941, 288 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-138-145
УДК 81.33

Дата поступления статьи: 14/IV/2019
Дата принятия статьи: 26/V/2019

Е.А. Важдаета

КОСВЕННЫЕ СПОСОБЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ КАЧЕСТВА ТОВАРОВ И УСЛУГ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

© *Важдаета Екатерина Алексеевна* – аспирант, старший преподаватель, кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: marketolog163@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1790-1377>

АННОТАЦИЯ

В статье представлена система косвенных способов презентации высокого качества товаров и услуг, которые используются в текстах современной коммерческой рекламы. Описаны модели презентации высокого качества, а также подвиды этих моделей. Среди косвенных способов презентации качества товаров и услуг выделены модели обозначения высокого качества через обращение к эксперту, через соотношение с ценой, через обращение к узкому сегменту целевой аудитории, а также через обращение к авторитету страны-производителя. В рамках способа презентации качества через обращение к эксперту обозначены пять моделей: обращение к профессионалу-эксперту, медийной личности («звезде»), представителю целевой аудитории, персонажу и блогеру. Способ презентации качества через соотношение с ценой разделен на два подвиды: модель «цена низкая, качество высокое» и модель «цена высокая, качество высокое». Способ презентации качества через обращение к авторитету страны-производителя разделен по номинациям определенных стран-производителей; самыми популярными в их числе обозначены Германия, Швейцария, Швеция и Япония. Сделаны некоторые выводы об эффективности тех или иных моделей и их подвидов. Проанализированы рекламные тексты, фигурирующие как в виртуальном пространстве и медиапространстве, так и в пространстве города Самары. Результаты представленного исследования рекомендованы для практического применения в рекламной деятельности коммерческих организаций.

Ключевые слова: категория «качество», качество товара, качество услуги, косвенные способы презентации качества, качество в рекламе, коммерческая реклама, рекламный текст.

Цитирование. Важдаета Е.А. Косвенные способы презентации качества товаров и услуг в рекламном тексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 138–145. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-138-145>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

INDIRECT METHODS OF PRESENTING HIGH-QUALITY GOODS AND SERVICES IN AN ADVERTISING TEXT

© Vazhdaeva Ekaterina Alekseevna – postgraduate student, senior lecturer of the Department of Russian Language and Mass Communications, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, 34, 443086, Russian Federation, Samara, Moscovskoe shosse, 34.

E-mail: marketolog163@gmail.com. ORCID: <https://doi.org/0000-0003-1790-1377>.

ABSTRACT

The article presents a system of indirect method to present high quality products and services that are used in the texts of modern commercial advertising. Direct and indirect presentation models of high quality are described, as well as subtypes of these models. Among the indirect method of presenting the quality of goods and services, the model identifies high quality with an appeal to an expert, through correlation with price, with an appeal to a narrow segment of the target audience, and also with an appeal to the authority of the producing country. Among the method of quality presentation with appeal to an expert, five models are designated: an appeal to a professional expert, to a media personality («star»), a representative of the target audience, a character and a blogger. The method of presenting quality in relation to price is divided into two subspecies: the model «price is low, quality is high» and the model is «price is high, quality is high». The method of presenting quality with appeal to the authority of the producing country is divided according to the nominations of certain producing countries; the most popular among them are designated Germany, Switzerland, Sweden and Japan. Some conclusions about the effectiveness of certain models and their subspecies were made. The study was carried out on the material of 474 advertising texts collected by direct sampling. Advertising texts were used, appearing both in the virtual space and media space, and in the Samara city space. The results of the presented research are recommended for practical application in commercial organizations advertising activities.

Key words: category «quality», quality of goods, quality of service, indirect methods of presenting quality, quality in advertising, commercial advertising, advertising text.

Citation. Vazhdaeva E.A. *Kosvennye sposoby prezentatsii kachestva tovarov i uslug v reklamnom tekste* [Indirect methods of presenting high-quality goods and services in an advertising text]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 138–145. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-138-145> [in Russian].

Введение

Категория качества в рекламе — понятие многоаспектное, поскольку может включать в себя целый комплекс ее составляющих. Аппелируя к качеству продвигаемого продукта, автор рекламного текста может удовлетворить потребность широких групп общественности, так как в массовом сознании обращение будет происходить к разным компонентам в составе общей категории «качество».

Обращение к целевым группам в рекламной коммуникации может выстраиваться с использованием различных инструментов, каналов и технологий, и любые из них могут использовать обращение к категории качества для достижения коммерческой цели адресанта рекламы.

Результаты исследования

Качество продукта как категорию, обеспечивающую конкурентоспособность на рынке, чаще всего рассматривают специалисты в области экономики: Г.Г. Азгальдов, А.С. Басюк, А.С. Фрайман, В.Ю. Огвоздин, А. Фейгенбаум, В.Л. Семенов и др. Как верно подмечает В.Л. Семенов, качество пронизывает практически все стороны мироздания и является главным фактором экономического развития,

социального устройства, имеет фундаментальное значение для понимания сущности человеческого бытия, развития духовной культуры общества [Семенов 2011].

Филологический аспект изучения категории качества рассматривается с точки зрения лингвокогнитивистики. Среди филологов, занимающихся вопросами категории качества, следует обозначить И.С. Тимофеева, О.С. Шибкову, Ю.А. Климовских, Т.Б. Колышкину. В частности, О.С. Шибкова, рассматривая качество как категорию мышления, утверждает, что качество, будучи связанным с осмысленной целеполагающей деятельностью человека, имеет телеологический характер и опирается на свойство материала, из которого состоит предмет. Также исследователь подмечает важную особенность — относительность категории качества: «...как можно все эти гетерогенные феномены свести воедино или понять как единую мыслительную категорию качества. <...> За некоторой качественной определенностью предмета скрываются онтологическая неясность и неопределенность. Например, учитывая разный болевой порог у индивидов, можно предположить, что точная температурная характеристика одного и того же предмета

для одного человека будет выражаться словом «холодный», а для другого — «теплый», третий же скажет «горячий» [Шибкова 2010]. Эта относительность категории качества имеет большое значение для функционирования ее в рекламной коммуникации, поскольку важна здесь целевая аудитория рекламируемого продукта, который представлен в рекламном тексте как продукт с высоким качеством.

Категорию качества в рекламной коммуникации подробно исследовала Т.Б. Колышкина, которая в этой связи выделила три способа моделирования реальности: 1) качество как совокупность характеристик, признаков, свойств, особенностей, отличающих один предмет или явление от других; 2) качество как то или иное свойство, достоинство, степень пригодности; 3) качество как нормативная оценка, совокупность свойств и признаков, определяющих соответствие образцу [Колышкина 2016]. Также к качеству продукта в своих исследованиях обращалась С.С. Чашина, которая доказала, что категория качества занимает лидирующую позицию в списке категорий свойств товара среди двадцати четырех, выявленных автором [Чашина 2008].

Потребность определить возможности влияния на потребителей с помощью категории качества в рекламе приводит к необходимости анализа и систематизации всех используемых в настоящее время способов презентации высокого качества. Для достижения этой цели нами было собрано 1200 текстов коммерческой рекламы, ориентированной как на потребителя, так и на бизнес-аудиторию, в них содержится указание на высокое качество рекламируемого объекта. На основании исследования собранного материала была выявлена система способов презентации качества товара или услуги, включающая прямые и косвенные способы. Из них 60,5 % выборки (726 текстов) выражают качество эксплицитным образом, они отнесены нами к прямым способам, а 39,5 % выборки (474 текста) выражают высокое качество рекламируемого продукта имплицитным образом и на этом основании отнесены нами к косвенным способам презентации качества товара.

В качестве источников фактического материала были использованы различные рекламные каналы. Среди них медийные рекламные каналы: телевидение (телеканалы «Первый», «Россия-1», «ТВ-3», «Пятница!», «РЕН-ТВ», «СТС», «ТНТ»); радиоканалы («НАШЕ РАДИО», «Самара-максимум», «РАДИО ВАНЯ»), пресса (журнал «Выбирай!», семейный журнал «Роднучек», мужской журнал «Максим», журнал «За рулем»); интернет-ресурсы (сайты коммерческих компаний, функционирующих на различных рынках, ориентированных на аудиторию разных сегментов; форумы взаимодействия пользователей, объединенных общими интересами; профессиональные форумы; социальные сети vk.com, Instagram и YouTube, включая рекламные возможности данных площадок). Источником фактического материала послужили также немедийные каналы рекламы, среди них рекламные сообщения, размещенные в пространстве города Самары и Самарской области (билборды, реклама на транс-

порте, рекламные возможности внутреннего пространства мест общественного пользования — торговых и офисных центров, магазинов, городской инфраструктуры); полиграфическая продукция (рекламные листовки, буклеты, брошюры, каталоги); реклама, размещенная в местах продаж (оформление витрин и торговых залов, прикассовой зоны, входной группы). В ранее опубликованной статье мы уже анализировали прямые способы указания на высокое качество [Важаева 2017]. В настоящей статье мы описываем систему косвенных способов презентации высокого качества товаров и услуг.

Полученная в результате анализа материала система способов указания на высокое качество рекламируемого объекта позволяет сделать некоторые выводы об эффективности использования тех или иных форм, сформировать предложения по повышению эффективности рекламных сообщений, содержащих или имеющих возможность содержать отсылки к высокому качеству продукта, а также может быть использована в качестве методических рекомендаций для специалистов по рекламе и продвижению в коммерческой сфере.

Среди косвенных способов презентации качества товаров и услуг выделены модели обозначения высокого качества через обращение к эксперту, через соотношение с ценой, через обращение к узкому сегменту целевой аудитории, а также через обращение к авторитету страны-производителя. Фактический материал позволил выделить подвиды среди каждой из обозначенных моделей. В составе группы косвенных способов наиболее частотен тот, в котором качество презентуется через соотношение с ценой (162 рекламных текста, составляющие 34,2 % от общего числа текстов, в которых качество выражается косвенным образом). Почти так же популярна презентация качества через обращение к эксперту (150 текстов, которые составляют 31,6 % от числа текстов в группе косвенных способов). Следующий по частотности — способ презентации качества посредством номинации страны-производителя, он используется в 25,3 % проанализированных случаев (120 текстов). Самый редкий в использовании способ, который тем не менее не мыслится нами как неэффективный с точки зрения коммерческой задачи, способ презентации качества продукта через обращение к узкому сегменту целевой аудитории. Он используется лишь в 42 примерах и составляет 8,9 % от этой группы. Рассмотрим их подробнее.

Первая модель косвенной характеристики качества продукции — **обращение к эксперту**. К экспертам в рамках данной модели мы относим лидеров общественного мнения (ЛОМ): специалистов-профессионалов, достигших успеха в определенных областях, персон, которые имеют опыт в использовании данного продукта (причем опыт может быть как удачным, так и неудачным), знаменитостей — актеров, певцов и других медийных личностей, а также обычных людей, которые по тем или иным причинам пользуются популярностью среди

представителей целевой аудитории рекламируемого товара или услуги.

Российская практика рекламы показывает, что обращение к экспертам не только эффективный, но и долгосрочный способ привлечения целевой аудитории, поскольку, работая с сознанием потребителя, реклама формирует лояльность к рекламируемому продукту, а затем и к бренду. Проанализировав обращение к экспертам в рекламе, мы разделили последних на несколько групп. Важным при выборе лидера мнения становится точное попадание в предпочтения целевой аудитории, поскольку в каждой целевой группе будет свой эксперт. Сплошная выборка дала возможность сформировать пять типов лидеров мнений, которые в рекламных текстах сообщают о качестве рекламируемого продукта.

1. Профессионал-эксперт. Чаще всего это представитель-специалист из той сферы, в которой представляется рекламируемый объект: стоматолог в рекламе зубной пасты (Blend-a-med), парикмахер-колорист в рекламе краски для волос (Pantine), фитнес-тренер в рекламе спортивных услуг (Alex Fitness, FitFashion, «Физкультура»), автомеханик в рекламе моторного масла (ROLF), мастер по ремонту стиральных машин в рекламе средства для стиральной машины (CALGON, рекламная кампания 2004 года).

2. Медийная личность, знаменитость, «звезда». Существуют целые блоки рекламных кампаний с популярными личностями. Некоторые бренды выбирают знаменитостей в качестве постоянных коммуникантов на продолжительный срок. Выбор медийной личности для рекламы того или иного продукта не случаен. Например, Елена Летучая снялась в рекламных роликах разных брендов: ополаскивателя для рта «Листерин», стирального порошка «Фаберлик», средства для мытья посуды «АОС», ранозаживляющего препарата «Солкосерил». Все эти товары направлены на поддержание чистоты, и присутствие в роликах выбранного коммуниканта для каждого из указанных рекламных объектов подчеркивает их высокое качество, поскольку Летучая признана экспертом в области чистоты. Ляйсан Утяшева фигурирует в рекламе детского питания «Малютка», и это тоже не случайность: о том, что она — образцовая мать двоих детей, известно целевой аудитории продукта, и на нее равняются многие члены данной группы. Также не случайно Александр Гудков (респондент шоу «Камеди Вуман») появляется в рекламе йогурта «Активиа»: по образу, сформированному для него СМИ, Александр — один из немногих мужчин в женском коллективе «Камеди Вуман», который априори должен разбираться в женской красоте и здоровой потере веса, которую обещает рекламируемый объект.

3. Представитель целевой аудитории. Особенность данного типа лидеров мнений заключается в том, что некоторые целевые группы не склонны доверять мнению людей, которые непосредственно заинтересованы в сбыте продукта. Такие пользователи доверяют только тем, кто является «таким же,

как и я», человеком со сходной проблемой, нуждами. Перед тем как приобрести товар, данная категория людей обращается к отзывам о продукте, которые часто размещены другими пользователями на различных интернет-площадках и форумах, а также спрашивает мнения своих друзей, близких, знакомых. Эффективность так называемого «сарафанного радио» доказана многими практикующими специалистами по рекламе, а потому нашла отражение в способе презентации высокого качества продукта посредством представителей целевой аудитории. Среди примеров — серии рекламных роликов стирального порошка Tide, сока «Фруктовый сад», средства для стиральной машины CALGON, отбеливателя ACE, подсолнечного масла «Злато», где ключевыми персонажами рекламного ролика становятся люди «из народа», домохозяйки.

4. Персонаж. Презентация качества продукта с помощью персонажа — относительно новый способ рекламирования. К нему относится такая реклама, которая содержит положительный отзыв героя, не существующего в реальном мире. Такими героями могут быть персонажи ситуационных комедий, сериалов, фильмов и мультфильмов. В виртуальном мире у каждого персонажа гиперболизирован характер, которым наделил его создатель, это позволяет убедительно предположить привычки и предпочтения данного героя, а следовательно, ориентировать его на определенные целевые группы. Порой образ героя органично сращивается с образом актера, сыгравшего его. В этом случае использование персонажа в рекламе достаточно эффективно (образ доктора Быкова из телесериала «Интерны» в рекламе «Мирамистин»; образ Виктора Барина из телесериала «Кухня» в рекламных кампаниях ножей Tomas и средства для мытья посуды Fairy; Николая Петровича из телесериала «Воронины» в рекламе светодиодной лампы GAUSS; Маши и Медведя из мультсериала в рекламе йогуртов Danone, шоколада «Киндер Сюрприз», кофе «Шоколадница»).

5. Блогер. Этот вид рекламы появился лишь в последние 2–3 года и сейчас стремительно набирает популярность. Такая реклама ориентирована на современное поколение миллениалов, нынешних подростков, рожденных в нулевые годы XXI столетия. Их общей психологической чертой становится постоянное желание находиться в информационном пространстве, проводить всю свою жизнь онлайн. Такая особенность не остается незамеченной практиками рекламной деятельности, и поэтому для этой аудитории создаются новые эффективные каналы рекламы, которые в индустриальную эпоху не могли существовать. Примеры такой рекламы можно наблюдать в блогах Елены Кошкиной, Екатерины Трофимовой, Валентина Петухова и др. Самые популярные блогеры заключают долгосрочные контракты для рекламы тех или иных продуктов и затем выпускают целые рекламные кампании. Так, Катя Клэп, набирая популярность, снимается в рекламных роликах для брендов «Лошадиная сила», «Билайн», Durex; Влад А4 как один

из молодых блогеров представил средство от прыщей Garnier; техноблогер Валентин Петухов появился в рекламе Сбербанка, связанной со Sberseasons — оплачиваемой стажировкой банка для студентов экономических факультетов и технических специальностей. Каждый из блогеров выбран для этих брендов, исходя из особенностей целевой аудитории рекламируемого продукта.

Некоторые подвиды этого способа являются классическими, такие как обращение к профессионалу-эксперту, медийной личности или представителю целевой аудитории. Другие только набирают обороты в связи с динамическими социальными процессами, например трансляция качества через персонажа фильма или сериала или с помощью блогеров. Каждое из этих направлений находит отклик среди целевой аудитории своего рынка, а потому может считаться полноценным способом презентации качества.

Вторая модель в рамках косвенных способов — презентация высокого качества продукта **через соотношение с ценой**. Вопросами соотношения цены и качества занимался А. Фейгенбаум [Фейгенбаум 1986]. Он ассоциировал качество не только с техническими характеристиками объекта, но и с его ценой, определяя тем самым тотальность качества. Наряду с понятием качества понятие цены наиболее часто фигурирует в коммерческой сфере, в частности в коммерческой рекламе, и во многих случаях эти понятия взаимно проникают друг в друга. Цена является одним из важных критериев принятия потребительских решений, и потому рассмотрим ее в совокупности с исследуемой нами категорией качества.

В рекламе соотношение цены и ценности (качества товара) отражается двумя способами: 1) цена низкая, качество высокое; 2) цена высокая, качество высокое. Это связано с тем, что низкое качество не демонстрируется в рекламе. Первый способ наиболее распространен, поскольку считается, что цена является одним из основных мотивов при принятии решений о покупке товара. С учетом того, что другим важным мотивом является высокое качество товара, тот товар, который имеет преимущество в цене при условии сохранения высокого качества, будет пользоваться большим спросом, нежели конкурентный: *Победитель многочисленных дегустаций по вкусу и аромату. Превосходное качество по демократичной цене. Многократный лауреат чайных выставок. Качество продукта подтверждено наградой «Товар года». Индийский чай «Бодрость» собирают у подножия вершин Гималаев (реклама чая в телепередаче «Однако», 2009 г.). Ищете качественную рассаду? У нас есть красивые цветы для Вашей клумбы, проверенные высокоурожайные сорта овощей для Вашего огорода. Лучшие сорта. Доступные цены* (Роднулечка, май, 2016, с. 47). *Уникальная и высококачественная косметевтика, объединившая в себе лучшие достижения и разработки косметологии и фармакологии. Высокое качество компонентов, безопасность и доступная цена,* —

вот что отличает средства LIBREDERM (карточка описания товара в интернет-магазине librederm.ru). *ProRoll's — это высокое качество приготовленных блюд. ProRoll's — это лучшие повара, каждый из которых регулярно проходит курсы повышения мастерства. Мы предлагаем Вам насладиться нашими роллами в качественном исполнении и по доступным ценам. ProRoll's — качество выше всего* (Публикация в социальной сети на личной странице директора ресторана японской и паназиатской кухни ProRoll's — <https://vk.com/id94366763>).

Часто рекламодатель не считает нужным приводить доказательства того, что товар с низкой ценой является действительно качественным, оставаясь голословным: *Широкий ассортимент товаров высокого качества, привлекательные цены — в METRO есть все, что необходимо для Вас и Вашего бизнеса* (Выбирай! 2015. № 2. С. 32). *Мамочки, распродажа! Качество просто великолепное! Распродажа остатков сезона весна-осень* (интернет-магазин одежды). *ООО «Полистар». Элементы декора с невысокой стоимостью и отличным качеством* (Выбирай! 2016. № 2. С. 47).

Второй способ презентации качества товара, при котором используется мотив высокой цены, используется несколько реже и транслируется при помощи ограниченного круга каналов рекламы. Это связано с ограниченностью рынка сбыта таких товаров, а также с ориентацией на целевую аудиторию премиум-класса. Особенностью этого способа презентации качества является лишь намек на высокую цену с помощью соответствующей лексики: *роскошный, филигранный, безупречный, премиальный, выдающийся*. Прямое указание на высокую цену было бы неуместно, поэтому она представлена как статус, который стоит за этой высокой ценой: *Оставаясь верными нашему принципу непрерывного улучшения «Кайзен», мы сделали салон NX роскошным, как никогда прежде. Вы сразу замечаете увеличившийся дисплей премиальной навигационной системы LEXUS диагональю 10,3 дюйма, а безупречная прострочка на сиденьях и филигранная обработка деталей делают Ваше пребывание за рулем незабываемым* (официальный сайт автомобиля премиум-класса www.lexus.ru). *Ваш LEXUS является выдающимся образцом инженерии, дизайна и роскоши, и мы уверены, что в некоторых вопросах компромисс невозможен. Поэтому мы всегда рекомендуем оригинальные аксессуары LEXUS, потому что Вы и Ваш NX заслуживаете лучшего* (www.lexus.ru). *8 марта выберите роскошный подарок в магазинах Louis Vuitton* (официальный сайт магазинов ru.louisvuitton.com).

Таким образом, при использовании стереотипного представления широкой аудитории о том, что качественный продукт — это такой продукт, который не может стоить дешево, работают две схемы: «от обратного», когда подчеркивается срочность и/или уникальность такого предложения, в котором качественный продукт предлагается по невысокой

цене (стало быть, мотив ограничения по времени работает на коммерческую цель рекламодателя), и классический способ указания на высокое качество с помощью нарочитой демонстрации дороговизны продукта.

Третья модель косвенной презентации качества — **через обращение к узкому сегменту целевой аудитории**. Уникальность этого способа заключается в том, что рекламный продукт, продвигаемый таким образом, ориентирован не на массовый рынок, а лишь на один узкий сегмент. Из этого следует, что для массовой аудитории такая реклама может быть не просто неэффективной, но даже отталкивающей. Однако для групп, на которые ориентировано подобное сообщение, оно будет эффективным, поскольку учитывает предпочтения и особенности именно этих групп, которые, в свою очередь, выявлялись с помощью многочисленных маркетинговых исследований.

Российский рынок в подавляющем большинстве все еще ориентируется на стратегию сбыта для рынков массового производства, однако в России уже существуют категории товаров, ориентированных на узкие сегменты. Учитывая социально-психологические, мотивационные, поведенческие и другие характеристики представителей этих сегментов, которые могут значительно отличаться от массового рынка, рекламодатель, исследуя эти особенности, понимает, что понятие качества для этой аудитории также может в значительной мере отличаться. В итоге получаем презентацию качества товара, которая для не-представителя целевой группы может показаться необъяснимой. Приведем примеры: *Овощные роллы. Мы всей командой очень любим это блюдо, потому что им удобно делиться с друзьями. Заказывай сразу три вида: спринг-ролл, RAWI и ролл Тайпана. Лучшее решение для бранча выходного дня! Ждем в гости. Ресторан Огород, Галактионовская, 68* (реклама ресторана «Огород» в официальной группе vk.com/ogorodsamara, 28 марта 2018 г.). Объектом данной рекламы являются роллы из овощей. В классическом понимании роллы — это японское блюдо из риса и рыбы, и массовая аудитория, предпочитающая такой вид пищи, может не расценить такое блюдо как *лучшее решение для бранча*. Тогда презентация качества не будет эффективной. Вместе с тем известно, что ресторан «Огород» — это ресторан вегетарианской пищи и основным, узким сегментом целевой аудитории для этого заведения являются вегетарианцы и веганы. Поэтому такая презентация качества в данном случае будет успешной, будучи направленной на узкий сегмент. Сравним с предыдущим примером следующий: *Голод и недосып — основные причины плохого настроения. С первым мы уже разобрались: приготовили этот манящий классический бургер из 100%-ной говядины!* (публикация в аккаунте социальной сети «Инстаграм» бара «Дорогая, я перезвоню» — www.instagram.com/p/Bscvzpggcfq). И тот и другой пример иллюстрируют высокое качество еды, но семантическая ком-

понента для разных целевых групп будет в разных случаях различной.

Рассмотрим примеры рекламных текстов тату-салонов. Часто здесь для презентации качества работы используется мотив боли, который был бы отталкивающим для любой другой аудитории, но не для данного узкого сегмента: *Очередная работа мастера Алены Хайдуковой, которая сочетает не только боль с красотой, но и несколько картинок в одну общую историю* (публикация в группе тату-салона «Студия 13» — vk.com/13org_tattoo). *Боль на тарелочке с голубой каемочкой* (vk.com/13org_tattoo). То, что имеет негативную коннотацию в общем смысле, становится лексикой с позитивным значением для узкого сегмента: *Прорывная игра прошлого поколения* (реклама видеоигры Crackdown на форуме геймеров — 4cheat.ru). В данном примере рекламируется игра для Xbox 360, которая имела большую популярность в нулевых годах текущего столетия. В широком смысле для рекламного текста словосочетание *прошлого поколения* будет иметь скорее негативно окрашенный смысл, поскольку современная эпоха диджитализации призывает покупать только новые продукты, избавляясь от старого. Однако среди геймеров есть узкий сегмент пользователей, которые предпочитают играть в старые «олдскульные» игры: SEGA, DANDY или старые версии Xbox. Для них подобный акцент будет иметь преимущество при выборе игры.

Специфика канала распространения такой рекламы также присутствует: чаще всего это тематические сайты, объединяющие узкий сегмент в единое информационное пространство (форумы для геймеров, любителей фильмов, музыки определенного жанра), собственные площадки продукта (рекламно-информационные сайты, сообщества в социальных сетях) или таргетированная реклама. Несмотря на невысокую частотность обращения к этому способу, мы склонны считать его эффективным, поскольку сама специфика рынка предполагает обращение к неклассическим способам рекламирования в целом и презентации качества в частности.

Четвертая модель, для которой характерна презентация качества косвенным образом, — **номинация страны-производителя** продукта в рекламном тексте. Поскольку некоторые страны-производители пользуются у потребителей большим доверием, чем другие, рекламные тексты совершенно разных типов учитывают этот факт и используют номинацию стран с репутацией производителя качественных товаров. Для разных категорий товаров это могут быть разные страны: для обуви — Италия, парфюмерии — Франция, медицинских товаров и услуг — Израиль.

Исходя из стереотипных представлений российского потребителя, лидером качества по всем рынкам, вне зависимости от товарной категории, остается Германия, поэтому товар, имеющий отношение к Германии, в его сознании воспринимается

как качественный. Вероятно, по этой причине 30 % рекламных текстов, обращающихся к данному способу, использовали бренд именно этой страны в своих рекламных кампаниях. **Немецкие технологии.** Моторное масло ZIC. Сделано в Германии (рекламный ролик на телеканале «Россия-1»). **Немецкое качество.** Безупречный стиль. Мужской характер (реклама бытовой техники BORK). Многоуважаемый культиватор из Германии (слоган магазина садово-огородной техники). **Немецкое качество под каждой крышкой** (слоган рекламной кампании пива Bagbier). Нередки случаи употребления фраз на немецком языке в рекламном тексте для усиления ассоциации с высоким качеством товара: **Qualität (нем.) — качество.** Мы перевели качество на русский язык. Volkswagen Passat (рекламная кампания Volkswagen). Ritter Sport. Шоколадное наслаждение для каждого случая. **Quadratisch. Praktisch. Gut** (рекламная кампания шоколада Ritter Sport). **Rolf. Qualität ohne Kompromisse** (реклама моторного масла ROLF). Некоторые из них закладывают ассоциацию на самом базовом уровне — уровне нейминга (*Немецкий дом, Немецкие окна, Frau Muller, Sehr Gut, Одежда из Германии, Кнайпе «Кино и немцы»*), а затем выстраивают концепцию организаций вокруг названия, а также используя обращение к Германии в своих текстах рекламы: *Неделя была трудной, но продуктивной, а значит, мы заслужили отдых! Побалуйте себя вкуснейшей немецкой кухней в кнайпе «Кино и немцы»!* (публикация в группе vk.com/kinoinemcy кнайпе «Кино и немцы» г. Красноярск). *«Кино и немцы» славится не только вкуснейшим пивом, но и чудесной немецкой кухней.* Продуктивно также использование положительного образа Швеции, Швейцарии, Японии как страны-производителя качественных продуктов. Швеция в таких примерах позиционируется как страна, рационально относящаяся к собственным ресурсам, а также заботящаяся об экологичности своей продукции: **Electrolux. Швеция.** Сделано с умом (слоган рекламной кампании в 1990-х годах). *Мы родом из Швеции, и у нас особый взгляд на красоту и производство продукции. Следуя шведскому принципу равных возможностей, мы стремимся к тому, чтобы наше высокое качество было доступно всем, и производим товары по определенным стандартам, которым соответствуют все без исключения продукты «Орифлейм»* (из каталога: Орифлейм. 2019. № 4. С. 2). **Красота. Создано Швецией.** Лучшее от природы. Достижения науки. Легендарное качество (из каталога: Орифлейм. 2019. № 4, обложка). Япония представляется как технологичная страна, в которой, вне зависимости от товарной категории, производятся только продукты с высоким качеством: **MITSUBISHI PAJERO IV. Душа MITSUBISHI.** Легендарный внедорожник японской сборки, 12-кратный победитель ралли-рейда «Дакар» и кумир многих поколений, ценителей настоящих автомобилей. С 1982 года и до наших дней носитель неизменных традиций высокого качества и феноменальной надежности (реклама на сайте «Самарские автомобили» — samaraavto-mitsubishi.ru).

Настоящее изысканное японское качество только у нас! (Выбирай! 2014. Июнь. С. 33). Швейцария в рекламе — это та страна, которая показывает самые высокие стандарты и безупречно решает все задачи, которые перед ней возникают, а потому ее образ используется для товарных категорий, которые требуют особенно пристального внимания, например продукты питания для детей: *Сынок пьет с удовольствием, и я доверяю швейцарскому качеству* (рекламный ролик «Нистожен», телеканал «Ю») или продукты премиум-лиги: *Часы фирмы Adriatica производятся в городе Каморино в Швейцарии. Характеристика «сделано в Швейцарии» сама по себе олицетворяет высокое качество часов, точность, надежность в сочетании с элегантностью и оригинальным дизайном. Все эти качества в полной мере можно отнести и к продукции фирмы Adriatica, которая на сегодняшний день включает мужские и женские золотые, позолоченные, титановые и стальные часы* (карточка товара интернет-магазина styletopik.ru). *Часы Jowissa сочетают в себе швейцарское качество и надежность с оригинальным дизайном* (styletopik.ru).

Образ Италии в рекламных текстах, демонстрирующий высокое качество товара или услуги, отличается особой атмосферой в каждом случае. Вместе с текстом с помощью визуального и звукового сопровождения автор рекламного сообщения стремится создать у адресата рекламы необходимое настроение. Это говорит о качестве предоставляемой услуги, если товарная категория требует такой расслабленности: **Клиника европейского уровня. Итальянское оборудование VIP-класса. Легкая атмосфера. Реклакс-дизайн. Эстетическая стоматология «Формула улыбки»** (реклама стоматологической клиники; Роднучелка. 2016. Апрель. С. 43). **Почувствуйте вкус Италии** (билборд Nescafe Espresso). **Вечера итальянской музыки в ресторане In Alto.** Живая музыка, новое меню итальянской кухни, панорамный вид на Волгу с высоты 7-го этажа (Выбирай! 2015. Ноябрь. № 18. С. 34). Отсюда следует вывод, что итальянское качество как высокое будет рассматриваться в том случае, когда следует продемонстрировать особую атмосферу, которая возникает при взаимодействии с рекламируемым товаром или услугой. Интересным представляется обращение к России в рекламных текстах для презентации качества рекламируемого продукта. Этими вопросами частично занималась Т.П. Романова [Романова 2018]. Не всегда использование российских национальных образов целесообразно для демонстрации качества продукта, часто рекламодатель преследует другие цели, однако во многих случаях косвенная презентация высокого качества товара в этом случае все же присутствует: *«Медведь» — шины для русских дорог. «Лада» — ключ к дорогам России* (АвтоВАЗ). *Мощная, просторная, неприхотливая и выносливая. Сродни русской душе* (ГАЗ «Волга»). Таким образом, список стран, зарекомендовавших себя как производители товаров с высоким качеством, достаточно обширен.

Заключение

Каждый из представленных способов презентации высокого качества продукта, прямой или косвенный, занимает свое место в системе маркетинговых коммуникаций. Выбор той или иной модели во многом зависит от особенностей целевой аудитории, специфики рынка, а также уникального торгового предложения, которое предлагает своему адресату рекламодатель. Сформированная система способов может быть предложена специалистам по рекламе фирм разного уровня при подготовке рекламных кампаний, написании сценариев к рекламным видеороликам, разработке рекламной стратегии организации, а также использоваться в других рекламных мероприятиях в качестве методического материала.

Библиографический список

- Семенов 2011 — Семенов В.Л. Теоретические аспекты качества как экономической категории // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 474–479. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-kachestva-kak-ekonomicheskoy-kategorii>.
- Шибкова 2010 — Шибкова О.С. Категория качества как категория мышления // Известия ВГПУ. 2010. № 2. С. 56–59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15251444>.
- Колышкина, Маркова, Шустина 2016 — Колышкина Т.Б., Маркова Е.В., Шустина И.В. Ключевые концепты рекламной коммуникации: монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 212 с.
- Чашина 2008 — Чашина С.С. Категория «качество товара» в рекламе // Политическая лингвистика. № 1 (24), раздел 2: Язык — Политика — Культура. Нижний Тагил, 2008. С. 140–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kategoriya-kachestvo-tovara-v-reklame>.
- Важдаева 2017 — Важдаева Е.А. Прямые способы презентации качества товаров и услуг в рекламном тексте // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 2 / УО МГПУ им. И.П. Шамякина; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь, 2017. С. 6–9.
- Фейгенбаум 1986 — Фейгенбаум А. Контроль качества продукции: сокр. пер. с англ. М.: Экономика, 1986. 471 с.
- Романова 2018 — Романова Т.П. Российский этнокультурный маркер в слоганах коммерческой рекламы // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 160–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35409953>.
- Сemenov 2011 — Semenov V.L. *Teoreticheskie aspekty kachestva kak ekonomicheskoi kategorii* [Theoretical aspects of the quality as an economic category]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2011, no. 4, pp. 474–479. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-kachestva-kak-ekonomicheskoy-kategorii> [in Russian].
- Shibkova 2010 — Shibkova O.S. *Kategoriya kachestva kak kategoriya myshleniya* [Quality category as a category of thinking]. *Izvestiya VGPU* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2010, no. 2, pp. 56–59. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15251444> [in Russian].
- Kolyshkina, Markova, Shustina 2016 — Kolyshkina T.B., Markova E.V., Shustina I.V. *Klyuchevye kontsepty reklamnoi kommunikatsii: monografiya* [Key concepts of advertising communication: monograph]. Yaroslavl: RIO YaGPU, 2016, 212 p. [in Russian].
- Chachina 2008 — Chashchina S.S. *Kategoriya «kachestvo tovara» v reklame* [Category «quality of goods» in advertising]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], Section 2. Language — Politics — Culture, 2008, no. 1 (24), pp. 140–146. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kategoriya-kachestvo-tovara-v-reklame> [in Russian].
- Vazhdaeva 2017 — Vazhdaeva E.A. *Pryamyie sposoby prezentatsii kachestva tovarov i uslug v reklamnom tekste* [Direct methods of presenting high-quality goods and services in advertising text]. In: *Tekst. Yazyk. Chelovek: sb. nauch. tr.: v 2 ch. Ch. 2. UO MGPU im. I.P. Shamyakina; redkol.: S.B. Kurash (otv. red.) [i dr.]*. [Text. Tongue. Man: collection of research works: in 2 parts. Part 2. Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin; S.B. Kurash (ed.) [et al.]]. Mazyr, 2017, pp. 6–9.
- Feigenbaum 1986 — Feigenbaum A. *Kontrol' kachestva produktsii: sokr. per. s angl.* [Total quality control: abbreviated translation from English]. M.: Ekonomika, 1986, 471 p. [in Russian].
- Romanova 2018 — Romanova T.P. *Rossiiskii etnokul'turnyi marker v sloganakh kommercheskoi reklamy* [The Russian ethnocultural marker in the slogans of commercial advertising]. *Vek informatsii* [Information Age], 2018, Vol. 1, no. 2, pp. 160–161. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35409953> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-146-152
УДК 811.11

Дата поступления статьи: 5/V/2019
Дата принятия статьи: 6/VI/2019

Ю.А. Шеховская, А.В. Перетяtko

СОМАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

© Шеховская Юлия Андреевна – аспирант II курса кафедры английского языка, Тюменский государственный университет, 625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.

E-mail: y.a.shekhovskaya@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3139-2145>

© Перетяtko Анна Владимировна – аспирант II курса кафедры испанского языка, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.

E-mail: anitaprofe@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-5986>

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются различные определения понятий «метафора» и «метафорическая модель». Проанализировано значение соматической метафоры в спортивном дискурсе. Выделены подвиды соматической метафоры – физиологическая метафора, морбиальная метафора и социальная метафора. Сделаны выводы о сходствах и различиях английского и испанского спортивных дискурсов. Большое количество метафор создается в сферах функционирования языка, которые попадают в центр особого внимания общественности, и по проблемам, дискуссионным в обществе, таким как политика, экономика, экология и др.

Современные лингвистические исследования, трактуя метафору как мыслительный и когнитивный феномен, дают возможность говорить об универсальности метафоры, ее присутствии в концептуальных структурах человеческого мышления.

В исследовании использованы методы анализа и синтеза, метод сравнения. Проведена работа по исследованию соматических метафор в английском и испанском языках, сделаны сравнения физиологической метафоры, морбиальной метафоры и социальной метафоры в спортивном дискурсе испанского и английского языков.

В ходе исследования удалось выяснить, что физиологическая метафора используется как в английском, так и в испанском варианте, но отличается объектами сравнения, т. е. тем, с какими частями тела совершается ассоциация. Если в английском спортивном дискурсе источником метафорических образов являются такие части тела, как голова и лицо, то в испанском варианте доминируют кости и мышцы.

Обладая всеми перечисленными свойствами, спорт функционирует как организм. Это дает основания для выделения метафорической модели «спорт – организм», в рамках которой можно говорить о том, что названия частей тела могут выступать источником метафор в спортивном дискурсе.

Ключевые слова: метафора, спортивный дискурс, физиологическая метафора, метафорическая модель, англоговорящий спортивный дискурс, функции метафор.

Цитирование. Шеховская Ю.А., Перетяtko А.В. Соматическая метафора (на материале английского и испанского языков) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 146–152. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-146-152>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Yu.A. Shekhovskaya, A.V. Peretyatko

SOMATIC METAPHOR (CASE STUDY OF THE ENGLISH AND SPANISH LANGUAGES)

© Shekhovskaya Yulia Andreevna – postgraduate student of the 2nd year of study, Department of the English Language, University of Tyumen, 6, Volodarskogo Street, Tyumen, 625003, Russian Federation.

E-mail: y.a.shekhovskaya@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3139-2145>

Peretyatko Anna Vladimirovna – postgraduate student of the 2nd year of study, Department of Spanish Language, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: anitaprofe@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1428-5986>

ABSTRACT

This article discusses various definitions of the concepts of metaphor and metaphorical model. The meaning of the somatic metaphor in sports discourse is analyzed. Subspecies of somatic metaphor – physiological metaphor, morbid metaphor and social metaphor are identified. Conclusions about similarities and differences of the English and Spanish sports discourses are made. A large number of metaphors are created in the areas of language functioning that are in the center of special public attention, and on issues that are debatable in society, such as politics, economics, ecology, etc.

Modern linguistic studies, interpreting metaphor as a mental and cognitive phenomenon, make it possible to speak about the universality of metaphor, its presence in the conceptual structures of human thinking.

The study used the methods of analysis and synthesis, the method of comparison. Work has been done on the study of somatic metaphors in English and Spanish; comparisons of physiological metaphors, morbid metaphors and social metaphors are made in the sports discourse of Spanish and English.

In the course of study, it was found out that the physiological metaphor is used both in English and in Spanish, but differs by objects of comparison, i.e. those with which parts of the body the association takes place. If in English sports discourse such parts of the body as head and face are the source of metaphorical images, in the Spanish version bones and muscles dominate.

Consequently, the widespread use of anthropomorphic metaphor in the texts of Hispanic media is not accidental. Possessing all these properties, sport functions as an organism. This gives grounds for highlighting the metaphoric model «SPORT-BODY», within which we can say that the names of body parts can be a source of metaphors in sports discourse.

Key words: metaphor, sports discourse, physiological metaphor, metaphorical model, English-speaking sports discourse, functions of metaphors.

Citation. Shekhovskaya Yu.A., Peretyatko A.V. *Somaticheskaya metafora (na materiale angliiskogo i ispanskogo yazykov)* [Somatic metaphor (case study of the English and Spanish languages)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 146–152. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-146-152> [in Russian].

Введение. Постановка проблемы

В последние десятилетия метафорические исследования выступают одним из наиболее активно разрабатываемых направлений в области изучения выразительных средств языка. В современной лингвистике изучение метафоры носит междисциплинарный характер, что позволяет глубже проникнуть в суть этого явления и связать его с познанием мира человеком, вскрыть взаимосвязи между объектами изучения разных областей науки.

Роль метафор в испаноязычном и англоязычном спортивных дискурсах достаточна велика.

Методы исследования

Работая над данной темой, мы рассмотрели метафору как стилистическое средство и ознакомились с классификациями метафор по различным признакам, проанализировали функции метафоры в спортивных текстах, исследовали особенности когнитивного отображения выборки метафор и

поделили их на группы сем в соответствии с источником метафоризации. Это удалось сделать при помощи метода синтеза и анализа. Сопоставление использования разных подвидов метафор в английском и испанском спортивном дискурсах невозможно без метода сопоставления.

Основная часть

Метафора, пронизывая всю жизнь человека, проявляется не только в языке, но также в мышлении и действии. Метафора выступает в качестве средства выражения ментальных процессов, которые основаны на культурных, национальных и социальных особенностях языка.

Метафора как специальная лексическая единица функционирует как в спортивных статьях, так и в спортивных интервью, комментариях и обзорах. Представленная статья посвящена анализу метафорической модели «себя», которая усиливает эффективность воздействия текста на читателя.

Метафоры не только сложны по своей структуре, но также и многогранны, то есть не похожи друг на друга. У каждого ученого свой взгляд на метафору. Именно поэтому для того, чтобы как-то систематизировать встречающиеся в речи метафоры, рассмотрим различные классификации, или типологии, метафор.

С точки зрения Лакоффа и Джонсона, метафора имеет широкое значение и охватывает большой класс случаев осмысления сущностей одной понятийной области в терминах существенно отличающейся от нее другой понятийной области [Лакофф, Джонсон 2004]. В истолковании Г.Н. Складневской, метафора обозначается как «вторично косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двупланности и образного элемента. По мнению автора, метафора не столько указывает на предмет речи, сколько характеризует его. В то же время, сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [Складневская 1993, с. 43].

Согласно версии О.И. Глазуновой, метафора или метафорическая модель представляет собой «уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления» [Глазунова 2002, с. 31]. В результате этого уподобления слова или словосочетания, предназначенные для обозначения одних объектов действительности, употребляются для наименования других объектов. В диссертационном исследовании О.А. Панкратовой упоминались стилистические особенности спортивного дискурса, центральное место в которых занимает именно метафорический перенос значения. Автор помимо изложения основных требований и характеристик метафор представляет логико-структурную их классификацию [Панкратова 2005, с. 81].

Одной из сфер, в которой происходит метафоризация, является спортивный дискурс. В данной работе в качестве основополагающей модели принято считать определение, которое дают Б.А. Зильберт и А.Б. Зильберт. Они определяют спортивный дискурс как подвид институционального дискурса, который должен быть представлен с помощью разных типов языковых личностей, которые «действуют в рамках определенных коммуникативных ситуаций или обстоятельств...» [Зильберт 2001, с. 103–112].

В свою очередь В.Р. Мангутова рассматривает спортивный дискурс с точки зрения иерархических отношений, т. е. автор выделяет такие языковые личности, как судьи, игроки, зрители или слушатели и т. д. В.Р. Мангутова также подчеркивает, что выделенные языковые личности различаются не только выполняемыми ими функциями, но и коммуникативными заданиями [Мангутова].

Еще одно явление в метафорике спортивного дискурса — это так называемые «личные метафоры», т. е. метафоры имен собственных либо самометафоры, которые под влиянием ряда экстралингвистических факторов функционируют в спортивном дискурсе.

В рамках данной статьи акцент делается на метафорической модели «спорт — организм». Рассматривая данную модель как одно из специфических лексических явлений в спортивном дискурсе, авторы считают, что следует выделить такое явление, как соматическая метафора, т. е. метафора, относящаяся к частям тела, и обозначить ее в спортивном дискурсе английского и испанского языков. При помощи метода сплошной выборки были взяты тексты со спортивной тематикой, а именно статьи и аналитические обзоры, освещающие спортивные события (новости спорта), в которых была проанализирована метафора «себя», используемая в английских и испанских СМИ, посредством метода сравнительного анализа.

Для выявления лингвистических средств выражения соматических метафор в англоязычном и испаноязычном спортивном дискурсе были проанализированы статьи и интернет-страницы Соединенных Штатов Америки: *Sport Illustrated*, *The New-York Times*, *The Washington Post*, *NY Daily News*, *CNBC*, Великобритании *The Spectator*, *The Guardian*, *The Times*, и испаноязычных спортивных журналов *Elmundodeportivo*, *Marca*, *As* и *Sport* за 2014–2018 годы. В анализируемых 100 статьях и интернет-страницах было выявлено 58 метафор, из них 40 — физиологических, 10 — социальных и 8 — морбиальных.

В результате проведенного анализа было установлено, что соматическая метафора представлена такими подвидами, как физиологическая метафора, морбиальная метафора и социальная метафора как в англоязычном, так и в испаноязычном спортивном дискурсе.

Физиологическая метафора позволяет человеку наглядно представить спортивную деятельность, соотнося ее с самим собой. По словам А.П. Чудинова, с помощью данного типа метафор действительность передается в виде человеческого тела с его физиологией и анатомией.

Анализ физиологической метафоры, встречающейся в текстах англоязычных статей спортивной тематики, позволил сформировать метафорическую модель, где спорт и все, что с ним связано, уподобляются человеку как живому организму.

Так, например, в статье *Can Russia, with its history of racist attacks and hooligans, put on a World Cup welcome?*, опубликованной на страницах *The New-York Times*, встречается метафора *racism is rearing its ugly head*. Данная метафора используется автором статьи с целью обратить или даже привлечь внимание к тому, что расизм может стать помехой для проведения чемпионата мира по футболу:

With Thursday's opening match between Russia and Saudi Arabia just around the corner, racism is rearing its ugly head. / Накануне первого матча чемпионата — встречи России и Саудовской Аравии в этот четверг — **расизм поднимает свою уродливую голову.**

Метафора *racism is rearing its ugly head* представляет собой простое предложение, в котором

члены предложения представлены такими частями речи, как существительное, местоимение, глагол.

В статье Amir Khan is ready to add a few more chapters to his decorated career, опубликованной на страницах интернет-издания Sportnews, встречается метафора face of British boxing:

*With his summer antics confirming him as that season's **face of British boxing**, both the amateur and professional ranks tugged at Amir's heartstrings in the months following the Athens Games, but it was the financial lure of the progame, accompanied by the thirst to pursue world titles, which turned Khan's baby brown eyes towards a fresh challenge. / С его летними выходками, подтверждающими его как **лицо британского бокса** в этом сезоне, как любительские, так и профессиональные ряды дергали за сердечные поклоны Амира в течение нескольких месяцев после Афинских игр, но это была финансовая приманка игры про, сопровождаемая жаждой преследовать мировые титулы, которая превратила детские карие глаза хана в новый вызов. Роуд-шоу Амир-хана было официально запущено, и революция будет транслироваться по телевидению.*

Метафора face of British boxing представляет собой словосочетание, которое выражено существительными и прилагательным.

Проведенный анализ физиологической метафоры позволяет говорить о том, что как разновидность метафоры «себя» эта метафора является достаточно распространенной в англоязычном спортивном дискурсе.

Социальная метафора имеет непосредственную связь с социальной жизнью людей, в том числе речь идет о выполняемых в социуме ролях, об отношениях, которые строятся между людьми на основе выполняемых ролей или обязательств, функций и т. д.

В статье Who will be king? Three-way battle for control rocks international chess, опубликованной The Guardian, встречается метафора king:

***Who will be king?** Three-way battle for control rocks international chess / **Кто будет королем?** Трехсторонняя борьба за контроль над международными шахматами.*

Король — титул монарха главы королевства. Обычно наследственный, но иногда выборный. В переносном значении некто важный, значимый, занимающий высокое положение (Энциклопедический словарь 1907).

Метафора king представлена одним словом — существительным.

В статье People were afraid of Russian hooligans but the Russian people have showed they are good hosts, опубликованной изданием The New York Times, встречается метафора host:

*People were afraid of Russian hooligans but the Russian people have showed they are **good hosts**. / Люди боялись русских хулиганов, но русский народ показал, что они **хорошие хозяева**.*

*In the space of six days, Russia has been unexpectedly transformed from **anxious hosts**, not quite sure of themselves, to the life and soul of this World Cup party. / За шесть дней российская сборная неожиданно преоб-*

*разилась из **нервной команды-хозяйки**, не вполне уверенной в себе, в жизнь и душу праздника на нынешнем ЧМ.*

Анализ социальной метафоры, фигурирующей в англоязычном спортивном дискурсе, позволяет говорить о том, что социальная метафора как разновидность метафоры «себя» чаще всего является простой. По своей структуре такая метафора может быть представлена одним словом, простыми словосочетаниями, сложными словосочетанием.

Морбиальная метафора также участвует в процессе метафоризации спортивного дискурса. М.Н. Сидельникова в своей статье «Морбиальная метафора как средство развенчивания либеральной идеологии в современном политическом дискурсе спортивных СМИ» пишет, что морбиальные метафоры «выступают средством создания особой дискурсивной реальности (креативная функция метафоры), в которой на первый план может выноситься как образ заблуждения в целом, так и, в частности, его источник, симптомокомплекс или лечение» [Сидельникова 2016, с. 155]

В статье For the World Cup, the Russian people are all in, win or lose, опубликованной в The Washington Post, встречается метафора In Russia, patriotism has reached fever pitch:

In Russia, patriotism has reached fever pitch. / Россию лихорадит от патриотизма.

В данном случае автор статьи проводит аналогию с лихорадкой, а точнее с физиологическими изменениями, которыми она влечет за собой.

В статье Russia's economy scores as World Cup fans splash out \$1.5bn, опубликованной в The financial times, встречается метафора a welcome shot in the arm:

*The event also gave its economy **a welcome shot in the arm**, the country's top bank said. / А еще это мероприятие стало для ее экономики **долгожданной целительной инъекцией**.*

В данном случае автор статьи хочет сказать, что чемпионат мира по футболу должен значительно улучшить положение России в экономическом плане.

Метафора a welcome shot in the arm представляет собой сложное словосочетание.

Анализ лингвистических средств выражения соматической метафоры в англоязычном спортивном дискурсе позволил установить, что метафора частей тела в англоязычном спортивном дискурсе представлена такими подвидами, как физиологическая метафора, морбиальная метафора и социальная метафора. При этом наиболее распространенной является физиологическая метафора.

В испаноязычном спортивном дискурсе вышеозначенные типы метафор — физиологическая и морбиальная — также являются достаточно распространенными вариантами модели «спорт — организм», участвующими в процессе метафоризации образа игрока, образа команды и спортивных событий в целом.

Физиологическая метафора

Ninguna competición tiene tanto músculo mediático como la Champions [Marca 26.05.2018] (Никакие

соревнования не обладают такой информационной силой, как Лига Чемпионов). Автор использует существительное *músculo* в сочетании с прилагательным *mediático* в целях эмфатического выделения медийной информационной значимости этого спортивного события, и, таким образом, делается акцент на огромном влиянии упомянутых соревнований на мировую общественность.

La Champions y Zidane eran de la mano desde hace más de dos décadas (Marca) — (Лига Чемпионов и Зидан идут рука об руку вот уже несколько десятилетий). В приведенном примере физиологическая метафора «идут рука об руку» намекает на важность спортсмена в Лиге Чемпионов, а также на то, что карьера этого спортсмена неразрывно связана с Лигой (La Champions), о чем говорится далее в статье.

El club blanco vuelve a dominar con una columna vertebral perfectamente definida: Sergio Ramos, Luka Modric... (Marca) — (Команда белых снова доминирует благодаря своему четко определенному костяку: Серхио Рамосу, Луке Модричу...).

Испанское словосочетание *columna vertebral* имеет значение «хребет, позвоночник», то есть имеется в виду, что эти спортсмены являются костяком команды, составляют ее основную часть. Использование этой метафоры в спортивном контексте помогает читателю осознать важную роль и огромную значимость вышеупомянутых игроков для данной футбольной команды.

Rubén Sabirino, por suparte, vivió la cara opuesta. — (Рубен Сабрино придерживался противоположного мнения) (Marca). Существительное *sara* (лицо) приобретает в этом примере значение мнения, суждения.

Genio y figura este argentino... ya está en boca de todos en España — (Гений и важная личность этот аргентинец... о котором уже говорит вся Испания) (Marca).

Следующий тип метафор — социальная метафора. В данном случае метафорический перенос осуществляется на основании роли или функции человека, которая им выполняется в определенном социуме. Спорт выступает как социум, членами которого являются спортсмены и болельщики, а социум представляется как организм. Вот несколько примеров.

В том же спортивном издании Marca можно найти статью под заголовком *La era de Cristiano (Marca)* (Эра Криштиану), в которой рассказывается о роли этого игрока в команде «Реал–Мадрид», о его достижениях и забитых мячах.

Еще одна метафора: *Cristiano es la historia (Marca)* (Криштиану — это история), характеризует мощь и величие этого спортсмена, его продолжительное первенство на протяжении нескольких десятилетий.

Социальная метафора может быть использована не только как характеристика личности спортсмена, но и образа команды в целом. В испанском спортивном дискурсе команда представляется как семья, как единое целое: *la familia meringue** (Marca) (семья команды «Реал–Мадрид», где существительное *meringue* означает «относящийся к футбольному

клубу «Реал–Мадрид»). Целью использования данной метафоры является характеристика футбольной команды как нечто единого, сплоченного, целостного, как элемента общества.

Морбиальная метафора

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в процессе метафоризации испаноязычного спортивного дискурса используются антропоморфные образы, то есть биологические характеристики человека, названия частей тела, свойств живого организма. Любой живой организм подвержен различным воздействиям извне, как негативным, так и позитивным. Одной из разновидностей негативных воздействий являются вирусы и болезни. Метафоры с семантическим компонентом «нездоровье», так называемые морбиальные метафоры, достаточно широко представлены в испаноязычном спортивном дискурсе.

Un equipo contagiado por el virus de fútbol (Marca) — под таким метафорическим заголовком написана одна из статей в спортивном издании As. Дословно эта фраза означает «команда, зараженная вирусом футбола». Игра рассматривается как некий вирус, который поражает организм команды, то есть вовлекает в игру всю команду. Получить дополнительную энергию и вдохновение для успешной игры можно с помощью уколов:

...inyectando las dosis justas de energía y ilusión a cada jugador (Marca) — (...сделав инъекцию полной дозы энергии и вдохновения каждому футболисту).

Говоря об ошибках и промахах команды, которые неизбежны в любом виде спорта, в примере *aquel tropiezo dolió, peronotanto (Marca)* (тот промах был болезненным, но несильно), с помощью глагола *doler* (болеть) передается состояние огорчения и досады, которое переживает команда после совершения ошибки или промаха. Но раны заживают и болезни излечиваются, что также находит свое отражение в спортивной метафорике: *...la lección está aprendida y la herida cicatrizada (Marca)* (...урок усвоен и рана зажила, зарубцевалась).

Следует отметить, что болезненному состоянию может подвергаться не только команда или спортсмен, но также и сам спорт как организм, который должен функционировать по правилам, а различные нарушения правил представляют собой патологию: *Los ataques son un cáncer que hay que erradicar (Marca)* — (Подтасовки — это раковая опухоль, которую надо вырезать).

В одном интервью спортивному журналу Marca вице-президент команды «Интер» Хавьер Жанетти, отвечая на вопрос журналиста о положении дел в команде, говорит: *Para eso nos hemos rodeado de personas que saben cuál es el ADN del Inter (Marca)* (Для этого (для развития команды. — Прим. авт.) мы окружили себя людьми, которые знают ДНК команды «Интер»). Данная метафора не имеет прямого отношения к болезням или вирусам, но содержит медицинский термин «ДНК». Молекула ДНК несет в себе основную информацию в виде генетического кода, поэтому, зная ДНК команды, можно работать над ее развитием.

Leo Franco trató de evitar el resultado más sangrante, escapar del 8-1 con el que el equipo aragonés se había ido del Camp Nou en su visita copera del diciembre de 2014 [15] — (Лео Франко попытался избежать самого разгромного результата, не допустить счета 8-1, с которым команда Арагона покинула стадион Camp Nou в борьбе за кубок в декабре 2014 года). Использование прилагательного *sangrante* (кровавый, кровотоочивый) дает понять читателю, насколько нежелательным является такой счет для футбольной команды.

La enorme distancia en el marcador.... rebajó las pulsaciones del encuentro (Marca) — (Огромный разрыв в счете... снизил накал встречи). Существительное во множественном числе *las pulsaciones* в переводе означает «удары пульса», и его употребление в данном контексте служит средством создания образа игры как живого функционирующего организма.

El descanso anestesió a los jugadores (Marca) — (Отдых помог игрокам). Глагол *anestesió* (обезболивать, анестезировать) определяет существительное *descanso* (отдых) как анестезию, избавление от боли, что дает читателю понять всю сложность игры. Очевидно, что спорт представлен как живой организм, и эта метафорическая модель является характерной чертой испанского спортивного дискурса.

Заключение

Как показывает проведенный анализ, соматическая метафора, фигурирующая в спортивном дискурсе английского и испанского языков, представлена такими подвидами, как физиологическая метафора, морбиальная и социальная метафора. Морбиальная метафора как средство осмысления действительности характерна как для английского, так и для испанского спортивного дискурса. Метафорические модели болезней и способов их лечения совпадают.

Что касается физиологической метафоры, то следует отметить, что хотя данный тип метафоры используется как в английском, так и в испанском варианте, но отличается объектами сравнения, т. е. тем, с какими частями тела совершается ассоциация. Если в английском спортивном дискурсе источником метафорических образов являются такие части тела, как голова и лицо (капитальные или капитально-фациальные метафоры), то в испанском варианте доминируют кости и мышцы (остеомускулярные метафоры).

Социальная метафора также имеет свои особенности в обоих типах дискурсов. Общей характеристикой является акцент на личности спортсмена, на его социальной роли лидера в спортивном социуме. В качестве отличия следует подчеркнуть, что в английском дискурсе речь идет главным образом о выполняемых в социуме ролях, об отношениях между людьми, в то время как в испанском спортивном дискурсе акцент делается на концепт «семьи», а именно команда — семья, одно целое, в то время как. Возможно, это объясняется тем фактом, что семейные ценности очень важны для любого испанца, ведь испанцы очень ценят

семейные отношения и часто собираются вместе с родственниками.

Физиологический аспект, здоровье и социальный статус являются характеристиками живого организма. Результаты данного исследования позволяют предположить, что, обладая всеми перечисленными свойствами, спорт функционирует как организм. Это дает основания для выделения метафорической модели «спорт — организм», в рамках которой можно говорить о том, что названия частей тела могут выступать источником метафор в спортивном дискурсе. Данное исследование может быть полезным для дальнейшего изучения соматической метафоры в рамках спортивного дискурса.

Источники фактического материала

Энциклопедический словарь 1907 — *Энциклопедический словарь* Брокгауза и Ефрона, 1907. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182>.

Marca — *Marca*. URL: <https://www.marca.com/en> (дата обращения: 26.03.2019).

Библиографический список

Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137. URL:

Вэньчун 2016 — *Вэньчун Л.* Устойчивые словесные комплексы в разных видах спортивного дискурса // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 115 (01). URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/05.pdf> (дата обращения: 26.03.2019).

Глазунова 2002 — *Глазунова О.И.* Логика метафорических преобразований. СПб.: Питер, 2002. 190 с. URL: <http://philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm>.

Зильберт 2001 — *Зильберт А.Б.* Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 19. С. 103–112. URL: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_19_09zilbert.pdf.

Комарова 2004 — *Комарова А.И.* Функциональная стилистика языка: Язык научного общества, язык для специальных целей (LSP). М.: УРСС, 2004.

Кудрин 2011 — *Кудрин С.А.* Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 20 с. URL: <https://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2011/kudrin.pdf>.

Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. URL: <http://philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm>.

Мангутова — *Мангутова В.Р.* Спортивный дискурс и его участники. URL: <http://www.acis.vis.ru> (дата обращения: 26.03.2019).

Маслова 2017 — *Маслова А.С.* Перевод военной метафоры в спортивном дискурсе (на материале английских СМИ) // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XIV междунар. студ. науч.-практ. конф. 2017. № 3 (14).

С. 30–39. URL: <https://sibac.info/studconf/science/xiv/68373>.

Панкратова 2005 – Панкратова О.А. Лингвосомиотические характеристики спортивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2005. 223 с. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/lingvosemioticheskie-harakteristiki-sportivnogo-diskursa.html>.

Скляревская 1993 – Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с. URL: <https://docplayer.ru/46627316-Metafora-v-sisteme-yazyka.html>.

Сидельникова 2016 – Сидельникова М.Н. Морбиальная метафора как средство развенчивания либеральной идеологии в современном политическом дискурсе спортивных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч. 2. С. 152–155. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/42.html>.

Чудинов 2008 – Чудинов А.П. Метафора как средство представления знаний // Межд. конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 143–144.

References

Arutyunova 1990 – Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. M.: Sov. Entsiklopediya, 1990, pp. 136–137. Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html> [in Russian].

Wenchong 2016 – Wenchong L. *Ustoichivye slovesnye komplekсы v raznykh vidakh sportivnogo diskursa* [Steady verbal complexes in different types of the sports discourse]. *Nauchnyi zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubSAU], 2016, no. 115(01). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/05.pdf> (accessed 26.03.2019) [in Russian].

Glazunova 2002 – Glazunova O.I. *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy* [Logic of metaphorical transformations]. SPb.: Piter, 2002, 190 p. Available at: <http://philology.ru/linguistics1/glazunova-00.htm> [in Russian].

Zilbert 2001 – Zilbert A.B. *Sportivnyi diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti)* [Sports Discourse: Intersection Points with Other Discourses (Intertextual Problems)]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. M., 2001, Issue 19, pp. 103–112. Available at: https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_19_09zilbert.pdf [in Russian].

Komarova 2004 – Komarova A.I. *Funktsional'naya stilistika yazyka: Yazyk nauchnogo obshchestva, yazyk dlya spetsial'nykh tselei (LSP)* [Functional Stylistics of the Language: Language of Scientific Society, Language for Specific Purposes (LSP)]. M.: URSS, 2004 [in Russian].

Kudrin 2011 – Kudrin S.A. *Bazovye metafory sportivnogo diskursa kak tekstoporozhdayushchie modeli: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Basic sports discourse metaphors as text-generating models: author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.19]. M., 2011, 20 p. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2011/kudrin.pdf> [in Russian].

Lakoff, Johnson 2004 – Lakoff G., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. M., 2004. Available at: <http://philology.ru/linguistics1/lakoff-johnson-90.htm> [in Russian].

Mangutova – Mangutova V.R. *Sportivnyi diskurs i ego uchastniki* [Sports Discourse and Its Participants]. Available at: <http://www.acis.vis.ru> (accessed 26.03.2019) [in Russian].

Maslova 2017 – Maslova A.S. *Perevod voennoi metafory v sportivnom diskurse (na materiale angliiskikh SMI)* [Translation of military metaphor in sports discourse (on the material of the British media)]. In: *Nauchnoe soobshchestvo studentov: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. st. po mat. XIV mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* [Scientific community of students: Interdisciplinary research: collection of articles according to the materials of the XIV International student research and practical conference], 2017, no. 3 (14), pp. 30–39. Available at: <https://sibac.info/studconf/science/xiv/68373> [in Russian].

Pankratova 2005 – Pankratova O.A. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki sportivnogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Linguo-semiotic characteristics of sports discourse: Candidate's of Philological Sciences thesis: 10.02.19]. Volgograd, 2005, 223 p. Available at: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/lingvosemioticheskie-harakteristiki-sportivnogo-diskursa.html> [in Russian].

Sklyarevskaya 1993 – Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. SPb.: Nauka, 1993, 150 p. Available at: <https://docplayer.ru/46627316-Metafora-v-sisteme-yazyka.html> [in Russian].

Sidel'nikova 2016 – Sidel'nikova M.N. *Morbial'naya metafora kak sredstvo razvenchivaniya liberal'noi ideologii v sovremennom politicheskom diskurse sportivnykh SMI* [Morbial metaphor as a means of liberal ideology discrediting in the contemporary political discourse of the Russian mass-media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (vkhodit v perechen' VAK)* [Filological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov: Gramota, 2016, no. 6, Part 2, pp. 152–155. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/42.html> [in Russian].

Chudinov 2008 – Chudinov A.P. *Metafora kak sredstvo predstavleniya znaniy* [Metaphor as a means of representing knowledge]. In: *Mezhd. kongress po kognitivnoi lingvistike: Sb. mat-lov* [International congress on cognitive linguistics: Collection of materials]. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina, 2008, pp. 143–144 [in Russian].

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-153-156
УДК 947.084.2

Дата поступления статьи: 25/III/2019
Дата принятия статьи: 28/IV/2019

Е.П. Баринаева, М.М. Леонов

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: МИСТРЮГОВ П.А. «МЕСТНЫЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ» (САМАРА: САМНЦ РАН, 2018. 300 с.)

© Баринаева Екатерина Петровна — доктор исторических наук, профессор, кафедра институциональной экономики и экономической истории, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: rfuz25@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, **Researcher ID:** J-1269-2017

© Леонов Михаил Михайлович — доктор исторических наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: mmleonov@gmail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1235-0094>

АННОТАЦИЯ

Рецензия на монографию молодого автора П.А. Мистрюгова, посвященную недостаточно изученной на региональном уровне проблеме формирования местных чрезвычайных органов в годы Гражданской войны, предлагает критический взгляд на представленное исследование, предполагающий всесторонний анализ книги и используемого материала.

Сравнительно-сопоставительный анализ нормативно-правовой документации, принятой на центральном, губернском и ведомственном уровне, позволил автору показать эволюцию организации и деятельности чрезвычайных органов советской власти в Самарской губернии. К числу достоинств работы следует отнести анализ статистических сводок и отчетов о структуре и динамике правонарушений, судебных мер наказаний, движении дел в ревтрибунале, а также алфавитных реестров обвиняемых. На их основе выявлена иерархия судебных наказаний, а также показаны принципы советского судопроизводства. П.А. Мистрюгов использует при анализе деятельности чрезвычайных органов статистические материалы.

Высоко и позитивно оценивая проделанную П.А. Мистрюговым работу, авторы рецензии отмечают, что, к сожалению, за пределами авторского внимания остался такой важный вопрос, как формы восприятия населением мероприятий чрезвычайных органов власти. Протестное движение также представлено в монографии достаточно схематично. Было бы интересно проследить реакцию жителей Самарской губернии на деятельность чрезвычайных структур, тем более что, характеризуя источниковую базу, автор заявляет об использовании эго-документов, а в качестве задач позиционирует воссоздание облика участников революционных событий.

Ключевые слова: местные чрезвычайные органы, большевики, Гражданская война, П.А. Мистрюгов, законодательные, делопроизводственные, статистические, эгодокументы.

Цитирование. Баринаева Е.П., Леонов М.М. Рецензия на книгу: Мистрюгов П.А. «Местные чрезвычайные структуры советской власти в годы Гражданской войны» (Самара: СамНЦ РАН, 2018. 300 с.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 153–156. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-153-156>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-153-156
UDC 947.084.2

Submitted: 25/III/2019
Accepted: 28/IV/2019

E.P. Barinova, M.M. Leonov

REVIEW ON THE MONOGRAPH: MISTRYUGOV P.A. LOCAL «EXTREME STRUCTURES OF THE SOVIET POWER IN THE YEARS OF THE CIVIL WAR»

(SAMARA: SAMNTS RAN, 2018. 300 P.)

© Barinova Ekaterina Petrovna — Doctor of Historical Sciences, professor, professor of Department of Institutional Economy and Economic History, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoy Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

E-mail: rfz25@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, Researcher ID: J-1269-2017

© Leonov Mikhail Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, associate professor, head of Social and Humanitarian Institute, head of the Department of National History and Historiography, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: mmleonov@gmail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1235-0094>

ABSTRACT

Review of the monograph by young author P.A. Mistryugova, devoted to the problem of the formation of local emergency bodies during the years of the Civil War, which was insufficiently studied at the regional level, offers a critical look at the presented research, which involves a comprehensive analysis of the book and the material used.

Highly and positively assessing the work done by P.A. Mistryugov work, we note that, unfortunately, outside the author's attention remained such an important issue as the form of public perception of the activities of emergency authorities. The protest movement is also represented in the monograph quite schematically. It would be interesting to trace the reaction of the inhabitants of the Samara province to the activities of emergency structures, especially since, characterizing the source base, the author declares the use of ego-documents, and positions as a task the recreation of the appearance of participants in revolutionary events.

Key words: local emergency bodies, the Bolsheviks, Civil War, P.A. Mistryugov, legislative, office-work, statistical, ego-documents.

Citation. Barinova E.P., Leonov M.M. *Retsenziya na knigu: Mistryugov P.A. «Mestnye chrezvychainnye struktury sovetskoi vlasti v gody Grazhdanskoi voyny» (Samara: SamNTs RAN, 2018. 300 s.)* [Review on the monograph: Mistryugov P.A. «Local extreme structures of the Soviet power in the years of the Civil War» (Samara: SamNTs RAN, 2018. 300 p.)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 153–156. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-153-156> [in Russian].

Монографическое исследование молодого самарского историка П.А. Мистрюгова, подготовленное при поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант МК 6759.2018.6), продолжает цикл статей автора и посвящено недостаточно изученной на региональном уровне проблеме формирования местных чрезвычайных органов в годы Гражданской войны. В нем подробно рассматривается эта сложнейшая задача советской власти, которая напрямую связана с проводимой большевиками политической «военной коммунизма». Решение мобилизационных и реквизиционных задач требовало создания параллельных и межведомственных органов чрезвычайных структур советской власти. Как известно, советские историки многие десятилетия изучали историю ВЧК. В 1920-х — 1980-х гг. были исследованы особенности формирования ВЧК, нормативно-правовое оформление ее функций и компетенций, взаимодействие с другими правоохранительными структурами и основные направления ее деятельности. После распада СССР в изучении проблемы стали формироваться разные, порой противоположные оценки, что стало важным призна-

ком пересмотра концептуальных построений, доминировавших в советское время. Для современной российской историографии характерны демифологизация деятельности ВЧК, расширение документальной основы проводимых исследований, что позволило исследователям по-новому оценить роль чрезвычайных структур в обеспечении функционирования партийно-политической системы советской власти.

В историографическом обзоре автор рецензируемой монографии подчеркивает многообразие и противоречивость оценок, представленных в российской и зарубежной исторической науке. И вместе тем П.А. Мистрюгов, оценивая научные труды своих предшественников, привлекает внимание читателей к малоизученным и дискуссионным проблемам, таким как способы и методы воздействия личного состава ревтрибуналов на репрессивную деятельность, практика чрезвычайного судебного производства, служебная повседневность сотрудников ревтрибуналов. Отметим интерес П.А. Мистрюгова к проблемам методологии исследуемой темы. Он правомерно считает целесообразным при

ее изучении использовать различные подходы и исследовательские методы. Он ведет изучение различных аспектов темы на междисциплинарном уровне и кроме исторических методов использует концепции политической юстиции и социально-политического контроля, философии права, социальной психологии.

П.А. Мистрюгов выявил и проанализировал громадный комплекс законодательных, делопроизводственных, статистических, эго-документов. Многие архивные материалы были засекречены и впервые вводятся автором монографии в научный оборот. Особое внимание автор уделит изучению следственно-судебных материалов Самарского губревтрибунала и его выездных сессий. Использована также следственно-оперативная документация местных органов ВЧК, приказы и постановления ревкомов и военных структур, комиссий по борьбе с дезертирством. Анализ этого документального массива содержит громадный объем исторической информации, которую П.А. Мистрюгов использовал для реконструкции советского судопроизводства в годы Гражданской войны. Одновременно он обращает внимание на мотивацию и формы внесудебной и административной деятельности по борьбе чрезвычайных органов с антисоветскими социально-политическими правонарушениями.

Сравнительно-сопоставительный анализ нормативно-правовой документации, принятой на центральном, губернском и ведомственном уровне, позволил автору показать эволюцию организации и деятельности чрезвычайных органов советской власти в Самарской губернии. К числу достоинств работы следует отнести анализ статистических сводок и отчетов о структуре и динамике правонарушений, судебных мер наказаний, движении дел в ревтрибунале, а также алфавитных реестров обвиняемых. На их основе выявлена иерархия судебных наказаний, а также показаны принципы советского судопроизводства. П.А. Мистрюгов использует при анализе деятельности чрезвычайных органов статистические материалы. Кроме того, им опубликован дополнительный статистический материал в «Приложении» (с. 295–298), что существенно расширяет представления о деятельности революционных трибуналов в годы Гражданской войны в Самарской губернии.

Значительное место в монографии уделено анализу процесса организации судебной власти и чрезвычайных органов в Самарской губернии. Он также раскрывает причины и ход последовавших затем реорганизационных мероприятий. При этом П.А. Мистрюгов приводит сравнительные данные с ходом судебного строительства в других регионах. Он приходит к вполне обоснованному выводу, что специфика их деятельности была обусловлена военно-политическим противостоянием советской власти и КОМУЧа, массовым крестьянским движением, широким распространением дезертирства, что в конечном счете предопределило организационную перестройку чрезвычайных властных структур и обусловило наделение ревтрибуналов дополнительными функциями. В монографии по-

казана динамика кадрового состава и выявлены факторы, воздействовавшие на его изменения в 1919–1922 гг. Тем самым автор проиллюстрировал сложности строительства чрезвычайных органов на местах. Рассматривая принципы кадрового комплектования ревтрибуналов, социальный, профессиональный, возрастной и количественный состав, П.А. Мистрюгов подчеркивает преобладание в их составе большевиков, а также молодежи.

Центральной темой в монографии является процесс создания и реорганизации местных подразделений ВЧК, в развитии которых автор выделяет три этапа. Поначалу в условиях противостояния между советской властью и КОМУЧем губернская чрезвычайная комиссия функционировала как фронтовая ЧК при штабе 4-й армии Восточного фронта. В дальнейшем ее развитие определялось рецепциями центральных законоположений на местном уровне, устанавливающих внутреннюю и внешнюю структуру, права и полномочия подразделений ВЧК. На втором этапе формирования ЧК в июне 1919 – феврале 1920 г. усложнялись функции и расширялись полномочия ЧК, а на третьем этапе, продлившемся до 1922 г., усиливалась координация деятельности всех подразделений. П.А. Мистрюгов устанавливает характер реализации следственно-оперативных, агентурных прав и полномочий, которыми были наделены местные структуры ВЧК, прослеживает их зависимость от социально-экономических и политических реалий того времени. П.А. Мистрюгов оценивает принципы комплектования местных структур ВЧК, проблемы, возникающие при формировании штатов, меры, предпринимаемые центральным руководством для обеспечения стабильности кадрового потенциала ЧК. Он убедительно доказывает, что проблемы, возникающие при реализации инструкций центральной власти по организации судопроизводства и содержания осужденных, были связаны с низкой квалификацией кадров чрезвычайных органов и принципами их подбора.

Органично вписан в монографию дискурс о деятельности местных чрезвычайных структур. Автором выявлены меры, предпринимаемые советской властью для поддержки боеспособности воинских подразделений Красной армии. Приведены данные о борьбе с дезертирством и уголовными преступлениями, поддержании мер общественного порядка, а также реализации фискально-реквизиционных мероприятий и подавлении крестьянских выступлений. Местные чрезвычайные структуры в 1918–1920 гг. показаны как основные элементы формировавшейся системы государственного управления мобилизационного типа. Выявив основные направления и методы деятельности местных подразделений ВЧК, вписав их в широкий общероссийский контекст и предложив их оригинальное соотношение, П.А. Мистрюгов определяет протестный характер общественной реакции на деятельность чрезвычайных структур, отмечает, что она вызвала жесткие меры чрезвычайных структур, направленные на подавление антисоветских настроений. Анализируя динамику и количество де-

зertifировавших в 1919–1922 гг., автор монографии отмечает разнообразие применяемых мер борьбы с ним — это как административные и судебные, так и военно-карательные меры. П.А. Мистрюгов акцентирует внимание читателя на значении ВЧК и ревтрибуналов в преодолении уголовных преступлений, среди которых лидирующими были «самогонование, распитие, пьянство и торговля спиртосодержащими напитками» (с. 189). Он констатирует, что в число должностных преступлений входили «незаконные аресты», «реквизиции», «превышение власти» и «взяточничество». Но за них, с сожалением констатирует автор, полагались относительно мягкие наказания (с. 191).

П.А. Мистрюгов анализирует ход реквизиций и конфискации продовольствия, что, несомненно, наталкивалось на различные по форме протестные действия населения. В монографии говорится о том, что для подавления повстанческого движения партийные и советские органы создавали временные военизированные структуры, в условиях роста кризисных явлений принципы судопроизводства по делам «продовольственников» были ускоренными, часто практиковались выездные сессии. Объем должностных и уголовных правонарушений также увеличивался. Судебные и внесудебные меры наказания отличались высоким удельным весом приговоренных к высшей мере наказания. Анализируя реакции населения на реквизиционную политику чрезвычайных органов, П.А. Мистрюгов выделяет типичные формы крестьянских выступлений, доказывая закономерность протестных действий.

Отметим, что в монографии говорится и о степени эффективности деятельности чрезвычайных структур советской власти. Характеризуя уровень исполнения ими следственно-судебных полномочий, П.А. Мистрюгов приходит к вполне обоснованному выводу, что они являлись ведущими и постоянными элементами формировавшейся системы государственного управления мобилизационного типа.

Но, оценивая позитивно проделанную П.А. Мистрюговым работу, отметим, что, к сожалению, за пределами авторского внимания остался такой важный вопрос, как формы восприятия населением мероприятий чрезвычайных органов власти. Протестное движение также представлено в монографии достаточно схематично. Было бы интересно проследить реакцию жителей Самарской губернии на деятельность чрезвычайных структур, тем более что, характеризуя источниковую базу, автор заявляет об использовании эго-документов, а в качестве задач позиционирует воссоздание облика участников революционных событий. Несомненно, монография только бы выиграла, если бы автор представил портретную галерею руководителей и сотрудников ВЧК и ревтрибуналов, тем более достаточно широкая источниковая база позволяет это сделать. Вместе с тем мы полагаем, что монография П.А. Мистрюгова по существу открывает новый вектор в изучении одной из самых сложных и противоречивых страниц отечественной истории.

А.А. Харьковская

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ЕЛЕНА ОЛЕГОВНЫ МЕНДЖЕРИЦКОЙ
«ДИСКУРСОСФЕРА ПЕЧАТНЫХ СМИ: ИГРА НА ВЫЖИВАНИЕ»
(М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАКС ПРЕСС», 2017. 312 С.)**

© Харьковская Антонина Александровна – кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: aax2009@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-0828>

АННОТАЦИЯ

Рецензия посвящена анализу актуальной монографии Е.О. Менджерицкой, посвященной описанию комплекса дискурсообразующих факторов, дискурсивных маркеров в совокупности с жанровыми, национально-культурными и типологическими особенностями печатного англоязычного масс-медийного пространства, которое наряду с общепринятыми в научном лингвистическом сообществе образцами публицистической коммуникации включает примеры анализа таблоидов и популярных глянцевого изданий.

В монографии тщательный подход к анализу большого по объему и четко структурированного в жанровом отношении фактического материала печатных англоязычных публикаций обеспечивается серьезной теоретической базой (библиографический список включает 454 названия работ отечественных и зарубежных авторов, которые специализируются в области научного осмысления масс-медийных технологий, а также привлечением различающихся по тематике газетных материалов, отражающих динамику и трансформации национально-культурного бытия современного англоязычного социума.

Именно научная интерпретация явлений и фактов современной действительности, подкрепленная тщательно подобранными лингвистическими иллюстрациями, размещенными в Приложениях, а также интересными авторскими комментариями и наблюдениями, обеспечивают рецензируемой работе Е.О. Менджерицкой статус серьезного монографического исследования в области изучения современных англоязычных масс-медийных продуктов, которое может найти применение как в обсуждении дискуссионных аспектов печатных информационных материалов, так и в практике обучения основам масс-медийной коммуникации на современном этапе развития английского языка.

Ключевые слова: англоязычные масс-медийные продукты, коммуникация, печатные информационные материалы, дискурсосфера, Е.О. Менджерицкая, печатные СМИ, медиалингвистика.

Цитирование. Харьковская А.А. Рецензия на монографию Елены Олеговны Менджерицкой «Дискурсосфера печатных СМИ: игра на выживание» (М.: Издательство «МАКС Пресс», 2017. 312 с.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 157–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-157-159>.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-157-159
UDC 81

Submitted: 25/III/2019
Accepted: 28/IV/2019

A.A. Kharkovskaya

**REVIEW OF THE MONOGRAPH BY ELENA OLEGOVNA MENDZHERITSKAYA
«DISCOURSE-SPHERE OF PRINT MEDIA: SURVIVAL GAME»
(M.: IZDATEL'STVO «MAKS PRESS», 2017. 312 P.)**

© Kharkovskaya Antonina Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: aax2009@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6532-0828>

ABSTRACT

The review is devoted to the analysis of the present monograph by E.O. Mendzheritskaya dealing with the description of both discourse formation factors and discursive markers correlating with the genre, national-cultural and typological features of the English-language printed mass-media which includes the commonly accepted examples of journalistic communication accompanied by tabloids and popular glossy publications analysis.

A thorough approach to the analysis of factual material that is large in size and appropriately structured in relation to genre is provided in the monograph. Moreover this analysis is based on solid theoretical issues (the bibliographic list includes 454 book titles by Russian and foreign authors specializing in the scientific interpretation of mass media technologies on the one hand, and analysis of authentic newspaper materials covering a wide range of different topics about dynamics and transformations of the national cultural life of the modern English and American society. It is a valid scientific interpretation of modern phenomena and facts supported by carefully selected linguistic illustrations placed in the Appendices together with very interesting author's comments that provide the peer-reviewed work by E.O. Mendzheritskaya a status of a serious monographic research project devoted to modern English mass-media products studies. In view of the above said it's only fair to mention that the monograph by E.O. Mendzheritskaya can be applied both in discussing the printed products debatable issues and in teaching the basics of mass-media communication in the epoch of globalization.

Key words: English-language mass-media products, communication, printed information materials, discourse-sphere, print media, medialogistics.

Citation. Kharkovskaya A.A. *Retsenziya na monografiyu Eleny Olegovny Mendzheritskoi «Diskursosfera pchatnykh SMI: igra na vyzhivanie» (M.: Izdatel'stvo «MAKS Press», 2017, 312 p.)* [Review of the monograph by Elena Olegovna Mendzheritskaya «Discourse-sphere of print media: Survival Game» (M.: Izdatel'stvo «MAKS Press», 2017. 312 p.)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 157–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-157-159> [in Russian].

Современная англоязычная медиалингвистика отличается разнообразием подходов к научному осмыслению печатной продукции, что можно объяснить прежде всего изменениями исторической траектории развития англоязычных печатных СМИ в условиях глобализации, когда объективное расширение англоязычного коммуникативного пространства за счет «англизации» масс-медийных каналов сопровождается обновлением методологической исследовательской парадигмы с ее концептуально важным терминологическим инструментарием, отвечающим вызовам современности. Возрастающая в условиях глобализации конкуренция печатных версий массовых изданий с «виртуальными соперниками» также служит объективным стимулом к изучению трансформаций в сфере англоязычных масс-медийных изданий в терминах дискурсологии, что подчеркивает актуальность монографии Е.О. Менджеритской «Дискурсофера печатных СМИ: игра на выживание», посвященной описанию комплекса дискурсообразующих факторов, дискурсивных маркеров в совокупности с жанро-

выми, национально-культурными и типологическими особенностями печатного англоязычного масс-медийного пространства, которое наряду с общепринятыми в научном лингвистическом сообществе образцами публицистической коммуникации (Глава 3 «Дискурсофера англоязычной качественной прессы») включает примеры анализа таблоидов» (Глава 4 «Дискурсофера англоязычных таблоидов») и популярных глянцевого издания (Глава 5 «Дискурсофера англоязычного глянцевого издания»). Следует отметить, что тщательный подход к анализу большого по объему и четко структурированного в жанровом отношении фактического материала печатных англоязычных публикаций обеспечивается серьезной теоретической базой (библиографический список включает 454 названия работ отечественных и зарубежных авторов, которые специализируются в области научного осмысления масс-медийных технологий – причем практически половина этих работ издана после 2000 г.), а также привлечением различающихся по тематике газетных материалов, отражающих динамику и транс-

формации национально-культурного бытия современного англоязычного социума.

Достоверным ориентиром в многоликом пространстве дискурссферы англоязычного публицистического текста, текстов качественной и популярной прессы служит авторское композиционное решение глав и разделов рецензируемой монографии, которым предусмотрено сочетание концептуально важных для понимания сути дискурссферы теоретических сведений с практическим описанием наиболее показательных в лингвистическом отношении фрагментов из англоязычных газет и журналов нашего времени. Несомненной удачей автора являются предварительные комментарии в формате вводных замечаний к практически ориентированным главам, поскольку они в краткой и доступной форме способствуют оперативной адаптации читателя к проблемным аспектам конкретных вопросов типологизации и категоризации дискурсивных маркеров анализируемых материалов (с. 116–119; 179–182; 232–234). Обращает на себя внимание и способность автора исключительно четко и убедительно обобщать принципиально важные теоретические посылки и системно организованные критерии разработанной ею классификации англоязычных масс-медийных публикаций, что дает исчерпывающее представление о национально-культурных и речевых особенностях современной англоязычной печатной масс-медийной коммуникации, с одной стороны, а с другой — свидетельствует о высоком уровне научной зрелости Е.О. Менджерицкой, свободно владеющей не только терминологическим аппаратом современной науки о языке, но и умением в доступной форме объяснить сложные трансформации в сфере дискурсивной организации англоязычной печатной продукции в эпоху глобализации. Следует подчеркнуть, что наряду с характеристиками вербальных маркеров дискурссферы значительное внимание в монографии Е.О. Менджерицкой уделяется подробному и нетривиальному описанию и толкованию паравербальных маркеров, задействованных в масс-медийной коммуникации на примере как качественной, так и популярной прессы. Последовательная систематизация перераспределений наборов маркеров акцентуации информации в границах качественной и популярной прессы на примере различных

по содержанию изданий (The Economist, The Times, The Sun, Dail Mail, Daily Express, Cosmopolitan, Vogue, GQ (Gentlemen's Quarterly) и др.) позволила автору убедительно сформулировать критерии достоверной корреляции когнитивных процессов, доминирующих в современном англоязычном социуме, с реальной языковой картиной национально-культурных приоритетов современного англоязычного мира в эпоху глобализации, отличающейся стабильной сменой социальных преобразований и трансформаций, требующих своего научного осмысления. Именно научная интерпретация явлений и фактов современной действительности, подкрепленная тщательно подобранными лингвистическими иллюстрациями, размещенными в Приложениях, а также интересными авторскими комментариями и наблюдениями, обеспечивают рецензируемой работе Е.О. Менджерицкой статус серьезного монографического исследования в области изучения современных англоязычных масс-медийных продуктов, которое может найти применение как в обсуждении дискуссионных аспектов печатных информационных материалов, так и в практике обучения основам масс-медийной коммуникации на современном этапе развития английского языка.

В качестве пожелания представляется возможным предложить автору продолжить работу с информационными материалами англоязычного коммуникационного ареала с привлечением газетных и журнальных материалов, отражающих специфику национально-культурных особенностей массовой коммуникации в сфере делового и профессионально ориентированного общения.

В заключение хотелось бы поблагодарить автора Е.О. Менджерицкую за своевременно подготовленную монографию по проблематике англоязычной печатной масс-медийной коммуникации, которая, с одной стороны, востребована в современном англоязычном сообществе, а с другой — требует постоянного внимания исследователей и практиков обучения английскому языку в связи с вызовами эпохи глобализации, когда английский язык на правах лидера современного языкового сообщества активно участвует в конкурентном соревновании с испаноязычными и китайскими издательствами в сфере масс-медийной коммуникации.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в выпусках серий журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название — «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала — 4 выпуска в год.

В журнале публикуются статьи по отраслям «Филологические науки», «Исторические науки», «Педагогические науки», а также рецензии на монографии и другую научную литературу.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 8–25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту после основного текста. Допускается не более 30–40 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный — 14, крупный индекс — 9, мелкий индекс — 7, крупный символ — 20, мелкий символ — 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.